

ISSN 0042—8779

ИВЛ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

8/95

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

8/95

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК
ВКП(б) 1937 года 3

СТАТЬИ

В. С. Измозик — Перлюстрация в первые годы со-
ветской власти 26

М. В. Шкаровский — Русская православная цер-
ковь в 1943—1957 годах 36

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Ю. Н. Розалиев — Мустафа Кемаль Ататюрк 57

ВОСПОМИНАНИЯ

В. К. Иков — Листопад. (Вступительная статья
Н. В. Ширяевой) 78

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал А. И. Деникин — Очерки русской смуты 109

Выходит
с 1926 года

ТОО
РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
МОСКВА

СООБЩЕНИЯ

- Н. Н. Болховитинов** — Отклики в США на отмену крепостного права в России 126
- М. Дж. Уимет** — СССР и Япония после второй мировой войны 133

НАУЧНЫЕ ЗАМЕТКИ

- А. В. Горовенко** — Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году 142
- А. И. Ульянов** — Новые факты о родителях и детстве Г. К. Жукова 148

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- Г. М. Романова** — Бородинское поле в октябре 1941 года. 152
- И. В. Максимова** — Юнона. 155

ИСТОРИОГРАФИЯ

- В. П. Булдаков** — «Первая монография». 158
- М. Е. Ерин** — Культура эпохи сталинизма: советская культура и искусство периода 1930—1950-х годов. 160
- А. Е. Черняк** — С. Ю. Дудаков. История одного мифа: Очерки русской литературы XIX—XX вв. 162
- Р. А. Симонов** — А. П. Богданов. Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени». 163
- Д. М. Володихин** — А. Ю. Дворниченко. Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.) 165
- Л. Н. Пушкарев** — Европейская история менталитета 167
- Г. И. Чернявский** — Л. Огнянов. Государственно-политическая система в Болгарии. 1944—1948 гг. 169

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В. П. Крикунов** — Расширять исследования по истории отечественного источниковедения 172
- М. Н. Матвеев** — Земства Самарской губернии и выборы в Учредительное собрание 173

Материалы февральско-мартовского пленума ЦК ВКП(б) 1937 года

5 марта 1937 года. Утреннее заседание

Жданов (председательствующий). Заседание пленума объявляют открытым. Слово в порядке прений имеет т. Андреев, следующий — т. Разумов.

Андреев. Товарищи, я взял слово, главным образом, для того, чтобы остановиться на том очень важном уроке, который проистекает из того, что имело место в Азово-Черноморском крае. Как это не неприятно т. Шеболдаеву, но придется к этой теме вернуться. Ничего не поделаешь. Другого выхода нет. Я не хочу тут ни в какой мере т. Шеболдаева вдогонку тревожить, он свое получил от актива, получил и от Центрального Комитета. И я думаю, ему хватит этого для того, чтобы извлечь необходимые уроки.

Я, товарищи, хотел остановиться на этом вопросе потому, что то, что произошло в Азово-Черноморском крае, это является самым ярким подтверждением абсолютной правильности всех тех положений, которые тут излагал т. Сталин в своем докладе и в своем проекте решения пленума. Об этом необходимо сказать потому, что этот факт имеет общепартийное значение. Это не локальное значение имеет, а общепартийное. И те уроки, которые вытекают из Азово-Черноморского дела, они являются уроками для всех наших партийных организаций. Я хотел остановиться на этом вопросе потому, что именно на этом крупном факте, как Азово-Черноморское дело, легче всего нам рассмотреть, какие ошибки партийные руководители допускают и какими методами, способами троцкисты, наши враги, заползают в партийный аппарат.

Особенно я убедился в необходимости на этом остановиться после выступлений тт. Шеболдаева и Евдокимова. Я считаю, что они не раскрыли всего того, что нужно раскрыть. Тов. Шеболдаев, может быть, потому, что ему трудно об этом говорить, а т. Евдокимов, видимо, из некоторой скромности. А я хотел рассказать вам это как следует быть.

Дело в том, товарищи, что то, что записано в решении ЦК по Азово-Черноморскому краю,— это отнюдь не обнимает всей суммы работы троцкистов, которая имела место в Азово-Черноморском крае. То, что вскрылось, когда мне пришлось поехать для разъяснения решения ЦК, то, что вскрылось на пленуме крайкома и на активе ростовском с участием актива Таганрога, Шахт, Краснодара и других городов, то, что там

вскрылось, показывает, что дело обстояло значительно хуже. Окружение троцкистами партийного руководства Азово-Черноморского края было значительно гуще, чем мы себе представляли, когда принимали решение по Азово-Черноморскому краю.

Вот вам основные факты. 5 членов бюро крайкома оказались троцкистами, арестованными. 27 членов крайкома оказались троцкистами, арестованными. Вот вам факты. Все секретарские посты в городах были заняты троцкистами. (Калинин. Больших городах.) Я имею в виду Ростов, Таганрог, Шахты, Краснодар, Новочеркасск, Новороссийск, Сочи. Во всех этих городах, как правило, первые и вторые секретари оказались троцкистами. Вот в Ростове — Колотилин, первый секретарь, и второй секретарь — троцкисты, в Таганроге — Варданян, в Шахтах — Любарский, Сагоян — троцкисты. Краснодар — Рывкин — троцкист, Буров — троцкист. Новочеркасск — Шейнин — троцкист, Сочи — Лapidус — троцкист, Новороссийск — Ваньян — троцкист. Вот вам основные города. Было такое же положение в крупных станицах и поселках. Основные города возглавлялись троцкистами. Наиболее крупные райкомы в г. Ростове возглавлялись троцкистами секретарями. Так, например, талинский райком, ленинский райком, возглавлялись троцкистами секретарями. То же самое и в Таганроге, ряд секретарей райкомов города были троцкистами. Вот как дело обстояло с проникновением троцкистов в партийный аппарат.

Не лучше, если не хуже, дело обстоит также с проникновением троцкистов на советские посты. В Ростове руководство горсоветов находилось в руках троцкистов — председатель и его заместитель. В Таганроге — то же самое. То же самое было в Новороссийске, Новочеркасске, Сочи, где руководство советской работой было троцкистское — вот вам второй факт. Третий факт. Основные отделы, значительная часть отделов крайисполкома возглавлялась троцкистами. Во главе местной промышленности сидел троцкист. Во главе коммунального хозяйства сидел троцкист. Во главе внутренней торговли сидел троцкист. Во главе КрайЗУ сидел троцкист. Есть данные о том, что еще мы будем иметь целый ряд доказательств о том, что почти везде сидели троцкисты. Вот вам третий факт. Четвертый факт. Руководство комсомолом находилось в руках троцкистов. Первый секретарь крайкома комсомола оказался троцкистом, плюс к этому ряд секретарей райкомов комсомола, главным образом, городских, также были троцкистами.

Троцкистами оказались директора двух крупнейших самых основных предприятий, даже не двух, а трех. В таганрогском металлургическом заводе — Колесников, в «Сельмаше» — Глебов-Авилев и в управлении «Шахтаантрацит» — Непомнящий. Вот вам — в управлении и в основных предприятиях во главе стояли троцкисты. Начальник политотдела дороги оказался тоже троцкистом, член бюро Аматуниин. И, наконец, первый помощник секретаря крайкома тоже оказался троцкист. Я, товарищи, привожу отнюдь не полный список, я беру лишь основное.

Спрашивается, что же оставалось у крайкома после этого, если троцкисты занимали основные посты партийной, хозяйственной и советской работы? Что оставалось у крайкома? Я думаю, что теперь надо прямо сказать, то, что руководители крайкома оказались в плену у троцкистов, в полном окружении. Это, товарищи, не является ни в какой мере преувеличением, это соответствует целиком действительности. Так обстоит дело.

Спрашивается, может быть, это какая напасть в Азово-Черноморском крайкоме, может быть, крайкому было трудно разоблачить? Мог ли избежать крайком такого позорного положения? Да, мог, если бы он прислушивался к тем предупреждениям и сигналам, которые, во-первых, шли со стороны ЦК. Целый ряд постановлений ЦК было не только общих для всех партийных организаций, которые перечислял т. Сталин, но специально особых, конкретных для Азово-Черноморского края. Несколько постановлений было принято в связи с проверкой и обменом партдокументов специально по городской работе. Однако крайком ограничился только принятием этого дела к сведению, а отнюдь не к исполнению, и не учел, не

использовал тех предупреждений, которые давал ему ЦК и что ему давали возможность раньше, значительно раньше выправить это положение и избежать этого позорного положения.

Во-вторых, у крайкома было немало сигналов несмотря на то, что там самокритика была очень ограниченная. Но даже при такой ограниченной самокритике у крайкома было достаточное количество сигналов, идущих изнутри партийной организации, и использование этих сигналов могло бы крайкомом обезопасить от такого позорного положения.

Я должен сказать, товарищи, что, помимо известных постановлений ЦК, т. Сталин лично говорил с т. Шеболдаевым, что плохо дело обстоит в Таганроге, что там оказался Варданян троцкистом, и целый ряд других указаний. Однако все это пошло не впрок. Все это принималось к сведению, но отнюдь не к исполнению.

Так ли на самом деле обстояло, что враги так уж тонко работали, что не за что было зацепиться? Так ли дело обстояло? Нет, не так, товарищи. Хотя они очень хитро, очень ловко вели свою работу, однако, у крайкома имелось довольно много случаев зацепиться и разоблачить работу троцкистов, разоблачить самих троцкистов.

Я позволю себе несколько фактов вам привести, которые целиком подтвердят это положение. Вот, например, Варданян. Он был снят в Армении с поста секретаря ЦК, был снят, и уже один этот факт, разве он не обязывал крайком насторожиться в отношении Варданяна? Конечно, обязывал. Обязывал крайком проверить этого Варданяна на работе. Фактически дело обстояло совершенно иначе. Фактически Варданян был князьком, своеобразным князьком в городе Таганроге. Город Таганрог и его партийная организация были целиком и полностью отданы в монопольное пользование этого самого негодяя Варданяна, целиком. У крайкома было немало сигналов, которые шли от членов партии из Таганрога, о том, что этот самый Варданян применяет широко систему подкупов, применяет систему подхалимства. Недаром там рабочие, например, улицу, на которой, кажется, живет этот самый Варданян, называли по-своему, без опубликования, Подхалимской улицей. Все это было известно, известны были факты разложения таганрогской организации. Крайкому все это было известно. Не все, может быть, кое-что было известно. Это на активе говорили там, в Ростове, мы слушали эти выступления.

Но, однако, как крайком относился к этим сигналам, которые шли из этой таганрогской организации? Вот я хотел бы взять один пример. В сентябре 1936 г. группа членов партии таганрогской организации посылает в крайком заявление о том, что Варданян восстановил 30 человек явных троцкистов, выдал новые партийные билеты 30 троцкистам несмотря на то, что первичные партийные организации убеждены в том, что это явные троцкисты. Варданян выдал новые партийные билеты. Такое заявление поступает в крайком. Как же крайком обращается с этим заявлением? Крайком ничего лучшего не придумал, как взял, послал это заявление тому же самому Варданяну, на которого жалуются эти члены партии. Послал. Варданян ответил: «Товарищи Крайком, вы особенно не беспокойтесь. Все это дело проверено, дело верное, члены партии достойные», и на этом дело кончилось. Крайком получил это извещение от Варданяна, и на этом все дело кончилось. А что оказывается? Что большинство из этих людей, на которых подавалось это заявление, арестованы как троцкисты, как члены троцкистской организации. Вот здесь имел ли возможность крайком зацепиться хотя бы за этот факт для того, чтобы этого Варданяна маленько разоблачить? Безусловно, имел эту возможность, однако, он эту возможность не использовал. Вот вам один факт.

Второй факт. В 1935 г. на Ронина — члена бюро крайкома — поступает заявление, что он явный троцкист, а теперь это доказано, что он был членом троцкистской организации. Как поступает крайком с этим заявлением? Он создает комиссию во главе с председателем исполкома Лариным, мурыжит этот вопрос в течение нескольких месяцев, потом затирает, смазывает, и дело оканчивается ничем. А впоследствии оказалось,

что это заявление было правильное, что Ронин активный троцкист, член троцкистской организации. Мог ли крайком зацепиться за этот факт? Безусловно. Он мог разоблачить этого Ронина, а может быть, не только Ронина, а зацепившись за него, разоблачить еще кое-кого. Вот вам второй факт.

Третий факт. Всем известна фамилия Гогоберидзе. Крайком неоднократно получал письма из Ейска о том, что этот Гогоберидзе связан с Ломинадзе. Однако крайком не придавал этому особого значения. Но этого мало. Имеется еще факт, факт, когда Гогоберидзе убивает человека, а крайком это дело смазывает. (Голоса с мест. Как убивает?) Я скажу, в чем тут дело. В июне 1936 г. происходит авария автомашины, которую вел Гогоберидзе. Сейчас выяснилось из показаний Глебова-Авилова, что Гогоберидзе совершил эту аварию преднамеренно, с целью физического уничтожения члена своей троцкистской контрреволюционной организации инженера Нестеренко, который заколебался. Гогоберидзе заявил Глебову-Авилову: давайте уничтожим его, я беру на себя это дело. Этот самый Гогоберидзе устраивает аварию машины, убивает, однако, не Нестеренко, а его жену.

Прибывший на место аварии автоинспектор Персов обследовал обстоятельства аварии и заявил, что это не обычная авария, а в ней есть что-то загадочное. Однако, вопреки этому заявлению Персова, крайком партии фактически прекратил следствие, приняв 26 июля 1936 г. после довольно продолжительного времени по этому вопросу следующее решение: «1) Принять к сведению объяснения т. Гогоберидзе о несчастном случае в связи с аварией машины, которую вел Гогоберидзе; 2) указать Персову — автоинспектору на недопустимость для коммуниста распространения сплетен». Вместо того, чтобы зацепиться за этот случай, крайком покрывает этого Гогоберидзе. (Голос с места. Это преступление.)

Андреев. Вот четвертый факт. Дукат — член краевого троцкистского центра, старый троцкист, был в ссылке. Уже одно это обязывало крайком насторожиться в отношении Дуката. Член партии Подгурская рассказывала на активе о руководстве крайкома и приводила такой факт, что она 6 раз ставила вопрос о том, чтобы не выдавать нового партийного билета этому Дукату. Она проверяла его и 6 раз ставила в Ленинском райкоме вопрос о том, чтобы не выдавать нового партбилета. Но ее провалили. Приехал Колотилин, секретарь городского комитета, деваться ему некуда, и решили его исключить и не давать партийного билета. Тогда Колотилин вносит вопрос в крайком, и крайком отклоняет решение крайкома и восстанавливает этого Дуката в правах члена партии. А через некоторое время Дукат арестовывается как член краевого троцкистского центра. А Подгурская, которая на всех нас, кто присутствовал на активе, произвела замечательное впечатление настоящего партийного человека, искреннего, у которого нет ничего, кроме партийного, эту Подгурскую затравили в Ростовской партийной организации как склочницу.

Вот вам пятый факт — Любарский, секретарь Шахтинского горкома (довольно крупная партийная организация). Там существовал треугольник: Любарский, Непомнящий и Горсовет, которые прямо расправлялись с теми, кто занимался самокритикой, душили всякую самокритику, расправлялись с членами партии и восстанавливали в партии троцкистов. Существовали даже штрафы за самокритику, штрафы. Я один случай могу назвать. Например, Лозовой — начальник шахты «Артем» — показывает: выступил с критикой Непомнящего, управляющий Шахтоантрацит, в результате зарплата его была снижена с 400 до 350 рублей. Через некоторое время Лозовой снова выступает с критикой Непомнящего, зарплата его снова понижается с 350 до 300 рублей. После этого Лозовой заявил: «Будь он проклят, этот Непомнящий. Профессорам дают за выступление по 50 руб., а с меня берут за выступление по 50 рублей. Никогда не буду выступать больше с самокритикой».

Вот какие порядки творились в Шахтинской организации. Наконец, коммунисты не выдержали, невтерпеж стало, поставили вопрос, чтобы снять этого Любарского, он троцкист. Тогда крайком ничего лучшего не

придумывает, как поддержать этого Любарского, и посылает члена бюро крайкома для защиты этого Любарского на активе, а через некоторое время этого Любарского арестовывают как троцкиста.

Вот, видите, товарищи, я вам не все факты привел, только некоторые факты, которые имели такое значение, что если бы крайком за них зацепился, то он значительно раньше мог бы добраться до существа. Я хотел еще один факт привести, как членов партии Сафьянова, Поляк и Медника, которые вели борьбу в Ростовском институте с явными троцкистами Евстафьевым, Куренко, Бойко и Дорофеевым, крайком снял Сафьянова с учебы как склочника. Немало сигналов имелось о Колотилине и особенно об Овчинникове — председателе городского совета, который в 1933 г., когда т. Каганович приезжал в Азово-Черноморский край, этот Овчинников был снят из Вешенского района за провокационную работу, заключающуюся в том, что он выгонял колхозников из домов, всячески над ними издевался. Этого Овчинникова посадили председателем городского совета, он здесь то же самое делал, в Ростове, выгонял рабочих из застроенных домов. (Каганович. Садистский тип.) Однако крайком ему доверял, сигналы, которые шли на Овчинникова, крайком откладывал в сторону.

Самый факт, что там работал Белобородов — закоренелый старый троцкист, обязывал крайком присматриваться и к нему и к окружающим его. Тот же самый Глебов-Авиллов. Сигналы шли с Сельмаша в достаточном количестве, однако крайком на них не обращал внимания. Колесников — один из лидеров рабочей оппозиции, оппозиционер, а крайком вместо того, чтобы насторожиться, проверить этих людей на деле, доверял им. Проверить этих людей на деле надо было бы, однако, ничего подобного не было. Вот в результате этого крайком и попал в такое позорное положение. Чем объяснить, что крайком оказался в таком положении и был так глух к тем многочисленным сигналам, которые помогали ему, чем объяснить? Можно ответить на этот вопрос другим вопросом: а как же иначе могло быть в Азово-Черноморском крае, когда роль крайкома как политического руководителя была сведена к нулю, на нет, как же иначе могло быть?

Работники крайкома считали, что им некогда заниматься такими «пустяками», как партийно-политическая работа, ему некогда заниматься такими «пустяками», как развертывание самокритики, и т. д. Они были заняты сельским хозяйством, а крайком превратился скорее в крайЗУ, а политические руководители крайкома, они скорее были похожи на агрономов, и, притом, не особенно первоклассных агрономов. Вот этим объясняется, почему крайком попал в такое позорное положение. Объясняется это тем, что партийная работа занимала в крайкоме подчиненное положение, была в забросе, и секретари крайкома и весь аппарат крайкома были повернуты на сельское хозяйство. Партийная работа передоверялась от первого секретаря второму секретарю Малинову, а Малинов перепоручил эту работу ОРПО, а ОРПО тоже решил не отставать от других и перепоручил партийную работу секретарям горкомов. В результате всех этих перепоручений партийная работа оказалась в руках врагов.

Не случайно поэтому, что проверка и обмен партийных документов в Азово-Черноморском крае шли с большим скрипом. Центральный Комитет вынужден был несколько постановлений вынести, чтобы поправить положение. Не случайно также, что во время обмена партийных документов было исключено всего лишь 45 троцкистов из числа самых замухрышек, а 500 троцкистов получили новые партбилеты и были исключены из партии и арестованы уже после обмена партбилетов.

Такое положение, в какое попал крайком, объясняется отчасти тем, что он забыл о городах как о партийно-политических центрах, он направил все свое внимание на Кубань, у него мелькали станицы, а города как будто не существовали, они были отданы на откуп Колотилиным, Варданянам и прочим. Не случайно и то, что в результате такого передоверия партийной работы в городах под носом у крайкома был полный развал партийной работы в Ростове. Крайком оказался прямо

в неловком положении, выражаясь мягко, когда Центральный Комитет больше года тому назад указал, что у тебя городская партийная работа постановлена плохо — поправляй. После этого в августе горком собирает пленум, на котором выносит решение: теперь мы работу поправили, у нас успехи, достижения, решение Центрального Комитета провели. Крайком ничего другого не придумал, как проштемпелевать решение горкома, что имеются достижения. Тогда Центральный Комитет посылает туда своих людей, получив решение о благополучном положении в городской парторганизации, проверить — на самом ли деле так дело обстоит. Когда люди из Центрального Комитета приехали, то встретили там безобразия, зажим самокритики. Эти вот самоотчеты, они прямо там господствовали, на партийных собраниях никаких других вопросов не обсуждалось, кроме этих самых самоотчетов. Специально троцкисты били на то, что все другие вопросы оставлять и только одними самоотчетами заниматься. После этого ЦК выносит решение, крайком попадает в неловкое положение, — решение, в котором мы отменили решение пленума горкома, — и крайком попадает в неловкое положение, под носом у него такие вещи творились.

Не случаен, например, такой факт: когда в прошлом году был декабрьский пленум Центрального Комитета, обсуждались очень важные вопросы, казалось бы, после пленума Центрального Комитета, как в каждой порядочной партийной организации, нужно было собрать актив для того, чтобы разъяснить членам партии решения Центрального Комитета, под носом у крайкома в городе Ростове собирают актив лишь спустя месяц после принятия решения Центральным комитетом. Месяц целый понадобился для того, чтобы собрать актив и разъяснить членам партии эти самые решения.

Вот как обстояло дело, товарищи. Крайком забыл о самокритике, не особенно он эту самокритику поощрял и поэтому был глух к сигналам. На активе и пленуме рассказывали очень много фактов насчет того, как за самокритику прямо исключали из членов партии. В некоторых районах прямо исключали за самокритику. Вот, например, в Ленинском районе... (М о л о т о в. Исключали за то, что они сами себя критиковали?) Нет, исключали за критику секретарей, секретари потом проводили решения, чтобы вышибать таких критиканов из партии, и вышибали на глазах у крайкома.

И, наконец, последнее, что особенно было подчеркнуто на пленуме и на активе ростовском, — это то, что руководители крайкома относились с недоверием к местному активу, с недоверием, и чрезмерно доверяли людям, которые были привезены из Саратова и из других организаций, а местный актив не включали в работу. В результате очень много выступавших людей на этом же самом активе и пленуме — неплохих людей, очень талантливых людей, замечательных партийных людей — оказалось в тени.

Что еще важного вскрылось на Азово-Черноморском деле — это поведение врагов, как они себя вели, как они вползали в партийную организацию, какие методы они применяли. Это прежде всего методы подхалимства, внешнего лакейства, для того, чтобы прикинуться самыми близкими людьми к партийному руководству. Об этом очень много говорили на активе, об этом говорит, к сожалению, и Белобородов. Вот что он говорит: «Тончайшее двурушничество, которое нами применялось в практике нашей деятельности, привело к положению, когда ряд троцкистов любыми способами, и в первую очередь совершенно неприкрытым подхалимством, втирался в доверие партийного руководства в условиях Азово-Черноморского крайкома и его руководителей. Лучшими работниками считали тех, кто готов формально, аккуратно и без возражений выполнять директивы руководителей, независимо от их содержания, и подчеркивать преданность тому или другому руководителю». Вот что говорит враг. Внешне они проявляли лакейство к партийному руководству, а за спиной издевались, смеялись над этими руководителями.

Второе, что они применяли, — это, раз втершись в доверие партийных руководителей, они брали в окружение партийных руководителей, отрезали,

отгораживали их от партийной организации, изолировали партийных руководителей от остальных партийных кадров, от районных и сельских райкомов и т. д. В Азово-Черноморском крае существовала изолированность партийного руководства от рабочих партийных кадров. Больше того, на эту роль был посажен этот самый Шафранов, который, кроме того, что раскрывал все секреты, которые имелись в крайкоме, и секретные документы ЦК троцкистам, он, кроме того, выполнял роль цербера, который не пускал районных работников к т. Шеболдаеву, например. Об этом очень ярко говорили секретари некоторых сельских райкомов, заявлявшие о том, что 3—4 года мы, говорят работники, не могли добиться приема у секретаря крайкома, Шафранов не пускает нас. Постоянно там сидят Колотилин, Ерофицкий, а нас не пускают, не можем добиться. Вот это говорят секретари райкомов, секретари сельских районов Азово-Черноморского края. Вот это второй прием, который применяли враги для того, чтобы отгородить партийную организацию от партийных руководителей, чтобы партийные руководители не пользовались информацией этих самых низовых работников. Вот это второй маневр.

Третье, что троцкистами применялось, это внешне быть исполнительными, чтобы у них все выглядело чисто. Больше того, они для вида даже очень много работали, вечерами и т. д. Много шума создавали. Больше того, они выполняли производственную программу. Вот пример по Таганрогскому металлургическому заводу. Колесников там хвастался насчет выполнения производственной программы. А что за производственную программу выполняли? Негодные трубы. Глебов-Авилов старался выполнять производственную программу, иначе сохранить нельзя. А выполняя производственную программу, он внутри этой программы наносил вред. Тысячи комбайнов были выпущены негодными для применения. Наряду с выполнением производственной программы травили рабочих газом. В день Первого Мая отравили рабочих газом. Вот я попутно с тем, что был там в гостях у крайкома, был на заводе Сельмаш.

Я должен вам сказать, товарищи, что кое-какие вещи там явно режут глаза, особенно постановка дела окраски комбайнов, ну явно вредительски поставлено. Рабочие находятся в такой замкнутой камере, где эта окраска производится и все разбрызгивается. Дышат они этими самыми брызгами. Сами все мокрые, залитые этой самой разбрызгиваемой массой. Ну явно же вредительски это дело поставлено. И однако руководители крайкома этого не замечают, видят хорошие станки, выполнение производственной программы, а вот этого вредительства, отравления рабочих газом, негодных комбайнов, негодных труб, затем вредительского отношения к отдельным процессам работы — этого они не замечают. Овчинников, Колотилин, этот факт мне бросился в глаза, все делали внешне для того, чтобы быть хорошими хозяевами города. Садовую улицу прямо залили светом. В городе Москве нет таких освещенных улиц, как в Ростове, — это бывшая Садовая улица. Но если вы пойдете в рабочие районы, немножко отклонитесь от центра, где все прилизано, там вы найдете темноту, грязь непролазную. Для чего это делается? Для того, чтобы создать недовольство. С одной стороны, лоск в центре, где ездят руководители, видят, что делается, с другой стороны — недовольство в рабочих районах. Наряду с этим вредительское отношение в горсоветах, надстройщиков выгоняют из домов, ломают дома. Все это делается для создания недовольства. Они сами сознаются в этом. Вот арестованный второй ростовский секретарь Карпов дает следующие показания: «Хочу добавить, что... (читает)... и этим самым укреплять позиции троцкистов».

Вот, товарищи, какой враг и какими двурушническими методами — подхалимством, маскировкой — он проникает в партийную организацию. Это метод, от которого слепнут отдельные наши работники, как ослепли работники Азово-Черноморского края. Вот, то, что я хотел сказать относительно Азово-Черноморского края. Какие уроки и выводы вынести из этого дела по Азово-Черноморскому краю, я, товарищи, думаю, что нет надобности останавливаться на этом, они с исчерпывающей ясностью

сформулированы в докладе т. Сталина и в предложениях, представленных на рассмотрение Пленума.

Я лишь хотел бы в нескольких словах, на основе уроков Азово-Черноморского края остановиться на отдельных, особенно слабых пунктах партийно-политической работы. Я думаю, что это будет общим для всех наших партийных организаций. Первое. Теперь ясно, что самым отсталым участком партийной работы является работа по политическому воспитанию. Ясно, что это самый отсталый у нас участок партийной работы. Не случайно, что тут больше всего, когда копнешь, больше всего беспорядка в партийно-политической работе. Возьмите кружки, состояние кружков по истории партии, партийные школы политграмоты. Если копнешь, то тут беспорядка очень много. Люди по несколько лет учатся в одном и том же кружке и остаются неграмотными. Не случайно, что у нас кадры, руководящие политическим воспитанием, оказались наиболее засоренными троцкистами. 20 заведующих агитпропов оказались троцкистами, 20 заведующих отделов крайкома, агитационных отделов оказались троцкистами — наиболее пораженный участок троцкизмом. (Стецкий. Тов. Андреев, одиннадцать.) Я считаю и тех, которые не были близко связаны с троцкизмом.

Наиболее пораженная часть партийной работы оказалась у нас на этом участке. В чем же дело? Верно, что у нас это дело отсталое, эта работа связана с низким политическим уровнем самих пропагандистских кадров. Сами пропагандисты очень слабы, нет у них того уровня знаний, с которыми они могли бы успешно вести свою работу. Верно, товарищи, и то, что эта работа целиком была передовверена отделам пропаганды. Эта работа целиком находилась в ведомстве отделов, а партийное руководство этой работой не занималось и целиком устранилось от этой работы. Верно то, что ставили на эту работу не организаторов, а тех, которые уже провалились на организационной работе, которые к организационной работе не способны. Факт это или не факт? (Голоса с мест. Факт.) Если ты пишешь хорошо, говоришь хорошо, следовательно, ты можешь быть на пропагандистской работе. Правильно это или неправильно? (Голоса с мест. Правильно.) Агитационно-пропагандистская работа требует и больших организационных навыков. Иногда тут сидят люди, часто безрукие в организационном случае. И этим предопределяется слабость партийно-политического воспитания.

Дальше я хотел бы еще подчеркнуть то, что партийные руководители разучились вести пропагандистскую работу. (Голос с места. Сами.) Да, сами. Известно, что наши вожди, партийные руководители в старину вели, как правило, пропагандистскую работу, являлись пропагандистами партийными. А вы спросите любого секретаря горкома, даже райкома, не говоря уже о членах бюро, ведут ли они пропагандистскую работу? Нет, они считают это пустяковым делом. Правильно ли это? Нет, товарищи, неправильно. Неправильно, во-первых, потому, что именно эти наши основные руководящие кадры должны быть основными пропагандистскими кадрами, а, с другой стороны, потому, что партийные руководители не ведут пропагандистской практической работы, они не знают жизни, которая творится в этих самых кружках и школах, не знают ни порядка, ни недостатков, ни потребности пропагандистской работы. Не знают. Откуда им знать? Если бы они сами занимались пропагандистской работой, они бы знали, но им неоткуда знать, что творится там, в пропагандистской сети. Неоткуда знать.

Я должен сказать, товарищи, что у нас на Оргбюро в течение последнего времени прошло несколько докладов обкомов о пропагандистской работе — Белоруссия, Свердловск, Харьков и целый ряд других. Я должен сказать, что пороки, недостатки пропагандистской работы, они почти общие для всех, заключающиеся в том, о чем я говорил выше.

Но только ли с пропагандистской работой у нас дело обстоит не совсем ладно? Я бы даже сказал, и с организационно-партийной работой у нас в аппаратах крайкомов, горкомов обстоит дело далеко неладно, далеко не

все у нас тут правильно. Кто ведает вопросами организационно-партийной работы в аппарате горкома и аппарате крайкома? Кто ведает? ОРПО? Нет, товарищи, ОРПО занимается главным образом подбором и распределением партийных кадров, главным образом, был занят вопросами проверки и обмена партийных документов, вопросами приема и учета членов партии. Этим, главным образом, ОРПО занят. А кто же ведет организационно-партийную работу? Кто? Какой отдел? Какая часть аппарата ведет организационно-партийную работу? Может быть, другие отделы, может быть, такой отдел, как промышленный, как сельскохозяйственный, советско-торговый отдел, отдел культуры и т. д., может быть, они ведут организационно-партийную работу? Нет, товарищи, и они не ведут. В том-то и дело, что они не ведут. Они заняты — эти отделы — больше вопросами хозяйства. Они больше являются подсобным аппаратом у руководства крайкома по хозяйственным вопросам и по культурным вопросам, они отнюдь не занимаются вопросами организационно-партийного руководства в известной отрасли, отнюдь не этим занимаются.

Я вот спрашиваю вас, товарищи секретари, много ли вам отделы сельскохозяйственный, промышленно-транспортный и др. отделы, много ли они вам принесли вопросов организационно-партийных? (Г о л о с а с м е с т. Ничего. Не было таких.) Мало. Больше они все-таки приносят вопросов хозяйственных, отдельных вопросов культурной работы, по школам и т. д. Этими вопросами они ограничиваются и занимаются текучкой. Они тонут в текучке практических хозяйственных вопросов и т. д. Если у нас так дело обстоит с практикой организационно-партийной работы в аппаратах горкома, крайкома, обкома, ЦК нацкомпартий, то я спрашиваю, не следует ли нам повернуть весь аппарат, все отделы партийного аппарата на организационно-партийную работу? Не следует ли разгрузить отделы и заведующих отделами от хозяйственных вопросов, от текучки, которыми они занимаются, не следует ли их повернуть по-настоящему к вопросам руководства организационно-партийной работы по известным отраслям, для чего они были созданы?

Ведь на XVII съезде партии, когда предопределялась эта структура партийных органов, из чего тогда исходили? Исходили из того, что работа становится сложной, партийных организаций у нас много, одна какая-нибудь часть партийного аппарата охватить организационно-партийную работу не в состоянии, надо разделить работу в партийном аппарате, надо иметь там несколько частей, построенных по отраслям, с тем, чтобы они и руководили организационно-партийной работой, занимались организационно-партийной работой. Вышло ли это? Нет, товарищи, не вышло. Причем я должен сказать, что в особенно заброшенном положении у нас организационно-партийная работа находится в учреждениях — в советских, хозяйственных и торговых учреждениях. Если организационно-партийной работой более или менее занимаются еще на промышленных предприятиях, на транспортных предприятиях, то эти торговые, советские и хозяйственные учрежденческие партийные организации, они, я бы сказал, предоставлены в значительной мере сами себе. А между тем надо же иметь в виду, что у нас, например, в этих самых учрежденческих аппаратах, по сути дела очень важных, штабных аппаратах, у нас там сосредоточено около 500 тыс. членов партии. Это громадная сила для того, чтобы, используя эту силу, организовав эту силу, заставить наш аппарат работать значительно лучше, чем он работает теперь. Это очень большая сила.

С другой стороны, не объясняется ли наличием слабости организационно-партийной работы в советских учреждениях, в хозяйственных учреждениях, не объясняется ли этим то, что там свободно чувствовали себя наши враги — троцкисты? Не случайным является тот факт, что в Свердловском крайкоме существует совторготдел и в горкоме существует совторготдел, а в торговых организациях в течение очень долгого времени работала шайка троцкистов, которая специально создавала очереди, перебои с хлебом в момент принятия новой советской конституции. Два отдела есть, а в городе орудует шайка троцкистов, орудует совершенно свободно.

Видимо, это объясняется тем, что наша работа в этой области недостаточна, этим объясняется то, что враги там свободно орудуют.

По-моему, с этих точек зрения, мы этот участок не можем оставлять в заброшенном состоянии — и с точки зрения работы аппарата, и с точки зрения политического положения в советских и хозяйственных аппаратах, и, наконец, с точки зрения правильной подготовки к предстоящим выборам. Со всех этих точек зрения нам очень важно крепко подтянуть этот участок работы.

Я также хотел в качестве одного из выводов или частных уроков остановиться на вопросе тоже очень важном, на слабом участке партийно-политического руководства — это комсомол. Ясно, что если мы тут не будем работать, партийно-политически руководить в комсомоле, там будет работать враг. (Буденный. Безусловно.) Как это имело место в Азово-Черноморском крае. А между тем комсомол — это очень большая и очень важная сила. Имейте в виду, что 4 млн. человек он насчитывает, да плюс к этому надо считать его влияние на остальную рабочую и колхозную молодежь. В промышленности мы теперь имеем целые предприятия с половиной молодежного состава рабочих. (Косарев. Даже целиком есть.) Вузы, средняя школа, мы к ним можем подойти главным образом через комсомольские организации. А в особенности на селе, в особенности в колхозах, имея в виду, что в большинстве колхозов у нас нет партийных организаций, но есть комсомольские организации, и через эти комсомольские организации мы можем вести свою политическую работу в колхозах.

А как дело обстоит, товарищи, не только в Азово-Черноморском крае, но и в других организациях? Я думаю, что будет правильно сказать: комсомол в значительной мере предоставлен сам себе. (Косарев. Правильно). В лучшем случае выделяется какой-нибудь член бюро крайкома или второй секретарь крайкома для шефства над комсомолом. Но это шефство приводит иногда к очень печальным результатам. Мы на Оргбюро слушали Воронежский обком и убедились на его примере, к чему приводит это шефство. Это дело было поручено там второму секретарю, но так как дел много, он от этого отстал, забыл, а у него под носом получилось полное разложение комсомольской верхушки. Вот как дело обстоит, товарищи. Можем ли мы оставлять эту отрасль партийно-политического руководства в том состоянии, в каком это дело сейчас находится? Нет, товарищи, не можем, исправить надо.

Я хотел коснуться еще другой массовой организации, через которую мы также должны подходить к беспартийным массам — это профсоюзы. Тут дело еще хуже. (Голоса с мест. Правильно!) Вообще на профсоюзы партийные организации махнули рукой. Можно так сказать? (Голоса с мест. Можно вполне. Буденный. Это правильно.) Все равно, мол, ничего не выйдет. Правильно ли это? Это неправильно, товарищи. Правда, что профсоюзы работают плохо, что в целом ряде мест профсоюзные руководители покрылись мохом, но отчасти виноваты здесь и партийные организации, партийные руководители, потому что они не заглядывают в профсоюзы, и этих недостатков неизбежно будет больше, если дело будет так продолжаться. Не можем мы оставить эту отрасль партийно-политического руководства в том положении, в каком она сейчас находится.

И, наконец, последнее — это некоторые уроки из того, что у нас произошло, и для наших контрольных органов, особенно для органов партийного контроля в областях, краях и национальных республиках. Не на высоте положения оказались у нас эти контрольные органы в свете тех событий, которые имели место в последнее время. Оказались не на высоте положения наши партийные контролеры. Значительная часть этих партийных контролеров не выполнила того, для чего их партия предназначала. Я должен сказать, что известная часть этих партийных контролеров несет ответственность за то, что было вскрыто в отдельных организациях, например, в Азово-Черноморском крае. Мне пришлось прямо на активе критиковать этого самого Брике, а потом его сняли. Кое-кто ведет работу живее, например, Яковлев в Саратове. Если бы так работали и другие партийные

контролеры, как Яковлев, большая польза была бы для ЦК. Но значительная часть партийных контролеров, уполномоченных Комиссии партийного и советского контроля, загружена текущими вопросами, суживается и теряет критическое чутье, сживается с недостатками, которые имеются в крае, области и т. д., как прижился этот Брике, который потерял всякое чутье, несмотря на то, что он имел сигналы. А между тем это чрезвычайно важный рычаг в руках партии и Центрального Комитета, а он оказывается недостаточно крепким рычагом. Это — один из конкретных уроков, которые нам приходится извлечь.

На этом я кончаю. Ясно, по-моему, товарищи, что исключить недостатки партийно-политической организационной работы, которые у нас вскрылись, и провести на деле то, о чем говорил т. Сталин в своем докладе и о чем он сказал в проекте предложений к пленуму, — это значит улучшить дело не только в партийных организациях. Ясно, что не лучше, с точки зрения организационных недостатков, не лучше дело обстоит в советах, профсоюзах, хозяйственных организациях, а хуже, чем в партийных организациях, хуже. Но раз партия начинает бороться с недостатками внутри партийных организаций — а она является фокусом руководства, источником всего руководства, раз она, партийная организация, требовательнее будет относиться к своим собственным недостаткам, ясно, что она потребует устранения недостатков и от других организаций. Ясно, что это дело повлечет к общему улучшению всей хозяйственной, советской и профессиональной работы. Поднять политическое воспитание кадров — значит удвоить и утроить наступательную силу всей партии по всем направлениям. За это нам, товарищи, немедленно после Пленума Центрального Комитета надо приняться.

Жданов. Слово имеет т. Разумов.

Разумов. Я должен признаться, товарищи, что до недавнего времени мы думали у себя, что Восточно-Сибирская организация сравнительно мало задета деятельностью троцкистов. (Ежов. И немножко покровительствовали им.) Но за последние месяцы мы убедились, что дело не в отсутствии троцкистов и их деятельности, а в плохой работе партийной организации, и прежде всего обкома, по их разоблачению, что дело в слабой политической бдительности областного комитета. Сейчас установлены серьезные факты троцкистской работы, факты вредительства и в оловянной промышленности, и в слюдяной, и в лесной и особенно на железнодорожном транспорте. Партийная организация Восточной Сибири и прежде всего областной комитет партии допустили немало ошибок. Прежде всего об этом говорят цифры: при обмене партбилетов исключено было из партии 15 троцкистов, после обмена — 50. С очень большим запозданием мы узнали, что в Иркутске работает сильная группа троцкистов-зиновьевцев, беспартийных и исключенных из партии, во главе этой группы стояла Семашко и ее муж Уфимцев, высланный к нам в 1934 году. К этой группе очень большое отношение имел Дрейцер, Эстерман, приехавший к нам в конце 1935 года.

Но самой серьезной, самой важной ошибкой мы считаем то, что допустили до того, что эта троцкистская группа имела своих агентов в аппарате областного комитета партии. Одним из этих агентов был активный член троцкистской организация Лавров. Он работал в обкоме около года, и только после получения закрытого письма ЦК в июле 1936 г. мы сняли его в работы. Мы знали, что он бывший троцкист, но успокаивали себя тем, что он сидит на второстепенном участке работы — на корреспонденции, что он не имеет доступа к секретным документам, к политической информации. Но это было по меньшей мере наивно с нашей стороны, потому, что, работая в обкоме, человек имеет массу возможностей добывать всякого рода информацию и передавать эту информацию своей организации.

Еще более крупной ошибкой мы считаем историю с Харченко. Харченко заведывала отделом партийной пропаганды и работала здесь в течение нескольких лет. Мы сняли ее в августе 1936 г. за притупление политической

бдительности. Характер ее связей с троцкистами нам представлялся невинным, а в октябре месяце мы вынуждены были ее арестовать, так как получили новые данные о ее связях с троцкистами, о ее работе.

Наличие обоих этих людей в аппарате обкома является прежде всего результатом легкомысленного отношения к подбору людей для партийного аппарата. Было известно, что Лавров — бывший троцкист, имел взыскания за троцкистскую работу, которые потом были сняты. Нужна была максимальная осторожность. Мы его взяли на работу в обком. То же самое нужно сказать и в отношении Харченко, о которой было известно, что в 1924—25 гг. она путалась с троцкистами, но была оставлена на парторботе. Очевидно, троцкистский червячок у нее все же оставался. Были отдельные сигналы для того, чтобы убрать этих людей из аппарата обкома гораздо раньше. Но сейчас, оглядываясь назад, приходится признать, что здесь серьезную роль сыграло и сомнение: трудно было согласиться с тем, что была допущена ошибка, понять эту допущенную ошибку и быстро ее исправить. В результате основные участники троцкистской организации, которые сейчас обнаружены, были исключены из партии в начале 1935 г. — Семашко, Пялый, Казакова. Но до самой организации мы докопались по прошествии двух лет, эта организация продолжала существовать и продолжала проводить какую-то работу.

Исключив этих людей из партии, мы сочли, что миссия обкома на этом закончена и что дальше эти люди поступают в компетенцию НКВД. Но мы не приняли мер, чтобы насторожить организацию против этих людей. Характерным для наших ошибок является и то, что мы легко отнеслись к вопросу о месте работы этих людей. Сейчас мы понимаем, что очень важно было учесть, сумеют ли окружающие их люди осуществить контроль над этими троцкистами или сами попадут под влияние троцкистов. Такой печальный случай был в крайздраве, где в течение ряда лет работал Дьяченко — человек бестолковый, политически бесхребетный. Уже целый год ставили вопрос о замене этого Дьяченко, но на работу к нему послали четырех троцкистов. И невозможно теперь установить — что же сам Дьяченко после длительной работы с троцкистами является троцкистом или нет. Когда одного из арестованных спросили, а что, Дьяченко состоял в троцкистской организации или нет, этот арестованный ответил: зачем же мы такого дурака будем вербовать. (К а м и н с к и й. И я вам говорил, что он дурак, не раз). Это твой подарок, т. Каминский, этот Дьяченко. Мы и так имели возможность использовать его на все сто процентов.

Несколько слов о железнодорожном транспорте. Серьезны ошибки, допущенные нашей организацией по линии руководства железнодорожным транспортом. Совершенно естественно, что в нашей области главные объекты работы врага по линии вредительства, диверсий и шпионажа — это Восточно-Сибирская и Молотовская железная дорога, и тем не менее, мы многое здесь проглядели. На Улан-Удэнском паровозо-ремонтном заводе, который должен иметь решающее значение для работы железных дорог всего Востока, вредительская группа троцкистов существовала до осени 1936 г., во главе ее стоял заместитель начальника строительства — старый кадровый троцкист Белоконев, человек, близкий к Мрачковскому. Участники этой группы — члены партии — были исключены из партии во время проверки и во время обмена партийных документов, но сам Белоконев в начале 1934 г. был исключен из партии, но вследствие того, что обком подошел делаясь к этому вопросу, был восстановлен и продолжал работать на строительстве.

Сейчас выясняется активная вредительско-шпионская работа в некоторых важнейших депо — в Читинском и Шилковском. Ярким примером притупления политической бдительности является Шилковское депо. Это депо фигурировало целый год как самое лучшее на Молотовской дороге. Весной 1936 г. по настоянию дорожных органов этому депо было вручено красное знамя. Теперь оказалось, что паровозы, которые находились в запасе в этом депо, были приведены в негодность, систематически проводилась

работа по порче котлов и т. д. Тут ошибкой не только дорожных органов, но и нашей является то, что мы верили в то мнение, которое давалось Управлением дороги и дорожным политотделом.

На наших дорогах много крушений и аварий, но до сих пор почти ни одного диверсионного крушения не вскрыто. У нас имело место то же, о чем говорил здесь т. Ягода,— вечный спор: имеются ли диверсионные элементы в крушениях, происходивших довольно часто на наших дорогах, или не имеются. Причем работники НКВД категорически настаивали и спорили о том, что эти крушения являются лишь результатом плохой работы железнодорожников и что железнодорожники разговорами о диверсиях пытаются свалить с себя вину и ответственность за это дело. А сейчас оказывается, что в таком, например, в крупном крушении, как крушение поезда с переселенцами, при котором погибло 22 человека, было крушением диверсионного характера. (Жданов. А чем вы объясните, что работники НКВД выдвигают эту версию об исключительной вине железнодорожников за крушение? В чем же дело?) Плохой работой товарищей, которые занимались этим делом. (Жданов. У вас выходит так, что железнодорожники настаивают на том, что крушения — результат диверсий, а органы НКВД говорят, что это результат плохой работы железнодорожников.) Я так не хотел сказать. Я говорю, что наши железнодорожники очень осторожно ставили вопрос: а нет ли тут элементов диверсионных в отдельных авариях? И вот по поводу этих отдельных аварий, которые имели место, и ставился вопрос со стороны наших железнодорожников, и у нас произошли споры. И в этом случае и в другом нет оснований думать, что... (Каганович. Тут тоже чисто ведомственные соображения, кто проморгал, на ком лежит вина за крушения — на транспортных органах или на органах НКВД, тут тоже в основном ведомственные соображения, хотя виноваты здесь и те и другие по существу.)

Разумов. В чем наша главная ошибка по железнодорожному транспорту? Нам сейчас ясно: она, по-видимому, заключается в том, что мы оказывали транспорту очень серьезную хозяйственную помощь, крепко помогали в развитии стахановского движения. Это было правильно и необходимо и для прошлого времени и для будущего. Но плохо было то, что должного политического контроля за работой транспорта мы не осуществляли, помощи в подъеме партийной работы на транспорте не оказывали, не критиковали безобразного состояния транспорта, не поворачивали политотделы в эту сторону. Само собой разумеется, что нам никто не мешал в этом деле. Наоборот, т. Каганович мне неоднократно в разговоре со мной и в Москве, и когда был у нас в области, подчеркивал необходимость большего вмешательства в транспорт, большего влияния областного комитета партии на партийно-политическую работу на транспорте.

Корень всех наших ошибок кроется в том, о чем ярко говорил т. Сталин. Мы увлеклись хозяйственными вопросами, отстали от политической работы, отстали от партийной работы. И как результат наших грехов в этом отношении — наша неудовлетворительная работа по подбору партийных кадров, по воспитанию их. У нас имеется много фактов исключительно плохой работы партийных организаций и секретарей. Вот один из таких фактов, характеризующих, к сожалению, довольно распространенный у нас сейчас тип партийного работника. Хочу привести одну телеграмму, присланную секретарем районного комитета партии Киренского района пленуму горкома в октябре месяце, пленуму, на котором стояло два вопроса: итоги обмена партдокументов и вопросы партийной пропаганды. Телеграмма же, присланная пленуму, была такого содержания: «Прошу обсудить мой вызов... (читает)... секретарь райкома Перцев». К сожалению, два с половиной года сидел у нас этот секретарь. Грубо нарушал и внутривнутрипартийную демократию, допускал грубые извращения устава сельскохозяйственно артели.

Совершенно неудовлетворительное также состояние и партийной пропаганды. По цифровому охвату коммунистов партийная учеба почти не

заставляет желать лучшего, но посещаемость очень неудовлетворительная. Плохая постановка учебы вызывает и плохую усвояемость материала.

Я хочу остановиться на отношении к партийным кадрам, к подбору и подготовке пропагандистских кадров. Один из районов Бурято-Монголии послал на курсы пропагандиста, члена партии. А тот в связи со своим отъездом написал письмо своему родственнику: «Глубоко уважаемый мой шурак... (читает)... и пробуду там два с половиной месяца». (Смех.) Причем, товарищи, подобные коммунисты сейчас вовсе не частное явление среди бурят. Это свидетельствует о том, что наилучших людей, никуда не годных людей подбирали для того, чтобы выполнить разверстку посылке на пропагандистские курсы.

В связи с предстоящим отчетом партийных организаций и перевыборами райкомов я хочу поднять такой вопрос. Решение ЦК о малочисленных организациях имело очень положительное значение для развертывания партийной работы, дало блестящие, я бы сказал, результаты.

Мне думается, что сейчас целесообразно сказать о том, что предстоящие перевыборы районных комитетов, перевыборы партийных комитетов можно проводить не на районных конференциях, а на общих собраниях и даже там, где имеется до 100 коммунистов, и там, где имеется 150—200—250 коммунистов. Поэтому надо предоставить полную возможность в этом отношении, ибо это окажет огромную помощь в деле воспитания коммунистов, роста активности, сплочения партийной организации. Причем дело это очень большое, потому что у нас в области имеется подавляющее большинство таких районов.

Я должен сказать, что некоторая недооценка кроется и в появлении бурятского национализма. Сейчас эти буржуазные националисты смыкаются с троцкистами. Тут ничего страшного нет, потому что у них один хозяин — Япония.

Теневая сторона, которую мы проморгали, заключается в притуплении политической бдительности по отношению к буржуазным националистам. Многим стало казаться, что при таком подъеме, какой имеется сейчас, нет места, нет почвы для существования националистов, а между тем эти настроения пан-Монголия использует во-всю. Япония ищет связи и опоры в Бурято-Монголии, как и по всей Восточной Сибири, и находит ее в лице троцкистов, в лице ламов и других антисоветских элементов.

Тов. Сталин совершенно правильно сказал, что мы забыли о капиталистическом окружении, которое пытается организовать врагов рабочего класса, которых и находит в лице зиновьевцев, правых, шпионов и диверсантов. Это особенно относится к партийным организациям, к партийным работникам Восточной Сибири. В наших условиях вопрос партийно-политической работы, бдительности, беспощадной, повседневной борьбы с врагом является особенно важной задачей, актуальной задачей, потому что мы очень часто говорим, но на сегодняшний день много еще не доделали. Товарищ Сталин не раз давал указания. Центральный Комитет партии давал указания, но мы эти указания не учли.

Уроков было много. Мы имели решение по Азово-Черноморскому краю, по Киевской области, десятки раз мы говорили, что мы научились многому, но сейчас ясно, что мы научились очень немногому и надо очень многому научиться сейчас. Мне кажется, что после Пленума Центрального Комитета уже можно с уверенностью сказать, я, по крайней мере, имею в виду, всегда имел в виду, и в первую очередь то, что настоящий Пленум ЦК, его решения, указания, полученные здесь нами от т. Сталина, что школа большевистской самокритики, которую мы прошли на этом Пленуме, являются залогом того, что местные партийные организации сейчас изживут все эти недостатки и выполнят поставленные перед ними задачи.

В проекте резолюции по докладу т. Сталина сказано: основная задача сейчас состоит в том... (читает). Я могу сказать о себе, что до меня дошли слова, дошли уроки, дошли все указания Пленума ЦК и что наша партийная организация с успехом приложит все силы к выполнению указаний т. Сталина и решений Пленума ЦК.

А н д р е е в (председательствующий). Слово имеет т. Михайлов.

М и х а й л о в. В проекте решений по докладу т. Сталина указано восемь коренных недостатков нашей работы, недостатков, которые облегчали работу врагу. Все эти восемь недостатков имеются, конечно, и в Калининской области. Я о них подробно говорить не буду. Калининская область занимает довольно выгодное место для диверсионной работы, вредительской работы, потому что она находится на границе, с одной стороны, и, с другой,— между двумя столицами. Хотя у нас нет Донбасса, но вредители у нас есть. У нас есть военные стройки, довольно серьезные, и те организации, которые уже вскрыты, показывают, что диверсионную работу мы прохлопали больше всего. (Г о л о с с м е с т а. Что за граница? Латвия?) Мы считаем, что Латвия не входит в Советский Союз.

Здесь говорили многие товарищи, что доклад т. Сталина поднял нас на вышку, почему стало ясно, что у нас был недостаточный политический подход. Почему мы прохлопали сигналы ЦК, сейчас все нам стало ясно, и всем ясно. Но, по-моему, товарищи, ясно и другое, что злейшим врагом самокритики надо считать не только того, кто не любит критику, но и того, кто пристроился к самокритике, то есть на каждом заседании привык себя критиковать и считает, что основа для борьбы за осуществление директив партии именно в этом заключается. Что будет, если мы на следующем пленуме опять будем себя критиковать? Это будет скучно, и никаких смягчающих обстоятельств у нас больше не будет.

Исходя из этого, я хотел остановиться на одном из восьми недостатков, о котором говорил т. Сталин,— на вопросе руководства хозяйством. Я не знаю, как другие секретари обкомов, но, откровенно говоря, мы сомневаемся, в особенности это относится к Калининской области, что хозяйственной работой не нужно заниматься. Я подумал, что сев будет в этом году очень тяжелый, потому что в кармане плохо, семенами помог ЦК, но предстоит большая работа, и никто с нас ответственности за эту работу не снимет. У нас бюджет в 350 млн. руб., это надо освоить 300 млн. капиталовложений — это сумма немаленькая, это надо освоить. И если мы тут дело провалим, это тоже будет политический провал. Следовательно, надо так повести хозяйство, чтобы высвободить время для партийной работы. (Г о л о с с м е с т а. Не нужно подменять советскую власть.) Я о советской власти скажу. Но прежде я хочу сказать о партийном руководстве.

Я несколько раз прочел тезисы к докладу т. Сталина. Возьмем такое место: «У большевиков... (ч и т а е т)». Это, конечно, для нас имеет решающее значение. Прежде всего, товарищи, о том, есть ли у нас время для того, чтобы заниматься партийной работой? Я утверждаю, что есть. Если бы половина времени, которое мы тратим на хозяйство, только половину этого времени тратить по-иному, а не на то, чтобы заниматься текущими вопросами, у нас было бы время для того, чтобы заниматься политическим руководством. (К а г а н о в и ч М. ... (реплика не уловлена.) Я, между прочим, скажу, и о вас. (К а г а н о в и ч М. Давайте побольше денег.) Мы, безусловно, хозяйством руководим не так, как требуют тезисы ЦК. Первое то, что мы предпочитаем клеветать хозяйственников по мелким вопросам вместо того, чтобы один раз фундаментально поставить вопрос и разрешить. Взять ту же систему земельных органов. Сколько раз ставился вопрос о кадрах земельных органов, о системе руководства, и до сих пор системы руководства нет. Все это какое-то ненужное, мертворожденное учреждение при ОблЗУ. Мы этим делом не занимаемся.

Во-вторых, мы мало занимаемся ролью контролеров. Я приведу в порядке самокритики следующий факт. Пятаков дал распоряжение, чтобы в Калининской области в г. Кашине построить слюдяной завод. Если бы я почувствовал себя немного агентом, я бы спросил Пятакова, почему именно в Кашине нужно строить слюдяной завод, когда нужно возить сырье за 2 тыс. километров? Я бы сказал, что слюдяной завод здесь строить не нужно. А я сказал, давайте строить. (С м е х.) А кто здесь без греха, пусто тот бросит в меня камень! Мы все роль контролеров не выполняем по-настоящему. (Г о л о с а с м е с т. Правильно! Каганович М. Он не

должен быть в Калининской области.) А почему вы это не оспаривали? (Каганович М. Я ставил вопрос два раза). Если ставили, то недостаточно настойчиво. Если неправильно там строить — не стройте.

Я о директорах заводов хочу говорить. Нам дали Пасечника на 30-й завод и Меликсетова на вагонный завод. Мы были против того и другого, теперь и тот и другой в тюрьме сидят, и тот и другой оказались злейшими троцкистами. Скажите, пожалуйста, если бы Наркомфин не додал бы нам миллиона рублей, мы нашли бы дорогу в ЦК? Если бы тонну сена не додали, я уже сто раз побывал бы в Москве, потому что это связано с местными интересами. А когда мне дали двух директоров, которым я не верил, я считал, что я свое дело сделал как чиновник, то есть я поспорил немного, а теперь две эти кандидатуры — кандидатура Михаила Моисеевича и кандидатура Наркомтяжа. (Каганович М. Это не моя кандидатура.) Я извиняюсь, я беру слова обратно, не Ваша кандидатура, а Наркомтяжа. Если Вы к нему отношения не имеете, конечно, я зря сказал. (Смех.) Мы тут блистательно отсутствуем в ряде таких вопросов, в которых мы обязаны присутствовать. Например, у нас, т. Ворошилов, строят очень много вещей. В чем заключается моя роль как политического агента партии? Только в одном: я даю кирпич. Конечно, не я, исполком. Кирпич — это моя функция. Уборевич звонит, я даю кирпич. Но разве в этом должна заключаться моя роль? А как строится авиационная бригада? Составлена ли она — мы не знаем. Что, нам Наркомат обороны разве не позволит неинтересоваться этим делом?

Наркомвнудел — тов. Фриновский — укрепляет границу, огромные деньги вкладывает. Конечно, меня интересует, чтобы он так построил, чтобы враг не прошел, а по существу, может быть, надо посмотреть, что за укрепленные районы, что за пограничные отряды. Мы эту роль не выполняем. Слишком увлеклись своими местными делами, ведь мы отвечаем за местный бюджет, и все то, что не местный бюджет, — все от лукавого.

Четвертое замечание. Тов. Сталин очень правильно сказал насчет того, что мы не видим фронта. Когда новый секретарь обкома приезжает в область, он крепко критикует старое руководство. Я так понял, что Евдокимов хорошо критикует старое руководство не потому, что за него не отвечает, неверно это. Я приехал в Калининскую область, работал до этого в Московской области и увидел сразу много недостатков, которых я раньше не видел. Почему? Потому, что, когда я прихожу на новое дело, мне многое становится понятным. А через месяц затянулся одним вопросом и только один вопрос видишь, мы не видим фронта, видим только один узкий участок.

В этой связи одно замечание только в порядке самокритики. Многие ли из нас — секретарей обкомов — умеют пользоваться таким материалом, который бы нам сигнализировал заранее, например, ЦУНХовские сводки — обзоры по товарообороту, о рождаемости и смертности, — это все политическое руководство. Как можно руководить, если я вижу, что у меня рождаемость меньше, чем смертность, или что у меня товарооборот застрял? Если бы я видел фронт, я тогда бы за людей не работал, а заставлял бы их работать. И последнее замечание в этой связи. (Багиров. Это все к чему?) Если бы я видел весь фронт работы, я меньше тратил бы времени и сил на хозяйство, высвобождал бы силы и время для партийной работы, заставлял бы всех работать. (Багиров. А кто мешает тебе подобрать таких людей, которые бы тебе время от времени такие сводки составляли и обзоры делали?) Никто за тебя анализа области в целом делать не будет. Если я секретарь обкома, я должен смотреть, что у меня с товарооборотом, что делается по другой отрасли, и тогда я буду нажимать педали. А когда я не знаю этого, я должен ждать того, когда председатель потребсоюза придет ко мне сам и скажет: «Высеки меня, у меня плохо». (Голоса с мест. Правильно.)

Михайлов. Последнее замечание у меня насчет советского аппарата. Я хочу о советском аппарате вот что сказать. Конечно, смешно было бы хаять тех советских работников. Работают люди напряженно. Ведь нас

тоже не хаят, а учат. По-моему, то, что мы за них очень много работаем, привело к тому, что очень многие люди в некоторых звеньях стали беспечно работать. (М о л о т о в. В некотором царстве, в некотором государстве.) В том числе и в нашей Калининской области. Я боюсь, что пленум пострадает, если т. Осинский еще раз возьмет слово для заявления, но я вынужден упомянуть фамилию Осинского. Тов. Осинский сказал здесь одну интересную фразу: для души я занимаюсь философией, а для тела — отсиживанием в комиссии по урожайности. Он буквально так сказал, и так я его понял. Философия — это дело, работа. Я отнюдь не считаю, что философия — это неважное дело, хотя после 1921 г. я не читал новых философских положений со стороны т. Осинского, может быть, потому, что я плохо слежу за диалектическим материализмом. А вот что касается работы, он отсиживается телом. Если бы он один был, я бы не привел этого примера. Но людей, которые отсиживаются телом и учреждениях по 5—6 час., а душой в это время на охоте и черт его знает где, таких людей у нас довольно много. Сановников, о которых т. Сталин говорил на XVII съезде партии, много не только в центральном аппарате, но и в области, районе, в особенности на крупных предприятиях. Эти сановники считают приемлемым для себя изречение Корана: «Спешить — свойство дьявола». Между прочим, Магомет не особенно придерживался этого изречения, иначе он не забрал бы столько территории.

Но для меня одно ясно: спешить не надо, работать так, как многие работают, не годится. Я мог бы привести целый ряд примеров исключительной безответственности, причем все это делают с мудрым лицом: культурно, мол, надо работать, собой нельзя пренебрегать. Я понял так, что жить стало весело, жить стало хорошо, — это значит, что мы должны еще лучше, еще напряженнее работать.

Часто получается так, что люди, которые работают мало, обнаруживают еще один опасный недостаток. Человек, который работает без огня, человек, который политически отсиживается телом в своем учреждении, такой человек политически понемножку загнивает. Таков чаепитчик, с которым мы в Московской организации имели большую борьбу. Что это за категория такая? В Москве их так называли, товарищи, наверно, помнят. Чаепитчик — это человек, который потерял веру в наше дело, человек, который ни с кем не хочет ссориться, человек, который тратит на дело час, а на потеху все время. Это человек, который понемножку становится агентом врага. (И к р а м о в. У нас пловсовещание.) Да, в Узбекистане это пловсовещание.

Товарищи, сейчас нам все дано для того, чтобы перестроиться. Что нам надо делать по партийной работе, настолько ясно, что об этом мне говорить не приходится. Для нас ясно, что Центральный Комитет о нашей партийной работе будет судить меньше всего по тому, сколько вопросов мы обсудили на бюро. Этим теперь никого не удивишь. (К а г а н о в и ч. Это тоже существенно.) Все-таки это есть форма. Можно обсудить тысячу вопросов и ничего не сделать. (К а г а н о в и ч. Но это известный показатель.) Конечно, если бы этого не было, тогда совсем было бы плохо. Нам сейчас надо заняться партийной работой по существу. Любители форм и методов, которые гробили партийную работу, которые, собрав три собрания, считали, что подняли партийную работу на высшую степень, такие любители многого не добьются, если они будут по-старому работать.

Для нас должно быть ясно, что ЦК нас вооружил всем, чем надо, чтобы к следующему пленуму мы пришли и сказали: может быть, не на высшую ступень дело подняли, но и этих безобразий, которые мы сейчас допустили, больше не повторим.

Ж д а н о в (председательствующий). Слово имеет т. Хрущев.

Х р у щ е в. Товарищи, вопрос, который мы сейчас обсуждаем по докладу т. Сталина о недостатках партийной работы и о мерах ликвидации вредительства троцкистско-зиновьевских и других двурушников в партийной организации, является самым острым вопросом, потому что он касается партийных организаций, партийных комитетов, которые должны быть органами организации масс, которые должны руководить всеми отраслями

партийной, хозяйственной, советской и культурной работой. Поэтому вопрос очищения этих штабов нашей партии и рабочего класса является первоочередной задачей.

К сожалению, я должен сказать, товарищи, что и в Московской партийной организации врагам рабочего класса, этим предателям, убийцам, троцкистам удалось также вести свою гнусную контрреволюционную работу, а отдельным из них даже пробраться в руководящие органы Московской партийной организации. У нас оказался враг троцкист — бандит Фурер, который покончил жизнь самоубийством, потому что он чувствовал, что к нему потянулись нити, что он был бы разоблачен как враг. Желая скрыть следы своей преступной работы и этим самым облегчить врагам борьбу с нашей партией, он всячески запутывал эти нити, покончив даже жизнь самоубийством. Он заведывал у нас Кульпропом МГК и МОК. Постоловский, который работал секретарем Подмосковского бюро, Рыбин — директор [...] треста для Подмосковского бассейна, которые вели контрреволюционную работу против партии, против рабочего класса.

Если посмотреть расстановку вражеских сил троцкистов-зиновьевцев в Московской организации, то мы получим полное подтверждение неоднократных предупреждений т. Сталина, когда он говорил о бдительности, когда он предупреждал партийные организации во-время разоблачить врага, не давать ему самому вести свою подрывную контрреволюционную работу. Несмотря на это мы все же допустили ротозейство, не подняли должной большевистской бдительности. Пользуясь этим, пользуясь тем, что мы иногда только болтали о бдительности, наши враги в то же время сами подпевали нам о бдительности и в то же время вели свою гнусную контрреволюционную работу, расставляли свои силы по важнейшим предприятиям, имеющим большое значение для нашей обороны. Они расставляли свои силы на более уязвимых хозяйственных участках. Поэтому наиболее засоренным оказался такой участок, каким является Мосэнерго. Там оказалось большое количество троцкистов, там оказался главный инженер Мосэнерго, который хотя и был беспартийным, но пользовался большим доверием, оказался немецким шпионом. Сильно засорена была там и партийная организация. Секретарь партийной организации Мосэнерго Катель оказался также троцкистом, который покрывал работу троцкистской группы, орудовавшей в Мосэнерго, и тем облегчал им эту гнусную троцкистскую работу.

На заводе № 22, авиационный завод, важнейший завод, особый завод, его значение в обороне нашей страны колоссально. Там большая группа троцкистов оказалась. Во главе завода стоял директор завода троцкист Марголин. Завод № 1, тоже авиационный завод. В Госбанке орудовала троцкистская организация во главе с Аркусом и другими, которые занимались гнусной контрреволюционной работой, разворовывали деньги для ведения контрреволюционной работы шайки бандитов, орудовавшей против нашей партии.

По области. На Тульском патронном заводе. Тульский патронный завод имеет исключительное значение. На этом заводе также оказалась большая группа троцкистов во главе с Уваровым, который был разоблачен при проверке партийных документов, который был прямо связан с женою Пятакова, который получал через нее задания по ведению контрреволюционной работы. Позже оказалось, что с арестом Уварова, с арестом его группы все-таки до конца не были выкорчеваны корни контрреволюционных троцкистов, и некоторое время тому назад там опять были выявлены вредители, контрреволюционные троцкисты — Северный, директор патронного завода, Земский, начальник пушечного цеха, — которые срывали выполнение плана по выпуску артиллерийских гильз, которые вели свою контрреволюционную вредительскую работу. Коломенский завод, имеющий огромное оборонное значение. Там тоже была сильная контрреволюционная троцкистская группа, которая была разоблачена и арестована. Такое же положение мы имели на оружейном заводе и на других заводах, особенно на заводах военного значения по Московской области.

Если посмотреть на расстановку сил этих контрреволюционных троцкистов, мы увидим здесь неслучайное совпадение, так как эти силы, эти контрреволюционные гнезда как раз существовали на самых важных наших предприятиях и особенно на предприятиях, имеющих серьезное оборонное значение.

В самой Москве в союзных учреждениях, в наркоматах и объединениях раскрыты главари этой банды — Пятаков, Лившиц, Сокольников, Радек и др. Мы должны заявить пленуму Центрального комитета, что за них также несет Московская организация политическую ответственность. Этого не было бы, если бы у нас на более высокий уровень была поставлена партийная работа, которой мы сумели бы охватить все организации, всех членов нашей парторганизации, по-настоящему организовать партийную работу, установить отчетность коммунистов, работающих в этих учреждениях и предприятиях как на партийных, так и беспартийных совещаниях, организовать в наркоматах обсуждение политических и хозяйственных вопросов. Одним словом, нужно так организовать работу, чтобы партийная жизнь была ключем на каждом заводе, на каждом предприятии, в каждом учреждении. Тогда бы мы сузили возможности работы наших врагов и этим самым получили бы возможность гораздо скорее разоблачить этих врагов.

Товарищи, я хочу несколько ответить на ту критику Московской организации и меня как руководителя Московской организации, критику, которая вчера была здесь дана т. Яковлевым. Тов. Яковлев вчера критиковал работу Московской организации по проверке и обмену партийных документов и самую партийную работу на примере Ростокинского района. Факты, которые он приводил, являются возмутительными, говорящими о плохой партийной работе. Я все-таки хочу уточнить некоторые цифры, названные т. Яковлевым по заводу «Калибр». Я об оценке этих фактов с ним не хочу спорить, потому что дело не в количестве этих фактов, а дело идет о постановке партийной работы, о тех безобразиях, которые совершенно правильно были вскрыты т. Яковлевым. Но некоторые цифры, которые т. Яковлевым не были до конца расшифрованы, я здесь хочу расшифровать.

Завод «Калибр». 197 человек членов и кандидатов насчитывается в парторганизации завода «Калибр». Исключенных 113 человек. При проверке и обмене партдокументов исключено 49 человек. Это, конечно, огромная цифра, безобразная цифра. За пассивность исключено 15 человек. При обмене переведен в кандидаты один человек. Из всех исключенных 62 человека, которые исключены Московской организацией, остальные — это люди, приехавшие из других областей или исключенные раньше, до проверки партийных документов. Это относится к исключениям при чистке и к другим периодам времени.

Завод «Мосэлемент». Коммунистов всего 63 человека, исключенных 17 человек, из них исключено в 1933 г. 4 человека и при проверке партийных документов — 5 человек. Завод «Спецснабжение». Коммунистов 59 человек, исключено 36 человек. Исключенных на этом заводе: при чистке исключено 11 человек, при проверке 10 человек и при обмене 3 человека. Завод им. Ворошилова № 58 — дроболитейный завод, всего коммунистов там 122, исключенных 45 человек. Безусловно, много, это — большая сила. Исключено при чистке в 1933 г. 8 человек, и при проверке партийных документов исключено 8 человек, а остальные 29 человек исключены в разное время.

Правда, товарищи, я здесь не буду спорить, что Московский комитет должен был следить, он должен был знать об этом, и если бы была у нас поставлена на высоком уровне партийная работа, мы бы знали, какова концентрация исключенных из партии людей, чем эти люди занимаются, как они себя ведут в отношении партийной организации, но я считаю, что такое уточнение раскрывает более картину и создает более правильное представление, чем оно было нарисовано в выступлении т. Яковлева. (Голос с места. Что вы оспариваете?) Дело не в оспаривании, я не оспариваю, но когда говорят, что парторганизация 122 человека и 45 человек исключено, вы что думаете, вы все руководители партийный ор-

ганизаций? Когда сидишь и слышишь такие вещи,— это все равно, как молотом по голове бьют, и ты чувствуешь, как ты прямо привскакивать. Я считаю, что было бы совершенно неправильным, если бы я говорил — вот я как люблю самокритику, когда меня критикуют,— это блага на меня сыплются. Таких дураков нет, товарищи. (Смех.)

Я прошу меня правильно понять, если бы люди так к самокритике относились,— это значит, что они привыкли к самокритике, самокритика на них не действует, люди привыкли, когда их бьют. А самокритика нам нужна для большевистской работы, для искоренения всех недостатков, которые еще имеются в нашей партийной работе, и если человек не привык, не потерял чутье, когда его критикуют и бьют,— значит он небезнадежен. (Голоса с мест. Правильно!) Я прямо говорил т. Гамарнику, что, когда человек выступил удачно, видимо, он спал спокойно, а когда человеку попало поделом и он осознал это,— ворочался, видимо, долго он. (Смех.)

Вопрос о недостатках и ошибках, которые мы имеем в Московской организации, о которых записано в предложениях Центрального комитета в целом по партии, и в том числе по Московской организации, которая имеет те же ошибки, которые имеют и другие партийные организации.

Вопрос исключения из партии врагов — зиновьевцев и троцкистов. Я должен сказать, что мы по Московской организации имели такие же безобразные факты, о которых рассказывали выступавшие товарищи на пленуме Центрального комитета. Исключенных троцкистов и зиновьевцев при проверке партийных документов мы имеем 1200 человек, при обмене партдокументов мы имеем исключенных 304 человека, а после обмена мы имеем по Московской области 942 человека исключенных троцкистов, зиновьевцев и в том числе правых. Правых, правда, очень мало еще исключено, и тут мы еще не докопались, мы, как тут товарищ один выступал и говорил, не расковыряли, а в Московской организации был когда-то урожай на эту породу антипартийных, контрреволюционных людей. И нам нужно здесь еще большую работу провести.

Товарищи, это говорит о том, что мы в начале своей работы не сумели по-большевистски заострить внимание, озлобить и вздыбить партийную организацию и правильно направить ее против врага, против троцкистов и зиновьевцев. Но если здесь посмотреть сейчас по числам, то получается нарастание исключения врагов, и как раз врагов тех, которых нужно исключать,— троцкистов и зиновьевцев. Письмо Центрального комитета, решение Центрального комитета, процесс над зиновьевцами и троцкистами — все это давало нарастание людей, которые выявлялись как враги партии.

Товарищи, эти факты, которые я вам называл, являются, безусловно, безобразными, но я должен сказать, вот сейчас по Московской организации мы имеем такую картину. По всей стране сейчас очень много людей, у которых что-нибудь да есть. Например, нет данных у человека для исключения, а его снимают. Совершенно правильно, и мы, Московская организация, так же делаем, но я вот могу сейчас представить списки. Смотришь, человек обернулся через железную дорогу, и он в Москве сидит. Огромное количество таких людей. Взять Среднюю Азию, взять другие места Советского Союза, все они пролезают сюда. Сюда пролезают не только люди меченые, но и те, до которых еще не добрались. Товарищи, сюда также устремляются исключенные из партии люди. Я просто хочу тут сказать свою мысль. Город большой. Я знаю рудник, на руднике ты куда-нибудь вышел, так на тебя все воробьи будут чирикать, что ты там-то был. А у нас можно три года жить на одной площадке и не знать, кто с тобой живет. Человек на предприятии работает. Он семь часов отработал, там его знают, за ним следят, но это официальные семь часов. Был такой анекдот. Когда на чистке спросили одного служащего, веруешь ли ты в бога, он говорит, на службе — нет, а дома — да. Так и здесь может быть. Он на службе за партийную линию, он на службе против врагов партии, он на словах борется, другой раз и на деле хочет показать себя, что он борется

за линию партии, организует работу, выполняет план, а идет к себе домой, ведет подпольную контрреволюционную работу. Товарищи, я не хочу, чтобы меня поняли члены Центрального комитета партии, что это должно как-то снизить нашу ответственность, что это какая-то объективная причина. Нет, я этого не хочу сказать, но я хочу показать условия, которые у нас имеются. И поэтому нужно найти силы для того, чтобы преодолеть эти условия и не давать возможности врагу укрываться в Москве, которая является столицей нашего Советского Союза. Ответственность, которая ложится на столичную партийную организацию в борьбе со всеми врагами рабочего класса, со всеми врагами нашей партии, тем более велика.

Товарищи, о партийно-организационной работе. Вопросы, которые называл т. Яковлев в своем выступлении, вопросы самоотчетов, вопросы диких записей в протокол, — я это признаю. Это, к сожалению, имеет место в нашей Московской партийной организации и Московской областной партийной организации. Вопрос болтовни, вопрос с именем, отчеством имеет место, и я считаю, что здесь критика т. Яковлева совершенно правильна, потому что ничем это не вызывается, ни для чего это не нужно. Каждый большевик своим горбом, своей работой должен завоевать авторитет. Это дает возможность всяким проходимцам, льстецам просто подпевать и несколько расхолаживать и подслащивать и тем самым в известной части давать свободу врагу. С этим надо бороться.

Я целиком и полностью присоединяюсь к критике Якова Аркадьевича, критика правильная. Я назвал Яков Аркадьевич, извиняюсь т. Яковлев. (Смех.) Это я без умысла, что вот, мол, Никита Сергеевич, Яков Аркадьевич, тут, по-видимому, сказалась сила энергии. (Смех. Голос с места. Нет греха и по имени-отчеству назвать.) Не грех назвать, Валерий Иванович (Смех. Голос с места. Поймал.) Поймал. Дело не в том, поймал или не поймал, пожалуйста, назовите хоть Пуд Пудович и как угодно, но вопрос официальных отношений, безусловно, правильный. Когда официальные отношения в работе, то это создает больший порядок, безусловно, и только улушает работу. (К а м и н с к и й. Имя и отчество ведь есть?) Григорий Наумович, не беспокойтесь, имя и отчество, конечно, у вас останутся, но если будут называть т. Каминский, это, во всяком случае, не хуже, чем Григорий Наумович, а даже лучше.

О партийно-организационной работе. У нас у некоторой части членов партии замечается сейчас небольшевистское отношение к партийной работе, часто люди, даже партийные работники, в это же время занимаются не изучением истории партии, не изучением марксизма-ленинизма, а изучением механики, техники, занимаются изучением другого дела, полезного и нужного для нашего хозяйства, но это не является главным для него в его партийной работе.

У нас некоторые партийные работники неплохо изучают летное дело. Никто не может возражать против летного дела, но если поставить вопрос по-настоящему, по-большевистски, может он ходить пешком по заводу, а не летать на ТБЗ, он больше пользы принесет для партийной работы, чем если он в это время будет изучать самолет. Лучше пусть он изучает историю партии, организационно-партийную работу, кадры свои изучает. (Г о л о с с м е с т а. Это противопоставление.) Товарищи, я не противопоставляю. Разве это противопоставление, если секретарь партийного комитета не знает, если мне звонит в МК секретарь: т. Хрущев, у нас вылетел сейчас самолет, он достиг такой-то высоты, а у него троцкисты орудуют, организуют людей против нас. Да разве это противопоставление? Это значит не видеть, что у тебя делается, как все равно сорока. Это значит, что этот партийный руководитель не видит, что за него работают контрреволюционные элементы, враги нашей партии. Поэтому здесь нет никакого противопоставления.

Особенно это должны учесть секретари партийных комитетов. Если секретарь партийного комитета забросит партийную работу, будет заниматься другими делами, то никто за него партийной работы делать не будет. Хозяйственник занимается своей работой, советский работник зани-

мается своей работой, а партийная работа стоит. (Межлаук. И хозяйственной работой надо заниматься.) Да, т. Межлаук. (Межлаук. И хозяйственный работник должен заниматься партийной работой.) Тов. Межлаук, хозяйственной работой партийная организация должна заниматься, но с угла партийной работы. (Межлаук. Конечно!) А у нас иногда этим не занимаются. У нас бывает так: идет директор, за ним секретарь партийного комитета и другие, и все несут какую-то паршивенькую модель, и он сам, бедняга, ничего не понимает в этой модели, а плетется в хвосте у директора, хочет и он показать, что и он в технике что-то понимает. (Голос с места. Петушком.) Да, петушком. При подборе и выдвижении кадров на партийную работу мы имеем такое положение, когда член партии идет на партийную работу и рассматривает это как переходящую ступень для выдвижения на хозяйственную или советскую работу. Это факт. Мы имеем в низовой партийной организации такое положение, когда цеховой организатор, секретарь партийного комитета пошел на партийную работу, поработал год-два и говорит: теперь я подрост, мне пора пойти на хозяйственную работу.

Нам надо создать кадры партийных руководителей, потому что нам нужно сейчас со всей силой повернуть партийную работу и всех членов партии к партийной работе. С большой силой и большой убедительностью говорил т. Сталин о партийной работе, о вопросах пропаганды, о вопросах марксистско-ленинского воспитания нашей партийной организации и членов партии.

Основной вопрос, который поднял и поставил т. Сталин в своем докладе, — это о марксистско-ленинском воспитании каждого члена партии. Вопросы пропаганды, вопросы нашей большевистской агитации, эти вопросы нам нужно поднять и поставить по-большевистски, а для этого опять-таки нужно работать над повышением политического уровня наших руководящих работников, ячейковых работников. Сейчас, грубо говоря, пропагандистская работа у нас находится в некоторой степени на откупе пропагандистов. Даже секретари районных комитетов партии, не говоря о секретарях заводских комитетов партии, побаиваются ходить на кружки, побаиваются ходить на занятия, потому что они не подкованы, не подготовлены, не могут войти в суть дела, в изучение того или иного вопроса, боятся оскандалиться. Это факт. Поэтому проверка подготовки и прохождения программы сводилась к проверке посещаемости, дисциплинированности в партийных кружках, а не обращается внимание на самое главное, что должно быть непосредственно под наблюдением партийной организации: как составляется программа, как усваивается программа, как ведется преподавание, как излагается предмет, правильно ли излагается предмет, правильно ли усваивают слушатели. Это — основное, это — существенное, это — главное, а мы, товарищи, на это не обращаем внимания.

О перестройке партийной работы. Мы, например, говорим о перестройке партийной работы, а мы продолжаем жить по-старинке. Мы врываемся в партийную работу: поедем на завод, поговорим с цеховым организатором, заслушаем парторга на бюро горкома или райкома, примем резолюцию, причем стараемся принять резолюцию, которая была бы типичной по партийной работе для всех московских партийных организаций, или же даем ей отраслевое направление, но это не то, что нужно для перестройки партийной работы. Для перестройки партийной работы нужна повседневная организация партийной работы, повседневно следить за этим. Организовать партийную работу — это не значит бывать на предприятии, побеседовать с тем или иным рабочим. Нужно вникать в корень дела, нужно посмотреть, как в данной организации организована партийная работа, что это за люди, как они подобраны, какую имеют подготовку, как инструктируют, как ставят вопрос на партийном собрании, ставят ли они вопросы, которые выдвигает масса, изучают ли они запросы масс, дают ли ответы на вопросы, которые поднимают рабочие и работницы, действительно ли инструктируются не на ходу, а по-настоящему, как прорабатываются те или другие животрепещущие вопросы, которые ставятся нашими

низовыми активистами, групповыми парторганизациями, цеховыми парторганизациями, членами бюро парторганизаций и т. д. С ними нужно работать.

Мероприятия, намеченные в предложениях ЦК по докладу т. Сталина, ликвидируют недостатки в нашей работе, и на основе их мы перестроим нашу работу. Наши силы огромны, и те большие недостатки, которые были выявлены в нашей работе Центральным Комитетом, будут исправлены. Московская организация насчитывает в своих рядах сейчас, после проверки и обмена партийных документов, 150 тыс. членов и кандидатов партии. Московская областная организация насчитывает 88 тыс. членов и кандидатов партии, секретарей райкомов партии 241, секретарей парткомов и партторгов 8631. Это — огромная армия большевиков, работающих на партийной работе.

Если мы по-настоящему поставим партийную работу, подберем им заместителей, тем самым мы еще больше залезем вширь и вглубь нашей партийной работы.

Товарищи, я не хотел бы, чтобы меня поняли так, что я, ссылаясь на большие цифры, хочу сказать, что эти цифры сами за себя говорят, что Московская организация справится с задачами, которые возлагаются на нее решением пленума ЦК по докладу т. Сталина. Нет, к этому еще нужны прежде всего организованная работа и напор большевистский, подбор кадров, проверка, правильная расстановка людей и руководство всей этой огромной армией, которую представляет собой Московская областная и городская партийные организации.

Вот почему я могу с уверенностью и без бахвальства заявить от имени Московской организации, что мы все силы приложим для выполнения решений пленума и указаний т. Сталина, поставим партийную работу на должную высоту, поднимем еще выше идейный уровень каждой партийной организации и тем самым укрепим наши большевистские ряды, до конца искореним остатки недобитых враждебных классов, этих бандитов — фашистов, троцкистов, зиновьевцев и правых. (Голоса с мест. Правильно!)

(Продолжение следует)

Перлюстрация в первые годы советской власти

В. С. Измозик

Во 2-м издании Большой Советской Энциклопедии содержится такое определение: «Перлюстрация (от лат. *perlustro* — обозрение) — тайное вскрытие государственными органами пересылаемой по почте корреспонденции... В СССР тайна личной переписки охраняется законом (Конституция СССР, ст. 128)»¹. Сей текст должен был убедить читателя, что тайное заглядывание государственных органов в частную переписку своих граждан есть дело прошлого и вовсе незнакомо в СССР. Такая «наивность» будет понятна, если вспомнить, что при советской власти почти не имелось публикаций даже о существовании перлюстрации до революции. Исключением могут служить воспоминания бывшего цензора Майского и сообщение о перлюстрированной переписке насчет мощей преподобного Серафима Саровского. Продолжение подобной практики в советском государстве стало одной из наиболее охраняемых тайн, на которую не допускалось даже намека в подцензурной печати. Единственный материал на эту тему — воспоминания лица, работавшего в 1946—1952 гг. в читинском отделении Политконтроля².

Большевики, придя к власти, быстро приспособили механизмы полицейского государства для своих нужд. Напрасно царские чиновники, занимавшиеся ранее перлюстрацией, волновались за свое будущее, не зная отношения к себе советской власти. Экономическая секция Управления военного контроля в Петрограде, занимавшаяся перлюстрацией международной переписки, в поисках новых потребителей информации направляла выписки из перлюстрированной корреспонденции в Совет народного хозяйства Северного района, Центральную управу Петроградского продовольственного совета, Продовольственную управу Невского райсовета, отдел нормировки и снабжения ВСНХ, Петроградскую ЧК и др. Из этих организаций только отдел ВСНХ отказался от предлагавшихся услуг. В письме от 2 июня 1918 г., подписанном секретарем Петроградской ЧК, сообщалось: «Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией имеет честь довести до Вашего сведения, что большинство данных Вами в Комиссию сведений и телеграмм дали самые благоприятные результаты как в смысле раскрытия многих спекулятивных сделок, так и в смысле обнаружения видных контрреволюционеров и шпионов. Чрезвычайная Комиссия, выражая Вам свою глубокую признательность, просит Вас и в даль-

Измозик Владлен Семенович — кандидат исторических наук, доцент Северо-Западного политехнического института, Санкт-Петербург.

нейшем с тем же вниманием продолжать Вашу необходимую для успеха революции работу»³.

Особенно важным для перлюстраторов стало правительственное признание. 22 июня 1918 г. из Управления делами Совнаркома РСФСР было отправлено официальное отношение: «Управлению Военного Контроля. Свидетельствуя получение Ваших отношений за №№ 3738 и 3742, имею честь по поручению Председателя Совета Народных Комиссаров Владимира Ильича Ульянова просить Вас энергично продолжать Вашу деятельность по содействию в борьбе со спекуляцией, шпионажем и контрреволюцией и доставлять соответствующие сведения секретными пакетами на мое имя, а также широко информировать и завязать сношения с Всероссийской Чрезвычайной комиссией по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлением по должности, помещающейся в Москве на Большой Лубянке, 11. Секретарь Совета Народных Комиссаров Н. Горбунов».

Отсюда видно, что летом 1918 г. перлюстрацию проводило, как и до октября 1917 г., Управление военного контроля. Представление об организации и размерах этой деятельности дает «Докладная записка о постановке дела военно-почтово-телеграфного контроля в Петрограде», подготовленная, судя по названию учреждения и адресату — начальнику Военно-цензурного отделения Григорьеву — осенью 1918 г. и подписанная А. А. Покровской (с 24 декабря 1918 г. начальник подотдела почтово-телеграфного и телефонного контроля Петроградского окружного военно-цензурного отделения, и ранее выполнявшая там руководящие функции). Сотрудники военно-контрольного бюро просматривали простую и заказную международную корреспонденцию, внутренние и международные телеграммы, проходившие через Петроград. Задачей контроля было «выделить письма и телеграммы криминального и подозрительного характера с точки зрения охраны государственности и направить таковые в надлежащие учреждения при меморандумах для разработки материалов»⁴.

Для выполнения этой работы почтовый контроль разделился «на самостоятельные столы или по местному наименованию отделы по роду корреспонденции»: отделы «простой международной корреспонденции», «заказной международной корреспонденции», «военно-экономический отдел (коммерческая заказная и простая корреспонденция абонентных ящиков)». В зависимости от числа контролеров отдел мог члениться на отделения. При начальнике контроля имелась «канцелярия для ведения регистрации прочитанных писем..., пересылки задержанной корреспонденции центральным учреждениям для разработки материала».

Действовал такой порядок прохождения корреспонденции через цензуру: корреспонденция приходила с почтамта, «предварительно рассортированная почтовыми чиновниками в присутствии дежурных почтовых контролеров». Последние следили за тем, чтобы «вся корреспонденция, подлежащая читке, поступала полностью на просмотр». Простая корреспонденция подавалась в мешках по приблизительному подсчету писем. Заказные письма поступали с описями, составленными на почтамте. После проверки количества писем в каждой пачке они передавались в Стол для обработки по секретным спискам (перечням лиц, чьи письма подлежали обязательной перлюстрации) доверенным сотрудникам. Остальные письма поступали «через руководителей в читку по группам военных контролеров». По прочтении письмо оклеивалось «заклейками теми же военными контролерами, которые их вскрывали», сверху ставился штамп контролера.

Далее «письма, подлежащие отправлению, сдаются обратно на почтамт, на выделенные же по прочтении письма, подлежащие задержанию, составляются меморандумы, причем ответственность за правильность и точность составления меморандумов ложится на осведомителей, находящихся при каждом отделе... Кроме ответственности за каждый составленный меморандум на осведомителе лежит обязанность составления месячного отчета как по осведомительной, так и по экономической части». Имелось примечание: «отчет или сводка сведений... составляется... на основании вынесенных впечатлений от чтения писем за истекший месяц».

Для контроля за добросовестностью работы производилась ее проверка в поверочном отделе ⁶.

Когда новые инструкции еще отсутствовали, работа на местах различалась в деталях. В Москве осведомители не были распределены по группам и составляли «отдельный стол, на который и передаются все меморандумы»; отсутствовало распределение «групп по разным видам корреспонденции». Затем в октябре 1918 г. при Полевом штабе Реввоенсовета Республики (РВСР) был создан военно-цензурный отдел, входивший по ноябрь 1919 г. в Регистрационное управление (тогдашнее название Разведывательного управления) РККА. Согласно приказу РВСР от 27 ноября 1919 г. отдел стал самостоятельным при РВСР, подчиняясь непосредственно комиссару Полевого штаба. 23 декабря 1918 г. РВСР утвердил «Положение о военной цензуре», введившее контроль над всей печатной продукцией, радио, телеграфом и телефоном, а также просмотр международной и «по мере надобности внутренней почтово-телеграфной корреспонденции» и «контроль над переговорами по иногороднему телефону».

Начальником отдела военной цензуры до конца декабря 1919 г. был Я. А. Грейр, а с 27 декабря начальником отдела стал Н. Н. Батури (Батурин (Замятин) Николай Николаевич (1877—1927) — член РСДРП с 1901 г., с 1918 г. член редколлегии газеты «Правда»), Грейр же — его помощником. Батурина к началу 1921 г. сменил В. В. Лесовой. Помощником начальника отдела по почтово-телеграфному контролю к марту 1919 г. являлся С. Б. Алмазов, принятый на службу в январе 1919 г., его сменила принятая на службу одновременно с ним О. Я. Зустер, именовавшаяся начальником отделения почтово-телеграфного, радио-телеграфного и телефонного контроля. Начальником Московского отделения военной цензуры почт и телеграфов в те годы был Г. Л. Жеребцов, Петроградского — И. М. Медведев, а вышеназванная Покровская стала его заместителем ⁷. Большинство лиц вышло из кадров дореволюционной цензуры.

В обязанности отдела военной цензуры среди прочего входила «информация правительственных учреждений и доставление заинтересованным органам сведений, могущих быть полезными в деле ведения борьбы с злоупотреблениями, наносящими вред военным интересам Республики». В отдел входили военно-цензурные отделения при отделах военного контроля военных округов, военно-цензурные пункты при отделениях военного контроля губернских военных комиссариатов и местные военные цензоры. В июле 1919 г. окружные военно-цензурные отделения получили название «Отделения военной цензуры почт и телеграфов» ⁸.

Разрабатываются также штаты этих учреждений, появляются первые инструкции. В отдел военной цензуры входили 32 человека, включая трех контролеров почт и телеграфов. Подотделы почтового, телеграфного и телефонного контроля в Москве и Петрограде насчитывали, по нашим подсчетам, по 195 человек, включая 144 контролера. При других окружных фронтах и РВС фронтов полагалось иметь 24 контролера, включая трех старших, для почтово-телеграфного и телефонного контроля; из них пятеро ведали контролем «разговоров по иногороднему телефону». В губернских военно-цензурных пунктах предусматривались, включая начальника — старшего цензора, четыре контролера. То есть общая численность персонала для осуществления перлюстрации (без технического состава) должна была составить по Советской России около 1 тыс. человек.

Инструкция устанавливала и сроки просмотра корреспонденции: для открыток на русском языке — «два дня со времени поступления в Военный контроль», для открыток «на иных языках» и писем — три дня, для телеграмм — 4 часа. При вскрытии заказных отправок требовалось составлять акт, а на «оболочках простых писем и на телеграммах» делать отметку «Просмотрено военным контролем» ⁹.

В ходе гражданской войны советская власть все более повышала контроль за настроениями населения, сочетая его с политическим сыском. Приказ РВСР от 12 июля 1919 г. предусматривал новую структуру органов цензуры почт, телеграфов, радио и телефона. Намечалось восемь видов

почтовой цензуры: 1) отделение почтово-телеграфного, радио и телефонного контроля в Отделе военной цензуры — 25 человек (старших контролеров — 3, контролеров — 20, шифровальщик — 1, химик-лаборант — 1); 2) почтовые подотделения Московского и Петроградского отделений военной цензуры: соответственно 212 и 233 человека (начальников — 15, знающих не менее трех иностранных языков — 30, менее трех — 120, один шифровальщик, 10 заклеящиков; для телеграфа: 4 начальника, 20 цензоров, далее — прикомандированные из почтово-телеграфной конторы и химик-лаборант); 3) при РВС фронтов — 27 сотрудников; 4) при РВС армий — 22; 5) в военно-цензурных пунктах при полевых почтовых конторах штабов дивизий — 4; 6) в отделениях военной цензуры почт и телеграфов группы «А», пропускавших в сутки более 10 тыс. почтовых отправок, — 89; 7) в отделениях военной цензуры почт и телеграфов группы «Б», пропускавших в сутки 5—10 тыс. отправок, — 46; 8) отделения военной цензуры почт и телеграфов группы «В», пропускавшие менее 5 тыс. отправок, — 22. Таким образом, в перлюстрации должно было участвовать не менее 10 тыс. человек ¹⁰.

В марте 1919 г. были подготовлены подробные инструкции «для цензурирования международной корреспонденции», «для почтово-телеграфных военно-цензурных отделений (кроме Москвы и Петрограда)», «Схема движения писем в отделении ВЦ почт и телеграфов», «Правила для цензурирования корреспонденции из Красной Армии», «Правила цензурирования корреспонденции, идущей в Красную Армию», «Правила для контролеров военно-почтового контроля», «Ведомость о раздате писем». Инструкции имели до 20 пунктов и множество подпунктов. Там детально расписывалось поведение цензора в каждом конкретном случае. В международной корреспонденции требовался полный просмотр всей входящей и исходящей переписки.

Конфискации подлежали «письма шифрованные, имеющие условный смысл или непонятные по своему содержанию», «содержащие в себе указания о деяниях, караемых уголовными законами», «по порнографическому содержанию... открытые письма», «на непонятных языках... до перевода», «возбуждающие какие-либо сомнения о причастности к шпионажу или контрреволюции», «содержащие в себе военные тайны врагов Советской Республики»; по усмотрению начальника подотделения — письма, «исходящие из России с тенденциозным изложением событий внутри страны, искажающие действия и мероприятия Советской власти», «содержащие явно преступные сведения об экономическом положении страны». Кроме того, цензура проводилась «соответственно требованиям и инструкциям Комиссариатов: финансов, иностранных и внутренних дел и других советских учреждений» ¹¹.

На все конфискованные и задержанные письма требовалось составить «в двух экземплярах меморандумы, скрепленные подписью контролера и обязательно проверенные руководителем». Меморандум включал сведения: «а) от кого и куда письмо, б) кому и куда, в) краткое содержание тех мест письма, на которые обращено внимание, г) п/п инструкции, по которым предполагается конфискация или задержка письма, д) штампель контролера и руководителя, е) время составления меморандума». Письма, подлежащие конфискации и задержанию, пересылались в Отдел цензуры при 1 экз. меморандума, а конфискованные письма, «по возвращении их Отделом», следовало хранить в подотделении два года и далее сдавать для уничтожения в почтовые учреждения.

По внутренней переписке цензуре подлежали письма из Красной Армии и в Красную Армию, все заказные письма и все телеграммы. «Письма берутся в почтовой конторе только в том количестве, которое Отделение в состоянии просмотреть в один рабочий день». Задерживались письма шпионского и контрреволюционного характера, «обличающие преступления по должности, спекулятивные, непонятного и уголовного смысла, шифрованные, по секретным спискам Особ. отделов или ЧК». Их направляли в «ближайшее учреждение Особого отдела, если содержание... военного характера, и в Чрезвычайную комиссию, если содержание корреспонденции

частного характера». На эти письма тоже составлялись меморандумы, а от контролеров требовалось «все сведения, касающиеся внутренней жизни Красной Армии и ее морального и политического состояния», записывать «на особые именные отчетные листы» и группировать. Если какое-либо сообщение «подтверждается более чем одним письмом, то за таким сведением ставится количество подтверждающих его писем». Два раза в месяц представляли сводку сведений из писем о состоянии Красной Армии¹².

Механизм перлюстрации раскрывает «Схема движения писем в отделении ВЦ почт и телеграфов». Заказные письма распределялись по группам: красноармейские, официальные, международные, частные. Затем корреспонденцию передавали на секретный стол, где ее просматривали по адресам. «Письма, адресованные на имя лиц, значащихся в секретных списках», шли к начальнику стола. По отобранным письмам составлялся «список с указанием номеров писем (без указания адресов и фамилий)». Его и остальную корреспонденцию возвращали на стол № 1. «Международную корреспонденцию на неизвестных языках» в тот же день отправляли в Московское отделение. «Все письма адресатов, значащихся в поименных списках», начальник секретного стола тотчас пересылал «нераспечатанными в то учреждение, по спискам которого они задержаны».

Стол № 1 передавал письма под расписку цензорам-руководителям (стол № 3), те — цензорам (стол № 4); «оставив себе не менее 50%». В обязанности цензоров-руководителей входили контроль за работой подчиненных, проверка меморандумов и составление по ним ежедневной сводки. Письма с меморандумами передавались на осведомительный стол (№ 7), а оттуда — «в соответствующие учреждения». Осведомительный стол составлял общую сводку по данным цензоров-руководителей. Был еще стол № 5, контролировавший работу. Дальнейшим пунктом движения перлюстрированной переписки был стол № 6 (заклейщики), где «приводят конверты в первоначальный, по возможности, вид, тщательно их заклеивают и передают всю корреспонденцию обратно на стол № 1», который сдает ее в почтово-телеграфную контору под расписку¹³.

Простые письма из почтово-телеграфной конторы поступали на секретный стол, затем вся корреспонденция кроме задержанных писем шла на распределительный стол. «Дальнейшее ее движение ничем не отличается от движения заказной корреспонденции». Не подлежали цензуре телеграммы и письма правительственных учреждений и лиц, а также «частная корреспонденция, адресованная на имя членов ВЦИК, СНК, членов коллегий НК и ЦК РКП». В международной корреспонденции не подлежали просмотру переписка правительственных лиц и учреждений («если на конверте обозначено соответствующее учреждение и письмо запечатано его печатью»), «письма дипломатических агентов нейтральных и дружественных нам государств», «частная переписка правительственных лиц РСФСР по особому списку».

Инструкции подчеркивали, что «цензура корреспонденции, идущей из Красной Армии и в Красную Армию, производится секретно, вскрывается осторожно, тщательно заклеивается, никаких цензурных штемпелей на ней не ставится и в тексте ничего не вычеркивается». По международной переписке отмечалось, что «на самой корреспонденции не ставится никаких штемпелей», «штемпель контролера ставится только на адресе письма». Цензорам особо напоминали, что «военная цензура корреспонденции из Красной Армии есть учреждение совершенно секретное».

Уделялось большое внимание кадрам цензурных отделений. Широко использовались старые сотрудники, а новые набирались во многом из числа лиц с образованием. По нашим подсчетам, в декабре 1918 г. в Московском военном почтово-телеграфном контрольном бюро из 119 работников (без рассыльных) 57 начали цензурную службу до ноября 1917 г.; иностранными языками владело до 92%. В анкетах для личного состава имелись вопросы: «где служили... между 1 марта и 25 октября 1917 г.», «где служили с 25 октября 1917 г. (перечислить все занимаемые должности за этот период)», «состояли ли в других партиях». Особой тайной оставались списки тех, чья

переписка подлежала обязательному просмотру; инструкция подчеркивала, что «секретные списки могут быть доверены только сотрудникам-коммунистам»¹⁴.

Все годы гражданской войны военная цензура после просмотра корреспонденции дважды в месяц направляла сводки руководителям РКП(б) и советского государства. Сводки делились на «военные», «дезертирские», «по вопросам частной и общественной жизни населения», имели гриф «Совершенно секретно», а их объем — от 30 до 40 машинописных страниц. В «военных» сводках выделялись разделы «жалобы на голод», «о недополучении обмундирования», «жалобы на неполучение жалованья», «о ходе культурно-просветительной работы», «о настроении красноармейцев», «о взаимоотношениях красноармейцев и командного состава», «о массовых заболеваниях среди красноармейцев». Большинство приводимых в сводках выдержек содержали жалобы на эпидемии, поборы местных властей, голод. Но одновременно писали о появлении театральных коллективов и постановке спектаклей, об уверенности в будущей счастливой жизни. В сводке за вторую половину февраля 1920 г. приводилось 66 выдержек из писем жителей Вятской губернии в Красную Армию: в 34 содержались жалобы на поборы и голод, в 24 рассказывалось об эпидемиях, в 8 — о спектаклях¹⁵.

По мере усиления роли ВЧК в политической жизни страны и сосредоточения в ее руках всех функций тайной полиции встал вопрос о передаче ей органов, занимавшихся перлюстрацией. 30 июня 1920 г. вопрос рассматривался зам. председателя ВЧК И. К. Ксенофонтовым, зам. начальника Особого отдела ВЧК В. Р. Менжинским и начальником Отдела военной цензуры Н. Н. Батуриным. Затем приказом РВСР от 10 августа 1920 г. функции Почтконтроля были переданы особистам. 9 августа 1921 г. совместным приказом РВСР и ВЧК Управление военной цензуры Штаба РККА было передано в ведение ВЧК и стало подотделом военной цензуры Информационного отдела ВЧК. В истории советской перлюстрации открылась новая глава. С переходом к нэпу структуры органов перлюстрации на первых порах сократились, зато продолжали совершенствоваться. Инструктор ЦК РКП(б), обследовавший летом 1921 г. постановку информационной работы в центральных советских учреждениях, доложил, что в Отделении цензуры и писем ВЧК «около 70 работников», которые ведут перлюстрацию «писем типичных внутренних и всех заграничных», на основании чего составляются «ежедневные и двухнедельные сводки... о социально-политическом настроении массы»¹⁶.

Но с преобразованием ВЧК в ОГПУ работа по перлюстрации получила заметный размах. Этим теперь ведал отдел Политического контроля ОГПУ. Хотя численность ОГПУ к концу 1924 г. сократилась (летом 1921 г. административно-регистрационное управление ВЧК имело на учете 60 тыс. работников, в декабре 1924 г. в ОГПУ вообще имелось, без погранвойск и воинских частей ОГПУ, 20 877 гласных сотрудников), это никак не сказалось на деятельности Политконтроля: штат почтово-телеграфного отделения вырос до 106 человек, «работавших на почте, телеграфе, таможне и радиоузле»; в Москве тогда имелось уже 8 старших контролеров, в 24 губернских отделах появилось по одному такому сотруднику¹⁷.

Относительно состава сотрудников имеются данные по Политконтролю в целом. В осведомительном отделе его центрального аппарата числилось 9 гласных работников. Из 115 человек, работавших в двух отделениях, членов РКП(б) было 93, рабочих по происхождению — 70, крестьян — 19, интеллигентов — 26. Сокращение штатов велось «по классовому признаку», что снижало образовательный уровень сотрудников. Высшее образование имели лишь двое, среднее — 36, низшее — 77. Начальником соответствующего отдела Политконтроля являлся опытный следователь-большевик И. З. Сурта; в Петрограде такое отделение Политконтроля возглавлял И. А. Новик. Он родился в 1890 г. в Минской губ., сын крестьянина-белоруса, окончил трехклассную приходскую школу и одногодичную «народную министерскую» школу, с 1912 г. служил в кавалерии писарем, потом стал чиновником военного времени, член РКП(б) с июля 1918 г.,

в Красной Армии тоже с 1918 г., работал по хозяйственной части и в военно-цензурном отделении, с августа 1921 г. в ВЧК, с 1 сентября 1921 г. начальник Петроградского отделения цензуры, начальник отделения Политконтроля Петроградского ГПУ, помощник начальника Информационного отдела ОГПУ, в первой половине 30-х годов находился в советских консульствах в Праге и Берлине, с июля 1936 г. инспектор и начальник 9-го отдела в Управлении НКВД по Ленинградской обл., арестован 26 апреля 1938 года. Особым совещанием при НКВД СССР приговорен 4 августа 1938 г. к 8 годам трудлагерей, умер на Колыме в 1940 году¹⁸.

Вопросы перлюстрации решались обязательно при участии ЦК и ЦКК РКП(б). 9 октября 1922 г. комиссия Политбюро ЦК под председательством зав. отделом ЦК Я. А. Яковлева с участием зам. председателя ГПУ Г. Г. Ягоды и члена коллегии Наркомата почт и телеграфов А. М. Николаева обсуждала вопрос «О военно-политической цензуре». Было решено: «1. Легализацию цензуры международной корреспонденции признать нежелательной. 2. Признать, что обследование Московского отделения ВПЦ [военно-политической цензуры] заставляет технику и постановку с внешней стороны [признать] в общем удовлетворительной, хотя и в этом отношении необходимо повысить качество и тщательность работы. В тех целях признать необходимым привлечение старых специалистов. 3. Признать личный состав ВПЦ малоразвитым и малосоответствующим по своему политическому уровню. 4. Для устранения этого недостатка признать необходимым значительное повышение оплаты труда сотрудников ВПЦ и привлечение на работу контролеров более подготовленных в политическом отношении и более развитых товарищей. 5. В целях уменьшения механической работы признать желательным, чтобы ГПУ приняло меры к некоторому сокращению объема просматриваемой корреспонденции, прибегая к массовым осмотрам в исключительных случаях»¹⁹.

Технологию перлюстрации и пути взаимодействия ОГПУ с Наркомпочтелем определяла комиссия под председательством члена ЦКК Н. П. Крумина с участием зам. наркома иностранных дел М. М. Литвинова, наркома почт и телеграфов А. М. Любовича, зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды и начальника отдела Политконтроля И. З. Сурты. Она потребовала «принять все меры к особо тщательной заделке дипломатической иностранной корреспонденции, доведя безукоризненность заделки до 100%, ...необходимы в дальнейшем технические улучшения для вскрытия писем, возможная механизация этого дела... Политконтролю учесть, что промедление писем, в особенности городских, должно соответствовать почтовому процессу, не допуская резкой разницы дней налагаемого штампа. Почтамту и отделению Политконтроля наметить способы наибольшей изоляции мест Политконтроля внутри почтовых экспедиций ...Наркомпочтелю и ОГПУ определить способы извещения отправителей международных телеграмм в случае их задержания. Политконтролю установить скорейшее, отвечающее технике телеграфного контроля, извещение аппарата телеграфа о задержанных телеграммах, по общей постановке работы Политконтроля и органов НКПиТ уточнить имеющиеся инструкции и наметить порядок просмотра возникающих недоразумений без канцелярской переписки, вместо разрозненных актов и заметок вести прошнурованную обоими органами книгу для совместной записи органами Политконтроля и НКПиТ о происходящих недоразумениях, книга хранится и записи ведутся в ОПК, изменения и дополнения основных инструкций, утвержденных ОГПУ и НКПиТ, производятся лишь по утверждению Председателем коллегии ОГПУ и Наркомом почт и телеграфов либо их заместителями»²⁰.

В декабре 1924 г. Сурта докладывал Ф. Э. Дзержинскому, что «один сотрудник на телеграфе просматривает в сутки 2500 телеграмм», а «полная обработка писем доведена до 250 штук в день на одного человека». Подчеркивалась недостаточная численность работников: «В Москве имеется: 1 — начальник Отделения, 2 — уполномоченных, 8 — старших контролеров... В 24 губотделах имеется по ПК только по 1 чел.»; напоминалось, что до революции аппарат перлюстрации «имел в мирное время в Центре 12 чел., причем им в работе помогали чиновники МПиТ».

И расходы на Политконтроль быстро росли. В 1923/24 финансовом году они составляли 4% от сметы ОГПУ, в 1924/25 ф. г. — 6,9%. Особенно значительными были расходы на Политконтроль в Москве и Петрограде: в 1923/24 ф. г. — 43,4%, в 1924/25 ф. г. — 38,6% всей сметы Политконтроля. Расходы на нужды Политконтроля среди общих сумм, выделенных ГПУ Москвы и Петрограда, тоже были здесь выше, чем по СССР в целом: в 1923/24 ф. г. в Москве — 8,3%, в Петрограде — 13,7%; в 1924/25 ф. г. — 10,1 и 19,6% ²¹.

Перлюстрированная переписка в середине 20-х годов распределялась по трем разделам: международная, внутренняя, красноармейская. Каждый из них членился на исходящую корреспонденцию и входящую (из деревни за границу, из заграницы в город, из деревни в город, из города в город и т. п.) при обязательном различении городской и сельской переписки. От 70 до 90% перлюстрации сопровождалось меморандумами. Их направляли в отделы ГПУ: КРО (контрразведка), ЭКО (экономический), СОЧ (секретно-оперативная часть), ОПК (отдел Политконтроля), ОО (особый) и местные управления ГПУ других городов. Иногда меморандум шел сразу в два адреса ²².

По сравнению с годами гражданской войны возрос объем копируемых выдержек. В 1918—1920 гг. цензоры выписывали лишь по несколько наиболее характерных фраз. В 1924—1925 гг. письма копировались достаточно подробно: переписывалось все, что представляло интерес для информации о политических настроениях населения. Амплитуда выписок была широкой: условия повседневной жизни, обстановка в учебных заведениях, на предприятиях и в учреждениях, деревнях и воинских частях, сообщения о происшествиях и преступлениях, отношение к властям и их деятельности, суждения об образовании, культуре, религии и политике.

Советская власть очень хотела знать подлинные настроения, мысли и чувства народных масс, не ограничиваясь тем, что высказывалось на собраниях, и материалами официальной печати. В начале 1925 г. Дзержинский лично подсчитывал данные о характере писем («положительные» и «отрицательные»), направленных из Красной Армии в деревню и из деревни в Красную Армию, за время с ноября 1924 по январь 1925 г. включительно. В сводке Политуправления РВС СССР от 14 февраля 1924 г. отмечалось, что в 25-й стрелковой дивизии «произведено изучение писем, посланных комсоставом и красноармейцами на родину в связи со смертью тов. Ленина». В ноябре — декабре 1925 г. массиву переписки, перлюстрированной Ленинградским отделением Политконтроля, предшествовал составленный его работниками анализ прочитанной корреспонденции: сводка за декабрь заняла более 100 машинописных страниц. В дни «хлебного кризиса» начала 1928 г., ставшего одной из вех на пути ликвидации нэпа, нарком по военным и морским делам К. Е. Ворошилов просил начальника Политуправления РККА А. С. Бубнова «изучить все имеющиеся у Вас» материалы о настроениях в Красной Армии, после чего была подготовлена спецсводка в 4-х экз., включавшая данные о содержании писем населения в армию ²³.

Материалы перлюстраций 1918—1928 гг. в целом уникальны по значимости. Они показывают, что подавляющее большинство населения не догадывалось о наличии перлюстрации корреспонденции. Собранные вместе, эти субъективные «фотографии минут жизни» позволяют почувствовать настроения людей, увидеть как бы воочию реальную их жизнь. По материалам перлюстрированной переписки, отложившимся в бывшем Ленинградском партархиве, мною проведен обсчет писем по разным группам корреспондентов. Из 2657 писем российских эмигрантов, поступивших в СССР из 39 стран в течение 15 месяцев 1924—1925 гг., 438 недвусмысленно выражали свое отношение к происшедшей революции и советской власти. 289 из них оценили их крайне отрицательно, отразив гамму взглядов от неприятия большевиков как «бешеных собак» до социал-демократической критики «большевистского марксизма». 119 корреспондентов верили, что в этих событиях заключено весомое будущее России. Некоторые эмигранты, отвергая большевиков, были готовы примириться с их властью, если она

вернет родине все территории бывшей Российской империи. В 764 письмах затрагивалось положение эмигрантов, и только 98 их авторов были удовлетворены своей жизнью, а 36 оценивали ее как меньшее зло в сравнении с тем, что творится на родине. 630 высказывали недовольство заграничными безработицей, дороговизной, своим униженным положением, преследованиями со стороны властей. О желательном возвращении в Россию упоминали 160, из них 39 не хотели возвращаться в большевистскую Россию, а 42 писали о своей боязни сделать это и 79 были готовы вернуться и призывали советскую власть предоставить эмигрантам такую возможность²⁴.

В 407 обсчитанных мною деревенских письмах чаще всего затрагивались проблемы пьянства (116), преступности (84), поведения местных властей (82), вопросы народного образования и культурной жизни (63), отношение к советской власти и компартии (51), уровень жизни (48), работа кооперации (38). Из 922 писем горожан выделяются письма об отношении к власти и компартии (96), преступности (63), народном образовании и культуре (62), безработице (61). Военнослужащие (744) писали об отношении к службе (245), питанию (219), обмундировании (109), дисциплине (95), просили прислать из дома ложные справки для получения отпуска (90)²⁵.

Каково соотношение положительных и отрицательных писем внутри выделенных рубрик? 64,7% деревенских корреспондентов относились к советской власти в целом положительно, но 96,3% были недовольны действиями местных властей. Отрицательно оценивали работу кооперации 84,2%, 77,8% были недовольны состоянием народного образования и культуры, 85,4% — понижением уровня жизни. Среди горожан положительно относились к советской власти 53,1% писавших, были недовольны местными властями 92,6%, уровнем народного образования и культуры — 83,9%, уровнем жизни — 60,9%. О плохом питании сообщали 65,7% военнослужащих, о плохом обмундировании — 38,5%, недовольны службой были 71,4%.

В обзоре за декабрь 1925 г. Ленинградское отделение Политконтроля отмечало: «Политическое настроение городского населения в СССР делится на положительное и отрицательное, преобладает последнее (сообщений положительных — 10, отрицательных — 42)»; «работа парторганизаций в городах ...ведется неудовлетворительно. Всех сообщений... 25, из них удовлетворительных — всего 3»; относительно деревенских парторганизаций «удовлетворительных сообщений — 4, неудовлетворительных — 53», о бездеятельности или злоупотреблениях местных властей на селе «25 сообщений, из них 1 положительного характера». Держинский, лично подсчитав по месяцам соотношение положительных и отрицательных писем из деревни в армию и обратно, получил такие результаты: всех писем из Красной Армии — 502, положительных — 234, отрицательных — 268; из деревни в Красную Армию — 334, положительных — 77, отрицательных — 257²⁶.

Сведения по перлюстрации корректируют некоторые привычные стереотипы. В начале февраля 1924 г. из 19-й дивизии Московского военного округа сообщали, что «получаемые ...письма отношение крестьянства к смерти Ленина характеризуют как неблагонадежное». Сводка из 25-й дивизии отмечала, что «смерти тов. Ленина пишущие касаются лишь мимоходом»; с течением времени дело мало менялось. В материалах 1928 г. отмечалось, что среди писем в армию многие содержат просьбы «прекратить насилие», «вмешаться», «расправиться с коммунистами» и т. п.²⁷

Помимо задач политического контроля и выявления реальных настроений населения перлюстрация выполняла также задачу политического сыска. 30 марта 1924 г. Держинский извещал своего заместителя Менжинского в связи с эмигрантами во Франции: «Установить, кто получает из Франции письма и кто пишет туда — даже самые невинные письма — может дать нити. Политконтроль мог бы в этом отношении дать очень многое. Очень многое мог бы дать и оперативный анализ корреспонденции из России и многое другое. Кто у нас всем этим ведает и как у нас эта работа поставлена?». Как отмечалось выше, меморандумы при письмах направ-

лялись в соответствующие отделы ВЧК — ОГПУ. К чему это приводило? 10 августа 1926 г. 19-летний Н. А. Ильинский, житель с. Троцкого Молодинской вол. Подольского уезда Московской губ., сын священника и бывший комсомолец, послал письмо в британскую миссию в Москве с критикой политики советской власти и указал свой адрес. 27 октября 1926 г. он был арестован ОГПУ, а на допросе 29 октября подтвердил факт написания и отправки письма, сказав, что «считал долгом правильно информировать мировую общественность о положении вещей в СССР»²⁸. В других подобных случаях также следовали аресты недовольных.

Придя к власти, большевики не только сохранили тайную перлюстрацию — одну из самых позорных черт царского полицейско-бюрократического государства, но и придали ей невиданные прежде масштабы. Под наблюдением тайных политических органов оказалась частная жизнь миллионов людей. Перлюстрация стала существенным элементом политического контроля властей над населением, орудием политического сыска с целью подавления инакомыслия.

Примечания

1. БСЭ. Т. 32. М. 1955, с. 508.
2. МАЙСКИЙ С. «Черный кабинет»: из воспоминаний бывшего цензора. Пг. 1922; Обретение мощей преп. Серафима Саровского: из итогов перлюстрации.— Былое, 1918, № 6; АВЗЕГЕР Л. Я вскрывал ваши письма: из воспоминаний бывшего тайного цензора МГБ.— Время и мы, Нью-Йорк и пр., 1980, №№ 55, 56.
3. Российский государственный военный архив (РГВА), ф. 1, оп. 2, д. 171, л. 1; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 5, оп. 1, д. 2484, л. 4—14.
4. РЦХИДНИ, ф. 5, оп. 1, д. 2484, л. 15.
5. РГВА, ф. 6, оп. 3, д. 2а, л. 65; ф. 1, оп. 2, д. 171, л. 1.
6. Там же, л. 1 об.
7. Там же, л. 2 об.— 3; ф. 6, оп. 3, д. 2а, л. 223а, 2 об., 121—122 об., 11, 139; оп. 12, д. 10, л. 284; ф. 7, оп. 1, д. 200, л. 6, 18.
8. Там же, ф. 6, оп. 3, д. 2а, л. 3.
9. Там же, л. 6 об., 8—9 об.
10. Там же, л. 108, 109 об., 112 об.—118 об.
11. Там же, оп. 12, д. 10, л. 284—296.
12. Там же, л. 284 об.—286, 291.
13. Там же, л. 287—288.
14. Там же, ф. 1, оп. 2, д. 178, л. 23—26; ф. 6, оп. 12, д. 10, л. 285 об. 300.
15. ДАВИДЯН И. КОЗЛОВ В. Частные письма эпохи гражданской войны по материалам военной цензуры. В кн.: Неизвестная Россия, XX век. Вып. 2. М. 1992, с. 200 сл.; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 65, д. 453, л. 2—42, 69—89, 90—96 об.
16. РГВА, ф. 6, оп. 12, д. 29, л. 17, 21; ф. 7, оп. 1, д. 200, л. 44, 47, 49; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 11, д. 57, л. 29.
17. РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 306, л. 210, 35.
18. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб), ф. 1728, оп. 1, д. 551279, л. 1—7; д. 28277, л. 1—2; д. 640453, л. 1—12.
19. РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 306, л. 36.
20. Там же, л. 37.
21. Там же, л. 35, 105.
22. ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5911—5916; оп. 6, д. 6934—6947.
23. РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 377, л. 9; ф. 9, оп. 28 с, д. 263, л. 2, 3; РГВА, ф. 7, оп. 1, д. 225, л. 70; ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 6, д. 6946—6947.
24. Подсчитано по: ЦГАИПД СПб, ф. 16, оп. 5, д. 5911—5916; оп. 6, д. 6934—6947.
25. Подсчитано по: там же, оп. 6, д. 6943, 6947.
26. Там же, д. 6947, л. 22, 29, 87, 93; РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 377, л. 9.
27. РГВА, ф. 7, оп. 1, д. 225, л. 64, 70; ф. 9, оп. 28 с, д. 263, л. 3.
28. РЦХИДНИ, ф. 76, оп. 3, д. 331, л. 2; ф. 17, оп. 85, д. 170, л. 45—50.

Русская православная церковь в 1943—1957 годах ¹

М. В. Шкаровский

Полтора десятилетия истории Русской православной церкви (РПЦ) в последние годы Великой Отечественной войны и послевоенное время были для нее, на фоне предыдущих и последующих жестоких гонений, своеобразной передышкой, позволившей частично возродить многие прежние ее институты.

Неизбежность изменения курса государственной религиозной политики стала ощущаться многими связанными с церковью людьми вскоре после победы в Сталинградской битве. По донесениям органов госбезопасности, весной и летом 1943 г. многочисленные бродячие священники агитировали верующих подавать властям ходатайства об открытии храмов; а среди московского духовенства распространялись слухи о том, что вскоре должна состояться встреча иерархов с руководством страны. Кое-где местные власти уже отказались фактически от прежней линии гонений на РПЦ. В 1942—1943 гг. в 14 районах Ярославской обл. беспрепятственно, хотя и не официально, стал функционировать 51 храм.

И в сентябре 1943 г. назревший поворот в государственно-церковных отношениях произошел. Причины его многообразны. Большое значение имела активная патриотическая деятельность подавляющей части духовенства и верующих в годы войны. За два первых ее года, несмотря на отсутствие необходимого аппарата управления, печатного органа и юридического статуса, церковь показала свою силу в борьбе против фашизма и сумела расширить свое влияние. Реальная действительность заставляла руководство ВКП (б) перейти к диалогу во имя единства верующих и атеистов для борьбы с общим врагом — фашистской Германией. Сыграли свою роль и обращение в ходе войны к национальным патриотическим традициям, и стремление нейтрализовать воздействие гитлеровской пропаганды, порою представлявшей Германию защитницей христианства в России. Не случайно на временно оккупированной территории СССР захватчики позволили открыть свыше 10 тыс. православных храмов.

Существенным образом сказались и международные факторы, в частности отношения с Великобританией и США. В начале осени 1943 г. подготавливалась Тегеранская конференция, на которую возлагались большие надежды, связанные с открытием второго фронта. Для оказания воздействия на союзников было решено с этой целью использовать влияние

Шкаровский Михаил Витальевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

англиканской церкви, руководство которой уже не раз обращалось с просьбой разрешить визит своей делегации в Москву, чья встреча с русскими иерархами отвела бы многие обвинения по поводу религиозных преследований в СССР. К тому же внешнеполитические планы И. В. Сталина были глобальными: с весны 1943 г., когда исход войны стал достаточно ясен, он начал размышлять о послевоенном переделе мира, разрабатывая планы создания мировой державы. В этих его замыслах церкви отводилась немаловажная роль. 5 июня 1943 г. Сталин подписал секретное постановление Государственного комитета обороны «Об утверждении мероприятий по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в котором религиозные организации впервые были отнесены к сфере интересов советской внешней разведки.

Прагматическая инициатива государства встретила ответную положительную реакцию церкви. А Московской патриархии было бы непозволительно не использовать возможность церковного возрождения. Впрочем, не вина, а беда РПЦ, что ее использовали как средство осуществления планов сталинской имперской политики.

Важной вехой новой религиозной политики стало 4 сентября 1943 года. У Сталина состоялось совещание с участием Г. М. Маленкова, Л. П. Берии, представителей Наркомата госбезопасности (НКГБ), а также патриаршего местоблюстителя Сергия (Страгородского). Там и были практически решены вопросы об открытии приходов, духовных учебных заведений, выпуске церковных изданий, выборах патриарха. Итоги обсуждения подвели на ночном официальном приеме в Кремле Сталин и В. М. Молотов в присутствии митрополитов Сергия, Алексия (Симанского) и Николая (Ярушевича). Патриарший местоблюститель передал председателю Совнаркома СССР заранее подготовленный список священнослужителей, находившихся в заключении. Ряд перечисленных в нем лиц вскоре освободили, в том числе 11 архиереев, хотя это была меньшая часть томившихся в тюрьмах и лагерях.

Многие надежды патриархии не оправдались, ряд данных тогда обещаний выполнен не был. Но для Сталина оказалось важным создать видимость благополучия в религиозном вопросе, а за этой ширмой оставить церковь под жестким контролем, частично встроив ее в систему режима. Данную работу он поручил НКГБ. Для осуществления контролирующей роли был создан Совет по делам русской православной церкви при правительстве СССР во главе с полковником госбезопасности Г. Г. Карповым, который с 1940 г. возглавлял отдел «О», осуществлявший антицерковные акции. Заместителем председателя стал полковник госбезопасности К. А. Зайцев. В беседе с Карповым 13 октября 1943 г. Молотов указал ему на необходимость подобрать уполномоченных Совета в областях и республиках из состава чекистов. Некоторое время Карпов совмещал новую деятельность с исполнением прежних обязанностей, ибо на его соответствующий вопрос Молотов ответил: «Если Ваше должностное положение в НКГБ не публикуется в газетах и не предано официальной гласности, то я считаю возможным совмещение». Закончил свою карьеру Карпов генерал-лейтенантом. И вплоть до середины 50-х годов его Совет находился под опекой органов госбезопасности².

Решение ключевых проблем государственной религиозной политики Сталин оставил за собой. Менее важными вопросами в правительстве занимались В. М. Молотов, с 1946 г. — К. Е. Ворошилов, а в ЦК ВКП(б) — поочередно Г. М. Маленков и А. А. Жданов. Роль руководимого Карповым Совета на первых порах была не очень значительной. В то же время относительная внутренняя самостоятельность церкви в первое десятилетие являлась большей, нежели позже. В данных осенью 1943 г. Сталиным указаниях Карпову говорилось: «б) Совету не представлять собой бывшего обер-прокурора, не делать прямого вмешательства в административную, каноническую и догматическую жизнь церкви и своей деятельностью подчеркивать самостоятельность церкви; в) ...Обеспечить соответствующие встречи, приемы, формы общения с патриархом, которые могли бы быть

использованы для соответствующего влияния; г) Не смотреть в карман церкви и духовенства...; е) Совету обеспечить, чтобы епископат являлся полновластным хозяином епархии и право архиерея распоряжаться церковными суммами; ж) Не делать препятствий к организации семинарий, свечных заводов и т. п.». Относительная самостоятельность патриархии касалась и комплектования кадров духовенства.

Изменения в жизни РПЦ начались сразу же после встречи в Кремле. 8 сентября в Москве состоялся собор епископов, на котором 19 иерархов единогласно избрали патриархом Московским и всея Руси Сергия. Собор обратился к христианам всего мира с призывом объединиться для окончательной победы над фашизмом. 12 сентября произошла интронизация патриарха, а через неделю в здании бывшего германского посольства, переданного патриархии, Сергий приветствовал прибывшую из Великобритании делегацию англиканской церкви во главе с архиепископом Йоркским Кириллом Гарбеттом. В сентябре 1943 г. вышел первый номер «Журнала Московской патриархии».

Стало возрождаться духовное образование. Главным его вдохновителем был архиепископ Григорий (Чуков). Он разработал проект создания богословских школ среднего и высшего типа, одобренный на октябрьском заседании Синода. В лице Григория как ректора Ленинградского богословского института в 20-е годы устанавливалась преемственность с закрытыми тогда духовными училищами. По его замыслу возрождаемая школа должна была стать богословской, а не просто пастырско-практической. Перечень наук в ней соответствовал дореволюционной программе духовной академии; кроме того, вводились некоторые новые предметы (история русской религиозной мысли и др.). «Таким образом, замысел следует признать высоким: мыслилось возрождение богословской науки и русской богословской традиции». Но в полном объеме он не был осуществлен: помешали противодействие властей, неподготовленность студентов и преподавателей. Еще сохранилась, впрочем, группа профессоров старых духовных школ: Н. В. Чепурин, В. В. Четыркин, А. И. Сагарда, С. В. Савинский, Т. Д. Попов. Они участвовали в возрождении РПЦ. 28 ноября 1943 г. Совнарком СССР разрешил открыть в Москве богословский институт и пастырские курсы, в 1946 г. преобразованные соответственно в духовную академию и семинарию. Всего к 1947 г. возникло две академии и 10 духовных семинарий в Москве, Ленинграде, Саратове, Киеве, Львове, Одессе, Минске, Луцке, Ставрополе и Вильнюсе³.

План воссоздания организационной структуры РПЦ, тоже лишь частично реализованный, разработал архиепископ Лука (Войно-Ясенецкий), известный профессор-хирург. Власти не желали восстановления мощной церковной организации, что ярко проявилось при открытии храмов. 28 ноября 1943 г. Совнарком принял постановление, согласно которому ходатайства верующих рассматривались местными органами, а в случае их одобрения пересылались в Совет по делам русской православной церкви, после предварительного решения которого поступали в Совнарком и затем снова в Совет. Такая процедура была выработана с целью дозировать открытие новых храмов. Тем не менее, в феврале 1944 г. в Ярославской обл. действовало уже более 90 церквей. Власти стремились обуздать повсюду этот поток, превратив его в ручеек.

В одной из ноябрьских бесед с Карповым Молотов указывал: «Пока не давать никаких разрешений на открытие церквей... В последующем по вопросу открытия входить за санкцией в правительство и только после этого спускать указания в облисполкомы... Открыть церкви в некоторых местах придется, но нужно будет сдерживать решение этого вопроса». 5 февраля 1944 г. Совет принял постановление об официальном открытии первых 18 храмов. Одновременно по мере освобождения временно оккупированных территорий на Украине, в Ставропольском крае и т. д. началась кампания изъятия у церковных общин их зданий. 1 декабря 1944 г. Совнарком принял постановление, ограничивающее такие акции. Но и в 1945 г., под предлогом отсутствия священников, у прихожан Украины, Белоруссии и западных областей РСФСР были изъяты сотни храмов.

В ряде мест восстанавливались архиерейские кафедры, создавались епархиальные управления и свечные мастерские. Патриархия продолжала активную патриотическую антифашистскую деятельность. В 1944 г. Красной Армии были переданы построенные на пожертвования духовенства и верующих танковая колонна «Димитрий Донской» и эскадрилья «Александр Невский», открыт общецерковный сбор средств для оказания помощи осиротевшим детям и семьям военнослужащих. Общая сумма патриотических взносов патриархии к весне 1945 г. превысила 300 млн. рублей.

15 мая 1944 г. скончался патриарх Сергей. В тот же день на экстренном заседании Синод принял постановление о вступлении в должность патриаршего местоблюстителя (согласно завещанию патриарха) митрополита Ленинградского и Новгородского Алексия. 21—23 ноября в Москве состоялся собор епископов, который обсудил проект положения об управлении церковью и определил порядок избрания патриарха. Архиепископ Лука напомнил постановление Поместного Собора 1917—1918 гг. о том, что патриарх должен избираться тайным голосованием из нескольких кандидатов, но это предложение не встретило поддержки и был выдвинут единственный кандидат — Алексей.

31 января 1945 г. в Москве начал работу Поместный Собор РПЦ. Такого полномочного собрания ее духовенства и мирян не было с 1918 года. На собор впервые пригласили православных патриархов или их представителей из Грузии, Румынии, Болгарии, Югославии, стран Ближнего Востока и ряд зарубежных иерархов. Всего собралось 204 участника. На первом заседании собора было принято «Положение об управлении Русской православной церковью», составленное при участии работников Совета по делам РПЦ, а на втором заседании, 2 февраля, Алексия открытым голосованием избрали патриархом, причем архиепископа Луку на собор не допустили.

РПЦ становилась иерархически сплоченной и на всех уровнях неподчиненной организацией. Высшая власть принадлежала Поместному Собору, который при необходимости созывался патриархом. Последний управлял РПЦ вместе со Священным Синодом из 6 членов, в том числе трех постоянных — митрополитов Киевского, Ленинградского и Крутицкого. По вопросам, требующим согласования с правительством, патриарх сносился с Советом по делам РПЦ. Круг таких вопросов не очерчивался, что давало возможность Совету вмешиваться в церковную жизнь. При Синоде могли существовать учебный комитет, издательский отдел, хозяйственное управление, отдел внешних церковных сношений. Вскоре они были образованы. Епархии управлялись епископами, назначаемыми патриархом. Настоятели храмов, назначенные епархиальными архиереями, являлись непременными членами приходской общины и председателями ее исполнительного органа — церковного совета. Эти положения расходились с существовавшей прежде практикой: строгим разграничением функций в приходе (богослужбных для пастырей, хозяйственно-финансовых для мирян) и т. д.

К тому времени в основном завершилась ликвидация расколов внутри РПЦ в СССР. С 1943 г. началось возвращение в патриархию обновленческих приходов. После избрания Сергея патриархом просоветское обновленчество утрачивало былую сущность и в глазах правительства. 26 июля 1946 г. умер бывший обновленческий первоиерарх А. Введенский, после чего остатки этого течения фактически прекратили существование. К концу войны растаяла и отколовшаяся от РПЦ в 20-е годы «григорианская» группа. Более сложные процессы происходили в наиболее оппозиционном патриархии иосифлянском течении. Пытавшиеся удержаться на легальном положении почти все уцелевшие в ходе репрессий иосифляне ушли в 30-е годы в подполье и стали сближаться с катакомбниками. После нормализации в 1943 г. их положения часть иосифлян, в том числе община единственной их легально уцелевшей ленинградской Троицкой церкви, перешла в патриаршую церковь. Остальные представители этого течения слились с катакомбниками, составив в них особую традицию, и в середине 40-х годов иосифлянство фактически перестало существовать.

Перед выбором оказалась и состоявшая из нескольких групп и течений катакомбная («истинно-православная») церковь, наиболее жестоко преследовавшаяся в СССР. Со смертью митрополита Петра (Полянского) и избранием Алексия патриархом у нее отпадало прежнее каноническое основание для самостоятельного управления. Но давняя практика в отношениях с государством была продолжена новым первоиерархом катакомбников. В результате часть их, в том числе обладавший авторитетом епископ Афанасий (Сахаров), вернулась в патриаршую церковь. Иные, вознося молитвы за Алексия, остались на нелегальном положении. Один из таких епископов основал к концу войны тайный монастырь с 300 насельниками на Тянь-Шане. В 1951 г. монастырь обнаружил с вертолета, а его обитатели были арестованы. Часть катакомбников осталась на непримиримых позициях, но в целом их количество к середине 50-х годов сократилось⁴.

К окончанию войны перед патриархией встали новые задачи. 10 апреля 1945 г. состоялась беседа Сталина с патриархом Алексием, митрополитом Николаем и протопресвитером Н. Колчицким. Речь шла о задачах патриархии в области международных отношений. Председатель Совнаркома СССР обещал поддержку планам церковного руководства. Постановлением от 22 августа 1945 г. правительство предоставило патриархии, епархиальным управлениям и приходским общинам ограниченное право юридического лица: им разрешалось открывать финансовые счета, заключать сделки, покупать строения, создавать предприятия, осуществлять наем работников.

Вплоть до середины 50-х годов купленные представителями других конфессий здания считались национализированными и передавались лишь в пользование; приобретенные же православными общинами становились их собственностью. Была получена возможность снова пользоваться колокольным звоном, достигнута договоренность об организации в Москве церковной типографии. Весною 1945 г. патриархия приобрела полиграфическое оборудование и шрифты и планировала начать выпуск Священного Писания, богословских трудов и церковных календарей. Но здание под типографию выделено не было, и оборудование много лет пролежало на территории Новодевичьего монастыря. Не оправдались расчеты на открытие всех четырех дореволюционных духовных академий, а также семинарий чуть ли не в половине епархий.

В то же время удалось юридически оформить существование монастырей. К концу 30-х годов они практически были уничтожены в СССР. За годы войны на оккупированной территории возникло около 40 обителей и еще 64 существовали ранее в западных районах страны. С 1944 г. местные власти стали выселять монахов и конфисковывать их земельные угодья. Эту практику прекратили постановлением Совнаркома СССР «О православных монастырях» от 29 мая 1946 года. Предлагалось возвратить изъятое, вывести с территории монастырей государственные учреждения и предприятия. Церкви была также передана часть помещений и храмов Троице-Сергиевой лавры, мощи преподобного Сергия Радонежского, некоторых других святых.

С сентября 1943 г. развернулась активная международная деятельность Московской патриархии. РПЦ имела традиционные многовековые связи с различными религиозными конфессиями. Было естественным, как только сняли запреты, их восстановление. Эти контакты касались и сугубо церковных вопросов, однако внешние связи патриархии явились областью, в которой зависимость церкви от государства ощущалась тогда более всего. К 1945 г. РПЦ удалось возобновить многие международные связи. Большой резонанс имели антифашистские обращения патриарха Алексия к православным румынам и болгарам. Завязалась активная переписка с восточными патриархами. Теснимые другими религиозными течениями, они ожидали получить от РПЦ помощь. О росте авторитета РПЦ говорило обращение в ноябре 1944 г. через штаб 4-го Украинского фронта представителей Мукачевско-Пряшевской епархии о принятии ее в юрисдикцию Московской патриархии. 8 декабря делегация посетила патриарха Алексия, 11 декабря — Карпова, через которого передала письмо Сталину о желании всей Карпатской Руси воссоединиться с Россией.

На Поместном Соборе 1945 г. присутствовали главы и представители 8 автокефальных православных церквей. Они заявили о признательности правительству СССР и дали согласие на совместную борьбу с Ватиканом, который представлялся тогда советскому руководству основным противником в новой религиозной международной политике. Гостям собора подарили 80 музейных предметов драгоценной церковной утвари. А в дальнейшем активно применялась щедрая материальная поддержка восточных патриархов как инструмент воздействия на них. Установившиеся связи были закреплены поездкой патриарха Алексия в мае — июне 1945 г. с официальным визитом к Иерусалимскому, Антиохийскому и Александрийскому патриархам.

В начале 1946 г. Карпов предложил Сталину «усилить влияние на восточные патриархаты, хотя и малочисленные, но считающиеся авторитетными в православном мире, с целью использования их в будущем на своей стороне при решении ряда важных церковных вопросов». Согласие было получено, и в ноябре — декабре 1946 г. митрополит Григорий побывал в Сирии, Ливане и Египте, одаривая местных иерархов крупными суммами валюты, и везде получал заверения, что «возглавляемые ими патриархаты и церкви всегда будут поддерживать Московскую патриархию в международных церковных вопросах». Наибольшую озабоченность вызывала в Москве позиция константинопольского патриарха Максима V; ему в 1946 г. передали 50 тыс. долларов, и это дало свои плоды: вселенский патриарх, несмотря на давление турецкого правительства, отказался осудить греческих коммунистов, развернувших тогда вооруженную борьбу в Греции против ее правительства.

Большой успех был достигнут в Восточной Европе. В январе 1945 г. патриарх Алексей содействовал снятию Константинопольской патриархией схизмы с Болгарской православной церкви, а в апреле глава последней митрополит Стефан заявил: «Православная Русская церковь заняла ведущее место в большом семействе славянских народов как старшая и передовая среди православных церквей». В апреле и мае Югославию и Румынию посетили делегации Московской патриархии, их торжественно приняли руководители этих государств. В октябре 1946 г. румынский патриарх Никодим, всю войну занимавший крайне недоброжелательную позицию в отношении СССР, нанес ответный визит в Москву, а после возвращения принялся оказывать помощь Демократическому фронту Румынии. Особенно тесными стали связи РПЦ и румынской православной церкви после избрания в мае 1948 г. нового патриарха последней — Юстиниана. Сербский патриарх Гавриил, заключенный в германский концлагерь, после освобождения долгое время не желал возвращаться на родину, но переговоры осенью 1946 г. с представителями Московской патриархии заставили его изменить решение, и по возвращении он занял лояльную позицию к гражданским властям Югославии и вплоть до своей смерти в 1950 г. оставался верным другом РПЦ.

В Чехословакии, после расстрела фашистами в 1942 г. епископа Горзда и части священников, встал вопрос о самом существовании православной церкви. Ей позволила возродиться помощь из СССР. Приехавший туда в октябре 1945 г. архиепископ Орловский и Брянский Фотий провел переговоры с представителями верующих о принятии Чехословацкой православной церкви в юрисдикцию Московской патриархии. Этот вопрос решили в январе 1946 г., а в апреле главой учрежденного экзархата архиепископом Пражским и Чешским был назначен бывший епископ Ростовский Елевферий. В 1947 г. первые чехословацкие студенты стали учиться в ленинградских духовных школах, 14 ноября 1948 г. была открыта православная семинария в Карловых Варах.

В апреле 1948 г. глава делегации Московской патриархии в Албании епископ Ужгородский и Мукачевский Нестор участвовали в хиротонии во епископы бывшего партизана архимандрита Паисия (Водица). Последний в 1949 г. возглавил Албанскую православную церковь, ориентируясь на Москву. Более сложная ситуация существовала в Польше. Местная

православная церковь в 1920-е гг. объявила себя автокефальной, за что подверглась запрещению. После окончания войны ее глава, антисоветски настроенный митрополит Дионисий был отстранен от управления, а патриарх Алексей настаивал на вхождении Польской православной церкви в юрисдикцию Московской патриархии. Однако польское правительство заняло резко отрицательную позицию, и в ноябре 1946 г. министр юстиции Г. Свентковский заявил о необходимости автокефалии, но подчеркнул, что о руководителе Польской православной церкви «должен позаботиться ваш патриарх Алексей, на которого мы смотрим как на главу всех славянских церквей». 22 июня 1948 г. Синод согласился с самостоятельностью польского православия; в 1951 г. на кафедру митрополита Варшавского и всея Польши был поставлен архиепископ Львовский и Тарнопольский Макарий. Постепенно сложился крепкий союз восточноевропейских православных церквей под эгидой Московской патриархии⁵.

На первых порах успешно шло и воссоединение русских эмигрантских приходов, чему способствовало массовое патриотическое движение в эмигрантской среде в годы войны и гордость за победоносную родину, связь с которой для большей части эмиграции была возможна лишь через церковные каналы. «Атмосфера, существовавшая во Франции к концу войны и в период сразу после войны, была исключительно благоприятной как для Советского Союза, так и для Московской патриархии... Сильная волна советского патриотизма охватила этот важнейший район русской эмиграции». В ноябре 1944 г. глава Западноевропейской русской епархии, находящейся в юрисдикции Константинопольской патриархии, митрополит Евлогий написал патриарху Алексию о желании пересмотреть свой статус и восстановить связи с Москвой. Это воссоединение состоялось в сентябре 1945 г., во время поездки во Францию митрополита Крутицкого Николая. Из епархии был образован экзархат Московской патриархии. В сентябре же воссоединился с ней и глава Западноевропейской епархии Заграничного архиерейского синода митрополит Серафим (Лукьянов).

Подобные процессы охватили также русские приходы в Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Великобритании, других странах Европы, Америки, Африки и Азии. Сразу же после избрания патриархом Алексия архиереи дальневосточных епархий Зарубежной Русской православной церкви во главе с митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием стали возносить на богослужениях его имя, несмотря на угрозы японских властей. В октябре 1945 г. эти епархии приняли в юрисдикцию Московской патриархии, как и Русскую духовную миссию в Китае.

В Финляндии монахи Валаамского монастыря еще в ноябре 1944 г. ходатайствовали о воссоединении с Московской патриархией. В октябре 1945 г. туда приехал митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий. Он принял в каноническое общение Коневский и Валаамский монастыри, два прихода в Хельсинки и взял обязательства архиереев Финляндской православной церкви о скором их возвращении из Константинопольской патриархии в Московскую. Тогда этого не получилось, но в мае 1948 г. патриарх Алексей известил Финляндского архиепископа Германа о решении даровать Финляндской православной церкви автокефалию при условии предварительного ее возвращения в юрисдикцию Московской патриархии. 16 ноября патриарх составил соответствующее постановление Синода. Собор Финляндской церкви был перенесен на 1950 г., а потом он отложил решение этого вопроса до 1955 года. Так что в Финляндии воссоединились с Московской патриархией лишь указанные выше монастыри и приходы.

Возвращению эмигрантских приходов в юрисдикцию Московской патриархии способствовал острый кризис Зарубежной Русской православной церкви. Ее высший орган, архиерейский синод, сократился до трех членов и долго не функционировал. Советская пропаганда утверждала, что он вообще перестал существовать. 10 августа 1945 г. патриарх Алексей написал обращение «К архиереям и клиру так называемой Карловацкой ориентации», призывая их принести покаяние. Однако затем зарубежная церковь пополнилась оставившими в годы войны родину верующими из

Украины, Белоруссии, России и постепенно восстановила многие позиции. Весной 1946 г. в ней насчитывалось 26 иерархов. 10 мая архиерейский собор в Мюнхене принял заявление по поводу обращения патриарха Алексия: «Мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока высшая церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью и пока вся Русская церковь лишена присущей ей по ее Божественной природе истинной свободы».

На настроениях русских эмигрантов сильнее всего неблагоприятно сказывались и политические акции правительств тех стран, где они проживали. Священники русских приходов Египта и Южной Кореи, вернувшиеся в юрисдикцию Московской патриархии, были арестованы и потом высланы из этих стран. В 1946 г. православные японцы обратились к патриарху Алексию с просьбой прислать им епископа, но американские военные власти не пропустили его и спровоцировали раскол, способствовал приезду в Японию епископа из США и передав ему храмы и помещение русской духовной миссии. Неудачу потерпела Московская патриархия после смерти в августе 1946 г. возглавлявшего Западноевропейский экзархат митрополита Евлогия: 17 октября епархиальное собрание клира и мирян высказалось за их пребывание в качестве автономного экзархата в лоне Константинопольской патриархии, и верными патриарху Алексию остались лишь около 20 приходов⁶.

Упорная борьба развернулась в Северной Америке. Ряд православных архиереев и священнослужителей перешли там в юрисдикцию Московской патриархии в 1944—1945 гг., а Автономная Североамериканская митрополия, в 1935 г. восстановившая связь с Заграничным архиерейским синодом, с октября 1943 г. (кроме его главы митрополита Анастасия) стала возносить за богослужением имя патриарха Сергия. В феврале 1945 г. делегация митрополии посетила Москву с ходатайством о предоставлении ей автономии в составе Московской патриархии, однако встретила с ее стороны требование, чтобы Американская церковь соборно декларировала распоряжение по всем своим приходам об отказе от политических выступлений против Советской власти. Это стало препятствием и вызвало отказ собора епископов митрополии в мае 1945 года. В дальнейшем появилось новое требование — о прекращении общения с Заграничным синодом.

Состоявшийся 26—29 ноября 1946 г. Всеамериканский собор клира и мирян постановил просить патриарха Московского и всея Руси принять их в лоно своей церкви при условии сохранения полной автономии и с прекращением какого-либо подчинения Заграничному синоду.

Глава Американской православной церкви митрополит Феофил в феврале 1947 г. телеграфировал согласие на приезд делегации Московской патриархии для окончательного урегулирования вопроса, но потом отказался от встречи с находившимся в июле — октябре 1947 г. в США митрополитом Григорием, которому передали проект автономии РПЦ в Северной Америке, предусматривавший полную внутреннюю самостоятельность, вплоть до необязательности постановлений патриарха и решений Поместных Соборов. Проект шел вразрез с объединительной тенденцией Московской патриархии на началах централизма, соглашение не состоялось, и Американская православная церковь по-прежнему оставалась независимой.

Русских эмигрантов отпугивала и борьба Московской патриархии с Ватиканом, инспирированная Кремлем. Она была важной составляющей сталинского плана создания мирового религиозного центра в Москве и преодоления влияния папы Римского Пия XII, занимавшего резко антикоммунистические позиции. Антикатолические планы были опробованы на Поместном Соборе 1945 года. Вскоре они трагическим образом сказались на судьбе униатской церкви в СССР. Еще в декабре 1944 г. делегация украинских греко-католиков была принята в Совете по делам религиозных культов, руководство которого указало, что ее просьбы, не расходящиеся с законом, будут удовлетворены. Совет принял от делегации 100 тыс. руб.,

собранных униатами в фонд Красного Креста. Но через три месяца ситуация изменилась, ибо наличие в СССР нескольких миллионов верующих, объединенных в особую церковь, связанную с Ватиканом, показалось нежелательным.

15 марта 1946 г. Карпов написал Сталину, что православная церковь «может и должна сыграть значительную роль в борьбе против римско-католической церкви... Совет предлагает: а) организовать в г. Львове православную епархию...; б) предоставить епископу и всем священнослужителям данной епархии права на проведение миссионерской работы...; в) организовать внутри униатской церкви инициативную группу, которая должна будет декларативно заявить о разрыве с Ватиканом и призвать униатское духовенство к переходу в православие». Зато для привлечения православных правительство пошло на уступки в западных областях СССР. 28 августа 1945 г. Совет утвердил представленный патриархом проект типового устава православных духовных братств, подлежащих организации во Львове, Минске, Вильнюсе и других городах; братствам разрешались издание листков, брошюр, молитвенников и благотворительная деятельность ⁷.

Сначала униатскому епископату предложили самоликвидироваться. Глава этой церкви митрополит Иосиф (Слипый) повел переговоры с Московской патриархией. Когда выяснилось, что все пять униатских архиереев не желают переходить в православие, в апреле 1945 г. их арестовали. Через месяц появилась инициативная группа по воссоединению во главе с протопресвитером Г. Костельником, которая развернула широкую агитацию. Среди верующих Западной Украины существовала сильная тяга к православию, о чем свидетельствует переход многих греко-католиков в РПЦ. Некоторые униаты сами стали бы православными, но вмешательство государственных органов дискредитировало тогда данный процесс.

К весне 1946 г. 997 из 1270 униатских священников Западной Украины подписали заявления о присоединении к инициативной группе. 8—10 марта на Львовском соборе греко-католического духовенства и мирян они решили воссоединиться с православной церковью и упразднить Брестскую унию 1596 года. Осуществление этой акции контролировал первый секретарь ЦК КП(б)У Н. С. Хрущев, который на все запрашивал санкции Сталина. Львовский собор нанес ощутимый удар по Ватикану. Вскоре Карпов представил на утверждение новую программу борьбы с центром католицизма: «а) окончательно ликвидировать униатскую церковь в СССР; б) подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых странах за границей...; в) создать альянс христианских церквей в виде международного движения во главе с Русской православной церковью для борьбы с Ватиканом, пригласив участвовать в нем все другие вероисповедания». Частично план этот был выполнен. В августе 1949 г. в Мукачевском Успенском монастыре закарпатские греко-католики приняли решение о ликвидации Ужгородской унии 1649 г., а два их епископа попали в лагеря ГУЛАГ'а, всего же из 590 униатских священников и монахов, отказавшихся от перехода в православие, арестовали тогда 344. Около 3000 приходов влилось в Русскую церковь, 230 не воссоединившихся были ликвидированы, закрыли 48 греко-католических монастырей. В 1948 г. перестала существовать униатская церковь в Румынии, в 1950 г. — в Чехословакии.

Казалось, что план близок к осуществлению. В официальном органе Московской патриархии говорилось «об исключительном оживлении в лоне Православной Вселенской Кафолической Церкви, под фактическим водительством Русского Православия: «Москва — третий Рим, а четвертому не бывать». В марте 1946 г. митрополит Николай писал в Совет по делам РПЦ о необходимости проведения в Москве Вселенского Собора. Эта идея была одобрена Сталиным. 13 января 1947 г. патриарх Алексий написал Карпову о предполагаемом проведении 1—10 октября в Москве Собора всех существовавших тогда в мире автокефальных православных церквей, представлять их должны были их главы. Планировалось участие делегаций Сиро-Халдейской, Армяно-Григорианской, Коптской церквей. 23 января начала рабо-

тать подготовительная комиссия патриархии. В программу Собора намечалось включить 9 вопросов, главные из которых имели политический характер (отношение к воинствующему католицизму и экуменическому движению). В начале 1947 г. готовились: передача в Москве, Киеве и Ленинграде подворий Иерусалимской, Сербской, Антиохийской и Александрийской патриархий; выплата денежных подарков в валюте главам Константинопольской, Кипрской, Греческой, Албанской и Сербской церквей. Московско-патриархией обещали передать все здания Троице-Сергиевой лавры и собор в Новодевичьем монастыре ⁸.

Однако в январе 1947 г. отошел от дел относительно лояльный к СССР константинопольский патриарх Максим. Его окружение заняло более жесткую позицию. На Константинополь ориентировались Греческая и Кипрская церкви. От главы последний архиепископа Леонтия 29 июня 1947 г. в Москву пришла телеграмма: «К сожалению, не принимаем приглашения на всеправославный Собор, каковое полномочие имеет одна лишь Вселенская патриархия Константинопольская». Сыграла свою роль и широкая кампания в западной прессе по компрометации РПЦ. В борьбу за срыв московского замысла активно включился Ватикан. На восточных патриархов оказывалось разностороннее давление, причем представители различных американских организаций подкупали их крупными суммами валюты. Руководитель международного общества по охране свободы религии Ж. Нусбаум убеждал в Софии и Праге православных иерархов отказаться от поездки в Москву, обещая им взамен значительную материальную помощь.

Тогда советское руководство решило ограничиться проведением в Москве летом 1948 г. совещания глав православных церквей под предлогом празднования 500-летия автокефалии РПЦ. На приезд части восточных патриархов надежды уже не было, поэтому намечалось оформить европейский православный блок. В сентябре 1947 г. в Сочи готовилась новая встреча патриарха Алексия со Сталиным, но она не состоялась. А совещание оказалось все же представительным: в Москву приехали делегации 11 автокефальных церквей из 13. Иерусалимский патриарх прислал телеграмму с извинениями, что только война в Палестине и осада Иерусалима помешали его представителям прибыть в СССР, а впоследствии одобрил все решения совещания. Лишь Кипрская церковь не изменила своей позиции. Сербский же патриарх Гавриил приехал, несмотря на угрозу репрессий со стороны Белграда. Константинопольская и Греческая (Элладская) делегации прибыли на празднества, но в работе совещания непосредственно не участвовали, причем пытались путем воздействия на некоторых глав церквей сорвать принятие ряда решений.

Празднества и заседания проходили в Москве в первой половине июля. Об их ходе Карпов постоянно посылал доклады Жданову и Маленкову, копии передавались Сталину. Все решения совещания заранее получили санкцию партийного руководства СССР. Отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) 6 июля высказал такое мнение: «В проекте резолюции «Ватикан и православная церковь» желательнее было бы сказать сильнее о реакционном, атинародном характере деятельности Ватикана и папизма. В особенности необходимо указать на поддержку папою фашизма и на организацию им борьбы против СССР». Эти и другие пожелания были учтены.

В результате удалось достичь единства позиций участников совещания, хотя без борьбы не обошлось. Колебался болгарский митрополит Стефан, и его поведение определила только телеграмма министра иностранных дел из Софии о принципиальном согласии правительства Болгарии на установление в стране патриаршества. Единогласно были приняты постановления «Ватикан и православная церковь», «Экуменическое движение и православная церковь», направленные против папы Римского и гнезда протестантизма в Северной Америке, схожее по характеру «Обращение к христианам всего мира». В резолюции «Об англиканской иерархии» ей фактически отказывали в признании. Конфронтация бывших военных союзников повлияла и на межцерковные связи: англиканская церковь рассматривалась как претендент на европейское лидерство. С точки зрения

советского руководства, как видно из итогового отчета Карпова, совещание прошло успешно: сплочение восточноевропейских церквей под руководством Московской патриархии было достигнуто, намеченные постановления приняты. В Совете Министров СССР приступили к подготовке решений об организации новых встреч глав православных церквей и увеличении им денежной помощи. Но международные и внутренние аспекты советской религиозной политики уже начали меняться, временное благоволение Сталина к церкви заканчивалось.

Признаки охлаждения государственно-церковных отношений проявились еще в 1947 г., по мере выявления ограниченности возможностей использования патриархии на международной арене и соответствующего падения интереса к ней. Вдвое по сравнению с 1946 г. снизилось количество официально открытых храмов. Вплоть до 1947 г. РПЦ вносила сотни млн. руб. на общественно-патриотические цели, в благотворительные организации и фонды. Многие выплаты имели конкретные адреса детских интернатов, домов ветеранов, инвалидов войны. Эта практика, поднимавшая авторитет церкви, вызвала озабоченность властей, и в феврале 1947 г. согласно указанию Совета Министров СССР патриарх предписал полностью прекратить все сборы на патриотические цели. Сокращение поступлений в госбюджет было компенсировано обязательной подпиской духовенства и прихожан на займы восстановления народного хозяйства и усилением налогового бремени. В марте 1947 г. митрополит Ленинградский и Новгородский Григорий отправил патриарху телеграмму: «Налоговое обложение сильно завышенное, совершенно не соответствующее фактической доходности — ставит приchy ленинградских церквей в полную невозможность оплаты... Необходимо неотложное вмешательство центра»⁹.

Появились помехи на пути роста духовных школ. С 10 до 8 сократилось число семинарий, хотя их недостаток отчасти компенсировался большим количеством краткосрочных богословско-пастырских и церковно-певческих курсов. Пока что росло количество учащихся в духовных школах. В 1948 г., под предлогом подготовки православных пастырей для западных областей страны, добились разрешения на открытие заочного сектора обучения в ленинградских академии и семинарии. Но попытки митрополита Григория добиться двойного увеличения дозволенных норм приема на первые курсы духовных школ окончились неудачей.

В 1947 г. оживилась временно свернутая атеистическая пропаганда. До Сталина доходили сведения, что среди партийных кадров некоторая их часть критикует «забвение ВКП(б) необходимости решительной антирелигиозной борьбы». И он посоветовал новому секретарю ЦК ВКП(б) М. А. Суслову «не забывать об атеистической пропаганде среди народа». В июле 1947 г. было создано «Всесоюзное общество по распространению политических и научных знаний» на основе сугубо материалистических идей. Секретариат ЦК ВКП(б) в октябре на закрытом заседании обсудил отношения правительства с РПЦ и пришел к выводу, что надо не переоценивать перспективы последней, не прибегая, впрочем, к излишне настойчивой ее опеке.

К 1948 г. Московская патриархия в количественном отношении достигла пика своего развития за послевоенное время. Тогда в стране насчитывалось 14329 православных храмов, из которых 1270 были открыты в 1945—1947 гг., а на регистрации у Совета по делам РПЦ числилось 13104 священника и диакона, 70 архиереев (46% из них ранее арестовывались). В двух духовных академиях и 8 семинариях обучалось 562 человека. Количество монастырей к 1947 г. сократилось со 101 до 85; в них имелось 4632 насельника. В марте 1948 г. было получено разрешение на открытие еще 27 храмов, кроме того в православии продолжали переходить униатские приходы, и к 1 января 1949 г. число храмов достигло 14477, а духовных лиц к 1 июля — 13483. Но цифры, которые сообщались мировой общественности, значительно завышались.

Перелом в государственно-церковных отношениях произошел во второй половине 1948 года. Повлияло падение заинтересованности советского

руководства в международных акциях РПЦ, потерпели крах «средиземноморские» планы Сталина в Греции, Турции, Израиле и не так нужны стали восточные иерархии, 1 ноября 1948 г. новым константинопольским патриархом был избран «американский ставленник» архиепископ Нью-Йоркский Афинагор, настроенный антикоммунистически. Завершилось выполнение Московской патриархией ее миссии в восточноевропейских странах, там утверждались режимы народной демократии. Неудачей закончились планы создания «православного Ватикана» в Москве. У Московской патриархии появились новые сильные конкуренты — Константинопольский владыка и Всемирный совет церквей (ВСЦ), созданный на проходившей в августе — сентябре 1948 г. Ассамблее экуменического движения в Амстердаме. В организации ВСЦ участвовали и три автокефальные православные церкви. Вновь заработала в СССР машина устрашения: власти попытались обуздать вызволенные в годы войны духовные силы национального самознания и религиозного жизнеощущения. Политика ограничения свободы совести коснулась и церкви, ибо ее не удалось полностью превратить в элемент тоталитарной системы.

25 августа 1948 г. Синод был вынужден принять решение о запрещении крестных ходов из села в село, духовных концертов в храмах вне богослужений, печатания в епархиях без разрешения Синода акафистов, посланий епископов, недопустимости разъездов архиереев в период сельских работ, о запрещении молебствий на полях. Еще 10 августа распоряжением Совета Министров СССР, подписанным в качестве заместителя его председателя Ворошиловым, разрешалось открыть 28 православных храмов, однако 28 октября Совет Министров отменил это распоряжение под предлогом того, что оно не было подписано Сталиным. Затем последовало закрытие только что открытых церквей¹⁰.

Вплоть до смерти Сталина ни одна новая православная церковь официально не была открыта. Вообще для конца 40-х — начала 50-х годов характерно массовое изъятие церковных зданий для их переоборудования под клубы. Выявлялись и ликвидировались нелегальные молебные дома. 16 ноября 1948 г. Синод вынудил принять решение о запрещении превращать проповеди в храмах в уроки Закона Божьего для детей. Новые ограничения вызывали сопротивление верующих и духовенства. 15 августа 1949 г. Карпов сообщил Сулову о массовых случаях молений под открытым небом, в связи с чем в январе — июне уполномоченные Совета по делам РПЦ сняли с регистрации 12 священников. Архиепископ Симферопольский и Крымский Лука написал патриарху письмо с протестом против абсолютного запрещения обучения детей основам христианской религии. С ответным посланием патриарха Алексия от 18 января 1949 г. были ознакомлены 15 высших партийных и государственных руководителей страны. К тому времени Лука закончил свой труд «Дух, душа, тело», который стал одним из первых образцов церковного «самоиздата».

В сентябре 1948 г. под руководством Сулова был составлен проект постановления ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению антирелигиозной пропаганды». С ходу он не прошел. Тогда 6 декабря Карпов разослал уполномоченным своего Совета инструктивное письмо, предлагая принять меры к тому, чтобы на местах не чинились препятствия к проведению крестных ходов на воду, молебнов и крещенских водосвятий. Вскоре многолюдные крестные ходы состоялись во многих городах и селах. И 5 февраля 1949 г. министр госбезопасности СССР В. С. Абакумов написал Маленкову, что в Саратове участвовало в молебне водосвятия на Волге 30 тыс. жителей и свыше 500 из них купались в проруби; он предложил «разобраться» с виновными, и в «Правде» появилась разгромная статья «Саратовская купель».

Не прошедший ранее сентябрьский проект постановления ЦК был теперь назван «О мерах по усилению пропаганды научно-атеистических знаний» и переработан с учетом саратовских событий. Серьезные обвинения были выдвинуты против Совета по делам РПЦ, уполномоченные которого «стали видеть свое главное назначение в оказании содействия церковным

организациям». В проекте нового Положения о Совете должности уполномоченных ликвидировались. Но Сталина не устроил и этот вариант. И в апреле 1949 г. заведующий Отделом пропаганды и агитации ЦК Д. Т. Шепилов представил на рассмотрение проект постановления «О массовом совершении религиозного обряда в день церковного праздника «крещение» в городе Саратове».

Шепилов сообщал, что Карпов регулярно дарил и сам принимал подарки от руководства патриархии. В переработанном проекте Положения о Совете ликвидировалась треть должностей уполномоченных, его права несколько сужались. Однако и третий вариант был отправлен 13 мая в архив с пометкой: «Решения не принималось. Вопрос тов. Маленковым был доложен тов. Сталину». В апреле же Отдел пропаганды и агитации разослал на места материалы для очередных семинаров секретарей райкомов ВКП(б) по темам научно-атеистической пропаганды, составленные в традициях 30-х годов. Но через три недели комиссия Отдела во главе с Шепиловым заново отредактировала их, убрав критику Совета по делам РПЦ и фразы о «воинствующем пролетарском атеизме», непримиримой борьбе и т. п. Пока что РПЦ была еще нужна Сталину.

Дело в том, что Московская патриархия активно включилась в движение за мир, охватившее весь Земной шар в конце 40-х годов. «Проблема мира, как таковая, во многих аспектах представляла собой идеальную сферу для сотрудничества между церковью и государством потому, что здесь существовала большая возможность оправдать христианскую заинтересованность и христианское участие в деятельности, инициатива в осуществлении которой исходит от нехристианского государства». Эта деятельность позволяла патриархии укрепить и свой международный авторитет, оказывать влияние на собственных верующих и священников, выражая их желание предотвратить новую войну¹¹.

Движение сторонников мира оформилось в апреле 1949 г. на конгрессе в Париже, положившем начало работе Всемирного Совета Мира (ВСМ). Представлявший там Московскую патриархию митрополит Крутицкий Николай выступал на одном из заседаний и был избран в состав Постоянного комитета ВСМ. Делегаты от РПЦ участвовали в августе 1949 г. в работе I Всесоюзной конференции сторонников мира и всех последующих, они были представлены и в Советском комитете защиты мира. Постепенно иерархи и священники включались в работу республиканских и областных комитетов защиты мира. Епископат и духовенство систематически выступали с проповедями на миротворческие темы. С мая 1949 г. в «Журнале Московской патриархии» появился раздел «В защиту мира». Большой вклад внесла РПЦ в 1950 г. в сбор подписей под Стокгольмским воззванием Постоянного комитета ВСМ о запрещении ядерного оружия.

В аналогичных кампаниях Московская патриархия сразу заняла руководящее положение. В мае 1952 г. в Троице-Сергиевой лавре состоялась Конференция всех церквей и религиозных объединений в СССР в защиту мира. Не оставались в стороне и дружественные православные церкви других стран. В июле 1954 г. собравшиеся на празднование памяти Сергия Радонежского главы четырех патриархий и болгарский митрополит приняли «Обращение к христианам всего мира» с призывом умножить усилия в деле защиты мира. Не случайно патриарх Алексий в ноябре 1952 г. (как и в 1946 г.) был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Московская патриархия своим авторитетом поддерживала различные меры советского правительства или осуждала действия его противников. После начала войны в Корее патриарх и Священный Синод послали 21 августа 1950 г. обращение в Совет Безопасности ООН, настаивая на прекращении американских бомбардировок и выводе иностранных войск из Кореи. Протестовали они также против вооруженной борьбы с греческими коммунистами. Исходившие от духовенства заявления оказывали более сильное воздействие на верующих капиталистических стран, чем обычная советская пропаганда.

В конце 40-х — начале 50-х годов блок восточноевропейских православ-

ных церквей в основном сохранялся, хотя интерес к нему со стороны правительства СССР значительно снизился и валютные ассигнования на международную деятельность Московской патриархии резко упали. В ноябре 1951 г. была предоставлена автокефалия Чехословацкой православной церкви, главой ее остался прежний экзарх митрополит Елевферий. Удавалось удерживать в сфере влияния Москвы Антиохийскую, Александрийскую и Иерусалимскую патриархии, причем две последние даже прервали каноническое общение с Зарубежной Русской православной церковью. Представительных же международных совещаний, подобных состоявшемуся в 1948 г., уже не проводилось.

Постепенно стала затухать борьба с Ватиканом. В 1949 г. папа Римский опубликовал акт об отлучении от церкви католиков-коммунистов и сочувствовавших им. Тут же патриарх Алексий выступил с осуждением этой акции. Но то было одно из последних подобных выступлений. Без мощной поддержки советским государством конфронтации православных иерархов с католическими она ослабевала. Пока что поддерживались контакты Московской патриархии с протестантскими конфессиями западных стран. В 1951—1953 гг. СССР неоднократно посещали представительные делегации англиканской и германской евангелическо-лютеранской церквей.

В последние годы жизни Сталина снизилась активность Московской патриархии не только за рубежом, но и внутри страны. Государственные органы приняли тактику постепенного повсеместного ограничения ее влияния при сохранении внешне ровных отношений, а антирелигиозная пропаганда кампания, начавшаяся было разворачиваться в 1949—1950 гг., вскоре оказалась свернутой. На XIX съезде КПСС эта тема практически вообще не затрагивалась. Правда, еще в марте 1949 г. Карпов указал патриарху Алексию, что «Синоду и патриархии следовало бы продумать сумму мероприятий, ограничивающих деятельность церкви храмом и приходом». Неоднократные попытки первоиерарха добиться встречи со Сталиным и как-то изменить ситуацию закончились неудачей. С угасанием интереса вождя к религиозным проблемам значительно выросла роль Совета по делам РПЦ. Его центральный аппарат к маю 1952 г. с первоначальных 5 увеличился до 44 сотрудников. Совет все больше сосредоточивался на функциях надзора, хотя отчасти сохранял прежнюю традицию и порой амортизировал некоторые особенно ущемлявшие интересы церкви указы и постановления.

С 1949 г. постепенно были прекращены службы вне стен храмов, отменены крестные ходы кроме пасхальных, ограничены разъезды духовенства по населенным пунктам, не допускалось обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали активно преследоваться коммунисты и комсомольцы, совершавшие религиозные обряды. Бюро Ивановского обкома ВКП(б) по этой причине исключило из партии в 1949 г. 105 человек, а в первом квартале 1950 г. — еще 44. В 1950 г. по рекомендации Совета был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения патриарха. Начали призывать в ряды Советской Армии учащиеся духовных школ, не имевших сана. Усилилось бремя налогов: с 1951 г. ими стали облагать не только причтовые отчисления в пользу епархии и подарки духовенству, но и заставили уплатить соответствующие суммы за 1949—1950 годы.

В 1951 г. при уборке урожая только в Курской обл. по распоряжениям райисполкомов около 40 зданий действующих храмов были засыпаны собраным зерном. Участились случаи арестов активных священников и архиереев. В сентябре 1948 г. был в седьмой раз репрессирован архиепископ Мануил (Лемешевский), в 1949 г. осудили на 10 лет заключения епископа Красноярского за то, что он «спровоцировал» дочку коммунистки «преподнести от имени пионеров» торт приехавшему в город Новосибирскому митрополиту Варфоломею, а ЦК ВКП(б) утвердил решение краевого комитета партии о снятии с должности «за пособничество церковникам» красноярского уполномоченного, несмотря на защиту его Карповым.

Нарастание ограничений церкви привело к конфликту даже с митрополитом Крутицким и Коломенским Николаем, наиболее часто использовав-

шимся властями в различных внешнеполитических акциях. В августе 1952 г. из Отдела пропаганды и агитации ЦК партии к Маленкову поступила записка, что «Николай публикует в «ЖМП» свои богословские проповеди, которые сеют среди верующих пессимизм, мракобесие, не содержат призывов к бодрости, к самоотверженному труду на пользу родины и на укрепление мира». В беседе с митрополитом Карпов поднял этот вопрос. Ответная реакция Николая оказалась резкой, и в своем письменном ответе в Совет по делам РПЦ он заявил, что произведенное ему внушение «недалеко от замысла сделать меня врагом своего народа, ... лишить меня свободы церковного слова». В знак протеста Николай ликвидировал в «Журнале Московской патриархии» отдел проповедей, хотя продолжал ежедневно произносить их в храмах Москвы. Тяготясь некоторыми своими функциями, он неоднократно ставил вопрос об освобождении его от участия в работе Всемирного Совета Мира, и Отдел пропаганды ЦК рекомендовал подобрать более соответствующую целям советской политики кандидатуру. Правда, тогда найти ее не удалось¹².

К 1953 г. патриаршая церковь сократилась: на 1 января 1952 г. в стране насчитывалось 13786 официально открытых православных храмов, 120 из которых не действовали ввиду использования их под хранение зерна. Количество священников и диаконов уменьшилось до 12254, монастырей — до 62 с 4639 насельниками. Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей. Распались братства, существовавшие ранее на Западной Украине почти при каждой сельской церкви. Трудные времена переживали духовные школы: количество учащихся на дневном их отделении не увеличивалось и составляло 633 человека. В полтора раза сократилось число подававших заявления о приеме в духовную академию или семинарию. Совет по делам РПЦ энергично отсеивал абитуриентов по политическим мотивам. Исключение составляло заочное отделение в Ленинграде: численность его учащихся росла и достигла к июлю 1952 г. 216 человек. Это беспокоило власти, и намеченное открытие подобного же отделения в московских духовных школах не состоялось.

На территории СССР действовали тогда 63 правящих архиерея. В одном информационном докладе занимавшего заметный пост в патриархии тайного осведомителя властей содержится не лишняя интересная характеристика. Костяк составляла группа иерархов с многолетним стажем, «большой частью побывавших в заключении..., внешне подчеркнуто лояльных, но внутренне старых монархических тенденций». Бывшие обновленцы «патриархией держатся на подозрении». В них видят часто агентов Министерства госбезопасности, «людей неустойчивых». Вернувшихся эмигрантов «очень ценят, но боятся их выдвигать на видные места» как «остатки старой гвардии синодальной церкви старой России». Основную массу составляли архиереи нового поставления из вдовых протоиереев, монахов и архимандритов: «Здесь производится строгий выбор, и в подавляющем большинстве они изрядные фанатики. Правда, с точки зрения образованности — это все люди невысокого полета. Но для укрепления костяка церкви — подбора нового, фанатически преданного церкви духовенства эти архиереи делают очень много». Иерархи делились на две основные партии — григорьевцев, сторонников митрополита Ленинградского Григория, и николаевцев — по имени митрополита Крутицкого, «между которыми лавировал патриарх», причем Алексей доверял «сдва ли не больше всех других» Григорию. Основным настроением в церковном центре было желание продержаться еще несколько лет, «а там история покажет».

Смерть Сталина вызвала среди иерархов противоречивые отклики. Проснулись надежды на будущее религиозное возрождение, но возникли и опасения, что без сдерживающего влияния вождя ряд лиц из его окружения постарается свести старые счеты с церковью. Из уже подготовленного № 4 «Журнала Московской патриархии» была весной 1953 г. изъята статья «Вместе с народом», в которой говорилось о приемах Сталиным церковных делегаций (впрочем, соответствующие статьи изъяли тогда из всех очередных номеров органов печати). Запретили издание т. 3 статей и речей

митрополита Николая. Карпову вернули посланную им еще 7 мая 1952 г. в Совет Министров СССР очередную записку об открытии 8 храмов, лежавшую там без рассмотрения. 29 апреля 1953 г. в ЦК на имя Н. С. Хрущева поступила докладная с предложением разработать план ликвидации и локализации «святых источников», к которым осуществляется массовое паломничество, и создать для этого специальную комиссию (Отдел пропаганды и агитации ЦК в своем отзыве порекомендовал ограничиться мерами местных партийных организаций).

В июне 1953 г. в ЦК КПСС с заявлением обратился Карпов, желавший выяснить, «какой линии следует придерживаться, какие принципы и методы работы допустимы». Председатель Совета по делам РПЦ предлагал расширить его права и позволить ему самостоятельно, не входя в правительство, открывать храмы, «не более 25 в год»; решать вопросы, связанные с издательской деятельностью патриархии и работой ее мастеровских; обращаться в обкомы партии по фактам излишнего администрирования. Учитывая просьбу патриарха, Карпов рекомендовал взимать налоги с духовенства как с лиц свободной профессии и таким образом облегчить финансовое бремя церкви. В заключение председатель Совета по делам РПЦ указывал, что он «чувствует неправильное отношение и явное недоверие к нему со стороны соответствующих органов, где он работал раньше». Практически все предложения Карпова были отклонены; подчеркивалось, что расширение прав его Совета «может привести к значительному укреплению церкви и росту ее влияния на население»¹³.

19 апреля 1954 г. Карпов в письме повторил свои предложения, приведя дополнительные аргументы. Настаивая на официальном разрешении деятельности нескольких десятков новых храмов, он писал, что в Казахстане и ряде других мест происходят массовые собрания в молитвенных домах, открытых явочным порядком. В письме содержалась критика антицерковных акций некоторых местных властей, особенно в Курской обл. и Карело-Финской ССР. Карпов считал возможным удовлетворить просьбы патриарха о встрече с председателем Совета Министров СССР Маленковым, высказанные 4 и 28 ноября 1953 г. и 1 января 1954 года. Однако второе письмо постигла та же участь.

Начинавшееся оживление религиозной жизни, которое Карпов считал аргументом для шагов навстречу патриархии, вызвало как раз тревогу у партийных функционеров. 27 марта 1954 г. заведующие отделами пропаганды и науки ЦК партии представили Хрущеву совместную докладную «О крупных недостатках в естественно-научной, антирелигиозной пропаганде», в которой писали о быстром росте влияния церкви и развале атеистической работы. И 7 июля было принято постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения», в подготовке которого активно участвовали Д. Т. Шепилов, А. Н. Шелепин, М. А. Сулов. В этом документе пересматривалась и осуждалась как «примиренческая» прежняя линия в церковном вопросе, предлагалось вернуться на довоенный путь «наступления на религиозные пережитки». Перед принятием постановления Молотов предупреждал Хрущева, что оно «поссорит нас с духовенством и верующими, принесет массу ошибок», на что лидер партии ответил: «Будут ошибки — исправим». В возобновлении атак на церковь свою роль сыграла и «старая гвардия воинствующих безбожников» — Ф. Н. Олещук, В. Д. Бонч-Бруевич и др.¹⁴.

Наступление на церковь достигло пика летом 1954 г. и вызвало сильную негативную реакцию духовенства и верующих. Еще 23 марта архиепископ Лука написал патриарху о необходимости созвать собор епископов для обсуждения тяжелого положения церкви. А в июле Карпов подготовил, в соответствии с новыми директивами, ориентировку уполномоченным Совета по делам РПЦ о тщетном желании церковников «как-то оттянуть неизбежный конец своего существования». Но уже через месяц он написал в ЦК о массовом недовольстве на местах и попытках организовать сопротивление антирелигиозным акциям.

Активную борьбу развернул Ленинградский митрополит Григорий. На

уговоры не отправлять резкое письмо в Совет из-за возможных репрессий он ответил: «Ну что же, придется сломать голову, а я все-таки напишу доклад». С острой критикой действий властей владыка выступал перед учащимися духовной академии. Большое значение посланиям Григория придавал патриарх. С призывами к «мученичеству» выступал ростовский архиерей Вениамин. Негодующие письма шли от отдохавшего в Сухуми митрополита Николая: «Духовенство и верующие Грузии по-прежнему переживают панику в связи с антирелигиозной пропагандой, ждут чисто физических репрессий, хотят прекращать архиерейские служения, прекратили звон, проповеди и т. д.». В те месяцы лекторы Московского горкома КПСС в своих выступлениях называли Николая «первым врагом народа», заявляя, что «он пока еще нужен нам для заграницы, а в свое время мы его обезвредим».

В ЦК КПСС и правительство поступала информация не только о случаях недовольства и сопротивления новой религиозной политике, но и о росте слухов о скором закрытии храмов, запрещении церковных обрядов и массового крещения детей и о скупке религиозных предметов. Маленков, Ворошилов и Молотов, участвовавшие ранее в проведении политики интеграции церкви в структуру государственной системы, стали проявлять беспокойство по поводу очередной антирелигиозной кампании, утверждая теперь, что она приведет к нежелательным последствиям внутри страны и за рубежом.

В сентябре 1954 г. в СССР принимали с большим почетом Антиохийского патриарха, которому подарили 220 тыс. рублей, 35 тыс. долларов и различные драгоценности. Гость, с которым обсуждались пути привлечения на сторону Московской патриархии других православных иерархов, настойчиво просил прекратить «перегибы в отношении церкви, так как это выбивает у нас все козыри и затрудняет нашу работу по сближению между нашими церквями и народами». И тогда началась подготовка принятого 10 ноября 1954 г. постановления ЦК КПСС «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения». По ряду пунктов оно было противоположно июльскому и вызвало волну благодарственных телеграмм от духовенства и верующих.

11 декабря 1954 г. патриарха Алексея официально принял Маленков. Патриарх говорил о необходимости снижения налогов с духовенства, передачи церкви всех помещений Троице-Сергиевой лавры, объединения советов по делам русской православной церкви и по делам религиозных культов. Патриарху обещали учесть его просьбы. Митрополита Николая, желавшего поставить вопросы о созыве Поместного Собора, расширении сети духовных школ, проповедческой деятельности, на встречу не пригласили, а обещанное патриарху не было выполнено. И все же 1955—1957 гг. оказались более благоприятными для церкви. Одной из причин явилось желание руководства страны активно использовать Московскую патриархию во внешнеполитических акциях. Резко увеличились валютные ассигнования церкви (их она с лихвой компенсировала многомиллионными рублевыми взносами в государственный бюджет). В результате патриархия смогла активизировать миротворческую деятельность.

В июле 1955 г. собравшиеся в Москве на торжества в честь Сергия Радонежского делегации 8 православных церквей приняли послание «К христианам всего мира» с призывом поддержать мирные чаяния человечества. Особое внимание уделялось Александрийскому патриарху Христофору: 9 мая Совет Министров СССР решил выделить ему 5 тыс. египетских фунтов и передать в Одессе храм в качестве подворья с тем, чтобы ежегодные доходы оттуда в пользу патриарха составляли 10—15 тыс. долларов. Руководство СССР стремилось также упрочить связи с новым правительством Египта, и после провала интервенции войск Великобритании, Франции и Израиля против этой страны Московская патриархия выделила еще 3,5 тыс. фунтов для помощи Александрийской и Коптской церквям.

Еще в августе 1954 г. глава Эфиопско-Коптской церкви архиепископ Мир-Лукас просил о присоединении ее «к русскому православию», но

согласия не получил. К середине 50-х годов Московская патриархия постепенно отказалась от былых централизаторских устремлений и передала свои приходы и монастыри в Болгарии, Румынии и Югославии местным церквям. В ноябре 1955 г. сложил с себя полномочия глава Чехословацкой православной церкви митрополит Елевферий, его преемник уже не являлся гражданином СССР. В 1957 г. была предоставлена автономия Китайской православной церкви, восстановлено молитвенно-каноническое общение с Финляндией (с признанием автономного статуса ее церкви в составе Константинопольской патриархии и передачей ей Валаамского монастыря). В февральской 1956 г. справке Совета по делам РПЦ для ЦК КПСС указывалось, что из 14 автокефальных православных церквей 11 поддерживают Московскую патриархию, а с Константинопольской, Греческой и Кипрской она имеет формальную связь. Шло улаживание спорных вопросов со Вселенским престолом.

Руководство СССР отводило большую роль РПЦ в налаживании советско-югославских контактов, прерванных в конце 40-х годов. В начале 1955 г. сербский патриарх Викентий демонстративно отслужил молебен в русском храме Белграда. Готовился его приезд в Москву (состоялся в октябре 1956 г.). А через год ответный визит нанес в Югославию патриарх Алексей, причем глав обеих церквей приняли высшие руководители страны. Значительный вклад в осуществление международных акций РПЦ продолжал вносить митрополит Николай и в августе 1955 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Новые мотивы зазвучали в отношении Московской патриархии с Ватиканом, экуменическим движением, протестантскими организациями. Прекратилась прямая конфронтация, произошел обмен делегациями богословов с англиканской и западногерманской евангелической церквями. После Эвансонской ассамблеи Всемирного Совета Церквей в 1954 г. Московская патриархия стала принимать эпизодическое участие в экуменической работе. В марте 1956 г. состоялся визит в СССР делегации Национального совета церквей Христа (НСЦХ) из США. В ходе переговоров тогда столкнулись две точки зрения на пути сохранения мира на Земле. Успешнее протекал ответный июньский визит представителей христианских церквей СССР, и совещание закончилось опубликованием общего, компромиссного по содержанию коммюнике. Предполагалось продолжить обмен мнениями и далее. Однако 8 ноября 1956 г. президент НСЦХ Е. Блейк письменно попросил Московскую патриархию сделать представление советской власти, чтобы венгерскому народу было предоставлено право самому определить свою судьбу. Патриарх ограничился заявлением об участии в посылке материальной помощи лицам, пострадавшим во время венгерских событий. Но и это вызвало негодование властей, и 15 декабря член Совета по делам РПЦ И. И. Иванов написал в ЦК КПСС: «До сего времени ни патриарх, ни митрополит Николай... не сказали ни слова против реакции». После этого встречи с американскими христианами прервались на несколько лет¹⁵.

Московская патриархия активно участвовала в подготовке и работе VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в июле — августе 1957 г. в Москве. Состоялись различные встречи, собеседования, диспуты молодых христиан западных стран и СССР, которые должны были убедить иностранцев в существовании свободы совести в советском государстве. С 1955 г. стало правилом присутствии представителей Московской патриархии на приемах в Верховном Совете СССР и в иностранных посольствах. Это давало возможность церковным иерархам непосредственно общаться с руководителями государства и излагать им свои ходатайства.

В июне 1955 г. на приеме председателем Совета Министров СССР Н. А. Булганиным премьер-министра Индии Дж. Неру патриарх Алексей заявил советскому лидеру о желательности официальной их встречи, и Булганин ответил согласием. Хотя в том году встречи не состоялось, церкви были сделаны некоторые уступки: 17 февраля 1956 г. Совет Министров СССР принял постановление «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий», согласно которому Совету по делам РПЦ предоставлялось право

регистрировать церковные общины, фактически действовавшие без официального разрешения; решения об открытии новых храмов теперь принимались Советами Министров союзных республик. В результате количество православных церквей вновь стало расти. Еще в 1955 г. было зарегистрировано 37 неофициально действовавших храмов и открыто 4 новых. Практически впервые за всю советскую историю православной церкви разрешили напечатать Библию и отдельно Евангелие, и в 1956 г. они вышли общим тиражом 50 тыс. экземпляров.

Развернувшийся в середине 50-х годов процесс либерализации, развенчания сталинизма и расширения возможностей духовной жизни благотворно сказался и на положении РПЦ. Началось освобождение священнослужителей, выживших в лагерях и тюрьмах. В конце 1955 г. получили свободу архиепископ Мануил и бывший карловчанин митрополит Нестор, человек драматической судьбы. 8 декабря 1955 г. появилось циркулярное письмо Совета по делам РПЦ уполномоченным, определявшее задачи их работы по выделению групп лояльного духовенства на местах для получения от них различной информации. Через три месяца председатель Совета попросил ЦК партии «для использования патриархии в международных делах и еще кое в чем» пойти ей навстречу: передать ей Троицкий собор Александроневской лавры в Ленинграде, все помещения Троице-Сергиевой лавры, часть старых церковных книг, до 60 облачений и несколько сот икон из музеев. Карпов указывал также на необходимость открыть до 40 новых храмов, ибо отклонять «все просьбы и не считаться с интересами верующей части населения по существу будет беззаконием».

После XX съезда КПСС у руководства патриархии появились сомнения, не затронет ли ее как-то избавление страны от сталинизма в свете неоднократных обвинений Хрущевым иерархов. Патриарх предпринял усилия для встречи с лидерами государства. Хрущев от переговоров отказался, а Булганин 26 марта 1956 г. встретился с православными архиереями и успокоил их, сказав, что ни о каком новом наступлении на религию не может быть и речи, что появится возможность дальнейшего развития демократических начал, включая РПЦ. Воспользовавшись этим, иерархия подняли вопрос о необходимости освобождения из ссылки и лагерей духовенства. И с весны 1956 г. усилился процесс освобождения заключенных священнослужителей.

В августе 1956 г. Совет Министров РСФСР принял решение «О передаче Московской патриархии зданий и сооружений, расположенных на территории Троице-Сергиевой лавры в г. Загорске». Через год был освящен возвращенный церкви Троицкий собор в Ленинграде. На рабочих и служащих храмов распространили общее трудовое законодательство. В 1957 г. патриархия поставила вопросы о передаче ей Новодевичьего и Донского монастырей и организации церковной типографии. К 1 января 1957 г. количество зарегистрированных православных храмов в СССР выросло до 13478, численность духовенства в них достигла 12288 человек.

Состав же архиереев, по мнению властей, изменился к худшему: из 70 правящих иерархов, в ряды которых влились недавно освобожденные из лагерей, примерно половина подвергалась репрессиям, и многих из них контролировать было сложно. В мае 1957 г. на совещании в Совете по делам РПЦ отмечалось, что умерший полтора года назад Ленинградский митрополит Григорий «не терпел никаких советов уполномоченного и если узнавал про отдельные советы, рекомендованные уполномоченным, то, как правило, делал все наоборот. Преследовал духовенство, которое периодически посещало уполномоченного».

Развивалось духовное образование. Осенью 1956 г. по сравнению с 1951 г. удвоилось число абитуриентов в духовных академиях и семинариях, количество учащихся на дневном отделении увеличилось до 1094, на заочном превысило 400. В 57 монастырях и 7 скитах проживал 4661 насельник. В РСФСР примерно треть всех родившихся младенцев крестилась, а треть умерших отпевалась. Росли доходы церкви. Если в 1948 г. они составили 180 млн. руб., то в 1955 — 347 млн., а в 1957 — 667 млн. рублей. В целом за

1949—1957 гг. только патриархия израсходовала на содержание духовных учебных заведений 99 млн. руб., на восстановление и ремонт храмов и пособия епархиям — 82,4 млн., на выплату пенсий духовенству и помощь верующим — 75,2 млн., на внешнеполитическую деятельность — 21,8 млн., на приобретение облигаций государственных займов — 5,4 млн. рублей ¹⁶.

Но относительное благополучие РПЦ оказалось непрочным. В стране имелись влиятельные силы, готовые при любом благоприятном моменте возобновить антирелигиозное наступление. Хрущев еще в сентябре 1955 г. заявил в беседе с делегацией французских парламентариев: «Мы продолжаем быть атеистами. Мы будем стараться освободить от дурмана религиозного опиума, который еще существует, большую часть народа». После XX съезда КПСС в партийных документах все явственнее стали проступать антицерковные установки, настроения в пользу очередной атаки на религию как мораль рабов.

Борьба шла и в Совете по делам РПЦ. 15 декабря 1956 г. заведующий его инспекторским отделом И. И. Иванов написал в ЦК КПСС о серьезных разногласиях в Совете и предложил свой план новой тактики Совета для ограничения влияния РПЦ. Он раскритиковал внешнеполитическую деятельность патриархии, рекомендуя для лучшего проникновения на Ближний Восток переориентироваться с православных иерархов на мусульманское духовенство, главный же упор сделать на связи с неправославными церквями капиталистических стран. Спустя три дня в ЦК направил письмо его заместитель В. Спиридонов, критиковавший своего начальника за план нанести удар по церковному центру и «перетряхнуть епископов»: «Совет не должен превращаться в штаб политической войны с религией и не делать ничего такого, что нарушило бы нормальные отношения между церковью и государством... В этом главное, а не в том, чтобы изобретать какие-то стратегические и тактические действия в войне с религией». В другом письме Спиридонов доказывал необходимость «отменить законы и постановления, противоречащие духу конституции» и свободе совести ¹⁷.

Достаточно ровную линию в государственно-церковных отношениях отстаивали в ЦК КПСС бывшие ближайшие соратники Сталина. Дело изменилось в 1957 году. После июньского пленума ЦК новая расстановка политических сил в стране сложилась не в пользу РПЦ. В газетах появились статьи ряда отрекшихся от Бога бывших священников. Усилилась антицерковная пропаганда: если в 1956 г. в стране было прочитано 1875 антирелигиозных лекций, то в 1957 г. — 3875. Подготовительные шаги к широкомасштабному наступлению на церковь были сделаны на конференции 350 теоретиков атеизма в Москве в августе 1957 года ¹⁸. Начиналось проведение антирелигиозных мер по административной линии. 2 декабря 1957 г. Совет по делам РПЦ разослал уполномоченным указ о снятии в первом полугодии 1958 г. с учета зарегистрированных, но не действующих по разным причинам храмов. РПЦ оказалась на пороге нового периода тяжелых испытаний.

Примечания

1. Статья подготовлена при содействии Московского отделения Российского научного фонда.
2. Государственная безопасность и демократия, 1993, № 2, с. 45; Ленинградская панорама, 1991, № 7, с. 27.
3. Центр хранения современной документации (ЦХСД), ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 4—5; ШМЕ-МАН А. Д. Богословная школа в СССР (1943—1955).— Вестник института по изучению СССР, Мюнхен, 1957, № 1(22), с. 85.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 6991, оп. 2, д. 2, л. 11, 51; ЧАЕВ П. О. Катакомбные мастыри. - Грани, Франкфурт-на-Майне, 1982, № 123, с. 191.
5. ВАСИЛЬЕВА О. Кремль против Ватикана. - Новое время, 1993, № 30, с. 39; Журнал Московской патриархии, 1945, № 5, с. 19; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 10, л. 39.
6. KOLARZ W. Religion in the Soviet Union. Lnd. 1961, p. 59; ПОЛЬСКИЙ М. Каноническое положение высшей церковной власти в СССР и за границей. Джорданвилль. 1948, с. 120;

- Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), ф. 9324, оп. 2, д. 75, л. 94—95.
7. The Russian Church under the Soviet Regime 1917—1982. Джорданвилль. 1992, с. 49—56; ОДИНЦОВ М. Хождение по мукам, 1939—1954 годы.— Наука и религия, 1990, № 8, с. 21.
 8. ВАСИЛЬЕВА О. Ук.соч., с. 40; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 1; Журнал Московской патриархии, 1946, № 9, с. 56.
 9. ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 16, л. 57; Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ), ф. 17, оп. 132, д. 8, л. 25; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 11, л. 37.
 10. АЛЕКСЕЕВ В. А. «Штурм небес» отменяется? М. 1992, с. 200, 202; РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 7, л. 2—28; д. 109, л. 70; ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 8—9.
 11. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 10, л. 15—20; д. 110, л. 26; FLETCHER W. A Portrait of the Most Praised and Vilified of Modern Churchmen — Metropolitan Nikolai of the Russian Orthodox Church — and of the Dilemma He Faced as Religions Leader in a Militantly Secular Society Nikolai. N. Y. 1968, p. 109.
 12. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 109, л. 47; д. 285, л. 131; ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 624, л. 9—14.
 13. РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 132, д. 569, л. 50—84; ЦГА СПб, ф. 9324, оп. 2, д. 37, л. 71—73; ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 624, л. 124—126.
 14. АЛЕКСЕЕВ В. А. Ук. соч., с. 211, 213; GROSSMAN J. Khrushchev's Anti-Religions Rolicy and the Campaign of 1954.— Soviet Studies, 1973, vol, 24, N 3, p. 377—379.
 15. ЦХСД, ф. 5, оп. 16, д. 669, л. 84, 150, 154, 178—179; оп. 33, д. 53, л. 36; БОГОЛЕПОВ А. А. Церковь под властью коммунизма. Мюнхен. 1958, с. 73, 74.
 16. ЦХСД, оп. 16, д. 624, л. 166—167; оп. 33, д. 53, л. 21—28, 66; ГАРФ, ф. 6991, оп. 2, д. 201, л. 74; д. 263, л. 30—43, 48—52; д. 254, л. 33—87.
 17. О положении Церкви в Советской России и о духовной жизни русского народа (доклад Архиерейскому Собору 1959 года епископа Лос-Анжелосского Антония). Джорданвилль. 1960, с. 12; ЦХСД, ф. 5, оп. 33, д. 53, л. 34—42.
 18. STRUVE N. Christians in Contemporary Russia. Lnd. 1967, p. 293.

Мустафа Кемаль Ататюрк

Ю. Н. Розалиев

Мустафа Кемаль-паша, официально названный «отцом турок» (Ататюрк), относится к числу тех деятелей, кто не только являлся активным участником исторических событий, но и был в определенной мере их творцом. Полководец, политик и дипломат, создатель нового государства на развалинах Османской империи, он руководствовался идеей направить все свои усилия и способности на службу своему народу. Жизнь Ататюрка — один из примеров того, как личность может заслужить международное признание на поприще самоотверженного служения родине. Будучи по образованию и манере жизни сугубо военным человеком, он постоянно стремился к гражданской преобразовательной деятельности и неоднократно подчеркивал, что успехи в военной сфере не могут принести тех же результатов, как реформы в области экономики, быта и культуры. Разъясняя характер своих действий, он ссылаясь на пример Петра Великого, сопоставляя историю России начала XVIII в. и Турции начала XX века.

Существует огромная литература, посвященная Ататюрку. Часто переиздаются его выступления и воспоминания его соратников или свидетелей его деятельности¹. Однако почти вся литература о нем страдает односторонностью. В западных работах поступки Ататюрка рассматриваются обычно с точки зрения его стремления приобщить Турцию к западной культуре. Это, конечно, имело место, но не доминировало в его поступках. В турецких же работах подчеркивается сугубо национальный аспект его действий при нарочитом смещении их с национализмом. Порою этим пытаются усилить национал-шовинистские позиции правых группировок в современной Турции. В таких случаях вырванные из контекста и оторванные от тогдашней обстановки какие-то цитаты из выступлений Ататюрка искажают образ этого человека. Наконец, советская литература о нем выделяет влияние Октябрьской революции и ее лидеров на Турцию. Оно имело место, но не являлось главным. Ататюрк всегда оставался самобытен. Лучшими среди советских работ о нем представляются исследования А. Ф. Миллера². Для советских историков турецкие архивы были закрыты, а использование многих документов из своих архивов было почти невозможно. Ныне «кемалиана» постоянно пополняется различными документами и материалами. Тем не менее, в России обобщающих работ об Ататюрке пока не появлялось.

Розалиев Юрий Николаевич — профессор, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН.

В памяти общественности Ататюрк сохраняется как человек, совершивший ряд подвигов. Первый и основной — руководство страной в ответственный, критический период революции и борьбы за независимость. Мустафа Кемаль не случайно стал лидером освободительного движения в стране, потерпевшей сокрушительное поражение в первую мировую войну и оказавшейся в плачевном положении. Измученная бездарными правителями нация, разуверившаяся в ничтожных авантюристах-командующих (типа Энвер-паши) армия, расколота и мечущаяся интеллигенция увидели в Кемале единственного лидера, обладающего разумным патриотизмом, умом, волею, умением объединить народ и армию в борьбе за прочную власть, за восстановление чести Турции на международной арене, наведение порядка и проведение давно назревших преобразований. Победа в национально-освободительной войне была в значительной мере предопределена именно кемалистским руководством, поскольку Мустафа проявил способности выдающегося политика, организатора вооруженных сил и полководца.

Вторым подвигом, потребовавшим огромного напряжения всех сил Ататюрка, стала ликвидация султаната, халифата и создание нового Турецкого государства на развалинах Османской империи. Эти преобразования были осуществлены в тяжелых условиях внутренней анархии и международной блокады страны. В решающий момент образования нового государства в Турции сама истекавшая в то время кровью Советская Россия внесла весомый вклад в защиту дела Ататюрка.

Конечно, Кемалю не удалось бы совершить всего этого, если бы у него не имелось опыта командования войсками и политической подготовки во время младотурецкой революции 1908 г. и войн начала XX в. — Триполитанской, I и II Балканских, первой мировой. Кемаль не только принимал непосредственное участие в этих событиях, но и проявил себя в мировой войне как незаурядный организатор обороны пролива Дарданеллы и полуострова Галлиполи от английского десанта, намеревавшегося захватить Стамбул.

Третий подвиг Кемалия — проведение реформ, открывших путь к самостоятельному капиталистическому развитию, и внедрение в турецкое общество новых взглядов, традиций, привычек. Только Кемаль с его энергией, умом, настойчивостью, пониманием национальных чаяний широких масс мог за сравнительно короткое время вывести страну на новый путь, нанести поражение устаревшим обычаям и внести передовое в вековые устои мусульманского мира. Ведь всем мусульманским странам, соседним с Турцией, потребовались долгие десятилетия для смены исторических вех.

Четвертый его подвиг — экономические преобразования в стране, которая с неведомой поры использовала на полях карасапан — деревянный плуг. Идеологической основой экономических преобразований служили, равным образом, защита национальных интересов и отстаивание прав народа, веками находившегося в покорности султанам и, позднее, в зависимости от иностранного капитала. Кемаль провозгласил знаменитый лозунг «Без экономической самостоятельности не может быть подлинной независимости» и потом неизменно придерживался этого положения. Он, практически впервые в Азии, официально ввел этатизм — огосударствление системы производства, повел Турцию по пути заимствования всего полезного в обоих социальных лагерях, внедряя в экономику новые формы бизнеса и труда.

Это Кемаль основал в 1924 г. «Тюркие иш банкасы АШ» (Акционерная компания «Деловой банк Турции»), выступил инициатором создания государственных промышленных корпораций — Сумербанк и Этибанк, неизмеримо расширил функции Сельскохозяйственного банка, ставшего проводником государственной линии в земледелии. Успешно используя стремление великих держав усилить свое влияние в Турции, он получал от них существенную материальную и дипломатическую поддержку. Благоприятно для Турции развивались советско-турецкие отношения. СССР предоставлял ей беспроцентные кредиты для строительства текстильных и военных

предприятий, оказал реальную финансовую помощь в годы мирового экономического кризиса, подготовил ного высококвалифицированных специалистов. Ататюрк неоднократно проявлял чувство благодарности советским друзьям за их неоценимую поддержку его начинаний.

Пятым его подвигом следует считать его дипломатическую деятельность 30-х годов, осложненных резким противостоянием великих держав, агрессивной линией фашистских государств, нарастанием второй мировой войны. Ататюрк успел вывести Турцию из дипломатической изоляции, укрепить ее суверенитет и поднять ее авторитет на международной арене, создать предпосылки того, чтобы избежать участия в новой мировой войне. Как известно, несмотря на отчаянные попытки реакции, турецких фашистов — боз куртлар («серые волки») и милитаристов, стремившихся повторить вариант союза с Германией, Турция так и не вступила во вторую мировую войну, сохранила свой суверенитет и избежала материальных и людских потерь.

Вместе с тем Кемаль оставался сыном своей эпохи и того строя жизни, в рамках которого он родился, воспитывался и сформировался. Он во многом воспринял и развил идеи младотурок, положивших начало буржуазным преобразованиям, новому отношению к трудящимся, военной элите и правительственной бюрократии. В суровой школе жизни время и события не позволили Кемалю стать добреньким и каким-то чрезмерно общительным. Его решительность, жесткость, порою даже жестокость наглядно проявились еще во время боев в Сирии, Ливане и Закавказье в годы первой мировой войны, при обуздании партизанского движения и анархии, при организации национальной армии и подавлении курдских восстаний.

Кемаль нетерпимо относился к истерическому экстремизму, не дрогнув, избавлялся от религиозных фанатиков — приверженцев султана и халифата, от многословных партийных болтунов и тех общественных деятелей, кто называл себя левыми, прогрессивными, передовыми, но не доказывал этого делом. Для профессионального военного Кемалю главным героем нации всегда оставался труженик-крестьянин, зарабатывающий свой хлеб тяжелым трудом. «Соха — вот то перо, которым Турция будет писать свою новейшую историю», — говорил Ататюрк. В то же время Кемаль не умалял значения республиканской армии.

Он весьма болезненно относился к оппозиции против установленного им диктаторского режима. Он понимал недостатки однопартийной диктатуры и пытался создать легальную оппозицию через организацию контролируемой им лично «другой» партии. Но этот опыт не удался, и до конца жизни Кемалю оставалась у власти основанная им Джумхуриет халк партиси (Народно-республиканская партия). Диктатура Кемалю и его окружения, поддерживавшаяся всеми способами, стала прообразом многих диктаторских режимов, возникших в Азии во второй половине XX века.

Как бы выполняя свой долг офицера султанской армии перед стамбульским правительством, Кемаль сравнительно долго не шел на ликвидацию уже отжившей свой век системы былого правления и стремился сначала найти с прогнившим режимом взаимопонимание. Не был последовательным он и при проведении реформ, по существу сохранив старую систему землевладения и землепользования в полуфеодальной стране, вследствие чего турецкое общество донныне сохраняет многочисленные пережитки прошлого и пока не может вырваться за рамки многоукладности.

Не санкционировал он и изменений в положении рабочих, не предотвращал подавления забастовок и митингов, закрытия профсоюзов. Он не выступал против местного национализма, что нередко приводило к самоизоляции Турции, отрыву ее от мирового сообщества. Это тоже продолжает ощущаться поныне. Между тем если во время освободительной войны национализм и религиозный фанатизм в Турции можно было объяснять историческими условиями развития, то впоследствии они стали серьезным тормозом на пути подъема страны. Попытки ее правящих кругов выйти на авансцену современности оккупацией части Кипра, долголетней войной в Курдистане и поддержкой боснийцев не только не меняют сохраняющего-

ся положения вещей, но еще более подчеркивают его. Вот некоторые отдаленные последствия политики Ататюрка, который, конечно, не мог всего предвидеть.

Мустафа родился в 1296 г. Хиджры (1881 г., точная дата рождения не установлена) в патриархальной семье мелкого таможенного служащего, затем торговца лесом и солью Али Риза Эфенди и Зюбейде-ханым. Родной его город — греческие Салоники, где турецкая община составляла до 15% населения. Грамотная (большая редкость для турчанки в то время) и набожная мать определила 6-летнего сына в религиозную школу. Но после смерти отца, который был старше матери лет на 20, Мустафа, проявив желание стать военным, поступил в военную школу и прошел все ступени подготовки офицера. Еще в школе, за успехи в учении, его назвали вторым именем — Кемаль (ценный, безупречный)³. Среднее военное образование он получил в училищах Салоник и Монастира (Битола), а в январе 1905 г. окончил Академию Генштаба в Стамбуле, после чего был направлен для прохождения службы в чине капитана в Дамаск.

К началу XX в. в Османской империи наступил экономический, политический и военный кризис. На султанском престоле восседал Абдул-Хамид II (1876—1909), ретроград и мракобес. Несмотря на свое противодействие всяким реформам, он был вынужден в декабре 1876 г. ввести конституцию, но предельно ограничил ее действенность. Османская империя провозглашалась единым государством, не подлежащим расчленению. Это положение вступило в противоречие с национально-освободительным движением во всех районах империи⁴.

Неоднократные восстания подавлялись с чудовищной жестокостью командующими войсками, которые придерживались официальной доктрины, рассматривавшей всех подданных султана, вне зависимости от национальности и вероисповедания, членами одного общества⁵. Массовые расправы над восставшими и мирным населением, в том числе мусульманским в арабских районах и Курдистане, вызывали возмущение во всем цивилизованном мире. В ходе русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Турция потерпела ряд крупных поражений и вынуждена была признать по Берлинскому трактату полную независимость Сербии, Черногории и Румынии, автономию Болгарии и Восточной Румелии (в 1885 г. воссоединившейся с Болгарией). Англия, под предлогом помощи Турции, оккупировала Кипр, Австро-Венгрия заняла Боснию и Герцеговину⁶. В 1881 г. Франция захватила Тунис, прежнюю колонию Турции, в 1882 г. Англия оккупировала Египет.

В год рождения Мустафы Османская империя объявила себя финансовым банкротом и по Мухарремскому декрету султана согласилась на создание Управления Османского государственного долга, в ведение которого передавалась для иностранцев часть доходов государства. Господствовавший в банковском деле англо-французский эмиссионный Османский банк контролировал финансы страны; строительство железных дорог, в том числе Багдадской, велось германским капиталом; контроль над табачным делом осуществлялся французской компанией «Режи»; коммунальное хозяйство крупнейших городов находилось в руках бельгийского капитала. Турция утратила самостоятельность во внешнеполитических делах и на международной арене выступала теперь не как субъект, а как объект политики великих держав, готовивших раздел наследства «босфорского больного».

В годы военного обучения Мустафы в стране утвердился кровавый, беспощадный к противникам режим хитрого и трусливого Абдул-Хамида II. Он подавил конституционное движение, приказал умертвить автора первой турецкой конституции Мидхат-пашу, распустил послушный правительству парламент, создал отлаженный механизм поголовной слежки, доносов, преследований прогрессивных слоев общества. Много согладатаев было заслано в военно-учебные заведения, к которым султан чувствовал недоверие. Следили даже за офицерами, вплоть до высших. Число издаваемых газет и журналов сократилось до минимума. Запретили официальное употребление таких слов, как свобода, конституция, право, равенство, революция, тирания. В числе запрещенных книг числились творения У. Шекспира и Л. Н. Толстого.

Режим зулюма (деспотизма) базировался на экономической отсталости страны. В деревне кое-как барахтался задавленный податями крестьянин. Привлечение откупщиков к сбору налогов губительно действовало на любую инициативу крестьян, купцов и ремесленников. Национальная кустарная, иногда мануфактурная промышленность была в зачаточном состоянии и не выдерживала никакой конкуренции с товарами иностранного производства. Английские и французские компании получили концессии на добычу ряда полезных ископаемых. Промышленное производство сосредоточилось практически в Стамбуле, предпринимательство развивалось главным образом в окраинных районах (Балканы, Сирия, Ливан, Палестина, Багдад).

Экономический застой, политическое бесправие, засилье иностранного капитала, разложение режима порождали у прогрессивной молодежи, особенно курсантов военных училищ, стремление найти выход из создавшегося положения. Развернулось буржуазно-революционное движение младотурок. Турецкие эмигранты в Европе наладили с 1895 г. издание газеты «Мешверет» («Обсуждение») ⁷. В 1889 г. младотурки объединились в общество «Иттихад ве теракки» («Единение и прогресс»), поставившее целью восстановление конституции, проведение реформ, равенство в правах всех народов, сопротивление вмешательству иностранных держав. Однако в этом движении единства различных групп не было, а их ячейки действовали по собственному усмотрению.

Кемаль стал членом исполкома тайного общества «Ватан» («Родина») в академии. Вскоре оно было раскрыто, Мустафу в декабре 1904 г. арестовали, но руководство академии сумело в отчете султану смягчить вину молодого офицера, и его фактически сослали в январе 1905 г. служить в Дамаск. Там штабс-капитан турецкой армии впервые столкнулся с армейскими буднями и с карательными операциями против местного арабского населения друзов и на практике убедился в необходимости резкого изменения существующих порядков. В 1906 г. он в Сирии организовал тайное общество «Ватан ве хюрриет» («Родина и свобода»), действие которого предполагалось распространить в армейских частях Бейрута, Яффы и Иерусалима.

Стихийные выступления против зулюма, особенно в годы первой российской революции, охватили Османскую империю, подталкивая младотурок к активным действиям. В декабре 1907 г. в Париже состоялся их II конгресс, на котором была принята программа действий: отречение Абдул-Хамида, восстановление конституции, установление режима представительной власти. В качестве крайней меры предполагалось поднять в 1909 г. вооруженное восстание. Между тем в 1906 г. «Единение и прогресс» перенесло свою резиденцию из-за границы в Салоники. Попытки Мустафы, тайно посетившего родину в 1906 г., установить контакт с руководством комитета не удалось. А в ходе контактов с единомышленниками он убедился, что для многих лидеров движения революция являлась способом сделать карьеру, путем к удовлетворению личных амбиций, богатству и почестям. Соучастники этих бесед вспоминали потом, что на их сходах Кемаль нередко оставался молчаливым и задумчивым, как бы далеким от окружающих его лиц.

В июне 1907 г. ему присваивается звание колагасы (чин старой армии, выше капитана, но ниже майора), а в сентябре его перевели в Македонию, где он неоднократно посещал теперь Салоники. Летом 1908 г. офицеры Ахмед Нияз-бей и Энвер (будущий Энвер-паша), возглавив отряды повстанцев, ушли в горы для активной борьбы с властями. Почва для восстания была уже подготовлена, особенно в Македонии, и отряды повстанцев быстро превратились в Армию действия, двинувшуюся на Стамбул. 23 июля 1908 г. султан капитулировал и возвестил о восстановлении отмененной им конституции. Началось общенародное ликование. Но радость длилась недолго. Пришедшие к власти младотурки, возглавляемые комитетом «Единение и прогресс», посчитали восстановление конституции окончанием своей миссии, испугались дальнейшего развития событий, стали призывать

к умеренности, отказались изменить режим и добивались лишь отставки одиозных чиновников. Султан и избранный теперь парламент практически не внесли перемен в жизнь страны.

Абдул-Хамид II и его окружение, видя, что младотурки теряют влияние, начали готовиться к контрперевороту. Он состоялся в апреле 1909 года. Младотуркам удалось с помощью верных им войск низложить султана, на престол был возведен безвольный и слабоумный Мехмед V Решад (1909—1918). Теперь младотурки принялись устанавливать свою диктатуру, многие их лидеры занялись личным обогащением. Но принявший прямое участие в занятии Стамбула в качестве начальника штаба Армии действия Кемаль отказался как-либо использовать свое положение и войти в правительство. Между тем младотурецкий комитет занялся бесконечным «выяснением отношений». Отстраненные от власти чиновники перешли в оппозицию и повели политическую борьбу против новых правителей. Словесные баталии порой перерастали в кровавые столкновения, часто менялись правительства. Однако эти баталии никакого существенного значения для страны не имели.

«Единение и прогресс», придя к власти, оказалось бессильно определить позитивную программу дальнейших действий. Младотурки всемерно проповедовали пантюркизм, панисламизм и османизм, основанные на крайнем национализме и шовинизме. Эксплуатация идеи самосознания нации была доведена до абсурда. Провозглашалось превосходство турецкой нации над всеми остальными, хотя именно «остальные» оказывались в империи более развитыми в экономическом и социальном отношении и являлись активными носителями прогресса. Отрицая феодальные порядки, младотурки одновременно не восприняли буржуазных и постепенно превратились в заурядных шовинистов, отдельные группировки которых вели ожесточенную борьбу за власть и наживу.

К началу первой мировой войны в Турции установилась диктатура триумvirата — Энвер, Таалат и Джемаль. Султан и парламент практически были лишены власти. Триумvirат возглавлял беспринципный авантюрист, военный министр, зять султана Энвер-паша. Откровенный поклонник германской военной доктрины, шовинист, сборник пантюркизма и панисламизма, бездарный военачальник — он бредил желанием войти в историю. Он способствовал, в частности, подчинению турецкой армии германским офицерам. Кемаль неоднократно вступал в открытый конфликт с Энвером. Министр внутренних дел Талаат-паша и председатель ЦК «Единения и прогресса» губернатор Стамбула Джемаль-паша мало чем отличались от Энвера.

Независимая позиция Кемалья и его популярность в армии беспокоили верхи младотурок. Стремясь как-нибудь отдалить его от правительства и одновременно вознаградить за помощь при реставрации младотурецкого правления, власти откомандировали его летом 1909 г. во Францию. Франция произвела огромное впечатление на молодого офицера, способствовала его стремлению взять на вооружение лучшие достижения Запада. По возвращении домой и назначении в 3-й армейский корпус со штабом в Салониках он попытался внести изменения в подготовку войск, что было холодно встречено военным министром М. Шевкетом, приказавшим Кемалю вернуться в Генеральный штаб, где его можно было контролировать.

В сентябре 1911 г. Италия спровоцировала войну с Турцией, намереваясь захватить Триполитанию и Киренаику. Турецкие военные силы не смогли, несмотря на реорганизацию их немецким генералом фон дер Гольцем, оказать сопротивление итальянскому десанту. Вскоре пали Триполи, Хомс, Тобрук, Дерна и Бенгази. Турки терпели поражения или сдавались без боя. Но итальянское нападение подняло волну национально-освободительного движения среди арабов, которые сами стали оказывать сопротивление итальянскому экспедиционному корпусу. Группа турецких офицеров, в их числе Кемаль, выехала в Ливию. На месте военных действий Кемаль тотчас разгадал замысел Энвер-паши сосредоточить войска в одном месте и любой ценой добиться маленького успеха, после чего провозгласить себя

победителем. Назначенный инспектором войск, Кемаль критиковал эту авантюру.

Инспектируя арабские и берберские части, он столкнулся с тем, что местное население не доверяет туркам. С 1912 г. турецкие регулярные части отказались уже фактически от боев с итальянцами, а в ряде случаев даже мешали арабскими повстанцам, что порождало столкновения последних с турками. Тогда-то майор Кемаль и пришел к выводу о не возможности сохранения многонациональной Османской империи в прежнем виде, а заодно убедился в эффективности партизанского движения⁸. Поражение Турции в войне с Италией обострило политическую обстановку в Стамбуле. Генералиссимус Шевкет-паша ушел в отставку, вслед за ним — и все правительство, которое не справлялось с антитурецким движением в Йемене, Албании и на Додеканезских островах. В октябре 1912 г. по Лозаннскому мирному договору Ливия становилась владением Италии. Младотурецкое правительство и султан бросили там на произвол судьбы подданных империи.

Еще более тяжелые потери понесла Турция в Первой Балканской войне 1912—1913 гг., когда Болгария, Сербия, Черногория и Греция нанесли ее войскам ряд поражений. Были утрачены все владения османов в Европе, за исключением Стамбула с пригородами. В те месяцы Кемаль служил в штабе частей, стоявших на подступах к Дарданеллам. Затем в ходе Второй Балканской войны летом 1913 г. Турция отвоевала Адрианополь (Эдирне) с округой, вновь став европейской страной. Кемаль активно участвовал в боевых операциях, проявив воинское умение и настойчивость. Он получил чин подполковника.

Накануне 1914 г. окончательно определился крах младотурок. Триумvirат видел единственный выход из положения в союзе с Германией. «Наполеончик», как прозвали Энвер-пашу, все настойчивее шел по этому пути. В Турцию прибыла военная миссия Л. фон Сандерса, ее члены стали советниками военного министра. 42 немецких офицера трудились над реорганизацией турецкой армии, во многих соединениях командирами были немцы. Они же имели примат в экономике.

Кемаль остро переживал эту печальную действительность. Он сердился, что младотурки нарушили собственные доктрины и торжественные обещания, протестовал против приезда германской миссии, стремился внушить Энверу мысль о губительности прогерманской ориентации, изложив свои соображения в направленной Энверу докладной. Последний решил удалить из столицы беспокойного офицера, направив его военным аташе в Болгарию. Триумvirат шел навстречу пожеланиям Германии и Австро-Венгрии. 2 августа 1914 г. был заключен тайный германо-турецкий договор о союзе, объявивший Османскую империю объявить войну России. Только память о трагических последствиях русско-турецких войн в прошлом заставила генералиссимума Мехмеда V и вице-генералиссимуса Энвер-пашу тянуть время, объявив о нейтралитете страны. Тем временем в Дарданеллы были переброшены германские крейсера «Гебен» и «Бреслау», чья судьба сыграла роковую роль в истории Турции. 29 октября 1914 г. турецкий флот под командованием германского адмирала Сушона бомбардировал русские города на Черном море. В турецкой печати развернулась антироссийская кампания.

Официально Россия и Черногория объявили Турции войну 3 ноября 1914 г., а спустя семь дней в стамбульской мечети Фатих шейх-уль-ислам перед зеленым «знаменем пророка» провозгласил джихад мусульман против неверных. Но надежды турецких лидеров и их немецких покровителей на успех пропаганды панисламизма и пантюркизма быстро рухнули. Мусульмане Ирана, Афганистана и Средней Азии не поддержали стамбульский призыв, а арабы Сирии, Палестины, Хиджаза и Северной Африки активно выступили против турок. В 1916 г. вспыхнуло антитурецкое восстание в Хиджазе, а его руководитель шериф Хусейн ибн-Али, находившийся в Мекке, провозгласил в свою очередь джихад против турецкого султана-халифа. Но пока что Германия установила полный контроль над турецкими

армией, флотом, экономикой и политикой. Ираде (указы) султана и фетвы (повеления) шейх-уль-ислама проходили немецкую цензуру. Все иностранные предприятия, банки и концессии перешли в немецкие руки. Из Турции в Германию широким потоком потекли продовольствие, стратегическое сырье и различные товары. Затем миссионерская деятельность в Османской империи тоже перешла в руки германских миссионеров. Редкие успехи турецкой армии приписывались немецким командирам, поражения — «отсталым» туркам.

Энвер-паша и немецкие офицеры разработали план разгрома русских в Закавказье. Турецкая армия в январе 1915 г. начала там наступление, однако потерпела сокрушительное поражение под Сарыкамышем. Ее отступление протекало драматично, сохранилось едва 15% ее личного состава. Россия заняла Ардаган, Карс, Эрзурум, Трабзон, Ван, Эрзинджан, другие города. Ее армия вышла на Сивасское (путь к Центральной Анатолии) и Мосульское (путь в Ирак) направления⁹. Турецкая армия терпела поражения также в Сирии, Палестине, Месопотамии, других районах империи, где действовали англо-французские соединения и арабские повстанцы. Терпя поражения, стамбульские власти вымещали гнев на безоружном населении: в 1915 г. и позднее свыше 1,5 млн. армян-христиан и около 0,5 млн. ассирийцев были уничтожены, их имущество разграблено, жилища сожжены¹⁰. Уцелевшие бежали, куда глаза глядят.

Еще в ноябре 1914 г. Кемаль был назначен командиром дивизии 1-й армии, оборонявшей столицу и проливы. Антанта готовила там серьезную операцию. В апреле 1915 г. ее войска заняли укрепления Галлиполийского полуострова. Кемаль энергично приступил к организации обороны, лично руководя сражающимися, и отбил почти все дальнейшие атаки англичан и французов. В июне 1915 г. мужество и военный талант Кемалья были отмечены присвоением ему чина полковника. И в январе 1916 г. он появился в Стамбуле как его спаситель. Молва о его подвигах бежала впереди него, газеты на все лады описывали его победы. Вскоре он получил назначение в 16-й корпус терпевшей бесконечные поражения 3-й армии в Закавказье. Став затем генералом и получив титул паши, Кемаль, тем не менее, с сокрушенным сердцем наблюдал за происходящим. Его армия утратила боеспособность. Только революционные события 1917 г. в России привели в Закавказье к перемене ситуации в пользу Турции.

В марте 1917 г. английские войска заняли в турецком Ираке Багдад, в апреле США объявили войну Германии и разорвали дипломатические отношения с Турцией, в июне прекратились дипломатические отношения Турции с Грецией, в августе Турция объявила войну Румынии. После падения Багдада Энвер с приближенными обратился к Германии за очередной помощью. Берлин согласился создать в Месопотамии армию «Йылдырым» («Молния») из турецких солдат под немецким командованием, по типу колониальных войск англичан и французов. Кемаль приложил все усилия, чтобы избежать участи офицера колониальных войск. Вступив в конфликт с германским командующим фон Фалькенгаймом, он сдал командование и отбыл в Стамбул. Его приезд в столицу стеснил Энвера, который поспешил отправить его в Германию в составе делегации для встречи с кайзером и посещения Западного фронта. Делегацию встретили с большими почестями, но берлинские власти не сумели добиться поставленной ими цели: Кемаль понял, что они слабо разбираются в проблемах Турции и что поражение германской военной машины неизбежно. Значит, Турция должна искать собственный выход из тяжелой ситуации. Вскоре у Кемаль-паши выявилось заболевание почек, и он провел несколько месяцев на курортах Австрии.

В январе 1918 г. умер султан Мехмед V, на престол в июле вступил Мехмед VI, который оказался в такой же зависимости от триумvirата и немцев. Кемаль добился аудиенции у него, предложил султану возглавить армию, а Кемалья назначить начальником Генерального штаба. Падишах ответил, что он уже посоветался с Энвером и Талаатом о всех необходимых мероприятиях. А Мустафу назначили командующим 7-й армией

на Сирийском фронте, уже разбитой ранее противником. Но подписание 3 марта 1918 г. Брест-Литовского договора с выходом советской России из войны развязало руки Четверному союзу. Воспрянув от поражений, Стамбул сконцентрировал за счет других фронтов значительные силы в Закавказье. Турецкая армия перешла там в наступление. Закавказский комиссариат эсеров, грузинских меньшевиков, армянских дашнаков и азербайджанских мусаватистов созвал в феврале 1918 г. Закавказский сейм, который через два месяца провозгласил Закавказскую демократическую федеративную республику, отделившуюся от советской России. Ее лидеры пошли на переговоры с германо-турецким командованием, потом сложили свои полномочия, и в мае — июне возникли самостоятельные Грузинская, Армянская и Азербайджанская республики. Теперь турки сумели захватить Батум, Ардаган, Карс, Гянджу (Елизаветполь), Баку, часть Дагестана. Это вторжение сопровождалось грабежами и погромами, образованием отрядов «защитников ислама».

Но ослабление турецкой армии на западе дорого обошлось Стамбулу: турки потерпели жестокое поражение в Македонии, 18 сентября англичане прорвали фронт в Палестине. В сентябре потерпел поражение и турецкий союзник Болгария. Как известно, 13 ноября 1918 г. Москва аннулировала Брест-Литовский договор. Но еще по Мудросскому перемирию 30 октября начался вывод турецких войск из Закавказья.

Более драматично протекало турецкое отступление из Палестины, Сирии и Ливана, где находился Мустафа. Прибывший туда в августе 1918 г., он был потрясен увиденным. Армия «Йылдырым» под командованием Л. фон Сандерса действовала в условиях всеобщей ненависти к ней арабского мусульманского населения. Численность турецких дезертиров превышала находившихся в строю. Не было продовольствия, боеприпасов, обмундирования. Развернулись массовые эпидемии. Солдаты занимались мародерством и насилиями. Попытки Кемалья навести порядок в частях не дали результатов. Бросаемые отступающими арсеналы немедленно разграблялись местным населением, и оружие тут же применялось против турок. Кемаль приказал уничтожить оставляемые склады, но его приказы не исполнялись.

Согласно Мудросскому перемирию Дарданеллы и Босфор оказались открытыми проливами и в дальнейшем подлежали оккупации вместе со Стамбулом. Турецкая армия демобилизовывалась, победителям отдавались флот и гарнизоны, под контроль ставились железные дороги, телеграф, телефон и радио. Страна утрачивала независимость. Члены триумвирата бежали, немцы эвакуировались из страны. Кемалья вызвали в столицу, и там он безуспешно попытался склонить султана, парламент и великого визиря к противостоянию англо-франко-итальянским силам. Правящие круги раскололись на сторонников получения американского, английского или французского мандата на владение Турцией. Преобладала группировка «Бритиш достлук джемиети» («Друзья Британии»), возглавленная султаном и великим визирем. Когда 11 ноября 1918 г. германская делегация подписала перемирие и Четверной союз потерпел окончательное поражение, перспектива для Турции стала еще более мрачной. Османская империя развалилась. Младотурецкое движение прекратило свое существование.

В Стамбул прибыли военные суда Антанты, город оказался под контролем оккупантов. Англия захватила Южную и Юго-Восточную Анатолию, Киликию, Мосул, Александретту, Антеб, Мараш, Урфу, Эскишехир, Афьон-Карахисар, Кютахью, установила контроль над анатолийской веткой Багдадской железной дороги и черноморскими портами Турции. Французы оккупировали Мерсин, Аданскую область, Зонгулдак, а осенью 1919 г. сменили англичан в Антебе, Мараше и Урфе. Итальянцы захватили Анталья, Конью, Испарту и Бодрум. В мае 1919 г. греки заняли Измир (Смирну) с пригородами. Началась изнурительная греко-турецкая война 1919—1922 годов. Во главе стамбульского правительства стоял англофил Д. Ферид-паша, организовавший партию «Свобода и согласие». Она создала

сеть панисламистских обществ. Одновременно в Анатолии стали возникать патриотические «Общества защиты прав» для борьбы с оккупантами. Намечался фронт общенационального освободительного движения во главе с торговой буржуазией, интеллигенцией и офицерами.

Кемаль решил отправиться в центр этого движения и добился в мае 1919 г. своего назначения инспектором 3-й армии в Самсуне, оккупированном англичанами. Спротивление оккупантам в Анатолии уже приняло широкие масштабы. Кемаль впоследствии говорил: «Находясь в Стамбуле, я не представлял себе, что несчастья могут настолько и в такой короткий срок пробудить наш народ»¹¹. Партизанское движение, охватив большую часть страны, превратилось при разложении армии и массовом дезертирстве в почти единственную боевую силу, но плохо вооруженную и слабо организованную. Развернувшаяся освободительная война потребовала от Кемалья напряжения всех его сил. Он обнаружил, что достаточно беспособным соединением является его прежний корпус: 50 тыс. военнослужащих в Восточной Анатолии.

Кемаль поставил перед собой труднейшую цель создать новую регулярную армию. Пока что набор в нее был сорван, оставшиеся на местах полевые командиры не желали подчиняться приказам вышестоящих лиц, партизаны практиковали еще большую вольницу. Как объединить нацию и армию? Кемаль стал проводить съезды «Обществ защиты прав». I съезд западных организаций состоялся в июне 1919 г. в Балыкесире. После этого Кемаль, отказавшись от титула паши, возглавил и провел в июле — августе Эрзурумский съезд представителей этих обществ, а в сентябре — всегубецкий Сивасский съезд. Там был избран Представительный комитет из 16 человек во главе с Кемалем в качестве самостоятельного правительства, противопоставившего себя стамбульскому. Комитет обрел полномочия, в основе которых лежали защита независимости и неделимости страны в границах Мудросского перемирия, требование отставки правительства Ферид-паши. Но султана по-прежнему рассматривали как главу нации и халифата. Эти события вошли в историю как начало Кемалистской революции.

Мехмед VI и его окружение встревожились. Был издан указ с требованием восстановления мира, спокойствия и порядка. Многие лица в Анатолии активно поддержали это ираде, отказавшись служить революционному правительству. Кемаль, проявив оперативность и решительность, отправлял таких чиновников за решетку и очень быстро оздоровил обстановку в Анатолии. Еще 23 июня 1919 г. министр внутренних дел из Стамбула направил телеграммы во все районы страны с извещением, что за неподчинение Кемаль лишен любых полномочий. А в начале июля он получил телеграмму с требованием вернуться в Стамбул. Тем временем в местах проживания курдов развернулось движение за автономию, поддержанное англичанами и подавленное турками лишь с тяжкими потерями. 8 июля, решив окончательно порвать с султаном, Кемаль послал старому правительству прошение об отставке, чем лишил его возможности официально контролировать действия непокорного паши. Теперь Кемаль мог руководить освободительным движением в качестве гражданского лица. Основавшись в Анкаре, новая власть превратила ее фактически во вторую столицу страны.

Но анкарское правительство медлило и готово было к компромиссам, ибо в отсталой стране широким массам еще не была ясна позиция обоих лагерей. В октябре 1919 г. два правительства договорились о проведении всеобщих выборов и созыве новой палаты депутатов. Великий визирь и его чиновники развернули пропагандистскую кампанию за падишаха, халифа, ислам и шариат. Были спровоцированы столкновения с христианами, партизанами, членами «Обществ защиты прав». Кемалисты не остались в долгу и в ряде мест просто назначили депутатами парламента своих сторонников либо изолировали несогласных.

12 января 1920 г. меджлис IV созыва начал работу в Стамбуле. Из 173 его депутатов 116 оказались сторонниками освободительного движения.

Тем не менее, почти все они тут же выразили верноподданнические чувства падишаху и отказались от организации собственной фракции и предъявления ультиматума относительно вывода оккупационных войск из Турции. Лишь под резким давлением Представительного комитета депутаты националистов создали фракцию и приняли «Национальный обет» — декларацию независимости, повторяющую основные положения главной резолюции Сивасского съезда. Деятельность меджлиса обеспокоила английское командование. В ночь на 16 марта 1920 г. Стамбул был оккупирован английской морской пехотой. Была разогнана палата депутатов, объявлено военное положение, проведены массовые аресты революционно настроенных политических деятелей¹².

В ответ на это 19 марта Представительный комитет объявил о созыве нового меджлиса в составе бежавших из Стамбула или вновь избранных либо назначенных депутатов. 23 апреля в Анкаре новый меджлис начал работу под руководством Кемаля. Стало известно, что султан якобы сочувствует национальному движению, но в условиях оккупации столицы лишен возможности предпринять что-либо. Депутаты заявили, что должно быть образовано иное правительство и только меджлис, названный «Тюркие бююк миллет меджлиси» (Великое национальное собрание Турции) (ВНСТ), выражая волю народа, обладает высшим законодательным правом; Турция должна стать республикой; ее президент избирается ВНСТ. Это были давние идеи Кемаля.

Султанское правительство совместно с оккупантами усилило борьбу с кемалистами и начало создавать «Халифат ордусу» (Халифатскую армию), возглавленную офицерами, преданными султану. Она захватила ряд

городов в Северо-Западной Анатолии, реально угрожала Анкаре и могла соединиться с оккупационными частями. Шейх-уль-ислам издал фетву для всех мусульман «Бунт против халифа», объявив кемалистов отступниками от веры, подлежащими по воле Аллаха истреблению. 11 мая правительственным постановлением «мятежник Мустафа Кемаль» приговоривался к смертной казни, приговор был утвержден султаном.

Кемаль предпринял энергичные контрмеры. Анкарский муфтий и 79 улемов (богословов) Анатолии обнародовали контрфетву, дезавуировав решение шейх-уль-ислама, и объявили священной борьбу за освобождение родины и против несогласных. 17 мая ВНСТ выпустило обращение к народу, призывая его сплотиться вокруг кемалистов. Развернувшаяся гражданская война приняла ожесточенный характер. К Халифатской армии присоединились повстанцы, руководимые черкесскими и абазинскими феодалами, бежавшими в Турцию еще во время Кавказской войны XIX в., а также некоторые дивизии регулярной армии. Но вследствие повсеместного сопротивления партизан поход Халифатской армии провалился. К тому же ряд халифатских частей перешел на сторону ВНСТ. Тогда в июне англичане и греки начали наступление в Западной Турции и захватили Бурсу, Ушак и др. Одновременно вспыхнули восстания против кемалистов в Центральной Анатолии. В июле греки оккупировали Восточную Фракию.

В этих условиях Кемаль сумел преобразовать большинство партизанских отрядов в регулярные воинские части, сместил или ликвидировал многих прежних командиров и заменил их кадровыми офицерами. Не подчинившиеся ВНСТ партизанские соединения были разгромлены, в их числе — Зеленая армия Эдхем-бея и отряд Демирджи Мехмед-эфенди. Кемаль в те отчаянные дни представлял собой сгусток воли, исключительной энергии и необычайной оперативности, железной рукою ломавший противников. В сентябре ВНСТ приняло закон о создании судов независимости, которые жестко карали дезертиров и бандитов. С той же целью были созданы летучие жандармские отряды, деятельно использовавшиеся для утверждения единовластного господства националистов, причем в списках подавления инакомыслящих не стеснялись. Кемаль с окружением ликвидировали также оппозиционную группу депутатов в ВНСТ и оппозиционную печать, включая левую, а в январе 1921 г. было уничтожено руководство Коммунистической партии Турции во главе с М. Субхи и 15-ю его товарищами.

Между тем оккупанты продолжали делить Турцию и 10 августа 1920 г. в Севре (близ Парижа) подписали с султанским правительством договор, который низводил страну до положения придатка других держав. Турция теряла свою европейскую часть, исключая Стамбул с пригородами; над проливами устанавливался контроль «независимой комиссией»; в Западной Анатолии с центром в Измире устанавливалась зона греческих интересов, которая в дальнейшем должна была отойти к Греции; Юго-Западная Анатолия оказывалась сферой влияния Италии; Сирия и Ливан подпадали под юрисдикцию Франции; в Восточной Анатолии возникал независимый Курдистан; Палестина и Ирак передавались Англии; некоторые северо-восточные территории отходили к Армении. Турция отказывалась от африканских и арабских земель, почти лишалась вооруженных сил, флота и права на бесконтрольные коммуникации; восстанавливался режим капитуляций; учреждался контроль над финансами страны¹³.

Подписание этого договора вызвало усиление освободительного движения в Анатолии. Там, в муках и тяжелой борьбе, зарождалось буржуазное государство националистов. Они видели, что слабейшим звеном севрской системы являлась Армения и что имеется возможность захватить часть Закавказья. Но какой будет при этом позиция советской России? Еще 26 апреля 1920 г. Кемаль попытался договориться с Москвой относительно Грузии, Армении и Азербайджана и в письме на имя В. И. Ленина выражал просьбу об установлении дипломатических отношений с РСФСР и оказании помощи освободительному движению в Турции. Вскоре в Москву выехала анкарская делегация во главе с министром иностранных дел.

Пока что кемалисты готовились к вооруженным действиям в Армении. Кемаль впоследствии говорил: «Против греков и французов на первое время ставились оборонительные задачи... Главное же внимание было уделено Восточному фронту, ибо достижение успеха здесь должно было уничтожить армянскую армию и армянское государство»¹⁴.

28 сентября 1920 г. войска генерала К. Карабекира, с санкции правительства Кемалья, начали в Закавказье широкомасштабные действия против дашнакской Армении. По Александропольскому договору от 2 декабря Армения сводилась к минимальным размерам во имя восстановления Турции в рамках Брест-Литовского договора. РСФСР выступала за приостановку этого конфликта. Западные державы стремились рассорить Анкару с Москвой (поскольку советское правительство 2 июня 1920 г. первым признало законным «правительство борющейся Турции»), помочь султанскому правительству подавить освободительное движение в Анатолии и сохранить антисоветские силы на Кавказе. В ноябре 1920 г. в Анкару прибыла стамбульская делегация для ведения переговоров, но они ни к чему не привели. Кемаль отказался связать себя какими-либо обязательствами. Провозглашение советской власти в Армении 29 ноября 1920 г. и в Грузии 25 февраля 1921 г., наступление XI Красной Армии на Кавказе активизировали мирные усилия в Закавказье. 16 марта 1921 г. в Москве был заключен договор с Турцией, установивший дружественные отношения между двумя странами. Вслед за тем был подписан договор о дружбе между Турцией и Азербайджаном.

Установление временного и относительного спокойствия на северо-востоке Анатолии и помощи со стороны советской России оружием, боеприпасами, медикаментами, золотом и пр.¹⁵ позволили кемалистам сосредоточить силы против англо-греческих войск, подавить местные антианкарские восстания в Конье, Сивасе, Зиле и других местах, разгромить автономные партизанские соединения, включая особенно опасный летучий отряд Эдхем-бея. Продолжалась и греко-турецкая война. Первую победу турецкое соединение полковника Исмет-бея одержало 10 января 1921 г. у селения Инёню, остановив греков. Среди оккупантов возник раскол между сторонниками войны (Англия, Греция) и мира (Франция, Италия).

В феврале — марте 1921 г. на Лондонской конференции анкарскому министру Б. Сами-бею удалось договориться с представителем Франции об установлении турецко-сирийской границы и с представителем Италии об эвакуации итальянских войск из Турции в обмен на новые концессии. Лондон признал Анкару де-факто, но примирения греков и турок достигнуто не было, и в марте греки начали новое наступление. Потерпев возле Инёню второе поражение, они летом опять стали наступать и заставили турок отойти за р. Сакарья, остановившись в 50 км от Анкары.

5 августа 1921 г. ВНСТ назначило Кемалья верховным главнокомандующим с неограниченными полномочиями. Вновь проявился его полководческий талант. Месячное сражение на Сакарье закончилось поражением греков, прекративших наступление; линия фронта стабилизировалась. ВНСТ присвоило Кемалю чин маршала и звание Гази (победитель). Спустя год он организовал контрнаступление. В решающих сражениях между турецкой и греческой армиями Кемаль опять отличился и в сентябре 1922 г. освободил Анатолию от греческих войск, а после блестящей победы у Думлупынара вступил в Измир. 11 октября было подписано Муданийское перемирие между Турцией и Антантой; в Стамбуле еще оставались оккупанты, но Восточная Фракия возвращалась туркам. Военный этап турецкой революции практически закончился. Но сама революция, уже тогда называвшаяся Кемалистской, продолжалась. Свою роль сыграли в ней и советские военные советники.

Победа на фронте выдвинула на первый план проблему политической власти. В ВНСТ выступала чалмоносная реакция — духовенство, объединившееся с султанскими сановниками и генеральской оппозицией. Они обвиняли, и не без оснований, Кемалья в диктаторстве. Имелось немало сторонников султана и халифата. 1 ноября 1922 г. ВНСТ приняло закон об

отделении светской власти от религиозной и ликвидации султаната. Мехмед VI бежал за границу. Это была историческая победа над феодальной реакцией. Кемаль публично утверждал, что объективно события уже привели народ к пониманию необходимости низложения султана. Но теперь надо идти дальше, превращать Турцию в современную страну и двигаться в ногу с цивилизацией.

В ходе ожесточенных дискуссий в ВНСТ был поставлен вопрос и о халифате, однако решить его в то время не удалось, и «халифом всех мусульман» был пока что избран Абдул-Меджид из той же султанской династии. Следующий крупный вопрос — утверждение международного статуса Турции. На Лозаннской мирной конференции, длившейся с перерывом с 20 ноября 1922 г. по 24 июля 1923 г., развернулось дипломатическое наступление Кемалья на противников¹⁶. Непосредственно Турцию там представлял «второй человек» в республике Исмет-паша. Турецкая делегация достигла главного: отказавшись от уже утраченных территорий и согласившись на демилитаризацию Босфора и Дарданелл, а также сделав западным державам некоторые финансовые уступки, Турция добилась международного признания и отстояла свою государственную независимость. Теперь удалось официально провозгласить страну 29 октября 1923 г. республикой. В истории Турции открылась принципиально новая страница. Город Анкара, провозглашенный 13 октября 1923 г. новой столицей, с 29 октября официально является столицей Турецкой республики.

Защиту завоеваний Кемалистской революции должна была осуществить, конечно, кемалистская партия. Кемаль как признанный лидер турецкого народа оставался также главным проводником всех дальнейших преобразований, так что длинная серия буржуазных реформ вся шла под эгидой и по инициативе Кемалья. Обретя долгожданный мир, Турция углубилась во внутренние дела. Кемаль стойко отбивал все нападки на него лично и его политику. Став 29 октября 1923 г. президентом страны, он затем неизменно переизбирался на этот пост каждое четырехлетие. Обычно он объявлял о своем желании обратиться по тому или иному вопросу непосредственно к нации. «Я уверен,— говорил он,— что моя работа и действия завоевали доверие и любовь моего народа»¹⁷. Вот это и было наиболее реальной угрозой для оппозиции.

Но с прежним составом ВНСТ, как видел Кемаль, становившимся по отношению к реформам все более агрессивным, не удастся достичь согласия по проблемам, встающим перед страной. ВНСТ грешило корыстолюбием, погрязло в бесконечных политических спорах, стремилось обсуждать только второстепенные вопросы, избегая главного. И вождь революции прямо заявил: «Разложение и гибель становятся неотвратимыми в странах, где среди нации и, в частности, среди правящих кругов алчность и личные интриги одерживают победу над чувством долга перед родиной».

Чтобы иметь прочную опору, Кемаль решил основать Народную («Халк партиси» с весны 1923 г.; Народно-республиканскую с 1924 г.) партию (НРП) и предпринял длительную поездку по Анатолии. Во время многочисленных выступлений он отстаивал принципы народного правления, считая их самыми важными. Поскольку оппозиция часто пыталась возродить младотурецкие лозунги, Кемаль твердо отбивал эти попытки и резко атаковал пантюркизм и панисламизм: «Наш народ и правительство желают успеха народам-единоверцам, мы желаем им независимости, но мы не можем из Турции сделать империю, включающую все мусульманские народы. Это есть иллюзия, противоречащая науке и логике». Каждый народ, достигший независимости, будет отстаивать ее от кого бы то ни было, включая единоверцев. А проповедь панисламизма есть «желание пожертвовать турецким народом ради простого каприза, фантазии, ложной идеи». Крики о восстановлении рухнувшей Османской империи — авантюризм; при попытке ее восстановления это не принесет туркам ничего, кроме позора и несчастья. Сегодня панисламизм и пантюркизм — не более чем мираж¹⁸. Кемаль считал, что в новой Турции будет господствовать ислам, но он должен сосуществовать со свободой вероисповедания, причем все религии и церкви должны быть отделены от государства.

3 марта 1924 г. ВНСТ ликвидировало халифат и выслало всех членов султанской династии из страны. 20 апреля ислам был узаконен как государственная религия. Продолжалась борьба вокруг программы НРП, выдвинутой Кемалем 9 апреля. В девяти пунктах излагались очередные задачи нового правительства, сформированного Исмет-пашой: укрепление власти народа и ВНСТ, обеспечение порядка и безопасности граждан, реорганизация судопроизводства, утверждение свободы предпринимательства во всех сферах деятельности, защита национального капитала от конкуренции, реорганизация систем обучения, здравоохранения, социального обеспечения и сбора налогов, поощрение личной инициативы. Все эти, а затем и другие мероприятия были проведены в течение десятилетки, превратившей Турцию в действительно иную страну.

Основная масса населения встречала реформы с энтузиазмом. Уже в мае 1931 г., на III конгрессе НРП, принципы Ататюрка превратились в так называемые «6 стрел» касательно существования и деятельности партии: она была республиканской, национальной, народной, государственной, светской и революционной. Каждая «стрела» подразумевала конкретные действия. Так, народность партии обозначала защиту общества с единым, не разделенным на классы народом. Задачи же членов общества сводились к работе для всеобщего благосостояния, а использование благ должно было осуществляться по способностям людей и по затраченному ими труду.

НРП монопольно удерживала власть до 1950 года. Она первоначально консолидировала силы общества для преодоления отсталости страны, установления идейно-политического единства населения, защиты идей Ататюрка. Но уже к концу жизни Кемалю эта монополия практически изжила себя, ибо изолировала Турцию от общемирового развития и способствовала тому, с чем ранее боролась: упрочению консерватизма, торжеству религиозного фанатизма, расцвету бюрократии, коррупции и загниванию государственного аппарата.

А официально реформы начались с избрания Кемалю президентом под 101 пушечный выстрел. Это произошло сразу же после провозглашения республики. И он, и другой герой освободительного движения, Исмет-паша, тотчас столкнулись с очередной мощной оппозицией. Карабекир, Рефет-бей, Али Фуат, Рауф, другие известные политические деятели, опираясь на газеты «Танин» («Эхо») и «Ватан» («Родина»), продолжали кампанию в пользу сохранения халифата. Тем не менее, по настоянию Кемалю он был упразднен. Исчезли министерства по делам шариата и вакуфов (религиозное законодательство и собственность), имущество халифа конфисковывалось, закрывались религиозные школы-медресе, министерство народного образования вводило систему обучения молодежи по западному примеру.

Ликвидация халифата, эта очередная крупная победа Кемалю, имела большое значение для всех народов, исповедовавших ислам. Ведь халиф (по-араб. — преемник, имелся в виду преемник пророка Мухаммеда и заместитель Аллаха на Земле) являлся духовным и светским главой всех мусульман-суннитов. То есть рухнула еще одна опора отсталости, тормозившая развитие Востока по пути прогресса. Распространявшиеся тогда слухи о возможности выбора Кемалю султаном или халифом были опровергнуты им самым решительным образом. Турция демонстративно порывала с прошлым, хотя в ней еще сохранялось много пережитков былого.

Следующим важным шагом на пути преобразований стала новая конституция, принятая 20 апреля 1924 года. Она закрепила республиканский строй, провозгласила права и свободы, типичные для буржуазных стран, установила иные условия выборов депутатов парламента и назначений в высшие органы власти. ВНСТ обладало законодательной властью, исполнительная ложилась на президента и правительство. Президент избирался ВНСТ на четыре года и мог переизбираться, был верховным главнокомандующим, назначал премьер-министра и поручал ему формирование правительства. Но эти новации одновременно соседствовали с антидемократическими положениями, отвечавшими интересам реакции. Конституция закрепила ислам как «религию Турецкого государства», что ставило массу

иноверцев в зависимое положение. В выборах в ВНСТ могли участвовать только мужчины с 22 лет; действовала мажоритарная система, игнорировавшая интересы малых народов Турции.

Конституция демонстрировала национализм ее создателей, вызывая осложнения в политической жизни и межнациональных отношениях. Абсолютное большинство антикемалистских выступлений проходило затем под религиозными лозунгами, за которыми скрывались и недовольство национальных меньшинств, ущемленных в их правах, и возмущение крестьян, лишенных земли и продолжавших испытывать гнет полуфеодалов и бремя государственных налогов, и недовольство религиозных деятелей, ощутивших реальную угрозу своему благополучию, и даже возбуждение некоторых бывших участников освободительной борьбы, продолжавших порою придерживаться традиционных взглядов. Нововведения вызывали несогласие и у той части компрадорской буржуазии, которая ранее вела интенсивную посредническую торговлю с европейскими странами, теперь перехваченную государством.

В ноябре 1924 г. в Анкаре возникло оппозиционное движение, объединившееся в рядах Прогрессивно-республиканской партии (ПРП). Ее возглавили известные политические и военные деятели, в том числе Карабекир, и к ней потянулась вся правая оппозиция. В феврале 1925 г. в этой партии числилось 10 тыс. человек. Усилиями объединившихся представителей феодално-клерикальных и компрадорских кругов первое республиканское правительство Исмета было отправлено в отставку, а на его место пришло правительство умеренного А. Фетхи-бея.

В феврале того же 1925 г. в юго-восточных провинциях возобновилось мощное курдское движение, которое возглавил шейх Саид. Восстание охватило те районы, где курдские племена издавна, но безуспешно, боролись за независимость. Их отсталость помешала четко определить цели движения. Оно ограничилось требованием провозгласить независимость курдского религиозного государства со столицей в Диярбакыре на р. Тигр. Для подавления восстания Кемаль ввел в турецком Курдистане чрезвычайное положение. Тем не менее 40 тыс. повстанцев заняли г. Харпут и осадили Диярбакыр. ВНСТ утвердило 4 марта закон об охране порядка, предоставивший правительству неограниченные полномочия. Была восстановлена деятельность судов независимости в Курдистане и Анкаре: им предоставлялось право немедленно приводить в исполнение смертные приговоры. На смену кабинету Фетхи-бея пришло военное правительство Исмета. Половину весны шли упорные бои между регулярными войсками и восставшими, которых с трудом подавили, поскольку из Ирака постоянно приходили новые отряды курдов и айсоров. В июне Саид и 46 других руководителей курдов были повешены. Однако глубинные социально-экономические, национальные и культурные причины курдского освободительного движения не устранены донныне, и восстания продолжают, невзирая на большую курдскую эмиграцию.

3 июня 1925 г. была запрещена деятельность ПРП, ее лидеров предали суду. Закрыли оппозирующие печатные органы, репрессировали 150 «нежелательных» журналистов, включая ряд лиц, активно участвовавших в национально-освободительном движении. В ноябре правительство приняло постановление о закрытии текке (дервишских монастырей) и тюрге (почитаемых усыпальниц святых), которые оставались местами антиреспубликанской пропаганды. Специальными постановлениями запрещалось ношение отличительных одежд дервишей и религиозных служителей, фесок и других средневековых головных уборов и одежд, предписывалась замена их одеждой европейского покроя.

Все эти мероприятия давались весьма нелегко, европеизация страны шла мучительно. Понадобился весь авторитет Кемалю, чтобы народ постепенно пошел на упразднение традиций старины. Приходилось прибегать к репрессиям. В июне 1926 г. в Измире раскрыли заговор прогрессистов и бывших младотурок, которые хотели убить Кемалю. Их лидеры Джавид, К. Кемаль и др. были повешены, прочих сослали.

Ломка старых норм жизни была бы невозможна без преобразований в сферах просвещения, быта, культуры и без пересмотра оценок исторических событий. Кемаль прямо осудил завоевательную политику султанов и их претензии на руководство другими народами. «В Османской империи,— говорил он,— энергия, труд, все усилия людей прилагались не для удовлетворения желаний, стремлений и потребностей нации, а во имя эгоистических целей, для утоления алчных страстей и вожделий той или иной личности». Президент считал, что самым почетным членом общества является трудолюбивый крестьянин. «В нашем обществе нет места лежебокам, людям, желающим проводить жизнь без труда. У таких людей нет никаких прав». Предприимчивость, поиск нового, трудолюбие, заинтересованность в успехе, материальное благополучие, достигнутое упорной работой,— вот постоянная тема выступлений Кемалья.

Новая Турция, по его мнению, должна стать «страной трудолюбивых, страной богатей», а ее основная трудовая сила — крестьянин. Отсюда неоднократные заявления президента, что история новой эпохи пишется вовсе не пером. «Соха — вот наше перо, которым мы будем писать нашу национальную историю, историю народной, национальной эпохи». Мало-квалифицированный труд не может привести к благополучию. Отсюда — особая забота Ататюрка о «ликвидации неграмотности, искоренении невежества, практическом обучении населения элементарным знаниям». По его указаниям была разработана программа новых форм обучения, создания системы университетского и среднего технического образования (сельхозшколы, ремесленные и коммерческие училища и др.), библиотек, музеев, художественных выставок, типографий. Несмотря на тяжелое экономическое положение страны, Кемаль неизменно требовал выделения значительных государственных средств на образование, науку и культуру.

Одной из блестящих побед Ататюрка считаются эмансипация женщин и приобщение их к общественной деятельности. Он утверждал, что семейные отношения и благополучие семей, в которых женщины играют ведущую роль, являются основой благополучия нации; что позорно не разрешать женщинам показывать их лица; что многоженство и униженное положение женщины есть результат мужского эгоизма. Гражданский кодекс 1926 г. формально уравнил женщин в правах с мужчинами и открыл им дорогу к новой жизни. Официально запрещалось многоженство (хотя оно под разными видами существует в Турции по настоящее время), требовалась гражданская регистрация брака, частная собственность женщин становилась неприкосновенной. Турчанки сняли чадру. Президент лично пропагандировал равенство женщин с мужчинами, открывал женские спортивные и иные общества, девичьи организации скаутов, поощрял участие одетых в спортивную форму физкультурниц в парадах. С 1936 г. женщины баллотировались на выборах в парламент, и сразу же 20 из них стали депутатами.

Кемаль демонстрировал уважительное отношение к своей матери и к младшей по возрасту сестре Макбуле. Накануне своей знаменитой поездки в Анатолию весной 1919 г. он специально посетил больную мать и долго с ней беседовал, после чего нежно простился и только потом уехал из Стамбула пароходом в Самсун. Необычайно перегруженный делами, он все бросил, чтобы отдать умершей в Измире 14 января 1923 г. матери последний долг и искренне горевал о ее кончине.

Одним из труднейших кемалистских преобразований явилось введение латинского алфавита вместо арабского. Официально современный алфавит начал действовать с июня 1928 года. Ататюрк потратил многие месяцы на изучение наилучшего варианта такого алфавита, пропагандируя потом эту новинку. Мусульманский календарь сменился европейским. Коран перевели с арабского на турецкий. В экономической сфере теперь первенствовал этатизм — преобладание государства, предусмотренное Кемалем еще в годы освободительной борьбы. Выступая на открытии Измирского экономического конгресса 17 февраля 1923 г., созванного по его инициативе и руководимого им, Кемаль, подводя итоги тогдашним своим размышлениям

о независимости, сказал, что историческая наука по-разному объясняет причины возвышения и упадка наций; истинная же причина заключена в экономике: «Если мы изучим турецкую историю, то нам станет ясно, что причины возвышения и упадка нашей страны сводятся в конечном счете к экономическим причинам. Все успехи и победы, а также все поражения, несчастья и беды связаны с нашим экономическим положением в ту эпоху, когда они происходили. Поднимая новую Турцию до подobaющего ей уровня, мы обязаны при всех условиях придавать первостепенное значение нашей экономике, ибо наше время — это в полном смысле слова эпоха экономики». Там же Кемаль, отметив великое трудолюбие турок, сказал, что причина нищеты нации кроется не в народе, а в скверном управлении им¹⁹.

В первые годы военной революции Кемаль, рассчитывая на процесс капитализации, стремился опереться на крупный капитал, рождавшийся в стране. Призывая соблюдать «социальный порядок, устойчивость общества, гармонию интересов различных слоев и классов», он одновременно поощрял капиталистов, надеясь на их экономическое лидерство. Предполагалось, что частники придадут динамизм хозяйству. 26 августа 1924 г. был учрежден частно-государственный Деловой банк с капиталом 1 млн. лир, из которых 250 тыс. Кемаль сам внес из средств, собранных мусульманами Индии и посланных ему в годы освободительного движения. Затем выяснилось, что крупный капитал озабочен прежде всего барышами, а не благополучием нации. Деловой банк обрел в народе прозвание Банка политиканов, которые использовали его для личного обогащения. Действительно, этот банк во главе с политиком и экономистом Дж. Баяром за короткое время сконцентрировал огромные капиталы и превратился в ведущую национальную частную финансовую организацию, поддерживаемую правительством. Его акционеры и основатели, большинство которых было близко к Кемалю, стали крупными собственниками в ряде отраслей бизнеса. Возникали и другие частные компании, чей доход складывался из игры на разнице между себестоимостью гостоваров и рыночными ценами на них. Показательны в этом плане биографии современных миллиардеров Турции, владельцев холдинговых обществ В. Коча, Х. Омера Сабанджы, Н. Эджзаджыбашы.

Наибольшие доходы за короткий срок давали кредитные операции. Национальный капитал успешно подчинил своему контролю эту сферу. В 1920 г. в турецкие банки было вложено 32% всех депозитов, в 1922 г. — около 50%, в 1924 г. — 62%, в 1934 г. — 84%. Аннулировались либо выкупались иностранные концессии. Но период «безболезненного роста турецкой буржуазии» закончился в годы мирового экономического кризиса 1929—1933 годов. Оказалось, что национальная буржуазия все же не способна активно отстаивать экономическую самостоятельность страны и предотвращать последствия кризиса²⁰.

Кемаль начал искать возможности коррекции экономического курса и провел через ВНСТ закон о стабилизации национальной валюты. Был создан консорциум банков для поддержания курса лиры. В 1930 г. основали эмиссионный Центральный банк и приняли закон о контроле над экспортом. Главная цель состояла в том, чтобы увеличить экспорт и ограничить импорт. Правительственным антикризисным мерам существенно помог тогда материально СССР, сам испытывавший сильное напряжение в связи с форсированной индустриализацией и коллективизацией сельского хозяйства. Успешно реализовывался советско-турецкий договор от 17 декабря 1925 г. о дружбе и нейтралитете. Вскоре промышленное производство в Турции заметно возросло, в 1932 г. она добилась положительного сальдо внешнеторгового баланса, окрепло национальное предпринимательство, хотя зависимость от международного капитала еще сохранялась. Зато наметился спекулятивный ажиотаж, возник разрыв в ценах на продукты питания и промышленные изделия. В политических кругах ширилась коррупция. Кемаль публично отверг социалистический путь развития как антинародный и тогда же отклонил модель поддержки частного капитала при

открытых дверях, приняв курс на этатизм: государственный капитализм при сохранении рыночной экономики и конкуренции ²¹.

Впервые об огосударствлении предприятий Кемаль заговорил еще в марте 1922 г.: «Одна из важных задач нашей экономической политики заключается в том, чтобы в меру наших финансовых и технических возможностей огосударствить те предприятия и учреждения, которые будут представлять непосредственно общественный интерес... Вместе с тем наше правительство готово предоставить всякого рода льготы капиталовладельцам, которые захотели бы, руководствуясь чисто коммерческими соображениями, вложить свои средства как в горную промышленность, так и в различные экономические предприятия или же в общественные работы». Но официально об этатизме (по-турецки — девлетчилик) как основе государственной политики заявил премьер Исмет 30 июля 1930 года. По мнению турецких экономистов этатизм есть процесс «капиталистического развития, в котором государство функционирует как стратегический агент частнокапиталистического накопления».

Именно Кемаль стал инициатором и теоретиком этатизма. Его выступление в апреле 1931 г. по программе НРП дало четкую характеристику намеченной линии. А в 1937 г. положение об этатизме было внесено в конституцию, после чего в 1938 г. был принят закон, регулирующий деятельность госсектора и госпредприятий. Турция стала пионером этатизма на Ближнем Востоке. Вслед за ней многие страны, впоследствии завоевавшие независимость, повторяли этот путь развития ²².

Утверждение этатизма проходило в условиях активного противодействия противников усиления роли государства. В 1930 г. было сломлено противодействие недолго просуществовавшей Либерально-республиканской партии А. Фетхи. Особенно обострились прения при принятии первого пятилетнего плана развития страны (1934—1938 гг.), в осуществлении которого вновь имела большое значение помощь Советского Союза при постройке двух крупнейших на Ближнем Востоке текстильных комбинатов в Кайсери и Назилли и ряда военных заводов. Только несокрушимая твердость Кемалья и его решимость возложить на государство «ответственность за национальную экономику» позволили реализовать избранный тогда курс. Президент неоднократно подчеркивал, что его этатизм «не копирует систему идей теоретиков социализма XIX в.» и имеет самобытный характер.

Действительно, Кемаль не стремился изменить классовую структуру страны и думал лишь о «наращивании материальных сил нации» ²³. Ему помогло здесь и то, что с 1931 г. он официально являлся постоянным председателем НРП согласно ее уставу.

Эта политика дала положительные результаты: Турция утвердила свою экономическую самостоятельность, успешно выполнила пятилетний план и заложила основы дальнейшей индустриализации. Продолжала оказываться ей и советская помощь: в 1932 г. промышленный кредит от СССР составил 8 млн. долларов. С 1931 по 1940 г. неизменно рос национальный доход Турции, достигая в отдельные годы 23,2%; в промышленности он увеличился вдвое, в сельском хозяйстве — на 30%, и существенно повысилась доля промышленности в общей сумме национального дохода. В 1936 г. была зафиксирована 48-часовая рабочая неделя, одновременно запретили забастовки. Постепенно менялся облик страны: турецкий капитал переходил к равноправному сотрудничеству с иностранным, установился госконтроль над денежным обращением, закончилась свободная деятельность иностранного капитала, турецкий бизнес все более становился национальным, деловая переписка перешла на турецкий язык, ослабло засилье иностранных рекламы, зрелищ и периодики. Турция вышла на новый рубеж развития культуры.

Упрочивалась и мирная линия турецкой внешней политики. В 1932 г. страна стала членом Лиги Наций, в 1934 г. вошла в состав Балканской Антанты наряду с Грецией, Югославией и Румынией. В 1935 г. был продлен на 10 лет договор о дружбе и нейтралитете с СССР. Конференция в Монтрё

(июнь — июль 1936 г.) облегчила Турции контроль над проливами. Хуже обстояло дело в некоторых сферах внутренней политики: основная масса крестьян не имела земли и высказывала резкое недовольство, а в 1931 и 1936—1937 гг. Ататюрку опять пришлось преодолевать курдские восстания.

Этот человек, очень скромный в быту и ведший спартанский образ жизни, любил красивые вещи и умел одеваться со вкусом, но никогда не переступал границ общепринятого. Не очень счастливой была его личная жизнь. Когда 10 сентября 1922 г. он прибыл в Измир, вскоре в его штабе появилась привлекательная молодая женщина Латифе-ханым. Недавняя студентка факультета права Сорбонны, она попросила разрешения открыть в ее имении госпиталь. Ее манера поведения, свободное знание иностранных языков и патриотический порыв покорили Кемаль. 23 января 1923 г. он и Латифе-ханым зарегистрировали гражданский брак. Этот факт стал новым явлением в мусульманской стране, демонстрируя возможность создания равноправных отношений мужчины и женщины в семье. Однако совместная их жизнь оказалась недолговечной: у супругов не появилось детей; Латифе-ханым слишком часто вмешивалась в дела мужа, привыкшего к абсолютной самостоятельности, и спустя два года брак распался. В дальнейшем Кемаль никогда более не предпринимал попыток создать свою семью.

Ататюрк был совершенно бескорыстен и очень не любил людей, стремившихся к обогащению, славе, саморекламе, использовавших те хвастливые заявления, которые часто делают те или иные лидеры Востока. Деньги, поступавшие на его имя, неизменно отдавал государству или партии, либо жертвовал на различные благотворительные цели, переводил на счет научных и культурных обществ. Никто, нигде и никогда не сделал даже намека на корыстолюбие Ататюрка. Зато везде отмечают его благожелательность к друзьям и гостеприимство, но одновременно суровость, сдержанность в общении, известная отчужденность от собеседников, просителей и словоохотливых «благожелателей». Ататюрк совершенно не переносил ни пустых разговоров, ни бравад, ни угроз. «Желтая» пресса приписывала его победы особым личным качествам и иногда именвала его «серым волком». Это название было воспринято потом турецкими экстремистами, возглавившими движение, к которому Ататюрк не имел никакого отношения.

Плоды государственной деятельности Ататюрка все отчетливее проявлялись к концу его жизни, который близился. Давняя болезнь печени и почек все чаще давала о себе знать. 10 ноября 1938 г. национальный герой Турции скончался. По решению правительства Ататюрк был похоронен именно в Анкаре, которую он сделал столицей нового государства. Над его могилой сооружен мавзолей, постоянно охраняемый военнослужащими.

Примечания

1. Библиография официального издания ЮНЕСКО «Ататюрк» содержит сотни названий документов, воспоминаний, книг и статей об Ататюрке (Atatürk. P. 1963, p. 241—247). См. также: ОЖЕРЕЛЬЕВА З. Г. Кемализм. М. 1979.
2. МИЛЛЕР А. Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.-Л. 1948; его же. Буржуазно-национальная революция в Турции. В кн.: Советская Россия и капиталистический мир в 1917—1923 гг. М. 1957; его же. Формирование политических взглядов Кемалья Ататюрка.— Народы Азии и Африки, 1963, № 5; его же. Турция: актуальные проблемы новой и новейшей истории. М. 1983, и др.; ШАМСУТДИНОВ А. М. Национально-освободительная борьба в Турции 1918—1923 гг. М. 1966; ХЕЙФЕЦ А. Н. Советская дипломатия и народы Востока, 1921—1927. М. 1968; Новейшая история Турции. М. 1968; АСТАХОВ Г. От султаната к демократической Турции. М.-Л. 1926; ГУРКО-КРЯЖИН В. А. История революции в Турции. М. 1923; его же. Возникновение национально-освободительного движения в Турции.— Новый Восток, 1928, № 23—24; ИРАНДУСТ. Движущие силы кемалистской революции. М.-Л. 1928; и др.; из работ самого Ататюрка: КЕМАЛЬ М. Путь

- новой Турции, 1919—1927. Тт. 1—4. М. 1929—1934; его же. Воспоминания президента Турецкой республики. М. 1927; АТАТЮРК М. К. Избранные речи и выступления. М. 1966.
3. Ранее в Турции отсутствовали фамилии. Во время кампании введения фамилий Великое национальное собрание Турции в торжественной обстановке 24 ноября 1934 г. присвоило Мустафе Кемалю фамилию Ататюрк.
 4. ПЕТРОСЯН Ю. А. «Новые османы» и борьба за конституцию 1876 г. в Турции. М. 1958; его же. Османская империя — могущество и гибель. М. 1990.
 5. ФАДЕЕВА И. Л. Официальные доктрины в идеологии и политике Османской империи (османизм — паносманизм). М. 1985.
 6. ЗОЛОТАРЕВ В. А. Россия и Турция: война 1877—1878 гг. (основные проблемы войны в русском источниковедении и историографии). М. 1983.
 7. ШПИЛЬКОВА В. И. Младотурецкая революция 1908—1909 гг. М. 1977.
 8. ЯХИМОВИЧ З. П. Итало-турецкая война 1911—1912 гг. М. 1967; VILLATA J. V. Atatürk. Ankara. 1979.
 9. КОРСУН Н. Г. Первая мировая война на Кавказском фронте. М. 1946.
 10. Геноцид армян в Османской империи. Ереван. 1982.
 11. Atatürk'ün söylev ve demeceleri... Istanbul. 1945, p. 16.
 12. TARİH. Türkiye Cumhuriyeti. Istanbul. 1934, p. 48—49.
 13. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М. 1927.
 14. КЕМАЛЬ М. Путь новой Турции. Т. III, с. 314.
 15. Документы внешней политики СССР. Т. III. М. 1959, с. 675; СССР и Турция, 1917—1979. М. 1981, с. 45—48.
 - 16— ГУРКО-КРЯЖИН В. А. Ближний Восток и державы. М. 1924; Внешняя политика СССР 1917—1944 гг. Сб. док. Т. 1. М. 1944; МИЛЛЕР А. Ф. Ближний Восток после первой мировой войны (1918—1923 гг.): Севр и Лозанна. М. 1945; История дипломатии. Т. III. М.-Л. 1945.
 17. VILLATA J. V. Op. cit., p. 327.
 18. АТАТЮРК М. К. Избранные речи, с. 153, 106; его же. Путь новой Турции. Т. IV, с. 122—123.
 19. АТАТЮРК М. К. Избранные речи, с. 268, 182, 275, 271.
 20. La Turquie contemporaine. Ankara. 1935; СЕМ I. Türkiyede geri kalmiçligin tarihi. Istanbul. 1970; ARZIK N. Ak altinin agas. Ankara. 1972; КОÇ V. Hayat Hikâyem. Istanbul. 1973; Atatürk Founder of a Modern State. Lnd. 1981.
 21. TEKEL I., İLKIN S. 1929 dünya buhramında Türkiyinin iktisadi politika arayçleri. Ankara. 1977.
 22. АТАТЮРК М. К. Избранные речи, с. 216; его же Путь новой Турции. Т. IV, с. 322—323; BORATAV K. İktisat politikaları ve bölüsüm sorunları. Istanbul. 1983; LEWIS B. The Emergence of Modern Turkey. Lnd. 1961, p. 280; ÖZELLESTİRME. KİT'lerin halka satisında basari kosullari. Istanbul. 1986, p. 1.
 23. Kalkinan Türkiye (rakamlarla 1923—1968). Ankara. 1969, p. 25—27; Türkiyede ekonomik deęişmeleri 1923—1988. Ankara. 1989, p. 14—17.

Листопад

В. К. Иков

Имя достаточно видного деятеля меньшевистской партии, профессионального революционера и высокообразованного литератора В. К. Икова только сейчас становится более известным нашему читателю. Такова специфика исторических обстоятельств, связанных с меньшевиками — самой крупной группировкой, противостоявшей большевикам внутри РСДРП. Меньшевики попадали в заключение и при царском режиме, и при советском. Иков как-то подсчитал, что он прожил 40 с лишним лет не по своей воле: в тюрьме и ссылке, на нелегальном положении, в эмиграции, причем более 20 раз попадал в тюремную камеру. Процессу Союзного бюро меньшевиков 1931 г., по которому он также проходил, в нашей литературе уделено малое место. До последнего времени считалось, что голоса его участников сохранились лишь в «Записках о революции» Н. Н. Суханова и в полностью не публиковавшемся обличительном документе — «Обращении к генеральному прокурору» Н. П. Якубовича. Сейчас прозвучит и голос Икова: это его мемуары, которые сохранились частично в его семье.

Владимир Константинович родился в 1882 г. в дворянской семье коренных москвичей. Его отец, рано умерший К. Н. Иков (1859—1895), был известным в свое время антропологом, учеником видного краниолога А. П. Богданова; мать Вера Ивановна — преподавательница музыки, сестра революционера А. И. Иванчина-Писарева. Живой, способный и впечатлительный мальчик, рано овладевший грамотой и обожавший книги, к гимназии уже прилично читал по-французски, чему его научила смольнянка-бабушка. Интерес к общественной жизни возник у Володи тоже рано, когда он читал вслух газеты смертельно больному отцу. Большое впечатление на него произвели рассказы вернувшегося из ссылки в начале 1890-х годов дяди-народовольца Иванчина-Писарева. Тому же способствовала домашняя обстановка: общение с будущей эсеркой Е. Н. Ошаниной, дававшей ему в юности, в тайне от взрослых, первые политические поручения, а также влияние мужа сестры — М. В. Петрова, связанного с социал-демократическими кругами и познакомившего юношу с работами легальных марксистов, изданиями плехановской группы «Освобождение труда» и Манифестом I съезда РСДРП. Сохранилось свидетельство о его увлечении учением Маркса еще в гимназии¹.

В Поливановской гимназии, при активном участии Владимира, был создан Якушкинский кружок, названный по имени правнука знаменитого декабриста. Дело началось с хождения на лекции проф. Р. Ю. Виппера в Историческом музее и других выдающихся преподавателей Московского

университета, с увлечения идеями декабристов, сочинениями В. Г. Белинского, Н. А. Добролюбова и Д. И. Писарева, а потом привело в конце 1890-х годов к участию в общемосковской тайной гимназической организации. Там проходили закрытые собрания, имелись выборные старосты и большая библиотека легальной и нелегальной литературы, установилась связь со студенческим, а потом и рабочим движением, осуществлялось гектографическое печатание воззваний. В январе 1902 г. по доносу провокатора ряд участников этой организации был арестован. Среди них оказался и Иков. Их присоединили к «студенческому делу» по поводу не разрешенной сходки 9 февраля в Московском университете, и они получили различные сроки ссылки в Восточную Сибирь. Икова сослали на три года в с. Ермаковское Минусинского уезда. Ссылка окончательно определила его дальнейший жизненный путь.

Отказавшись в декабре 1902 г. от разрешения вернуться под надзор полиции в Европейскую Россию, Иков, уже установивший связь с Сибирским союзом РСДРП, поселился в Красноярске, где погрузился в подпольную социал-демократическую деятельность. Она кончилась провалом в декабре 1903 г., после чего он бежал за границу. Начался эмигрантский период его жизни: Женева, Лозанна, Париж (по март 1905 г.), когда он, сделав внутри РСДРП выбор, примкнул к меньшевикам. В дальнейшем Иков участвовал в Мартовском клубе, Тактическом кружке П. Б. Аксельрода, являлся секретарем групп содействия партии, переправлял «Искру» в Россию. В те же годы сложилась его идейная и личная близость с Владимиром (Левицкий) и Сергеем (Ежов) Цедербаумами, братьями Ю. О. Мартова.

В марте 1905 г. Иков нелегально вернулся в Россию. Наступило время подпольной работы в разных городах. Опять потянулись годы заключения, ссылок, безработицы. До июля 1906 г. он был членом Екатеринославского комитета РСДРП, участником II Южнорусской областной партконференции в Полтаве, делегатом (с докладом) на IV, Стокгольмском съезде партии. С осени 1906 по декабрь 1907 г. жил в Москве как член Московского комитета РСДРП от фракции меньшевиков, был агентом ЦК партии по подготовке ее V, Лондонского съезда, а потом и его делегатом. Тогда же развернулась активная литературно-издательская деятельность Икова в ряде периодических изданий (под псевдонимами В. Милов и В. Гродецкий).

После поражения первой российской революции он перебрался в Баку, где, два года трудясь в книжном магазине и общественной библиотеке, участвовал в клубной и профессиональной работе, сотрудничал в партийных изданиях «Гудок» и «Бакинский профессиональный вестник». Под фамилией Свенцицкого Владимир Константинович с конца 1909 г. жил опять в Москве, участвуя в редактировании журнала «Возрождение» и других партийных изданий. Летом 1910 г., при разгроме «Возрождения», он был арестован (взят на уличной демонстрации в толстовские дни) и, выпущенный под надзор полиции до конца следствия, получил затем три месяца ареста, проведя их в Сущевском полицейском доме. Там он познакомился со студентом Н. И. Бухариным, дружеские отношения с которым, несмотря на идейные расхождения, длились до 1931 года. В марте 1911 г. Икова выслали на три года. Он поселился в Харькове, где вошел в группу, ведущую клубную и профсоюзную работу, служил статистиком, слушал лекции на историко-филологическом факультете Харьковского университета. Снова перейдя на нелегальное положение, в марте 1912 г. уехал по паспорту В. И. Акулова в Петербург, где сотрудничал в «Живом деле» и «Новой заре», работал при социал-демократической фракции в III Государственной думе, принимал участие в Августовском блоке 1912 года.

Арестованный тогда же, был сослан на три года в Великий Устюг и Кадников. По амнистии, в связи с 300-летием дома Романовых, вернулся в 1913 г. в Петербург, где принял участие в редактировании «Нашей рабочей газеты». В июле 1914 г., при очередном разгроме рабочей печати, вновь был арестован и опять сослан на три года (в с. Ермаковское Минусинского уезда). С началом первой мировой войны в сибирских колониях ссыльных развернулась борьба между оборонцами и пораженцами. Иков стоял на позиции оборончества. Отбыв почти всю ссылку, после активного участия

в революционных событиях февраля 1917 г. в Минусинске, он вернулся в Петроград, где работал в агитационном отделе Совета рабочих депутатов и в ЦИК Советов первого созыва, сотрудничал в «Рабочей газете», «Голосе солдата», «Известиях ЦИК», дважды ездил для агитационной работы на фронт, в 5-ю армию. Примыкая к оборонческому крылу, он отказался войти в социал-демократическую фракцию Предпарламента, но стал секретарем кооперативной фракции и от нее вошел в Президиум Предпарламента. При выборах в Учредительное собрание работал опять с оборонцами, выдвинувшими по Петрограду самостоятельный список депутатов.

К Октябрьской революции Иков отнесся отрицательно. Он участвовал в Комитете спасения родины и революции, был избран в правление клуба меньшевиков-оборонцев «Рабочее знамя» и в декабре 1917 г. вошел в Петроградский комитет социал-демократов (оборонцев). В мае 1918 г. он переехал в Москву, где, порвав формально с социал-демократической партией, остался связанным с группой правых меньшевиков, возглавленных А. Н. Потресовым; участвовал в их совещаниях, работе кооперативных и профсоюзных организаций, сотрудничал в легальной печати («Дело жизни», «Рабочая газета», «День» и др.). Далее Иков работал до весны 1920 г. в редакционном отделе Центросоюза (редактор, затем заведующий отделом), до весны 1921 г. заведовал Московским представительством Вологодского кооперативного лесного союза, а с мая был товарищем председателя правления Всероссийского лесного союза. При новых выборах в 1923 г. его кандидатуру отвела коммунистическая фракция кооперативов, и он ушел в кооперативное издательство «Книжный союз». Все те годы он идейно метался, испытывая сомнения в ценности революционного марксизма.

В 1923 г. развернулась очередная волна репрессий по отношению к бывшим меньшевикам. Но еще в конце 1922 г. Иков перешел как бы на нелегальное положение. Продолжая входить в московскую группу меньшевиков, он установил связь с Бюро ЦК РСДРП, а в марте 1924 г., при ликвидации Бюро, был арестован и осужден на три года ссылки в Екатеринбургскую губернию. Первые полтора года провел в Камышлове, не имея работы, живя впроголодь и осуществляя заготовки для будущих литературных работ о Дж. Н. Г. Байроне, П. Я. Чаадаеве, А. С. Пушкине и др. В январе 1926 г., получив возможность переехать в Свердловск, следующие полтора года работал экономистом в Уралплане. Установив связь с группой ссыльных меньшевиков и став членом их кассы взаимопомощи, одновременно распространял нелегальную литературу, в том числе «Социалистический вестник». Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ Иков, по окончании срока ссылки, получил ряд «минусов» (запрещение проживать в 8 крупных городах) на три года и в августе 1927 г. поселился в Туле, откуда по амнистии, в связи с 10-летием Октября, вернулся в январе 1928 г. в Москву.

Он нашел работу в Большой Советской Энциклопедии, сначала контрольным редактором, затем помощником редактора Отдела литературы, искусства и языкознания, фактически заведая им под общим руководством В. П. Полонского и А. В. Луначарского, написал много статей для 1-го издания БСЭ («Гамсун», «Гауптман» и др.). В те же годы вышли четыре его книги — о Н. А. Некрасове, Н. А. Добролюбове и (две) о Н. Г. Чернышевском. 1 марта 1931 г. начался процесс Союзного бюро ЦК РСДРП, третий из числа крупных фальсифицированных в СССР официальных судебных процессов (после Шахтинского и процесса Промпартии). Все неудачи сталинской политики списывались на «вредительство». Арестованный по данному делу 11 января 1931 г., Иков был приговорен к восьми годам лишения свободы с последующим поражением в правах на три года. Он отбывал заключение в Верхнеуральском политизоляторе (апрель 1931 — октябрь 1933 г.), Ярославском политизоляторе (до осени 1937 г.) и Орловской тюрьме (до февраля 1939 г.), почти все время в одиночке.

Находясь до 1937 г. в условиях, когда ему еще предоставлялась возможность писать в тюремной камере, он, осмысливая прошлую жизнь, составлял свои мемуары «Листопад». Их кн. 1 была посвящена детству

и юности, кн. 2 — ссылке в Сибирь 1902—1903 годов. При освобождении в 1939 г. ему было разрешено вынести эти книги со штампом «Проверено тюремной цензурой». Иков вспоминал впоследствии, что не выдержал бы заключения, если бы все те годы провел при режиме, возникшем после прихода в НКВД Н. И. Ежова. Получив освобождение, он жил в Малоярославце, порой нелегально приезжая в Москву. Как «101-й» (так в народе называли людей, имевших право жить не ближе 100 км от Москвы), он не мог устроиться на работу, поэтому брал на чужое имя переводы и составление рефератов. Осенью 1939 г. начал писать кн. 3-ю «Листопада», посвященную эмиграции 1904 — начала 1905 годов. В 1941 г. эвакуировался.

Великую Отечественную войну переживал крайне напряженно. Вера в победу никогда его не покидала. Именно любовь к России не позволила Икову покинуть Родину после октября 1917 г., хотя довольно скоро (судя по его письмам от 1921 г.) он понял, что ничего хорошего от нового режима ему ждать не придется. Возвращение в марте 1942 г. из эвакуации совпало для него с окончанием трехлетнего срока поражения в правах, и он, получив разрешение на проживание в Москве, поступил на работу в Фундаментальную библиотеку общественных наук (ФБОН) АН СССР в качестве главного библиографа сектора истории. Он составлял библиографию трудов акад. Е. В. Тарле и работал над библиографией трудов акад. Р. Ю. Виппера.

С начавшейся вскоре после войны очередной волной массовых арестов Иков, вынужденно уйдя из ФБОН, осенью 1948 г. устроился во Всесоюзную библиотеку иностранной литературы, где его снова настиг злой рок. Преклонный возраст (свыше 69 лет) не спас его, и в июне 1951 г. его снова арестовали. При обыске изъяли кн. 1 «Листопада», а также написанные в 1940-е годы продолжение кн. 3 мемуаров и «Замогильные заметки о тринадцати годах (1905-1918 гг.)» в двух общих тетрадах. Эти произведения, как и его тюремные стихи 1936 г., по решению суда были сожжены с формулировкой «как не представляющие интереса для суда и ценности для арестованного». Икова по приговору Особого совещания осудили на пять лет лагерного режима за хранение огнестрельного оружия (в дедовском сундуке обнаружили ржавый кремневый дульный пистолет XIX в.). Обращение его жены и моей матери С. А. Ширяевой с письмом к И. В. Сталину (он в свое время познакомился лично с Иковым на одном из сибирских этапов) с просьбой, учитывая его возраст, направить Икова в лагерь с умеренным климатом (его отправили в Братск) осталось без последствий. Ей ответили: «Где был, там и будет, передайте теплые вещи». По заключению врача годный только к легкому физическому труду, он использовался в лагере как дневальный и работал в библиотеке.

Смерть Сталина и последующая амнистия освободили Икова, и в июне 1953 г. он вернулся в Москву. На этот раз его прежняя жизнестойкость была сломлена скоротечной формой туберкулеза, развившейся в лагере. Тем не менее, он нашел силы приняться за восстановление уничтоженной книги «Листопада» под названием «Воспоминания». Скончался он 29 декабря 1956 г., его прах захоронен на кладбище «Введенские горы». Владимир Константинович был реабилитирован уже посмертно.

Из его рукописного наследия сохранились после его смерти кн. 2 и 3 мемуаров (207 стр. машинописи). Ныне они помещены в Центральный муниципальный архив г. Москвы, где хранятся в фонде 3174. Частично туда же сданы, в оригиналах или ксерокопиях, письма Икова к жене за 1920—1956 годы.

Подготовка части этих мемуаров к печати и вступительная статья — Н. В. ШИРЯЕВОЙ.

Примечание

1. БЕЛЫЙ А. На рубеже двух столетий. М. 1989, с. 374.

I. В Мекке русской революционной общественности

Интермедия

1.

Ну, вот и Женева! После кратковременного пребывания у М.Пайкеса (приехавшего за границу месяца за 2—3 до меня) я снял комнату на *gîte de Carouge*, исконном местопребывании русских эмигрантов. Хозяин мой, выходец из России, старый «чернопеределец» Левков, за 25 лет пребывания на чужбине совершенно офранцузился, хотя вполне уверенно владел и родным языком. Но его дочь, девочка лет 14-ти, едва ли знала и пяток русских слов. Левков стал анархистом, что являлось логическим продолжением его идейного прошлого. В качестве такового он люто ненавидел Г. В. Плеханова (бывшего своего товарища по организации) и с.-д.-тию вообще. То, что он по-французски совершенно мог изъясняться и писал, являлось, бесспорно, необычным, почти беспримерным случаем, даже и среди закоренелых эмигрантов.

Считается, что русские легко усваивают чужие языки. Мой опыт свидетельствует, что это, несомненно, одна из благочестивых легенд в цикле сказаний о нашей всечеловечности. Я часто вспоминал за рубежом матросаденщика Фадеева из «Фрегата Паллады». Его спрашивали, как он объясняется в Сингапуре с туземцами. «По-англичански,— отвечал он,— а вот возьму в руку вещь, да и спрошу: омач? (*how much?*)», т. е. сколько? Вот такой «омач» бытовал и в нашем кругу. В самом деле, язык знаков, жестов, мимики с добавлением нескольких ходячих словечек и оборотов *bonjour*, *merci*, *plait-il* (добрый день, спасибо, чего желаете) и т. п. заменял живую полноценную французскую речь. Универсальной отмычкой служило знаменитое «*сomme ça*», т. е. как это. Некоторые его склоняли: *donnez moi* («дайте мне»), показывая на вещь) «полкомсы», да еще избобрязат на пальцах нужную меру. Французы — народ сообразительный и деликатный: очаровательно улыбнутся и отпустят в точности... Бывали, понятно, и досадные опечатки.

Как-то раз одному свежеиспеченному эмигранту, Грише Виленскому, поручили его домашние купить в лавочке гороху (*pois*). Как человек высокой культуры (перед побегом он сдал экстерном экзамен за четыре класса гимназии) он был глубоко обижен вопросом сестры, сумеет ли он объясниться в *épisèrie* (бакалея) и, главное, добратся назад, домой? Ему ли не знать французского языка? К тому же он уже два дня в Женеве, а лавка за углом. Ждем-пождем, пропал наш смельчак. Махнули рукой на *petit pois* (горошек), отобедали, стали чаевать. Наконец, является усталый и чуточку смущенный экстерн и вручает сестре огромный пакет. Та в ужасе: «Зачем так много? И где ты пропадал?». Выйдя из лавочки, он повернул не в ту сторону, запутался, обратился к прохожему с изыщно — по *Margot* (французский учебник) — построенной фразой: «Как пройти на *Place des grands philosophes?*» (Площадь великих философов). Француз явно был не в духе, потому что необычайно нелюбезно буркнул: «*Tout droit*» (т. е. прямо). Ну, вот, наш Гриша и пошел сворачивать без страха и сомнения во все улицы направо (*tout à droit*). К счастью, наткнулся на земляка, не имевшего аттестата, но знавшего город, и он вывел Гришу на путь истины. Дальше — больше; развернули пакет, а там — груши (*poigre*)! Значит, в лавке специалиста по французско-нижегородской речи не оказалось, и Грише, то ли ослышавшись, то ли по чистоте его выговора, дали вместо горошка груш. Это еще не совсем плохо: могли дать перцу (*poivre*)...

Помню, как-то в парижском ресторане мы заметили на меню неведомое блюдо «*Grenouilles*» (лягушки) под каким-то дьявольски пикантным соусом. И хотя вся наша компания могла свободно флиртовать на

французском языке с ресторанными *demoiselles*, тут все, как на грех, сразу забыли, что такое *grenouilles*. Подали — ничего не понять, и вдруг осенило — лягушки!

Что краткосрочные беженцы, приезжавшие на побывку, отдохнуть или поднатореть в революционном мастерстве, не имели времени усвоить даже и азбуку чужого языка, понятно. Но ведь и большинство отуземившихся, пустивших корни сородичей знало только азы. Был в Париже почтенный многовековой эмигрант Зимин. Он брал за обедом всегда две котлеты, но 25 лет утолял свою котлетную страсть так: «*Garçon, s'il vous plaît, une côtelette!*» (официант, пожалуйста, одну котлету). И тут же добавлял, поднимая два пальца: «И еще *une côtelette!*». Но наших за границей мало смущали такие пустяки, как ограниченный запас комнатных и закусовых слов. Да и верно: это лишь с четверть беды.

* * *

На берегах чудесного Леманского озера, в преддверии альпийской горной цепи с ее сторожащей Женеву вершиной *Mont-Salève*, на родине беспощадно сурового и не допускавшего сомнений рационалиста-механизатора Кальвина и мятушегося преромантика Руссо, выходцы из России создали себе суррогат отечества и плацдарм боев против двуглавой хищной птицы, оазис вольной русской мысли и слова, недоступный для непосредственной мертвой хватки Департамента полиции. Любопытная это тема: Женева и революция. Провинциальный городок, привычное место отдыха богатых иностранцев, международный *hôtel* (гостиница), собиравший отовсюду туристов и альпинистов, тихий заштатный угол, вокруг которого было немало вилл русских аристократов, сыграл, как ни один город в Подлунной, исключительную роль в истории нашего общественного движения и политического развития.

Сыграл помимо своей воли, сам того не подозревая и не желая и совсем к тому не стремясь. Некрополь для многих наших соотечественников, Женева в XIX—XX вв. давала приют сотням беглецов, ряду поколений русских революционеров. Здесь родился не один десяток партийных программ, течений, платформ, уставов и т. д. Да и не только для российских вольнодумцев служила эта мировая гостиница правоохранным убежищем. Ту же услугу оказывала она, и не раз, гонимым еретикам, отщепенцам и протестантам всех стран и эпох, хотя порой и сжигала на костре своих собственных бунтарей.

И в то же время малопривлекательный город! Невольно приходят на ум слова Герцена, попавшего в Женеву в 1868 г., в годы своего предсмертного метания по Европе. Он писал в «Былом и думах»: «В Женеве все хорошо и прекрасно, уютно и чисто, а живется туго. Начнешь рассуждать, ясно, как дважды два, что в наше серенькое время мало мест лучше в Европе, а наименьше квартиру, так и тянет куда-нибудь, лишь бы из Женевы вон». Отзывы Достоевского значительно суровее, озлобленнее и желчнее. Вот случайные выдержки из его писем друзьям в 1867—1868 гг.: «Женева скучна, мрачный протестантский глупый город, со скверным климатом... Дрогнут все от холода... Бань у них нет никаких, живут, как дикие... Женева пакость, и я в ней обманулся... Климат сквернейший, город скучный. Озеро удивительное, берега живописные, но сама Женева — верх скуки. Это древний протестантский город. Ужасно здесь скучно... Женева из всей Швейцарии стоит на самом пакостном месте», и т. д., кончая обвинением швейцарцев во всех пороках, вплоть до пьянства и нечистоплотности моральной и физической.

Мы не знали этих отзывов. Мы не углублялись в изучение достоинств и недостатков города и аборигенов. Мы просто не интересовались ими, не замечали антуража, спокойно пользуясь и ваннами, и газом, и трамваем, и прочими доступными нашему карману дарами буржуазной культуры.

А контраст между ними и нами был кричащий, разительный. Два мира,

два стиля. Два мира! Там — внешне спокойное, размеренно прочное течение жизни, оваянной историческими преданиями и вековыми традициями. По язвительному слову Достоевского, это «самая чахлая, дурного вкуса, дрянь гососо» (т. е. старомодная). Пусть так! Но это старинная, отбродившая, отстоявшаяся культура, это цепкий, свой, налаженный быт, это тени и призраки былого героизма и замолкших бурь. И рядом наше, бивуачное существование перелетных, чужих птиц, которые здесь не сеют и не жнут, но которых зато и не питает никакой отец, ни небесный, ни земной. Они, эти потомки мифического Телля и вполне реальных, исторически осязаемых, наемных ландскнехтов, несших платную караульную службу около всех Бастилий и умиравших на подступах ко всем Тюильри во славу нанимателя-короля, они несколько боялись, а больше всего презирали нас, современных гуннов. Еще бы! Люди без родины, без собственности, люди, возвращающиеся домой на заре и вечно галдящие на улицах и в комнатах...

Мы, если и вспоминали о них, то лишь затем, чтобы высокомерно, иронически прищуриться на их захолустное, тусклое прозябание в стороне от европейской столбовой дороги, закрытое горами от катастроф и ураганов истории. Никаких точек соприкосновения и сближающих моментов, ничего связующего! И не только с буржуазией, с мещанством, с обывателями, но, в сущности, и с интеллигенцией, с рабочими, с местной с.-д.-тией, с союзами, с просветительными обществами и т. д. Так, случайные встречи на интернациональной, внебытовой почве, по большим праздникам, на гала-митингах и пр. Что мы знали о ее старинном университете? Студенчестве и профессуре? Об их науке, литературе и искусстве? Об их нравах и быте? Об их запросах и интересах? Ничего или, что еще хуже, обрывки, отрывки, анекдоты, которые рассказывались еще в Ноевом ковчеге.

2.

Да, верно: Женева — образец скуки и серости. Чудесна ее рамка: озеро, горы, прелестные окрестности (в широком охвате), вся эта гирлянда Clarens, Montreux, Glion, Ferney, Saxon-les-Bains etc. (названия курортов). Но отнимите это обрамление, и город может исчезнуть, никто и не заметит. Два-три интересных здания еще не делают ансамбля. Одна из достопримечательностей старого города — тюрьма. В центре его, около городского сада, между университетом и библиотекой, почти напротив театра, вздымала гордо к небу свои башни древняя тюрьма-крепость с чудовищно толстыми стенами. Обратите внимание на отвесный, как скала, голый боковой фасад, где на самом верху, у кровли, мерцает свет в единственном крохотном оконце. Там, в одиночке, томится пожизненный узник, анархист Луккени, убивший, в порядке безмотивного террора, австрийскую императрицу Елизавету, ту самую, которая поставила единственный во всем мире памятник великому Гейне на о-ве Корфу. Вот и все ценности Женевы. Но тюрьма — это имманентная принадлежность всякого упорядоченного человеческого общежития, она не специфически женеvский вклад в цивилизацию.

Есть еще Шильонский замок, вилла Диодати-Байрона. Но это уже за чертой собственно города. Ошибся бы, однако, тот, кто подумал бы, что наше отношение к другим городам, например, к Парижу было существенно иным.

К кому, казалось бы, прилепиться всей душой, как не к этому, по выражению Гейне, «городу свободы, энтузиазма и мученичества, так много пострадавшему за освобождение человечества». Книжно, теоретически, мы все это знали. А жили не столько в Париже и Парижем, сколько... скажем, для примера, где-нибудь в районе Козихи или Песков, очищенном от городских и шпиков... Конечно, не все! Были знатоки,— так сказать, дегустаторы — Парижа среди старых эмигрантов вроде покойного М. П. Вельтмана-Павловича (впоследствии автора длинных и томительно-скучных трудов о кознях международного империализма на Востоке). Но он любил и знал лишь, если позволительно так сказать, революционную топографию Парижа, т. е. когда и где, на каком углу стояла в ту или иную

революцию баррикада, где дрались последние коммунары или люди 48-го года. Памятники парижского мученичества на его докладе в годовщину Коммуны оживали, это правда. Но ведь он видел только одну грань в бесконечно-гранном облике Великого Города...

Десятки давних русских парижан, замуравивших себя в пределах B-d St. Michel, rue St.-Jacques, мир коих кончался в café Closerie de Lilas на B-d Montparnasse или на place d'Italie в café (наименования улиц, площадей и кафе) с одноименным названием, понятия не имели даже о том немногом, что знал Вельтман (может быть, правильнее: что считал нужным рассказать). И хотя здесь, рядом, под боком, находились Panthéon, Sorbonne, Observatoire, Luxemburg (Пантеон, университет, обсерватория, Люксембургский дворец) и пр., они — честное слово! — никогда не бывали там. Многие путали Louvre-магазин с Louvre-музеем и вряд ли отчетливо представляли, чем замечателен Musée Carnavalet (название музея), где находится Maison de Victor Hugo (дом Виктора Гюго), стоит ли посетить Hôtel de Ville (городской отель).

И уж, конечно, их силком не вытащишь на осмотр чудеснейших часовен и церквей (потому что «религия — опиум для народа») или замечательных парижских кладбищ, разве лишь на Père Lachaise (название кладбища), к Mur des fédérés (стена федератов), где пачками расстреливали в 1871 г. коммунаров. И не пойдут они с тобой шататься без цели по парижским улицам, мостам, площадям и окрестностям... А молодежь? А мои сверстники? Сколько среди них, этих культурных людей, приезжавших в Париж на краткий срок с тем, чтобы расстаться с ним навсегда, сколько среди них имелось таких, кто так и не нашел свободной минуты зайти куда-либо просто ради любопытства. Зачем, спрашивается, они тратились на проезд и жизнь здесь? С партийной русской точки зрения Париж представлял собой провинцию, а подойти к местной жизни нашему брату было совсем непросто, да и зачем...

Вспоминается мне, чем я соблазнил одну приятельницу посетить Лувр. «Вот, — говорю, — Вы так любите Глеба Успенского. Неужели Вас не интересует самой посмотреть, что пленяло его в Венере Милосской и почему она «выпрямила» Тяпушкина?» (заглавие известного рассказа Г. Успенского). Пронял! Пошла в Лувр и, к чести ее, потом, таясь от других, стыдясь себя, она частенько бегала туда, хоть на пять минут, побыть у богини. А мне просто досадно стало: за 3—3^{1/2} месяца жизни в Париже я бывал в Лувре по крайней мере через день — два и хоть бы раз я встретил там своих. Видел, впрочем, однажды: пришла некая особа в зал Венеры, бегло взглянула на нее, посмотрела на надпись и села с книжкой на диване у окна. Подошел к ней служитель, извинился: «М-м, здесь не читальня». Она обиделась и совсем покинула Лувр.

Прошу не понять меня дурно. Я против того, чтобы водить всех на аркане по музеям и галереям в порядке принудительного самообразования и эстетического роста. Ну, не тянет человека, и Господь с ним! Все равно такой обязательный минимум художественных прививок ничего не даст. Наоборот, вызовет то же судорожное отвращение ко «всем вашим Скопасам, Тицианам и Роденам», как у нас в гимназии вызывали Цезарь с Гомером... Диккенс обессмертил город Дэлборо, в институте коего слушателей «обязательно били по головам газом, воздухом, солнечной системой, паровыми машинами, Мильтоном, клинообразными надписями, Шекспиром» и т. п., а под конец угощали «хоровым пением негров в придворных костюмах времен Георга II» или «смешанным концертом». Нет, я против этого. Я просто отмечаю факт полного равнодушия, добровольно налагаемого на себя в отношении всего за пределами специальности. Тем более, что и специалистами-то многие из нас оказались потом неважными...

* * *

В сущности, здесь не все смешно и странно; кое-что и драматично. Можно даже понять, как слагалось такое настроение у осевших эмигрантов. Вероятно, в первое время их душевное состояние сопоставимо с психологи-

ей пассажиров, ждущих поезда. График сильно разбит, перебои в движении, задержки в пути. На чужой «станции» очутились люди, выброшенные на мель волной отлива, поражением, неудачей. Еще вчера они играли некую роль в общей экономике природы, были плотно пригнаны к месту, ходили в определенной трудовой упряжке. И вдруг — крах, земля уплывает из-под ног, и на место пусть плохого, но твердого и крепкого быта и уюта становится тряская, зыбучая безбытность. А они еще не верят, что это — катаклизм, что их прибило сюда надолго, они всем естественным еще там, в заветной стране, отрезанной от них тремя кордонами. Вот-вот придет их поезд. А поезда все нет, «и бысть утро, и бысть вечер, день второй», все еще ждут с минуты на минуту поезда...

До галерей ли тут, когда завтра вернуться к себе? И текут месяцы, годы, вступает в права властный быт. О, этот тяжкий, отравленный, эмигрантский быт, сотканный из хронической нужды, случайных заработков, внутренних займов, вынужденного безделья. А тут еще отсутствие вкуса и интереса к иноземному, неумение читать и понимать чужое, плохое знание языков, своеобразие окружающих нравов и культуры, так непохожих на свои на берегах Оки, Днепра, Воронежа и пр. Кроме того, они русские; значит, они неспособны работать и отдыхать с толком, целесообразно и систематически учиться. Они любят пить чай и беседовать 24 часа в сутки. А потом... Ведь то, что у нас перед глазами, вовсе не обязательно всегда нам хорошо известно, скорее наоборот. Часто коренной житель и не догадывается, какие сокровища расположены у него под самым носом, а их в один день сумел откопать любознательный и шустрый приятель, приехавший на две недели в отпуск. Я лет шесть ежедневно по несколько раз проходил в Москве мимо соседского дома, не подозревая, что этот особнячок — быв. дом князей Волконских и что в нем жил декабрист С. В. Волконский по возвращении из Сибири.

* * *

Но у меня речь шла о безнадежно вросших в эмиграцию стариках. А молодые... Ну, молодым не до того было, потому что некогда было. Все мы приезжали сюда, зная наперед, что не застрянем надолго за границей. Это раз. Во-вторых, просто-таки не хватало времени при том образе жизни, который был почти стандартным в те годы, за редкими исключениями, у всех нас. Если я не знал, где проходит ось (да и есть ли она?), вокруг которой обращаются мечты, сомнения и надежды туземцев, то мне очень хорошо было известно, в каких границах замкнута наша жизнь, на чем «вертится мир» наших чаяний и помыслов.

Прекрасен l'île de Jean-Jacques (остров Жана-Жака Руссо), этот островок с памятником великому бунтарю XVIII в., чаровавшему Конвент и утопистов всего мира, включая и Льва Толстого. Хорошо отдохнуть здесь под зеленью сквера, в тихий закатный час, когда так радуется взор спокойное, милое озеро. Сидишь на скамеечке без дум, никому до тебя дела нет, смотришь на играющих детей и забываешь на миг о недоедании и безденежье, об отсутствии вестей из дому, о российской разрухе и войне, о мучительно непонятном расколе и о трудности в условиях жестокой фракционной борьбы вернуться к партийной работе. Хорошо!

Прекрасно и знаменитое Jonction (соединение), место слияния бурной, мутной Арв и прозрачной, важно медлительной Роны; их волны долго текут рядом, не уступая друг другу, отказываясь слиться (что это? Символ наших дел в партии?), пока не станут, уже в пределах Франции, единой рекой. Текут волны под сенью сошедших к берегу деревьев и будят в вас беспокойно-щемящее чувство тоски по родным местам. Хорошо! А само озеро? Неутомимо радостное, вечно ласковое, неизменно приветливое, безмятежно лазоревое? Туда, подальше от отелей на quai du Montblanc (набережная Монблана) с бродячими итальянскими певцами, у которых голоса лучше, чем у Мазини и Баттистини и которые приводят в восторг английских ladies (леди)... Нет, туда, к Шильонскому замку, к байроновской villa

Diodati (название поместья)... А то взять лодку и уплыть далеко, далеко. Хорошо!

А окрестности? Даже ближайшие, простенькие, вроде Vergier... Сколько зелени, воды, полянок, и можно незаметно очутиться во Франции, если не перехватит на кордоне жандарм. А горы, черт возьми! Чем плохи? Понятно, это не Montblanc (Монблан), не Jura (Юра), а всего лишь Salève (Салев). Но, Бог мой, я в своей жизни ничего еще, кроме Воробьевых и Поклонной гор, не встречал орографического, мне и на Salève-то не легко было взобраться. Да, все это превосходно. Но, как говорится у Пушкина: «Ты прекрасна, спору нет, но царевна всех милее, всех румяней и белее». Так вот и нам, пасынкам России на берегах Леманского озера, всего прекраснее и милее казались café Handverk'a (название кафе), арсенал ожесточенных битв русских с кабардинцами, зал для общих митингов и больших собраний с реферетами, дебатами и пр. или какое-либо другое кафе, помельче, для клубных, фракционных или кружковых заседаний и занятий.

Встают видения. Мерцает тускло сквозь табачно-дымовую завесу недоумевающее электричество. Вокруг стола 3—4 десятка озабоченно возбужденных лиц, безотрывно и всецело погруженных в изобличение хитрых козней противника. Идут часы, вечера, день за днем льются речи, и тклет свою нескончаемую пряжу, никогда не распуская ее, неутомимая фракционная Пенелопа. А туман все сгущается. «О, моя юность, о, моя свежесть!». Вот где красота, вот где патетика тех дней. Вот где поэзия женеvского периода русской революции, вот где закон и пророки моего вторичного огненного испытания.

3.

Мир изгнания — особенное явление, перефразирую я слова Гёте о крови — «особенном напитке». В эпохи упадка он цветет сорняком. Этого я почти не переживал: в 1904 г. революция шла по восходящей линии, и минутами достижений искупались часы разочарования и недостатков. Но умолчать о последних — значило бы исказить перспективу. Вот стали мы, новички, несколько habitués (освоившиеся) в кругу большой колонии. Вошли в Женевскую группу содействия партии «Единение», а я, спустя некоторое время, стал в ней даже секретарем (по выбору). Начали посещать «тактический кружок» (для отъезжающих на партийную работу в Россию) под руководством П. Б. Аксельрода; еще раньше сделались завсегдатаями Мартовского клуба. Обзавелись знакомствами, приятелями, даже друзьями.

И все же и теперь не совсем рассеялись та оторопь, то ощущение нереальности, призрачности объективного мира и иллюзорности личного существования, которые охватили меня на первых порах. Всматриваюсь, обратясь назад, в общую обстановку эмигрантской жизни. В чаду и угаре острого возбуждения живет в Женеве довольно многочисленная эмигрантская семья. Она отгорожена от всего мира, варится преимущественно в собственном соку. Вновь прибывающему, доколе сам он не втянется в колдовращение жизни, непонятны ее поступки. Прислушайтесь к разговорам и спорам, почитайте кое-какие писания. Странное впечатление! Кажется, что русские события — война, политический подъем, великие потрясения волнуют нас много меньше, чем кружковые происшествия, придворная хроника, стычки вождей, дворцовые перевороты и т. п. Вряд ли я ошибусь слишком сильно, если скажу, что чудовищные поражения на войне обсуждались с меньшим интересом и пониманием, чем карикатуры Лепешинского. И уж, конечно, такие небывалые в России явления, как земские съезды, возникновение объединений и союзов профессиональной интеллигенции и многое другое, находили далеко не столь гулкий резонанс, как брошюры Галерки, Красикова, Троцкого. Аудитория жадно ловила и смаковала все фракционное, эмигрантское, каждодневное, не гнушаясь порой пустяковыми слухами, сплетнями, дрызгами.

4.

Ось нашего круга упиралась своими остриями в два клуба: Мартовский (по имени руководителя — Ю. О. Цедербаума-Мартова) и Ленинский (от имени В. И. Ульянова-Ленина). Все наши мысли и переживания связывались именно с этими идейно-организационными центрами, с этими другогвражескими станами. Говорить о дружбе между нами уже в 1904 г. в Женеве не приходится. Правда, Г. В. Плеханов, больше в целях педагогических, утверждал, что мы и большевики — всего лишь «враждующие между собой братья». Но сам он, столь много помогавший углублению раскола, вышел из редакции «Искры», основал свой собственный бюллетень «Дневник социал-демократа», т. е. подкладывал топливо в костер, зажженный под «братьями». Враждой был отравлен воздух, и не только за границей, но и в России. И могло ли быть иначе? «Где за веру спор, // Там, как ветром сор, // И любовь и дружба сметены». Гёте (в «Коринфской невесте») имел в виду религиозные распри. Но я лично не взял бы провести грань между верой и политикой. Революционному мирозерцанию неизбежно присущи сектантство, нетерпимость, фанатизм.

Беглецы из России весьма быстро самоопределялись и размещались по фракциям. Я лично что-то не помню «диких» с.-д.-тов; мало было и длительного положения Буриданова осла (классическим примером такового мог служить А. И. Рыков). Имелось два замкнутых круга, связанных между собой чисто формально. И это несмотря на общность только что принятых на съезде программы, устава, тактических установок, несмотря на наличие выбранных на съезде центральных учреждений ЦК и ЦО. А в действительности все превратилось в фикцию, никто не считался с решениями съезда; почти не было никакой общепартийной работы; дисциплины не нарушал только ленивый. В одной шуточной пародии эмигранты-члены РСДРП грустно декламировали: «Часто холодные, вечно голодные, нет у нас партии, есть экспедиция».

Идейные расхождения влекли за собой личные трения и разрывы. Так порвалась крепкая дружба Ленина с Мартовым; тени отчуждения легли между ближайшими друзьями, связанными десятилетиями совместной жизни, труда, лишения и борьбы (Плеханов, с одной стороны, Аксельрод и Засулич — с другой). Если бы речь шла о таких невинностях, как два клуба, две столовые, две библиотеки и т. п., это было бы безвредно. Но уже две группы содействия партии в одном городе, пожалуй, чрезмерная роскошь. Но что спрашивать с Женевы, когда в России «братья» не давали друг другу явок, квартир для ночлега, не допускали к работе? Когда на местах создавали по два параллельных, раздельных комитета одной партии? Это был не только «юридический чересчур», но и большой политический скандал и соблазн.

* * *

Если бы мне задали сочинение на тему «День эмигранта в Женеве в лето от основания с.-д. партии шестое», я не смог бы сделать это сносно. Гораздо легче удавалось стряпать гимназические сочинения: жизнь русского помещика по Гоголю, или Коробочка и Анна Андреевна как культурно-исторические типы и пр. Потому что в первом случае уцепиться не за что: все невещественно, зыбко, неуловимо. Гораздо, так сказать, насыщеннее, материальнее, содержательнее текла жизнь в «Таганке», ДПЗ (дом предварительного заключения) в Петербурге, в Красноярском тюремном замке и прочих местах изоляции. А попал в Мекку, и о Боже! Все дни серы, нудны, как небольшая зубная боль. И жизнь рисуется длинным пустынным коридором, где не на чем отдохнуть глазу. Вроде вечности по Свидригайлову: небольшая банька.

Казалось бы, располагая необычным количеством свободного времени, эмигранты имели полную возможность поучиться, позаниматься, почитать, изучить хотя бы один какой-нибудь иностранный язык. В России, на нелегальной работе, такого случая не представится. Но нет! Можно с прискорбием утверждать, что серьезно работали над книгой только наши старики,

как Плеханов (всю жизнь упорно учившийся), Ленин, Ортодокс, а из молодых вряд ли я наберу и пяток лиц. Прежде всего потому, что все чувствовали себя на отлете: побуду месяц — другой и вернусь домой. Затем, и это главное, все мы по уши увязли в партийной борьбе и в партийных, даже скорее фракционных, делах. Читали газеты, журналы, брошюры, изредка европейскую печать. Даже когда расходы на культуру ничего не стоили, особой тяги к ней не наблюдалось. Помню: на Международном философском съезде 1904 г. из сотни-двух русских эмигрантов я встретил лишь Плеханова и Ортодокс.

Уже тогда это почти всеобщее безразлично равнодушное отношение моих компатриотов ко всему *jenseits* (кроме) § 1-го устава партии казалось мне преувеличенным. Но одновременно я видел здесь доказательство их безупречно глубинной революционности и горестно, хотя и бесплодно, вздыхал об отсутствии ее у себя. Совестно и сейчас признаться: мне хотелось стихов, музыки, хороших книг, той беспорядочной, пестрой умственной трапезы, к которой я привык с юности. И я чувствовал себя недостойным паломником у черного камня Каабы, не отряхнувшим от ног своих праха старого мира и алкающим его отравы. Как знать? Может быть, и другие носили в себе этого ветхого Адама. Но мне чудилось, что у них, по выражению Тургенева, «дважды два тоже четыре, но как-то бойчее выходит». Чужая душа — всегда потемки, и особенно тогда, когда беседуешь с ней лишь о передовой в последнем номере «Искры».

* * *

Я не могу все же жаловаться: некоторый капитал в Женеве я приобрел. Мои секретарские функции в Группе содействия носили преимущественно технический характер (организация собраний, подбор лекторов и докладчиков, продажа литературы и т. д.). Помогал я также отправке в Россию газеты «Искра» разными потаенными путями (о, это была целая сложная наука!). На лидерство я не претендовал по молодости и острому ощущению своей для него неподготовленности и негодности вообще. Я никогда, видимо, не имел нужного для таких функций «жеста», повторяя термин князя Мышкина из «Идиота» Достоевского. Я и позже, на родине, на какие бы высоты ни подымала меня судьба, всегда неохотно, после долгих колебаний, брал на себя эту, чуждую моему характеру, роль.

Некоторые члены Группы вели кружки среди учащихся и менее подготовленных эмигрантов. Другие выступали с докладами, особенно в провинциальных захолустьях Германии. Я и на это не имел тогда смелости. Как странно! В Москве, в Красноярске, в Иркутске, в кругу гимназических друзей, среди товарищей по ссылке, порой значительно превышавших меня и годами, и житейским опытом, и знаниями, я никогда не робел, за словом в карман не лазил и мог огрызнуться от «семи собак». И везде с моим мнением считались, относились ко мне, как к равному, не зажимали мне рта насмешками, отношением сверху вниз. А вот в Женеве все сложилось по-иному. Но об этом я буду еще говорить в дальнейшем.

Как бы то ни было, времени свободного у меня было много, хоть оставляй. И, если отбросить Мартовский клуб, собеседования в кружке Аксельрода, посещение разных митингов и рефератов, то оставшийся солидный избыток незанятых часов заполнялся, главным образом, выражаясь фигурально, чаепитием с разговорами в тесном, своем кругу, а затем чтением. Так жил я и в ссылке, так шла жизнь и в общих камерах тюрем...

Оглядываясь теперь, сорок лет спустя, назад, невольно впадаю в грусть: до чего же нерасчетливо, нецелесообразно, зряшно тратили мы драгоценное время, не умея и не научившись ни работать, ни отдыхать. «*Mais c'est russe et vous savez* (но это русское, и вы знаете) — надобно любить родное». Сколько упущено безвозвратно возможностей, сколько попусту израсходовано нервов, мозга, сил, сколько не прочитано хороших книг (и наоборот, как много прочитано не стоящей внимания макулатуры). Я знаю теперь, что, в сущности, на свете очень мало книг, которые сто́ит

читать, которые обязательно надо прочесть. Но далеко, далеко не все из этого небольшого, бессмертного золотого фонда известно мне. Зато память моя хранит под спудом тонны печатного хлама.

Нередко потом думал: на какой предмет, почему я торчал столько времени в Женеве и Лозанне? Почему хотя бы не побродил по той же Швейцарии или Италии? Материально жилось нам довольно-таки невзрачно. Весь месячный доход наш исчислялся 15 р. (около 6 франков) в месяц на двоих. Раза два получил я подкрепления от моих московских приятелей; в начале 1905 г. послал мне Господь Бог небольшой гонорар за статью в журнале «Правда». Пришлось бросить комнату Левкова, перебраться в квартиру без мебели на rue de Vergier (название улицы). Прекратили обедать в русской столовой и даже в жалкой женевской безалкоголичке. Питались дома чаем с хлебом, супом из костей и кубиков Maggi (название фирмы), помидорами. И все же я, как прикованный и зачарованный, сидел сиднем в Женеве. Замечу, кстати, далеко не все мои соседи имели даже такую скромную твердую ренту, как я. Некоторые просто голодали; были случаи, когда люди падали в обморок на собраниях из-за истощения. И все же зубами держались за Женеву. Нелегко объяснить это упорство. Несомненно, известную роль играла неясность политической линии меньшевизма самим его adeptам. С чем ехать в Россию? Что защищать? Что говорить рабочим, в частности, как объяснить им причины и сущность наших разногласий? Но, понятно, это лишь часть мотивов, удерживавших нас, и меня в частности, на улицах Женевы и Парижа, Берлина и Вены.

* * *

Возвращаясь к «душе», хочу прежде всего взять под защиту подполье и эмиграцию. Люди всегда и везде глубоко равнодушны друг к другу... «Мы все обладаем достаточной долей христианского долготерпения, чтобы переносить страдания... других людей», — сказал Ларошфуко. Чужая душевная тревога, боль, драма. Как редко интересуемся мы ими по-настоящему, серьезно, дружески, осторожно и чутко подходя к человеку тогда, когда он больше всего нуждается во внимании, в бережном отношении, в понимающем взгляде, в крепкой и мягкой поддержке со стороны. Обычно тут-то мы проходим мимо человека. В суете, спешке и занятости подполья каждый из нас был не самоцелью, а орудием, рабочим инструментом, врубовой машиной, вгрызающейся в пласты подлежащего сносу социально-политического строя. Нас ценили, как «живой инвентарь».

В подполье (больше, чем в нормальных условиях) некогда разводить сентименты, некогда думать о человеке, как таковом, некогда памятовать о его настроениях, быте, питании, здоровье и пр. «После плакать», вообще все «после», когда завершится разрушение старого мира. Вот тогда вдруг, неизвестно почему и откуда, появится новое сознание, сложатся новые отношения между людьми, вырастет интерес к духовному строю человека, к его интимному миру, к его запросам и потребностям. Жизнь доказала глубокую ошибочность и этой утопии, и всю надуманность и кабинетную высиженность наших представлений о том, что будет на другой день после социальной революции. Вот так и в эмиграции. Если вообще нехорошо быть человеку одному, то в ссылке или в изгнании тем паче. Потому-то, быть может, именно здесь так легко загораются и гаснут увлечения, завязываются и расторгаются связи. В нашем кругу было много фамильярности, амикошонства, формального товарищества. Вроде того «ты», которое силой насаждали якобинцы во Франции. А между тем, у нас как раз «ты» и было «пустым», врез с Пушкиным! Это не значит, что на нелегальной работе или в эмиграции не создавалось прочной дружбы или глубокой личной привязанности. Совсем нет! Я, например, не могу пожаловаться на недостаток внимания к моей скромной особе даже со стороны незнакомых мне лиц (Р. М. Плехановой в дни моей тяжелой болезни за границей и др.). Но это несколько не колеблет сказанное выше. Мы очень мало знали друг друга и друг о друге. Психологи мы были некудышные. Плохое знание

человека — явление гораздо более опасное, чем вечный наш перерасход энергии, чем преждевременная коррозия и устарелость живого инвентаря. Этой духовной слепотой поражена была не только молодежь, ею страдали и старики. Этим, отчасти, можно объяснить, почему наша среда кишмя кишела провокаторами, которые легко втирались в дружбу к самым опытным мастерам революционного цеха и, выражаясь непочтительно, водили за нос матерых конспираторов высшей марки. Достаточно напомнить имена и дела Татарова, Азефа, Жученко, Серебряковой, Малиновского, Батушанского, О. Блюма, Коновалова, Романова и сотен других агентов политической полиции разных калибров.

Да, наш круг — особенное явление. Здесь было все свое: нравы, язык, вкусы, привычки, манеры, требования. Я еще вернусь в дальнейшем к этому своеобразному феномену. Герцен писал когда-то: «Революция развила свой пуританизм, узкий, лишенный всякой терпимости, свои обязательные обороты. Люди веры, они ненавидят анализ и сомнения; люди заговорщиков, они все делают сообща и из всего делают интерес партии. Независимый ум им ненавистен, как мятежник; они даже в прошедшем не любят самобытности... На этом основано... их пристрастие к приравнению, к единству военного строя, к централизации, т. е. к деспотизму». И под властью и обаянием этого деспотизма я добровольно и добросовестно отбыл — *horribile dictu!* (страшно сказать) — много, много лет, тая про себя и гоня прочь набегавшие сомнения, укрощая бунт независимого ума, гордясь тем, что я неотделимая частица коллектива, отказываясь от своей самобытности, нетерпимый, как сектант и фанатик, готовый на всякие жертвы во имя юса большого и юса малого.

1939 г. Осень.

II. О врагах и враждующих между собой близких родственниках

«И напрасно мечтатель роется в золе, в своих старых мечтаниях, ища в этой золе хоть какой-нибудь искорки, чтобы раздуть ее, возобновленным огнем пригреть похолодевшее сердце и воскресить в нем все, что было прежде так мило, что трогало душу, что кипятило кровь, что вызывало слезы из глаз и так роскошно обманывало».

А может быть, не напрасно? Быть может, на этот раз Достоевский неправ? Во всяком случае «обманывало»-то «роскошно», и по одному этому стоит рискнуть на поиски в золе.

* * *

В те дни за границу стекалось великое множество русских беженцев из разных родных палестин: от Чиатур до Петербурга и от Шауляй до Владивостока. На улицах европейских городов замелькали российские кондовые фигуры, овеванные дымом отечества, с манерами, по которым за версту узнают русских. Зазвучали все языки, наречия и говоры многоплеменной страны. Да и как не узнать сразу? Кто еще ходит толпой по мостовым, загромождает тротуары, наступает, без извинения, на ноги прохожим? Кто еще галдят все разом, перебивая и не слушая друг друга? Ну, ясно — русские!

О, мои соотечественники! Я ведь без всякой злобы подшучиваю над вами, смеясь одновременно и над собой. В противовес Гумилеву, я говорю: да, я знаю, я вполне вам пара, я пришел из той же страны. И говорю я о забавном, просто чтобы не плакать. Да к тому же, «без смешного и не бывает в жизни», учил Достоевский. Но круг моих наблюдений не широк.

Почти всецело поле моего зрения занято меньшевиками, что делает картину скучной и одноцветной. Что поделаешь? Я был молод, глуп. Теперь я стар, не скажу, чтобы я сильно поумнел, но подход к людям, но взгляд на жизнь в корне изменились.

И тогда я смутно ощущал правду слов Байрона («Дон Жуан»): «Человек — это феномен неведомый и изумительный, выше всех мер изумления». Но тут же вступала в силу плоская и ограниченная мера вещей: человек-то начинал казаться изумительным лишь тогда, когда и если его симпатии и вкусы, в первую очередь общественно-политические взгляды, вполне совпадали с моими. Вряд ли мы знали, видели и ценили человека как некий многозначимый, многоплановый и сложный мир, как полифоническое единство. Замечались, запоминались, интересовали отдельные черточки его так наз. идеологии, разрозненные ноты его духовной партитуры. Больше того: отсутствовала живая, не головная, не книжно-идейная, а инстинктивная, непосредственная любовь к реальному, вещественному, предметному человеку. Как это сказал Иван Карамазов? «Мне всегда казалось, что именно ближнего-то и нельзя любить, разве что дальнего».

1.

В Женеве я застал целый выводок анархистов, *gaia avis* [редкая птица] внутри России и во всяком случае не встречавшаяся до сих пор на моем пути. Кажется, они так и жили все в одной квартире и неразлучно проводили вместе все время, действуя скопом, как и полагается анархистам-коммунистам. Мал золотник, да дорог. Во всяком случае, этот квинтет или секстет был шумлив, как джаз-банд, и задорен, как стая воробьев. Среди них резко выделялись яркие, колоритные фигуры кавказцев: Церетели, Гогели и европейски знаменитый скандалист Канчели, человек исторический в ноздревском смысле слова.

По своей наивности я раньше полагал, что грузинская среда не знает иных партий, кроме социал-демократов и федералистов. Оказалось, водятся в ней и другие. Гогели и Церетели, бывшие с.-д., очень часто выступали на собраниях, говорили темпераментно, длинно, сильно, будучи, несомненно, первоклассными ораторами и образованными людьми. Маленький, юркий, ядовитый остряк Николай Романов отделялся больше шуточками и замечаниями с места. Бывают же такие роковые совпадения имен и фамилий! Рассказывали, будто он получил лишний год ссылки за то, что расписался на какой-то бумажке охранки: «Прочел с удовольствием. Николай Романов».

Канчели никогда не выступал с речами. Но все его побаивались, так как считали, что он готов ежеминутно аргументировать стулом. А вот Юлий Осипович Мартов, близко познакомившийся с Канчели во вторую свою эмиграцию (1907—1912 гг.), уверял, что Канчели — скромнейший и милейший человек. Жил тогда в Женеве старый нечаевец, анархист, князь Варлаам Черкезов, пламенный ненавистник социал-демократов и персонально Маркса и Энгельса. В ряде книг он неумоимо уличал их в плагиатах, вел по этому поводу свирепую и длительную, как Столетняя война, полемику с Каутским и т. д. Седая шевелюра, горящие глаза фанатика, орлиный нос, гортанный, как клекот птицы, голос, пыл неугасимой и нетронутой веры. Занятный был старик! Многое повидал он на своем веку и немало интересного мог порассказать. Не все в его памфлетах так превратно и уголовно наказуемо, как казалось нам в дни юности. Неосторожный тезис о плагиате наложил табу на работу Ч-ва. Но только узколюбие способно утверждать, что будто бы в них нет материала для изучения генезиса марксистских идей. Мы ведь слепо верили, что наши пророки самопроизвольно родились из ничего или вышли, наподобие Венеры, в готовом, законченном виде из пены морской. А в сущности тот, кто даст себе труд спокойно и внимательно сравнить «Манифест Коммунистической партии» с манифестом Консидерана, должен будет признать справедливость многих замечаний Черкезова.

Много лет спустя после женевских битв я случайно попал на какой-то литературный турнир. Фигура оратора, нервного, почти истеричного, пока-

залась мне знакомой. Я спросил у соседа: «Кто это?». И, о ужас! Да это старый женевец, пылкий Marxisten-Fresser [пожиратель марксистов], анархист Иуда Гроссманн-Рошин. Вспомнились залы кафе на Plain Palais и пр., где он с такой страстью, с такими воплями кликуши, с такой злостью громил государственников-марксистов и социал-демократию. А сейчас, став после октября 1917 г. коммунистом и специалистом по так наз. марксистскому литературо- и искусствоведению, он с тем же эмфазмом [выразительностью] обличал рапповцев, переверзевцев, напостовцев и прочих еретиков — их имена ты, Лета, веси!,— обвиняя их в уклонах и отступлении от генеральной линии партийного правоверия.

* * *

Когда-то Маркс писал о Бакуanine: «Его программа — надерганная отовсюду мешанина... Детские сказки... Чепуха, составленная из кусочков, заимствованных у Прудона, Сен-Симона и т. д. ... В теоретическом отношении он нуль» (письмо к Больте, 1871 г.). К этому резкому, но не вполне справедливому отзыву можно было бы добавить, что с практической точки зрения Бакунин — отрицательная величина. Текли десятилетия, выходили на сцену новые поколения, вставали новые задачи, анархизм же не сделал ни шага вперед ни в каком отношении. Он топтался на месте. Он пользовался на Западе успехом лишь в романских странах. Нельзя объяснить это явление «сознательностью» рабочих других стран, тем, что будто бы немецкий средний рабочий был политически развитее французского. Как раз наоборот!

Анархисты специализировались на беспощадной критике социал-демократии, ее оппортунистических тенденций, ее парламентаризма, ее культа законности и отказа от внепарламентских форм борьбы и т. д. Правда, и тут они беспомощно вертелись в заколдованном кругу, перепевая на все лады доводы Бакунина, Кропоткина и столь популярных у них старых анархистских статей Аксельрода в «Общине». Но долгие годы мирного процветания социализма (он имел ведь тоже свое prosperity [процветание]) доказали, что далеко не все ложь даже в преувеличениях анархизма. Жизнь, особенно наша российская горькая доля, показала, как много правды в их критике государства, этого Левиафана Гоббса, с его всеокрушающей, всеподстригающей и всепоглощающей мощью централизованного бюрократического аппарата, с его неизбежной стандартизацией мышления, чувств, желаний, поступков.

Скажут: «Это не ново!». Да, но тогда мы упираемся в печальную, мертвящую истину Екклезиаста: «Бывает нечто, о чем говорят — смотри, вот это новое. Но оно уже было в веках, бывших до нас». Порочный, безвыходный итог! Что, в самом деле, ново на Земле? Можно понять, почему в 1904 г. мы с такой нетерпимостью относились к нападкам анархистов на с. д.-тию, особенно германскую, почему их страстные выпады встречали en bloc [в целом] не менее страстный отпор с нашей стороны. Дело не в нашей молодости. Помню, как грубая выходка Гогели по адресу покойного В. Либкнехта повлекла за собой драку; как председатель собрания Ф. И. Дан (Гуревич), столь всегда выдержанный, спокойный человек, забыв свои функции, неистово колотил чем-то по столу и кричал так же истошно, как и все мы. Владелец Handwerk'a [название кафе] с перепугу выключил свет, и только случай предотвратил катастрофу. Анархисты, в свою очередь, орали, стучали стульями. Романов и К^о свистели в сирены, а Канчели, подобно юным братьям в «Потопе» Сенкевича, спрашивал у Черкезова: «Отец, бить?». Со стороны казалось, что их очень много, в то время как их была лишь кучка, включая 2—3 томно эпилептических девиц с прическами à la Клео-де-Мерод. Анархистов, наконец, выкинули из зала.

Дело не только в бесплодности анархистской критики при отсутствии серьезной, положительной программы действий. Нельзя же считать налеты на винные лавки, экспроприации у мелких лавочников и даже экономический террор делом. А ведь только этим и занимались анархисты в России. В 1904 г. мы все свои надежды, все свои упования возлагали на массовое

действие, на борьбу пролетариата во главе всех обездоленных. Но классовая борьба, учили нас старшие, может увенчаться успехом лишь в том случае, если класс является организованной, сознательной силой, если им руководит партия. Германская с.-д. казалась всем идеальным типом, образцовой моделью такой партии; у ней учились, ей подражали все страны. Голая дискредитация 2-го Интернационала анархистами в случае ее успеха лишь разлагала бы рабочее и социалистическое движение, ничем не возмещающая потери и убытки. Это представлялось нам покушением с негодными средствами и вызывало бурное негодование.

Что касается ошибок и промахов европейского социализма, о чем избегали тогда говорить громко (ругать разрешалось лишь бернштейнцев и прочих извергов), то мы твердо верили в свою, русскую непогрешимость и были вполне убеждены, что вся с.-д.-тия, «когда потребует поэта к священной жертве Аполлон», стряхнет с себя «заботы суетного света» и поведет массы в последний и решительный бой. Вот почему, стоя в зале Handwerk'a и слушая оппонентов на докладе Г. В. Плеханова, я готов был драться до крови за двуперстие, как суриковская боярыня Морозова. Я еще не предвидел, да и никто не предвидел, грядущих событий, в частности того, во что может вылиться с.-д. движение, когда партия станет у власти, осуществив так наз. диктатуру пролетариата. Никто не думал и о том, что, когда начнется критический пересмотр легенд о германской с.-д.-тии, аргументация ее ультралевых противников будет, как две капли воды, тождественна с анархистской. *Nabent sua fata* [имеют свою судьбу] идейные расхождения!

2.

Встретил я как-то на улице знакомых мне по Красноярску Надежду Осиповну Коган-Бернштейн с сыном Митей. Обрадовался я, разлетелся к ним, но они обошлись со мной так холодно и сухо, что никакой охоты к дальнейшему общению у меня возникнуть не могло. Это было показательно! Н. О. Коган-Бернштейн, жена казненного в 1889 г. народовольца Л. М. Когана-Бернштейна, до конца дней оставалась в обаянии и власти тех настроений и идей, которые ее муж принес к своему эшафоту. В преклонении перед подвигом отца и его революционной страстью растила она сына, одно время посещавшего мой кружок учащейся молодежи в Красноярске. Народовольческая закваска была в нем так сильна, что достаточно было нескольких месяцев пребывания в кругу с.-р. эмиграции, чтобы вытравить все следы марксистской инфекции, если я даже и успел перенести ее на Митю. Но и не только это политическое разномыслие положило непреходящую пропасть между нами. Отношения между нами и с.-р. за границей обострились до крайности, поскольку об этом позволяли судить печатный обмен любезностями и порой непечатные скандалы на собраниях. Потому что много общения у нас с ними не было. Атмосфера была отравлена той бестактной и неслышанно грубой (неслышанной даже и для российских литераторов!) полемикой с с.-р., которую вела в 1902—1903 (и в позднейших) годах «Искра».

Я могу только с поздним и бесполезным раскаянием пожалеть об этом отчуждении. Оно не позволило мне познакомиться и сблизиться со старым поколением, обломками активного народовольчества. Это была сплошная живая хронология, летопись русского революционного движения 70—80-х годов. В Женеве жили или временно находились О. Минор, М. Р. Гоц, Л. Шишко, Е. К. Брешковская, Волховский, Е. Е. Серебряков, М. Натансон; в Париже — Рубанович, Н. Е. Кудрин-Русанов и др. Это были друзья и единомышленники тех последних могикан народовольческой эпохи, с которыми я встретился и подружился в Сибири. И вот путь к братьям по духу и судьбе был для меня закрыт, потому что, повторяю, вражда, извечно разделявшая марксистов и народников, доведена была до предельного накала безмерно грубыми статьями «Искры», особенно по поводу Балмашова.

Резкость и чрезмерную заостренность полемики отнюдь нельзя

объяснить только дурным литературным вкусом сотрудииков (и читателей) «Искры» и «Революционной России». Важнее другое. Реставрация в чистом виде народофильской идеологии и политической линии в начале XX в., в эпоху развернутого массового движения на Западе и в России, была бы бесплодной, мертвой утопией. Только В. Л. Бурцев мог, как дятел, долбить: царубийство, царубийство! Понадобились поправки, дополнения, прирезки, и в итоге склеили широкую, на все вкусы, неопределенно смутную программу. В этом своеобразном идеологическом Мюр-Мерилизе [название универсального магазина] было все: террор и социализация земли, референдум и всеобщая стачка, демократическая революция («а не буржуазная, как у вас!») и уравнильное землепользование. Все неуловимо широко и многообразно.

Размежевка с с.-р. была крайне трудна. Мы являлись соперниками в деле влияния на очень важную тогда революционную силу, на так наз. разночинную интеллигенцию. И большой вопрос, кто ей больше был по сердцу: мы или они! За с.-р. стояла могучая традиция, пустившая глубокие корни, ведшая еще к Герцену (а, может быть, и дальше), связанная с делами и мыслями наших предшественников, борцов 60—80-х годов. И хотя, казалось нам, русский марксизм вышел с честью из тяжбы с эпигонами народничества, изжить настроения, неизбежно порождаемые социально-политической обстановкой аграрной страны, было весьма и весьма сложно. Надо было ожидать, что настроения эти станут оживать по мере пробуждения к политической жизни и борьбе крестьянства. Так это и случилось. Насколько прочно выелось с.-р.-ство в русскую почву, показал 1917 г. и особенно последующие десятилетия (а не буржуазная) революция, и социализация земли, и союз пролетариата и крестьянства, и многие другие понятия, казавшиеся, в мое время, жупелами, которыми пугали социал-демократических ребят.

Забегая несколько вперед, отмечу, что серьезные трудности ожидали нас на практике и на работе в пролетарской среде хотя бы уже потому, что громадные слои рабочего класса были еще прочно связаны с деревней, и крестьянская их психология давала себя знать на каждом шагу.

* * *

Пророком, главой, записным оратором, первой скрипкой (чуть не сказал: первым любовником и лирическим тенором!) считался и держался В. М. Чернов. Моя глубочайшая антипатия к этому человеку, свято и свежо хранимая и ныне, датируется теми днями. Он был частым гостем на разных женеvских собраниях; но кто, кроме ослепленных с.-р., мог, послушав его однажды, захотеть добровольно повторить это удовольствие. 1914—1917 гг. сокрушили десятки репутаций. Кого только не развенчали суровые испытания военных и революционных лет. Но на конкурсе разбитых кумиров и свергнутых божков В. М. Чернов мог бы смело претендовать на одну из высших наград.

Искровские статьи против с.-р. не кажутся мне, да и тогда не всегда казались, верхом остроумия и находчивости. Но вот вспомнишь манерничанье и ужимки Чернова в его писаниях, всплывет в памяти его фигура на трибуне, представишь себе этот стиль былинного «ой, ты, гой еси, добрый молодец», слезы в голосе и пр., и начинает казаться, что «Искра»-то была отчасти права в своем грубо реалистическом письме. Однажды и я не вытерпел. В 1904 г. в Якутске разыгралась известная романовская драма. Мне сдается и поныне, что часть колонии — с.-р.-ы — вела себя в этом случае весьма неблагоприятно. Мало того, что она саботировала протест, помешав ему стать общим и дружным выступлением всей ссылки. В «Р. Р.» [«Революционная Россия»] стали появляться корреспонденции из Сибири и заметки редакции, сугубо бестактные, потому что в них явно отмежевывались от романовцев, явно осуждали их, и это в тот момент, когда им грозил военный суд и они сидели в тюрьме.

Я вскипел и написал для «Искры» статейку за подписью «Бывший

ссылный», где, сделав ряд замечаний и поправок фактического порядка, дал в конце волю своему негодованию. Плеханов одобрил мое изделие и поместил его в «Искре». «Р. Р.» немедленно откликнулась и, как все, пойманные на месте преступления, откликнулась в лицемерно незлобивом и елейно ханжеском тоне. Он-то и придавал нестерпимый аромат литературным упражнениям В. М. Чернова и consortes [сопричастных]. Разумеется, в 1904 г. я ни за что не согласился бы причислить с.-р. хотя бы к отдаленным нашим родственникам, и никакие генеалогические изыскания, как бы ни были они достоверны, не смогли бы убедить нас в нашей единокровности. Понадобились десятилетия практического тяжелого опыта, чтобы эта истина стала самоочевидной.

3.

Не без опаски берусь за заметки о «братьях», пусть, по слову Плеханова, враждующих между собой, но, без всякого сомнения, родных братьях. Так казалось в 1903, 1904 годах. Тридцать лет назад никто не решился бы доказывать, что меньшевики и большевики — всего лишь однофамильцы. Братья могут быть и бывают большими друзьями. Но нет других таких злейших врагов, как поссорившиеся всерьез братья (или бывшие друзья). Никто так не предает и не выдает своих, как свои же близкие. Но десятилетия легли между моими вчера и сегодня! Нет личного раздражения, обычно сопутствующего у русских. Идеино-политические разноречия? Можно как будто подойти к прошлому спокойно, хотя так и не сошлись наши пути!

* * *

Женевская ленинская гвардия ныне в своем подавляющем большинстве уже сошла с исторической сцены. Значительная часть ее, начиная с ее создателя, бессменного вождя и вдохновителя В. И. Ленина, спит вечным сном. Остальные коротают свои дни в т. н. Обществе старых большевиков или Обществе политкаторжан ¹, где их число тает изо дня в день.

На II съезде и непосредственно после раскола вокруг Ленина оседает группа, включающая некоторых из его соратников по петербургскому «Союзу борьбы» (Г. М. Кржижановский, Ф. В. Ленгник) и из искровцев-практиков, например П. Н. Лепешинский, Н. Э. Бауман, М. М. Валлах-Литвинов, чье имя ныне известно всему миру; М. Н. Лядов, придворный историограф партии, один из старейших и глупейших ее членов; О. Тарсис-Пятницкий, впоследствии один из виднейших деятелей Коминтерна ²; супруги В. М. и В. Д. Донч-Бруевич; В. А. Носков (Глебов), едва ли, наравне с И. И. Радченко, не крупнейший представитель искровства в его классическом стиле, член ЦК по выборам на II съезде (покончил с собой в 1913 г.); Б. М. Кнунянц-Рубен (умер в Бакинской тюрьме в 1911 г.), активный участник бакинского с.-д. движения и Петербургского Совета рабочих депутатов 1905 г., и некоторые другие.

Ни Каменева, ни Зиновьева тогда на с.-д. горизонте совсем еще не наблюдалось. Сталина не знали за пределами Кавказа до конца 1905 г., когда он впервые появился на общерусском с.-д. небосклоне (а одно из первых мест в рядах большевистских руководителей он занимает не ранее 1911—1912 гг.). Указанные выше лица (преимущественно покойники) могут почитаться пионерами, зачинателями нынешней компартии. Но не все они, конечно, внесли по равному паю в большевистский начальный организационный капитал. Были и другие, позже примкнувшие, имена коих впоследствии приобрели всероссийскую, а порой и мировую известность.

* * *

Первоначальную принципиальную литературно-теоретическую борьбу Ленин вынес один на своих плечах. Политические и идейные основы большевизма продуманы, разработаны и обоснованы именно Лениным, а вклады остальных публицистов и теоретиков фракции так малы, что их без

большой ошибки можно скинуть со счетов. И компартия (не только русская) вправе применить здесь парафразу слов, сказанных о Лассале: «У подножья Кремля покоится тот, кто сковал нам мечи». Разумеется, к Ленину эта метафора применима, пожалуй, с большим основанием, чем бреславльская эпитафия к Лассалю.

Ни для кого не тайна это исключительное значение Ленина для его партии. Тут он монополист, безраздельный, всевластный, общепризнанный. Даже наиболее талантливые литераторы фракции (и компартии) либо популяризируют ленинские мотивы, либо, в лучшем случае, под его указку, как способные ученики, разрабатывают частности, детали доктрины или тактики. 32 тома сочинений и писем Ленина плюс несколько десятков томов «Сборников», где с такой тщательностью и пиететом собраны все строки учителя, все его черновые, так сказать, лабораторные наброски, заметки, конспекты, случайные записи и т. п. — это подлинная многотомная Большая энциклопедия большевизма (*La Grande Encyclopédie de bolchévisme*), откуда вот уже два десятка лет черпают свою премудрость лауреаты, академики, профессора, доценты, журналисты, беллетристы, даже поэтессы, не говоря уже о партсекретарях всех степеней и рангов. Ибо нет Бога кроме Бога. Для сторонников — по убеждению или по долгу службы — собранное вместе литературное наследие Ленина является именно тем, чем была великая Французская энциклопедия Дидро и д'Аламбера для европейской интеллигенции второй половины XVIII века.

Подобное отношение может показаться со стороны противоестественным, деланным, неискренним. Да так это и есть в тех случаях, когда цитатами из Ленина пользуются лишь как путевкой в жизнь, средством для личной карьеры, что бывает теперь очень нередко. Но для тех, кто искренно стоит на почве данного мирозерцания, кто не выходит за пределы данного мироучения, для тех нет ничего непонятного и удивительного в этом культе пророка и его учения. Ленин всегда сам претендовал на миссию создателя особого ордена, со своим особым *credo* [верую], особым ритуалом и т. д. Его последователи так себя и ощущают членами единой, ортодоксальной, католической церкви, только называется она компартией. Я лично не знаю другого примера такого сочетания идейного и персонального влияния, как в случае с Лениным. Огромно влияние Маркса, недаром он источник новой религии — марксизма. Но непосредственная сфера его личного воздействия была ограничена во времени и пространстве.

Громадное значение Плеханова в истории русского марксизма и русской с.-д.-тии. Но роль его, до объема и сила его действия на общественное мнение несравнимы с ленинскими. То же и с Каутским, авторитет которого некогда был непрерываем и многовесом. Сейчас принято не только третиловать Каутского как «мертвую собаку» (в *pendant* [на пару] к обритуванию Менделсона со Спинозой), но и отрицать самый факт его популярности. Но люди старого поколения прекрасно помнят, что в течение ряда десятилетий Каутский после смерти Энгельса был неоспоримым учителем и оракулом для всего международного социализма и особенно для российской его ветви. Нигде его так усердно не переводили (даже тогда, когда он стал «ренегатом Каутским»), как у нас; нигде его с таким благоговением не читали и не чтити, как в России, гораздо, несомненно больше, чем в самой Германии, не говоря уже о Франции или Англии. Мы ведь всегда готовы были распространяться в прахе перед изделиями с маркой «*made in Eugore*» [сделано в Европе] и уж тем паче «*made in Germany*» [сделано в Германии]. Это от вековечного, — вероятно, с татарских времен, — ощущения своей неполноценности, из давней, усиливавшейся из века в век, привычки к ученичеству.

И не только в области политической мысли. Один норвежский писатель узнав, что в России два издательства («Фиорды» и «Северные сборники») наперебой переводят и выпускают скандинавских романистов и новеллистов, заметил с удивлением: «Зачем стране, давшей миру Достоевского и Толстого, наши ученические работы?». Но «как можно-с!», говорит Видоплясов у Достоевского, «помилуйте, как можно-с! Аделаида — имя об-

лагороженное, иностранное-с!, Аграфена — неприличное», и с умилением предлагает барину галстук «аделаидина цвета». Да, неприлично было бы даже подумать, что наша Аграфена не только очень и очень постоит за себя, но и даст много очков вперед Аделаиде.

Был и марксизм аделаидина цвета. Плеханов давно уже начал борьбу с ним, «облагороженным-с», «иностранным-с» марксизмом, и сколько крови истратил он отечественным и европейским Видоплясовым в годы войны, с Бернштейном, К. Шмидтом и т. п. Можно по-разному относиться к делу жизни Ленина. Но и тот, кто далек от признания марксизма-ленинизма путеводной звездой и мироучением, кто ценит в нем лишь отдельные элементы, годные в качестве условной, рабочей гипотезы при изучении хода исторического развития и общественных отношений, и тот согласится, что никто не сделал столько для торжества так наз. революционного социализма (коммунизма), как В. И. Ленин.

К сожалению, как я уже сказал, мне не пришлось познакомиться с Лениным в Женеве. Если бы я не был с первых же часов пребывания здесь заражен фракционным зудом, случаев для встреч и бесед с Лениным представлялось немало. Я их прозевал, наказав этим самого себя, потому что в дальнейшем знакомство состоялось, но было весьма мимолетным, затем стало невозможным, особенно после Октября. Меньшевики и большевики неизбежно оказались на разных сторонах баррикад.

Мыслимо ли, однако, представить себе личные, более или менее близкие, не говоря уже о дружеских, отношения с Лениным, не будучи (а, возможно, и будучи!) его стопроцентным единомышленником, всецело покорным его воле? Были ли у этого человека друзья? Добрые знакомые? Приятели? Так просто, по-человечески, по-житейски, если хотите, по-обывательски, связанные с ним не высокими интересами большой политики и мировых проблем? Сомневаюсь. Мемуаристы явно и сознательно создавали из Ленина, его жизни и облика легенду подобно тому, как всегда ее творили в отношении всех крупных религиозных, политических и социальных реформаторов. Легендой окружено ныне даже детство Ленина, и это мифотворчество логически завершено мавзолеем, чего мир не видел со времен Египта. Вот почему мы никогда не узнаем правды о Ленине-человеке. Даже Крупская, его ближайший друг и, так сказать, материально самый тесно и интимно с ним связанный товарищ, не сумела, или — что вероятнее — не захотела и не смогла рассказать нам о Ленине просто, без мифологии иконописи. Нечего и говорить о том, что все прочие мемуаристы, русские и иностранные, вспоминают о Ленине противостественным басом.

В описываемое время ленинская легенда еще только зарождалась. Молодые практики искровского этапа с.-д. партии хорошо знали это имя и те псевдонимы (Ильин, Тулин), которыми прикрыл себя от политической полиции В. И. Ульянов, чья фамилия и адрес значились на номерах зарубежной «Искры». Не всем удалось прочесть гектографированные «Друзья народа», но многие читали «Развитие капитализма» и пр., и вряд ли нашелся бы десяток лиц, незнакомых с «Что делать?» и статьями Ленина в «Искре». Он жил в Женеве крайне замкнуто; много, как всегда, работал, писал «Шаг вперед...», учил женевских единомышленников уму-разуму, руководил деятельностью своих друзей в России. Не думаю, чтобы доступ в круг Ленина был широко открыт. Во всяком случае, редкий из моих сверстников, столь же оостеневших во фракционном изуверстве, как я, переступал через порог клуба ленинцев.

Отчасти все же свое поведение я отношу на счет своей застенчивости и самолюбия. Как это я вдруг к нему заявлюсь? Безвестный юноша, какой-то ничем не проявивший себя Гродецкий, один из сотен. Помню: в юности я гостил в Петербурге у своего дяди А. И. Иванчина-Писарева, одного из редакторов журнала «Русское богатство». Ежедневно здесь собирались ближайшие сотрудники во главе с Н. К. Михайловским. Я встретился с рядом известных всей тогдашней интеллигентской России писателей, как В. Г. Короленко, П. Ф. Якубович-Мельшин,

С. Е. Елпатьевский, А. Г. Горнфельд, Н. Ф. Анненский, В. В. Лосевич и др. И все они приветливо обошлись со мной, охотно беседовали, расспрашивали о моих планах, чтении и т. д. А Михайловский за все встречи только и удосужился задать мне нелепый и пустой вопрос: «Ну, что, молодой человек, как Вам понравился Петербург?». Легко можно себе представить негодование и досаду 18-летнего юноши, втайне готовившегося к беседе и спору с Михайловским и вдруг получившего такой ледяной душ. Долго горела у меня обида на шефа легального народничества!..

Пожалуй, можно было и не ожидать такого же афронта от Ленина или Плеханова («А как, юноша, Вам показался Salève?»). Знакомство с Лениным состоялось лишь в 1906 г., на пути из Гааги в Стокгольм, на пароходе, везшем часть делегатов так наз. Объединительного съезда с.-д. партии.

4.

Ближайшим, если не первым по времени, помощником Ленина по литературной работе стал Михаил Степанович Александров-Ольминский (он же Галерка, Витимский и пр.). Читатели легального журнала «Образование» знали Ольминского по его длинно протяженным и сереньким статьям о Щедрина, к которому он питал особое пристрастие, что, впрочем, по революционному чину полагалось всем радикально мыслящим и просвещенным людям. Ольминский еще в «Крестах», отбывая срок тюремного заключения, начал работу над словарем Щедрина, первым опытом вообще такого словаря в русской литературе. Словарь этот вышел на свет Божий лишь при советской власти. Какова цена этому произведению, сказать не берусь, потому что не читал его.

К социал-демократии Ольминский пришел от народовольческого эпитонства начала 90-х годов XIX века. Отбыв крепость (в «Крестах») и якутскую ссылку, О. приехал в 1904 г. в Женеву и сразу примкнул к большевикам, получившим в его лице некоторую второстепенную, вспомогательную, но все же вполне грамотную литературную силу. Он был соредктором и деятельным сотрудником зарубежных «Вперед» и «Пролетария». Но кажется, что в особенности многим обязана ему большевистская легальная печать 1911—1914 гг. («Звезда», «Правда») как бойкому работоспособному журналисту, хотя и «плохому», по признанию самого Ленина, политику.

Не боги горшки обжигают! Надо прямо сказать, что в период 1907—1917 гг. социал-демократическую печать в России делали не боги, а рядовые, зачастую безымянные литераторы-партийцы. Вопреки современной легенде, удельный вес ленинского (а тем паче сталинского) вклада в материал, публиковавшийся в газетах тех лет, был незначителен по сравнению со вкладом того же Ольминского или К. С. Еремеева и прочих малоизвестных, а то и вовсе неизвестных публицистов (аналогична картина и у меньшевиков). (Примечание для недалеких критиков: я говорю о количественной стороне. Само собой понятно, что политическая значимость статей Ленина настолько велика, что никакого сопоставления здесь быть не может).

Ольминский дебютировал в Женеве памфлетом против меньшевиков за подписью Галерка; содержания и даже названия этого изделия я, простите, не помню. Но шум, поднятый им в Женеве, мне хорошо памятен. Старики негодовали. Как! — говорили они, — этот вчерашний народоволец, никогда не живший исканиями и болями с.-д. партии, сегодня, после стольких лет оторванности от движения, берется судить и рядить о чужих делах, осмеливается поучать, да еще в столь неуважительном тоне, Плеханова, Аксельрода, Мартова! Вслед за старшими возмущались и мы: denn die Jungen pissen, wo die Alten pfeifen! [ибо юноши писают там, где старцы свистят].

Сомнительно, чтобы Ольминскому следовало так, с бухты-баряхты, вязываться в борьбу Алой и Белой роз. Вряд ли он слишком хорошо разбирался в существовании разногласий и споров, если это существо и мотивы боевых схваток долго еще оставались неясными даже главарям фракций. Писал он с чужого голоса, видел лишь поверхностные, вторичные моменты и детали. Но забавно и высокомерие ересиархов нашей церкви! Выходило

так, что право на суждение и критику дано только природным, по рюриковой линии, наследственным пэрам с.-д.-тии. Мы, молодые, считали, что «царская и в нас струится кровь», применяя выражение поэта К. Р., и что только мы являемся правопреемниками стариков, будучи облучены некоей благодатью в порядке рукоположения. Как бы то ни было, имя Ольминского стало настолько одиозным в наших глазах, что, когда через несколько лет мы, бывшие женевцы, встретились с ним в Баку, густая тень давней неприязни продолжала мешать сближению, которого так и не произошло. Мне, кроме того, скучно было, когда он начинал говорить о литературных произведениях, о писателях тех дней, как Леонид Андреев, Арцыбашев, Сергеев-Ценский, не говоря уже о Блоке, Белом, Брюсове и др. Примитивизм его суждений, крайняя нечуткость в восприятии художественных приемов, стилевых особенностей и нюансов при типично просветительском понимании роли и значения искусства и литературы — все это окончательно закрепило наше отчуждение.

Ольминский умер. Никто не знает, как оценил Великий Тойон лепту, принесенную им в мир. Но что мне трудно забыть, так это ту печальной памяти невиданную в радикальных кругах и в научной историографии позицию, которую Ольминский занял в 1925 г., выступая против чествования декабристского восстания на Сенатской площади. В данном случае он даже не мог бы хвастнуть à la гоголевский судья, что он «своим умом дошел». Потому что шел он именно по избитой, до него проложенной реакционерами, дорожке.

5.

«Вы слышали? — спросил как-то меня один из приятелей. — Богданов приехал». По Женеве пошли сказанья, явно апокрифические, будто бы Богданов посетил Г. В. Плеханова в целях совместного изыскания модуса мирного сожительства фракций, но Плеханов-де отклонил это честное маклерство, разойдясь с Богдановым в вопросе о «вещи в себе» (*Ding an sich*) и мире как «социально-организованном и социально-гармонизированном опыте». Примирение не состоялось. Косвенным подтверждением правильности этих слухов явилась брошюрка Богданова против меньшевиков за подписью «Рядовой» (сколько ехидства было в этом quasi-скромном псевдониме!). Памфлетный тон этого сочиненьца вызвал не менее сильное негодование, чем писания Галерки.

Очевидно, в связи с этим переходом Богданова и его друзей *avec ses armes et bagages* [со своим оружием и багажом] в лагерь ленинцев Л. И. Аксельрод-Ортодокс и опубликовала тогда в «Искре» большую статью, жестко критиковавшую философские взгляды Богданова. Этим первым выстрелом открыта была затяжная Столетняя война «воинствующего материализма» (*Materialismus militans*) с «замаскированным субъективным идеализмом», с махизмом и прочими нехорошими вероотступническими течениями. Глубоко штатский писатель, я не войду здесь в существо споров этих двух ратоборствующих церквей. В качестве же мемуариста считаю своим долгом засвидетельствовать, что боевая статья Ортодокс была встречена в 1904 г. с недоумением со стороны подавляющего большинства читателей, в том числе и единомышленников Л. И. Аксельрод. Опубликование статьи расценивали и толковали как скрытый политический удар («значит, действительно не договорились»).

Допустим, что виною этого является постыдное невежество 99% социал-демократов в области философии. Но факт остается фактом: тогдашние широкие партийные кадры не улавливали в книгах Богданова тех грехопадений и отступлений от канона, которые якобы были ясны изошренному, наметанному глазу Аксельрод-Ортодокс. Не улавливал их и Ленин. И не только не улавливал, но и почитал Богданова правоверным марксистом, и в такой мере, что даже предполагал, что Богданов — это псевдоним Плеханова³. Это лишь впоследствии, судя по переписке, Ленин стал сомневаться в правоверии Богданова. Эти сомнения росли и крепили, превратившись в дальнейшем в твердое убеждение, плодом коего стала работа

Ленина «Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии». Но в 1904 г. Богданов и его группа были слишком ценными сотрудниками в борьбе против опасности меньшевизма, и можно было закрыть глаза на некоторые промахи богдановской незрелой философской мысли.

* * *

Легко представить теперь смущение, внесенное статьей Ортодокс! Богданов — сотрудник уважаемых марксистских журналов, Богданов — всем известный автор книги по политической экономии, которую еще недавно печатно расхвалил Ленин... И вдруг такой пассаж! Насколько плохо разбиралась публика (и я в том числе) в этих сложных вопросах, явствует из того, что ничье недреманое око не обратило внимания на большую отдаленность от материализма одного сборника, где и заглавие многозначительно: «Очерки реалистического мирозерцания». Оно — это заглавие — не уловка в целях введения в заблуждение цензуры, это принципиальное заглавие. Группа социал-демократов не-материалистов выступала со своим коллективным манифестом в виде *in octavo* [форматом в одну восьмую].

И вот никто не объявил тогда авторов сборника высланными за пределы марксизма и с.-д.-тии, никто не заявил, что исповедание неопозитивизма несовместимо с пребыванием в рядах РСДРП. Очевидно, опасность такого философского умонаклонения (разных «измов») сочли нужным заметить только тогда, когда определились политическое лицо группы, возглавленной Богдановым. В первый раз это «заметила» в 1904 г. Ортодокс, когда Б-в примкнул к большевикам, второй раз — Ленин в 1908—1909 гг., когда Богданов разрывал с большевиками.

А ведь особый, богдановский душок был явственен внимательному, вдумчивому читателю уже при чтении одной из ранних работ Б-ва (упомянутого выше «Исторического взгляда на природу»). Больше того, в первой же, получившей широкое распространение, книге Б-ва, в «Кратком курсе экономической науки», перед нами исследователь, очень сомнительный в отношении чистоты и выдержанности ортодоксии. На природу-то он рекомендует смотреть исторически, а вот у стоимости, по его определению, как раз общественно-исторического характера и нет. Она — «количество трудовой энергии, необходимое для производства определенного продукта». Верно это или нет, но это физиологическое определение, натуралистическая, а не общественно-экономическая точка зрения. Такой же вид имело и учение об абстрактном труде и мн. др. И все же, повторяю, «Курс» удостоился самой высокой оценки в рецензии Ленина.

Не будучи в состоянии самостоятельно разобраться в вопросе, партийное мнение разбилось по фракциям: веровавшие в так наз. новую «Искру» и в Ортодокс отрунули Богданова и его ересь; поскольку же он вошел в большевистскую фракцию, она взяла его под особое покровительство. Появись статья Ортодокс до раскола, все искровство осудило бы единогласно «богдановщину». Когда «года минули, страсти улеглись» (по крайней мере, у меня), к гробу Малиновского-Богданова в 1928 г. пришли не только ближайшие друзья и единомышленники, но и вчерашние антагонисты, идейные враги. Пришли не по долгу службы и не во имя соблюдения декорума (как, например, на похоронах В. Н. Фигнер), но в знак искреннего уважения к большой, преждевременной погашенной интеллектуальной силе. Вместе с тем это прощание с прошлым явилось последней манифестацией подобного «объективистского», «некритического» чествования мыслителя, отщепенца и еретика, не считавшегося ни с какими авторитетами.

* * *

Я не обмолвился, сказав о богдановской группе. Таковая, несомненно, существовала. Богданов принадлежал к тому поколению или кругу марксистов и с.-д.-тов, преимущественно москвичей, которые вышли на полити-

ческую или литературную арену примерно во второй половине 90-х годов. По возрасту это наши старшие братья. В этом кружке (в составе которого значились, например, И. И. Скворцов-Степанов, В. А. Руднев-Базаров, В. Л. Шанцер, В. Г. Громан, В. М. Шулятиков, В. М. Фриче, Б. В. Авиллов, С. А. Суворов и др.), в этом пестром соцветии Богданову принадлежало по праву если не первое, то во всяком случае одно из первых мест. Широко, всесторонне образованный человек, естественник и врач, он обладал даром самостоятельной творческой мысли. Новые люди знают его лишь по кривому зеркалу, по карикатурам Плеханова и Ленина. А между тем, говоря по совести, он оставил заметный след на всех дисциплинах, в области которых он работал. Взять хотя бы его «Краткий курс экономической науки», составившийся из лекций, читанных им в нелегальных кружках тульским рабочим. Сколько изданий выдержала эта работа, ставшая настольной книгой у интеллигентской молодежи 90-х — 900-х гг., интересовавшейся хитрой механикой социально-экономических отношений.

Б-в был чуть ли не единственным в России марксистом, попытавшимся подвести под марксизм иную философскую базу, чем та, на которой покоится казенная, официальная доктрина. Такой целостной, всеобъемлющей, связанной философской и историко-социологической интерпретации так наз. революционного, научного социализма без материалистического фундамента европейская социалистическая мысль тогда еще не знала. Я готов признать, что попытка кончилась крахом и что Б-в развелся с марксизмом. Это в моих глазах еще не преступление. Я ценю его поиски цельного мирозерцания, его отказ от трафаретных путей, рожденный возникшим у него сомнением в истинах философского материализма Маркса — Энгельса и их русского последователя Г. В. Плеханова.

6.

Одним из виднейших членов этой группы и, в скобках, горячим поклонником Богданова являлся А. В. Луначарский (партийный псевдоним тех лет — Воинов). Кстати, он был женат на сестре Б-ва и подписывал свои стихотворные шалости нежным прозвищем «Анютин». Луначарский сам печатно выразил в одной из рецензий свой восторг, я сказал бы, преклонение перед Богдановым и в столь преувеличенно почтительных выражениях, что и Гете с Лейбницем лестно было бы. Луначарский, вне сомнения, весьма поверхностный, но и очень одаренный человек. Внешние его данные богаче богдановских: он превосходный оратор, хороший стилист, прекрасный *causeur* [собеседник], тогда как Б-в писал и говорил темно, вяло, с натугой, словно переводил по подстрочнику с голландского. Луначарский — находчивый, остроумный полемист, умевший находить слабые стороны противника. Споры Богданова с Плехановым показали, что таких качеств у первого не было: будучи прав по существу, он все же проигрывал турниры как раз в силу своего тяжелого веса, своей неуклюжести и ненаходчивости.

Если не ошибаюсь, уже в начале 900-х годов Луначарский пользовался некоторой популярностью в среде социалистической интеллигенции как литературный критик и публицист. Статьи его в «Образовании», в сборниках и пр. (против Бердяева, «Проблемы идеализма» и т. п.) свидетельствовали во всяком случае о бойкости пера и литературном даровании автора. Кто захотел бы судить о Луначарском по его послереволюционным работам, тот вряд ли согласится с мнением о его талантливости. Но это не так. Почти все его писания последних лет — халтура, т. е. все они сделаны наспех, небрежно, на ходу, посреди десятка других занятий. Таковы, например, его большие статьи в БСЭ на литературные и очень ответственные темы: о Достоевском, о Горьком и пр. Это всего лишь фельетоны, растянутые, пухло водянистые, типа *Festreden* [праздничные речи] на юбилеях, при встречах на вокзале или на приемах в ВОКС'е. В них нет ни серьезного анализа, ни философско-критического освещения, ни формально стилистической оценки. Второсортная публицистика в духе худших традиций 60-х годов. Но начинал Луначарский свою карьеру значительно ярче и содержательнее.

Псевдоним Воинов он выбрал удачно. Богданов уехал в Россию, Луначарский остался за границей и бросился в прю с меньшевиками, летая по колониям с рефератами. Его появление значительно усилило фракцию и несколько разгрузило Ленина. В спорах и в полемических статьях пригодились уменье Луначарского живо и выпукло излагать даже и сложные вопросы. Что политически он был только рупором Ленина, это было как раз кстати, и было полезно. Что в отношении мировоззрения он прямой *porte-parole* [популяризатор] Богданова, это никого смущать не могло: раз в его учителя еще не видели отпетого врага, то кто почел бы за *casus belli* [повод к войне] срывы ученика?

А они были! Луначарский принадлежал к числу очень чутких, очень умственно живых, подвижных людей; именно косности, сухости, инертности и не переваривал его интеллект. Но, к несчастью, имелось и другое: чрезмерная восприимчивость, податливость всем новым влияниям и настроениям. Некрасов когда-то характеризовал такой тип мышления в известных строках: «Что ему книга последняя скажет, то на душе его сверху и ляжет». В отношении к Луначарскому это несколько резковато, но близко к истине. Авенариус, Маркс, Мах, Гегель, итальянско-французские теоретики синдикализма (Артур Лабриола и Ж. Сорель), Богданов, Б. Кроче, Гольцапфель, не говоря уже о классиках философии и художественной литературы и искусствознания, — десятки больших и совсем небольших писателей и мыслителей хоть частично, но влияли на него, держа вплоть до почти последних дней в состоянии брожения и неуточивого равновесия. Мне думается, что это и составляет наиболее привлекательную и ценную черту в Луначарском: он долго не переходил в многочисленный разряд духовно сытых людей. Им он сделался потом, и сразу потерял «лица необщее выражень».

На примере Луначарского легко проверить один бесспорный железный закон: каждая попытка самостоятельного мышления (в любой области) — а когда-то это свойство высоко ценилось в интеллигентских кругах! — каждая такая попытка вела к разрыву с Лениным всякого смельчака, рискнувшего на такой опрометчивый шаг. Так было с Богдановым. Так было с Шанцером-Маратом. То же случилось и с Луначарским, этим «блаженным Анатолием», по ядовитой шутке Плеханова, погрязшим в дебрях синдикализма, богоискательства, эстетизма и разного философского лжемудрия. Вплоть до 1917 г. он находился не только в эмиграции в буквальном смысле слова, но и, если так можно выразиться, в идейной эмиграции из большевизма! Он вернулся в отчий дом, как это сделали и другие (вроде М. Н. Покровского), и занимал высокие посты, и выполнял ответственные поручения партии, и стал ортодоксом, никогда, если верить его печатному слову, не порывавшим с ленинским правоверием. Но верить ему нельзя; особенно не поверит ему тот, кто знает его прошлое, его деятельность в течение десятилетий.

Мне пришлось в течение почти двух лет часто встречаться с ним в те годы, когда он был редактором отдела литературы, искусства и языка БСЭ, а я состоял его помощником. Могу засвидетельствовать, что в качестве редактора Луначарский отличался чрезвычайной деликатностью, терпимостью, уважением к чужому мнению. Широта его интересов, большая эрудиция и тонкий вкус сказывались самым благоприятным образом на трудной работе редактирования огромного, почти безбрежного материала моего отдела. Надо признать также, что даже в вопросах специальных, далеких от предмета его непосредственных занятий, он всегда мог сделать дельное замечание, подать хороший совет, и все это осторожно, бережно, умно.

Мелькают, как в тумане, другие лица. И скольких из них нет уже в живых, и я невольно начинаю ощущать себя кем-то вроде регистратора из бюро похоронных процессий. Вот милый приятель по Красноярской тюрьме 1903 г. нижегородец Володя Лубоцкий. Это он прикрыл своим телом анархистскую бомбу в Леонтьевском переулке в 1919 г., погиб сам, но спас немало жизней. Он звался в Женеве Загорским (и его псевдонимом назвали почему-то город Сергиев с его всемирно известной лаврой). Вот

В. А. Носков (Глебов), участник ранних с.-д. кружков и Северного (с.-д.) союза, член О. К. по созыву II съезда и ЦК по выбору последнего, крупный практик 90—900-х годов. Но не в добрый час попал он в ЦК! Очутившись, по возвращении в Россию, в полном одиночестве (Кржижановский немедленно отошел от партийной работы и не принимал в ней участия до 1917 г.), оказавшись между двух огней, он пошел на *coup d'état* [государственный переворот] (да еще не спросясь Ленина!): включил в состав ЦК (знаменитое право кооптации!) меньшевиков, рассчитывая таким *coup de force* [сильным ударом] восстановить единство партии. Он не купил этим даже и худого мира, навсегда уронив себя в глазах своих бывших единомышленников. Вскоре Носков ушел из ЦК, порвал всякие связи с с.-д. партией, уехал на Д. Восток и там, спустя несколько лет, покончил, по неизвестным мне причинам, жизнь самоубийством.

Вот М. Н. Лядов-Мандельштам (брат одного из основоположников московской с.-д. организации начала 90-х гг.). Старый партиец, автор чуть ли не первой — и очень слабой! — истории партии, Лядов стал большевиком с первых дней раскола. В описываемый период он был одной из *personae gratae* [признанных личностей] своей фракции: недаром именно его посылали в Амстердам (1904 г.) добиваться права на отдельное представительство ленинского кружка на Международном социалистическом конгрессе и во II Интернационале. Почему ему выпала такая честь, не понимаю, разве только если действовали по правилу «туда умного не надо, вы пошлите-ка Реаду». В «братском» кругу он стал притчей во языцех после его нелепого «Открытого письма к Г. В. Плеханову» и незаслуженно оскорбительного ответа последнего. Что и говорить! Лядов лишен, как бы это помягче выразиться? Ну, скажем, философской складки ума и шишки юмора. Но, Бог мой, если всех, кого так обидела судьба, третировать публично *en canaille* [как подлеца], не хватит ни времени, ни бумаги. Да и что за корысть взять верх в остроумии над беззащитным в этом смысле контр-партнером? А как мы тогда весело хохотали, читая плехановскую отповедь, как беспомощно и зло издевались над Лядовым, забывая, что он не первый встречный и не случайный гость в с.-д. партии! Лядов одно время пытался даже мыслить самостоятельно, порвал с Лениным (естественное следствие его дерзости!) и ряд лет был не в фаворе в горних сферах своей фракции. Политическая звезда его давно и бесповоротно закатилась.

* * *

Значительно красочнее карьера В. Нилова, сотоварища Лядова по фракции, соавтора Лепешинского по карикатурам. Приехав в Женеву из ссылки в Тамбовской губернии, он с места в карьер отправил в «Искру», за подписью не то Нилова, не то Самсонова, бранчливо шутовское письмо о расколе. Редакция ответила, что не печатает таких писем, тем более от лица, чья принадлежность к партии ей неизвестна. Он послал второе письмо с указанием, что о его самоличности можно-де навести справки у брата Плеханова, исправника, под надзором которого, он, Нилов, будто бы состоял в Тамбовской губ. Ему ответили презрительным молчанием на эту, даже не по-лядовски, а просто по-бреттерски, неумно звучащую выходку. Он отомстил тем, что разнес по колонии сплетню о Плеханове-исправнике и нарисовал самого Г. В. на карикатуре в исправничьем мундире. Других заслуг перед своей фракцией он не имел, хотя подпись его и красуется, в числе прочих, под воззванием 22 участников совещания 1904 года. Впечатление таково, будто он и из ссылки-то прибежал лишь для такого легкомысленно школьнического озорства невысокого сорта.

Вспоминал ли когда-нибудь позже Николай Валентинович Вольский об этих своих эскападах? Став в 1905 г. меньшевиком, литератором, творцом собственной философской системы (эмпириосимволизма, не шутите!), он сохранил в неприкосновенности свои «ниловские» свойства, т. е. легкомыслие и мальчишество. Начиная с псевдонима! Он подписывал свои статьи Н. Валентинов, прекрасно зная, что этим псевдонимом пользовался

Г. В. Плеханов и что не принято присваивать чужие литературные фамилии. Постоянный сотрудник всех московских меньшевистских журналов, газет и сборников 1905—1907 гг., Валентинов спустя 2-3 года становится одним из активнейших публицистов (одно время даже редактором политического отдела) сытинской газеты «Русское слово», где, по его собственному выражению, «на правах политической демимонденки загребал крупные куши», в 1917—1918 гг. числится среди так наз. независимых социалистов, а кончает свой, не лишенный своеобразия, литературный и политический путь в роли руководителя газеты «За индустриализацию». Sic transit gloria mundi [так проходит мирская слава].

Несомненно, одаренный и умный человек, В. как типичный дилетант и богема не способен был вплотную, всерьез отдалиться кропотливой, усидчивой работе над каким-нибудь одним творческим замыслом. А вот так, сегодня — брошюра об аграрном вопросе, завтра — книжка об эмпири-осимволизме, вдруг статья о «Жизни человека» Л. Андреева и т. д., и т. п. «У меня легкость в мыслях необыкновенная», — говаривал небезызвестный И. А. Хлестаков. Многие, многие публицисты марксистского толка могли бы, наедине со своей совестью, повторить те же крылатые слова.

* * *

«Вот Олин, мелкая букашка» ... Я говорю не о пушкинском Олине, упоминаемом в «Моем собрании насекомых». Мой Олин — это женовский псевдоним Пантелеймона Николаевича Лепешинского, окрестившего себя так по имени своей жены О. Б. Лепешинской. Но если мой Олин не попал в коллекцию Пушкина, то отнюдь не в силу своих больших дарований. Казалось бы! Товарищ Ленина по ссылке, член О. К. по созыву II съезда партии, искровец, участник знаменитого Псковского совещания (у него же на квартире), где были заложены основы искровской организации и, так сказать, зачата «Искра»... Кому, как не ему, есть что рассказать об одном из интереснейших этапов становления и упрочения российской социал-демократии? И вот эти-то годы, годы пребывания Л-ского в Сибири и за границей, знакомства и встреч с различными лицами, так или иначе связанными свою судьбу и имя с русской революцией, эти годы, говорю я, нашли поразительно скучное и бледное отражение в опубликованных им после 1917 г. воспоминаниях.

И это очень жаль. Юность русской с.-д.-тии плохо исследована и изучена прежде всего потому, что свидетели и участники событий тех лет почти совсем не оставили воспоминаний о делах и людях. Во всяком случае, их количество незначительно по сравнению с огромной мемуарной литературой, относящейся к 70—80-м гг. XIX века. Мы редко знаем свое подлинное предназначение. Лепешинский, несомненно, владел карандашом карикатуриста. Его далеко не дружеские шаржи имели шумный успех в Женеве, вызывая восторженное одобрение «ленинцев» и яростное негодование «мартовцев». Но Лепешинский зарыл свой талант в землю. Его политическая роль давно закончена, во всяком случае, задолго до смерти. Молодое партийное поколение, жадное до власти и положения, сдало в архив Лепешинского вместе со многими другими его однолетками.

* * *

Весна 1906 г., меня послали на массовку в Колпино защищать резолюцию ЦК об отношении партии к Государственной думе. Я говорил о роли и значении последней, о ее поддержке и защите от нападков реакции и правительства. Против меня выступал представитель Петербургского Комитета, несколько неуверенно державшийся на ногах, но весьма развязный и за словом в карман не лазивший. «Что значит поддерживать Гос. думу? Что значит толкать буржуазию влево?» — спрашивал риторически он и сам отвечал, под хохот и аплодисменты аудитории: «По-нашему, это значит дать ей по морде! Она и шархнется влево!». Резолюция ЦК едва ли

собрала 15—20 голосов, а отстаиваемая столь выразительно резолюция ПК — не менее 150. Мне стало и горько, и обидно. Какое же презрение надо иметь к слушателям-массовикам, чтобы беседовать с ними на таком языке? И вместе с тем: каков же уровень политического развития колпинских рабочих, раз они не только не освистали оратора, но, напротив, вручили ему свои голоса?

Мой противник триумфатором отбыл в Петербург. На вокзале он предложил мне «пропустить по рюмочке» в буфете. Я отказался; больше личных встреч у нас не было. Этого удачливого своего противника, Петра Анатольевича Красикова (сибирского уроженца), я встречал в 1904 г. в Женеве, где он был известен под именем Павловича. Это очень видная и колоритная фигура в искровской организации. Павлович начинал свою политическую деятельность задолго до «Искры», но развернул ее широко уже после своей сибирской ссылки (вместе с Лениным) и стал одним из активнейших и авторитетнейших искровцев (наравне с И. И. Радченко-Касьяном, Е. М. Александровой — Наталией Ивановой, Г. М. Кржижановским-Клэрром и мн. др.). Он был членом О. К. по созыву II съезда и он же входил по кооптации в качестве 7-го члена в редакцию «Искры» в случаях возникновения неразрешимых конфликтов: такой чести у «шестерки» никто больше не удостоился.

С его объездами местных организаций связаны многочисленные, весьма нелестные для него, эпизоды, звучащие как анекдот. Об одном из них упоминает в «Что делать?» Ленин ⁴. Красиков, подготавливая важное партийное совещание (ноябрь 1902 г.), где должны были участвовать и бундовцы, явился на явку в Вильно в столь пьяном виде, что его оттуда выгнали. Отрезвившись, Красиков постыдился показаться на глаза бундовцам, сбежал из Вильно, не пригласив последних на совещание. Естественным следствием этого были нарекания и жалобы на искровскую тактику и политику.

Красикову принадлежала одна из первых брошюр о II съезде, расколе и т. д. (так наз. отчет О. К.). Эта книжонка, вместе с «Отчетом Сибирской делегации» (Троцкого и д-ра Мандельберга-Посидовского) явилась самым ранним первоисточником, дошедшим до России, из коего полагалось черпать информацию и объяснения. Увы! И эти генштабисты ничего толком сказать не сумели. Причины и смысл раскола остались непонятными и неразъяснимыми. Ясно лишь стало, что даже избранные, именитые наши люди блуждают во тьме не лучше нас, грешных.

Я не встречал Красикова после колпинского поражения. Но кое-какие черты и факты из его дальнейшей частной и общественной жизни мне известны. После разгрома революции он отошел (в 1907 г.) от партийно-политической деятельности и мирно адвокатствовал вплоть до 1917 г. в Петербурге. Но бес его попутал: Красиков растратил клиентские деньги. Ему угрожало по меньшей мере исключение из сословия с запрещением практики. Дело кое-как замяли. Спасали, разумеется, не проворовавшегося адвоката, а честь партии, с которой Красиков некогда был связан. А затем он, этот живой труп, опять после революции 1917 г. всплыл на поверхность и стал высокой особой в судебном ведомстве после Октября как раз там, где Фемида слепа, но зато многие ее жрецы и прозорливы, и дальновидны ⁵.

* * *

В кругах московской радикальной интеллигенции вращалась в 90-х гг. чета В. Д. и В. М. Бонч-Бруевичей, тесно связанных с с.-д. подпольем. В. М. Бонч-Бруевич-Величкина была детским врачом, ее муж — литератором, большим знатоком русского раскола и сектантства. В частности, он принимал активное участие в организации трагического исхода духоборов в Канаду. Вероятно, именно в силу этой своей давней близости и интереса к сектантству Б.-Б. стал инициатором и душой начавшего выходить в Женеве после II съезда партии специального журнала для сектантов «Рассвет» (в качестве органа ЦК). Каким образом Бончу удалось соблазнить делегатов съезда этой ветхонароднической легендой о мнимой предрасположенности

рационалистического сектанства к вольномыслию и социализму (это после фиаско Герцена и землевольцев)? Понять это трудно и не мне братья за объяснение. Особенно непонятным кажется решение съезда, если вспомнить глубоко враждебное отношение классического искровства (= ленинизма) ко всяким популярным органам и самостоятельным местным газетам и пр. Недаром съезд прекратил существование «Южного рабочего» и т. д. Но Б.-Б. умел добиваться. И хотя его журнал очень быстро отцвел, сам Бонч, наоборот, пышно расцвел в качестве видного участника немногочисленного ленинского кружка.

В момент моего приезда в Женеву Б.-Б. ведал всем партийным хозяйством: типографией, издательством, библиотекой, архивом, экспедицией и пр. Впоследствии, вернувшись в Россию, он не раз являлся создателем и руководителем крупных партийных, преимущественно издательских предприятий («Наука и жизнь», «Коммунист» и т. д.). Пока жив был Ленин, Б.-Б. играл крупную роль в госуправленческом аппарате, не столь, может быть, заметную, как рисует он сам в своих воспоминаниях, но во всяком случае достаточно видную и авторитетную (например, управляющего делами Совнаркома). За ним ходила слава опытного администратора. Смерть Ленина положила конец его политической карьере. Не знаю, заслужена ли им его репутация умелого, делового организатора. Но литературные его упражнения бледны, безвкусны и зачастую бестактны. Да иного и нельзя ожидать от человека, дебютировавшего выпуском в свет бездарной политической антологии «Избранные произведения русской поэзии»!

* * *

На одной, чуть ли не единственной при мне, вечеринке (где должен был выступать с докладом Г. В. Плеханов) произошло бурное столкновение, почти драка, между большевиками и меньшевиками, свидетельствующее наглядно о напряженности отношений между «братьями». Невольной причиной этой сцены, где от оскорблений словом пытались уже перейти к рукоприкладству, послужила невинная попытка большевика С. И. Гусева (Драбкина) выступить с вокальным номером. И хотя он обладал превосходным баритоном, проявить свои дарования ему не позволили меньшевики, устроившие дикую обструкцию, едва не повлекшую за собой рукопашную. Непартийная публика, привлеченная жадой поглядеть на Плеханова, в панике начала разбегаться. И только вмешательство бундовцев, вставших стеной между махавшими кулаками членами одной партии, прекратило эту оргию. Лишь ворожившая Гусеву бабушка спасла его от тяжкого увечья, которое намеревался причинить ему пивной кружкой один экзальтированный и слегка хмельной меньшевик.

Я только после этого несуразного званого вечера узнал о причинах столь пылкой нелюбви к Гусеву, делегату II съезда от Ростова-на-Дону. Его обвиняли в злонамеренном, сознательном составлении и распространении на съезде подложного списка кандидатов в ЦК, предлагаемого якобы группой меньшевиков во главе с Л. Г. Дейчем. В списке фигурировали «антиискровцы» и «оппортунисты». Надо представить себе накаленную и без того атмосферу, царившую на съезде, в напряженнейший момент борьбы за влияние фракций, за влияние на колеблющихся, нейтральных делегатов, за будущее руководство партией («за дирижерскую палочку»), чтобы понять и оценить *tour de force* [силовой прием] Гусева! Съезд колотился на две почти равные части (22:20, 24:22), и от одного-двух голосов, казалось, зависела судьба всей русской революции.

Здравомыслящему стороннему наблюдателю ни за что не понять причин негодования и возмущения, охвативших меньшевистскую фракцию съезда. Дело вовсе не в том, что Гусев учинил подлог и оговорил почтеннейшего ветерана революционного движения Л. Г. Дейча. Нет! Оскорбление, видите ли, заключалось в возможности допущения самой мысли о готовности «мартовцев» пойти на блок с оппортунистами! Что это за зверь, никто еще толком не знал, расширявая это понятие примерно так, как

в «Ревизоре» разгадывали хлестаковского «моветона»: «Хорошо, коли мошенник, а может быть и того хуже!». Дело доходило до третейского суда. Я не знаю, имела ли здесь место просто неумная шутка или преднамеренное стремление опозорить «братьев», что вполне во вкусе подполья. Но имя Гусева стало нарицательным в нашем кругу и произносилось с глубоким презрением. Годы смягчили остроту обиды, и на Стокгольмском съезде партии в 1906 г. меньшевики не только не противодействовали участию Гусева в хоровом исполнении «Интернационала», но даже сами предлагали ему начать запев.

В годы гражданской войны 1918—1920 гг. Гусев выдвинулся на должности военного работника — комиссара Красной Армии. Довольно интересны воспоминания Гусева о женевских временах. Они крайне пристрастны и очень характерны для так наз. профессиональных революционеров того фанатико-нигилистического пошиба, который был модой в некоторых кружках разночинной интеллигенции 70—80-х годов. Гусев не может — через 30 лет! — простить Плеханову его «барственности». А барственность заключалась, между прочим, в том, что Г. В. вместо того, чтобы 24 часа в сутки размышлять про себя и вслух о судьбах мировой революции и задачах международного рабочего класса, отдавал частицу своего времени *petits jeux* [легким играм] с дочками. О, лукошко российского глубокомыслия, сказал бы в данном случае Д. И. Писарев!

Post scriptum: Во извинение Гусева добавлю, что Л. Д. Троцкий, пользовавшийся глубокой антипатией Плеханова с первых же дней появления своего в Женеве, с осуждением вспоминает, как покорило Г. В., когда некий приехавший в эмиграцию рабочий, при посещении Плеханова, бесцеремонно уселся без приглашения на кровати Г. В. Троцкий, весьма барственные замашки которого ярко проявились в послеоктябрьскую пору, видит в этой брезгливости Плеханова презрение к пролетариату и чуждость его интересам. Комментарии поистине не нужны!

(Продолжение следует)

Примечания автора

1. Этих обществ давно уже нет (1939 г.).
2. «А нынче, где ты, человек?». Щедрин всегда утешался уверенностью, что и об этом мы прочтем лет через 30 в «Русской старине». У нас такого утешения нет.
3. Письма к сестре из с. Шушенского, в частности, по поводу книги Богданова «Исторический взгляд на природу».
4. Не называя виновника скандала и обходя полным молчанием обстоятельства этой скандальной истории.
5. По поручению высокого учреждения на Лубянке Красиков на правах прокурора ездил на Соловки расследовать дело об обстреле политических на прогулке. В своем бесстыдном отчете он старательно обелял действия высокого и невысокого учреждений по методу городничего: «Она сама себя высекла, они сами себя обстреляли».

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Очерки русской смуты

Генерал А. И. Деникин

Том пятый. Вооруженные силы Юга России

Глава XXXVI. *Вражда между «Екатеринодаром» и «Новороссийском».*
Положение Новороссии. Эвакуация Одессы

Положение главнокомандующего в то время было необыкновенно трудным. Рушил-ся фронт, разлагался тыл, нарастали симптомы надвигающейся катастрофы.

Глубокие трещины, легшие между главным командованием и казачьими вер-хами, не были засыпаны. Накануне оставления Екатеринодара Верховный Круг, при незначительном числе терской фракции, разъехавшейся по домам, принял резолюцию:

«Верховный Круг Дона, Кубани и Терека, обсудив текущий политический момент в связи с событиями на фронте и принимая во внимание, что борьба с большевизмом велась силами в социально-политическом отношении слишком разнородными и объединение их носило вынужденный характер, что последняя попытка высшего представительного органа краев Дона, Кубани и Терека — Верховного Круга, сгладить обнаруженные дефекты объединения, не дала желанных результатов, а также констатируя тяжелую военную обстановку, сложившуюся на фронте, постановил:

1. Считать соглашение с генералом Деникиным в деле организации Южно-русской власти не состоявшимся.

2. Освободить атаманов и правительства от всех обязательств, связанных с указанным соглашением.

3. Изъять немедленно войска Дона, Кубани и Терека из подчинения генералу Деникину в оперативном отношении.

4. Немедленно приступить совместно с атаманами и правительствами к организации обороны наших Краев — Дона, Кубани и Терека и прилегающих к ним областей.

5. Немедленно приступить к организации союзной власти».

Постановлению предшествовало заявление председателя Круга Тимошенки, что «на состоявшемся совещании высших военных начальников в присутствии ген. Кельчевского, Болховитинова и друг.» признано было невозможным дальнейшее подчинение казачьих войск главнокомандующему — тем более, что Ставка исчезла и никакой связи с ней нет. Совещание, по словам Тимошенки, просило «во избежание нарушения дисциплины» о соответствующем постановлении Круга.

Этот бесполезный и бесцельный жест имел одно только положительное значение: он освободил меня юридически от всех обязательств и последствий, вытекавших из недолгого и безрадостного соглашения.

В тот же день Круг рассыпался.

Продолжение. См. Вопросы истории 1990, №№ 3—12; 1991, №№ 1—12; 1992, №№ 1—9, 11—12; 1993, №№ 2, 4—12; 1994, №№ 1—12; 1995, №№ 1—4, 7.

Расставание двух содружественных фракций не было очень теплым. На одном из последних заседаний произошел такой диалог:

Кубанец Горбушин: «Пришельцы с ген. Деникиным вынули и опустошили душу казака. Мы должны идти на фронт и зажечь огонь в его душе».

Донец Янов: «У вас и не было души. Вы — лицемеры. Посмотрите на наших беженцев, помогли ли вы им? Здесь, на близкой им, казалось бы, Кубани они вместо хлеба получили камень. В жестокие морозы они скитались по кубанским степям и не находили приюта и ночлега в кубанских станицах. Души кубанцам мы не вдохнем и не зажжем их, но погибнем сами... Уйдем за Кубань!»

Кубанская фракция пошла в направлении на Сочи (зеленые) и Грузию — к своим всегдашним союзникам, которые жестоко обманут все их надежды. Донская фракция и часть терской, перейдя Кубань и убедившись в несочувствии Донского командования принятому Кругом решению, а также в том, что никакого совещания старших начальников не было, что связь со Ставкой существует и порт Новороссийск все еще находится в руках Ставки, выразили раскаяние, аннулируя принятое постановление, и эвакуировались в Крым.

Ширилась трещина, образовавшаяся и с другой стороны.

Ход событий вызвал новую дифференциацию политических кругов и новое, отчетливое их расслоение.

Екатеринодар вобрал в себя весь цвет южно-казачьего областничества и часть российских социалистических групп. Это содружество было, впрочем, как всегда, неполным и не вполне искренним, и в умеренной организации — Союзе Возрождения вызвало даже раскол: часть его — с Мякотиным — ополчилась против «казачьего лже-демократизма», другая — с Аргуновым и редакцией «Юга России» — поддерживала домогательства Верховного Круга, убеждая «демократию Дона, Кубани и Терека» («хотя еще далеко не совершенную» — как поясняла газета) в споре своем с главным командованием не бояться разрыва с союзниками. Ибо «если за Ставкой стоит генерал Хольман, то за казачьей демократией — вся союзная демократия».

В Новороссийске сосредоточилась российская консервативная и либеральная общественность. Городу этому, представлявшему из себя разоренный, развороченный муравейник, суждено было стать новым, четвертым по счету, этапом российского беженства. Туда стекались со всех сторон обломки правительственных учреждений, органов печати, политических партий и организаций. Прорицатели, обличители, претенденты. Стекались люди, оглушенные разразившимся несчастьем, уставшие морально и физически, растерявшие надежды, изверившиеся. Одни — ожесточенные и бессильно изливающие свою злобу и свой беспросветный пессимизм, другие — ищущие «виновников» повсюду, кроме своей совести и своего «прихода». Наконец, третьи — пытающиеся добросовестно разобраться в причинах катастрофы и ищущие новых путей для спасения дела.

Катастрофа не примирила и не стерла противоречий, разделявших южную общественность, нашедшую приют в Новороссийске. Но она объединила ее в двух направлениях: в горячем осуждении прошлого — хотя и по мотивам прямо противоположным — и во вражде к Екатеринодару. Новороссийск и Екатеринодар кипели страстями. Они не были просто антиподами, но двумя непримиримыми враждебными станами, готовыми, казалось, вот-вот пойти войною друг на друга.

Ставка стояла одиноко, на перепутье, среди враждующих между собою сил, напрягая большие усилия к поднятию фронта и только в крупной победе видя возможность благоприятного разрешения всех политических проблем.

Екатеринодар и Новороссийск самым ходом событий в обстановке многосторонней борьбы приобрели для главного командования совершенно различное значение. Нужно было поднять казачий фронт — и мне приходилось входить в соглашение с Екатеринодаром... Нужно было удержать Новороссийск и эвакуировать злополучное российское беженство, чуждое и ненавистное Екатеринодару — и я вынужден был мириться с новороссийской оппозицией.

Еще в первой стадии сношений с Екатеринодаром, назначенный мною главным начальствующим Черноморской губ., ген. Лукомский писал мне: «...Настроение среди офицеров от младших до старших все более и более ухудшается. Нелепые слухи о полном соглашении с требованиями самостийных казачьих кругов возбуждают офицеров. Спрашивают, за что же они должны проливать кровь? Усиливаются дезертирство, ибо в казачество не верят и считают, что соглашение приведет

к гибели... При нынешней обстановке оставление на этом фронте Добровольческих частей может привести к полному разложению». Про себя лично ген. Лукомский говорил: «Хотя я и не верю в прочность соглашения и в твердость казачества, но этот путь неизбежен и необходим. Но здесь вопрос о пределах соглашения... Вы согласились на законодательный орган — я считаю, что это губительно для дела».

Другие бывшие мои сотрудники не были так ригористичны, но и их «оторванность и неведение поставили в положение недоумевающих».

«Я наблюдаю здесь,— писал Н. И. Астров генералу Романовскому,— две различных психологии — штатскую и военную. Последняя, насколько я понимаю ее, действительно проявляет черты оппозиции, а среди офицерства заметны враждебность и недоброжелательство. Что же касается психологии штатских, в том числе и лиц, входивших в состав бывш. Особого Совещания, то она проникнута горячим желанием поддержать главнокомандующего или, по крайней мере, не помещать ему... Мы знаем, что положение было в полной мере трагично и, чтобы удержать первенство русского государственного начала и защищать его силою оружия, пришлось пойти на громадные уступки... Но казачье засилье не может не смущать... Смущает и то, что с коренным изменением самой природы отношений конституционного правителя к управлению весь аппарат власти уходит в чужие и чуждые руки.»

Астров от лица либеральной группы свидетельствовал: «Мы будем по-прежнему с главнокомандующим и по-прежнему будем служить тому же делу, только в несколько иных взаимных отношениях».

Я не сомневался в лояльности и сочувствии этих кругов, но, тем не менее, в этот наиболее тяжкий период государственной деятельности я чувствовал себя одиноким — как никогда. И в этой тяжелой работе и переживаниях только чуткое и самоотверженное участие моего друга — Ивана Павловича Романовского сглаживало несколько остроту этого одиночества.

В Тихорецкой все было просто и тихо. Органов или представителей гражданского управления при Ставке не было. В часы, свободные от занятий и объездов, несколько лиц, чуждых совершенно политической борьбе, составляли обычное мое общество. Генерал Шапрон, бросивший госпиталь не долечившись и вернувшийся в Ставку²; полковник Колтышев — докладчик по оперативной части, всецело живший интересами фронта³; адъютант и дежурный конвойный офицер. Временами — беседы с генерал-квартирмейстером, вначале с экспансивным Плющевским-Плющиком⁴, потом — со сменившим его уравновешенным и спокойным Махровым. В их обществе я отдыхал от «политики», врывающейся извне бурно и сокрушительно в жизнь и работу Ставки.

В это же время правая оппозиция перешла к активным действиям для проведения к власти генерала барона Врангеля.

Ввиду невозможности стать во главе казачьей армии, ген. Врангель уехал в Новороссийск, взяв на себя руководство укреплением Новороссийского района. С того времени в органах печати, в беседах с общественными деятелями стали появляться жалобы Врангеля по поводу тягостного для него «вынужденного бездействия». «Барон говорил — писал мне один из его собеседников — что в положении классного пассажира сидит в вагоне, занимается не интересующей его эвакуацией⁵, вместо того, чтобы воевать. Он готов был бы даже стать командиром полка, если бы это не было опасной демагогией». Барон развивал в прессе и в беседах ту идею дальнейшей борьбы, которую излагал в приведенной выше записке от 25 декабря: «Я придаю чрезвычайное значение Новороссии. Там должен создаться объединенный славянский фронт, который, вследствие нашего соглашения с братьями-славянами, в частности с поляками, будет настолько силен, что от его удара рухнет вся совдепская постройка». В связи с этим, от ген. Лукомского получался целый ряд телеграмм — частью по его личной инициативе, частью по просьбе ген. Врангеля — о назначении последнего в Одессу — на смену ген. Шиллинга или, по крайней мере, для формирования там конницы и подготовки операций в том районе»⁶.

Представления ген. Лукомского были не только настойчивы, но и обличали повышенную нервность. Так, в телеграмме от 10 января, он, между прочим, сообщал: «В последние дни в Новороссийске появились какие-то прохвосты, которые по кофейням и ресторанам распространяют слухи, что Врангель из-за личных

к главному командованию отношений бросил армию в самый критический момент, и стараются возбудить публику против него. Эти господа ведут вредную и гибельную для дела игру, так как надо знать, что Врангель среди кадровых офицеров пользуется большой популярностью. Если кого-либо из таких господ поймают, немедленно расстреляю».

Представлялось странным, что «нелепые слухи» по поводу главнокомандующего, приведенные тут же рядом, в той же телеграмме, и «возбуждавшие» против него «офицеров от младших до самых старших», оставались без осуждения. И мне пришлось указать главноначальствующему, что «бороться нужно со всеми этими явлениями, но законными мерами».

Что касается влияния самого бар. Врангеля на новороссийские настроения, то этот вопрос смогут лучше осветить лица, соприкасавшиеся с ним тогда непосредственно. Взгляд же его на тогдашнюю политику Ставки был вполне определенный: «Цепляясь за ускользавшую из рук Ваших власть,— писал он в своем известном письме ко мне,— Вы успели уже стать на пагубный путь компромиссов и, уступая самостийникам, решили непреклонно бороться с Вашими ближайшими помощниками, затеявшими, как Вам казалось, государственный переворот».

В связи с недоразумениями персональными, между Ставкой и Новороссийском обнаружилось и серьезное расхождение в вопросах военного дела. Я требовал направления строевого офицерства, буквально наводнявшего Новороссийск, на фронт, на пополнение таявших частей Добровольческого корпуса, тогда как новороссийское начальство стремилось к удержанию их для формирования на месте офицерских отрядов. Добровольческий корпус жаловался на препятствия, чинимые даже отпускным и выздоравливающим Добровольцам, желающим возвратиться в свои части... В результате масса офицерства слабого духом, устремляла свои взоры на уходящие пароходы или создавала самочинные организации вроде «отряда крестносцев», прикрывавшего религиозно-национальной идеей уклонение от фронта.

Непонятна для меня была позиция либеральной группы.

Бывшее Особое Совещание, после ряда частных собеседований, командировало ко мне в Тихорецкую 9 января Н. И. Астрова, Н. В. Савича и В. Н. Челищева. Главные вопросы, которые интересовали Совещание, заключались в следующем⁷: 1) необходимость образования собственного правительства, вне зависимости от казачества, перенесение центра действий на собственную территорию (Крым, Новороссия); 2) вопрос о независимых действиях в общерусском масштабе при участии сербов, болгар и Польши, и 3) вопрос о судьбе Новороссийска, наводненного беженцами и «обращенного в ловушку.»

Второй вопрос, казалось, не должен был вызывать недоумения среди лиц, осведомленных в международных сношениях Юга: полутороговая практика их показала, что Сербия и Болгария желают помочь, но не могут, что Польша может помочь, но не желает. Что касается прочих двух вопросов — они находились в явном противоречии друг с другом: трудно было увести Добровольцев, не вызвав тем немедленное падение фронта, и, вместе с тем спасти из «ловушки» всероссийское беженство.

Н. И. Астров от имени бывш. членов Особого Совещания выдвинул при этом посещении вопрос о ген. Врангеле, его вынужденном бездействии и о назначении его в Новороссию. Степанов, уехавший в Одессу, убеждал генерала Шиллинга просить о назначении помощником себе барона Врангеля.

Я видел давно, что вопрос идет не о «привлечении к делу», а о смене.

Власть была для меня тяжелым крестом и избавиться от нее было бы громадным облегчением. Но бросить в такую трудную минуту дело и Добровольцев я не мог, тем более, что я не считал государственно-полезной передачу власти в те руки, которые за ней протягивались.

Мне казалось, что сущность затеянной кампании понятна моим собеседникам так же, как и мне, и не желал разъяснять им этого вопроса. Происходило обоюдное недоразумение. Ибо через несколько дней, 28 января, Астров писал мне:

«Перемена вождя в такое время более чем когда-либо была бы преступлением, авантюрой, легкомыслием, безумием... И Вы еще ближе и дороже стали нам после ниспосланного на Россию, на Вас, на всех нас нового испытания...»

«Я уносил в себе (однако) неудовлетворенное чувство, которое мог бы выразить такими словами: когда так трагически тяжело Деникину, почему он не использует

этого человека, давши ему определенную задачу, почему главнокомандующий дразнит своих недоброжелателей, которых так много, оставляя на виду у всех в бездействии человека, около которого сплелось так много слухов, интриг и ожиданий».

Слухи об отношениях барона Врангеля к главнокомандующему получили, очевидно, широкое распространение, так как еще 31 декабря 1919 г. барон доносил мне по поводу разговора своего с английским представителем:

«Мак-Киндер сообщил мне, что им получена депеша его правительства, требующая объяснений по поводу полученных в Варшаве сведений о якобы произведенном мною перевороте, причем будто бы я возглавил Вооруженные силы Юга России. Г-н Мак-Киндер высказал предположение, что основанием для этого слуха могли послужить те будто бы неприязненные отношения, которые установились между Вашим Превосходительством и мною, ставшие широким достоянием; он просил меня с полной откровенностью, буде признаю возможным, высказаться по этому вопросу.

Я ответил, что мне известно о распространении подобных слухов и в пределах Вооруженных сил Юга, что цель их, по-видимому, желание подорвать доверие к начальникам в армии и внести разложение в ее ряды, и что поэтому в распространении их надо подозревать неприятельскую разведку. Вместе с тем, я сказал, что, пойдя за Вами в начале борьбы за освобождение Родины, я, как честный человек и как солдат, не могу допустить мысли о каком бы то ни было выступлении против начальника, в подчинение которого я добровольно стал».

И привлечение бар. Врангеля к новой деятельности, и оставление его не у дел одинаково вызывали крупные осложнения. Вместе с тем, боевая деятельность Шиллинга, сумевшего с ничтожными силами дойти до Волочиска и Казатина, не давала поводов к его удалению. К тому же представлялось неясным, что делать генералу Врангелю, в глазах которого «Добровольческой армии, как боевой силы, не существовало», с войсками Новороссии — и в организационном и в боевом отношении более слабыми, чем части Добровольческой армии. Но ввиду возбужденного ген. Шиллингом ходатайства, я назначил барона Врангеля помощником его по военной части.

Вскоре, однако, Одесса пала, Новороссия была очищена нами и ген. Шиллинг со штабом и гражданским управлением переехал в Крым. Нагромождение на маленькой территории многочисленной власти являлось совершенно излишним; поэтому 28 января назначение Врангеля было отменено. Барон Врангель и его спутник ген. Шатилов подали рапорты об увольнении их в отставку «по болезни». Рапорты эти были мною обычным порядком переданы в штаб для исполнения. Оба генерала отбыли в Крым «на покой»⁸.

В середине декабря войска Новороссии, ослабленные выделением корпуса ген. Слащева для прикрытия Крыма, располагались по линии Бирзула — Долинская — Никополь. Огромные пространства правобережного Днепра и Новороссии были залиты повстанческим движением. От Умани до Екатеринослава и от Черкасс до Долинской ходили петлюровские и атаманские банды; жел.-дор. линия Долинская — Кривой Рог — Александровск находилась в руках Махно; от Черкасс и Кременчуга наступали части 12 и 13 советских армий. Эти обстоятельства, в связи с переходом корпуса Слащева на левый берег Днепра, создавали угрозу полного разрыва между правобережной Украиной и Таврией.

Имея задачей прикрыть Новороссию и, главным образом, Крыма, ген. Шиллинг базировал свои правобережные войска в направлении на Таврию (переправы у Херсона и Каховки). Это решение, соответствовавшее стратегической обстановке, отводившее второстепенное значение удержанию Одессы и вызвавшее начало частичной эвакуации ее, весьма встревожило союзных представителей. Генералы Манжен и Хольман, не без влияния неответственных русских советников, настоятельно убеждали Ставку удерживать во что бы то ни стало Одесский район, указывая, что потеря его создаст в Лондоне и Париже представление о конце борьбы и может вызвать прекращение снабжения армий Юга. Ген. Хольман обещал оказать Одессе всяческое материальное содействие. Заинтересованность англичан была настолько велика, что Мак-Киндер настойчиво советовал вести широкие формирования в Новороссии из немцев-колонистов — обстоятельство, к которому до тех пор англичане относились с большой нетерпимостью.

Под таким воздействием, хотя надежд на удержание Одессы было немного, 18 декабря ген. Шиллингу предписано было удерживать и Крым и Одесский район. Но при этом союзникам заявлено было, что «для обеспечения операции и морального спокойствия войск и, главное, на случай неудачи, необходимо: 1) обеспечение эвакуации Одессы союзным флотом и союзным транспортом; 2) право вывоза семейств и лиц, оставление которых грозило им опасностью; 3) право прохода в Румынию войск, подвижных составов и технических средств»⁹.

3 января 1920 г. ген. Лукомский телеграфировал из Новороссийска: «По заявлению англичан, они обеспечат эвакуацию раненых и больных, а также семейств офицеров; что же касается гражданского населения, то таковое необходимо будет отправить сухим путем в Румынию»¹⁰. Переговоры с Румынией — непосредственные и через союзное командование на Востоке — были длительны и менее благоприятны. Штаб французского главнокомандующего в Константинополе сообщил нашему представителю ген. Агапееву¹¹: 1) относительно пропуска галицких войск румыны запросили польское правительство; 2) в случае перехода границы Добровольческими частями, румынами предположено разоруживать и интернировать их; 3) беженцев согласны пропустить при условии, что французы обеспечат им продовольствие, помещение и охрану; на первое и второе условия французское командование согласно.

Точно так же глава английской миссии в Одессе 18 января сообщил лично ген. Шиллингу, что он «с большой достоверностью может гарантировать проход наших войск в Бессарабию»¹². Сношения по данному вопросу с союзниками и румынами продолжались весь январь.

Задача, данная ген. Шиллингу, оказалась непосильной для его войск¹³, ни по их численности, ни, главным образом, по моральному состоянию их. Неудачи на главном — Кубанском театре и неуверенность в возможности морской эвакуации вносили еще большее смущение в их ряды.

Усилия одесского штаба пополнить войска не увенчались успехом. Многочисленное одесское офицерство не спешило на фронт. Новая мобилизация не прошла: «по получении обмундирования и вооружения большая часть разбежалась, унося с собой все полученное»; почти поголовно дезертировали немцы-колонисты; угольный кризис затруднял до крайности войсковые перевозки.

При таких условиях тыла протекали операции.

В начале января ген. Шиллинг, оставив на Жмеринском направлении небольшую часть галичан, стал стягивать группу ген. Бредова в район Ольвиополь — Вознесенск, чтобы отсюда нанести фланговый удар противнику, наступавшему правым берегом Днепра от Кривого Рога к Николаеву. Но наступлением с этой стороны советских войск ранее окончания нашего сосредоточения корпус ген. Промтова, действовавший в низовьях Днепра, был опрокинут и стал уходить поспешно к Бугу. 18 января корпус этот, почти не оказывая сопротивления, оставил Николаев и Херсон; дальнейшее наступление большевиков с этих направлений на запад выводило их в глубокий тыл наших войск, отрезывая их от сообщений и базы.

С этого дня фронт неуклонно покатился к Одессе. Между тем, положение Одессы становилось катастрофическим. Все обращения Ставки и одесского штаба к союзникам о помощи транспортом не привели ни к чему: британский штаб в Константинополе на предупреждения ген. Шиллинга и одесской английской миссии телеграфировал: «Британские власти охотно помогут по мере своих сил, но сомневаются в возможности падения Одессы. Это совершенно невероятный случай»¹⁴. Наше морское командование в Севастополе, которому приказано было послать все свободные суда в Одессу, как оказалось впоследствии, саботировало и одесскую и новороссийскую эвакуацию, под разными предлогами задерживая суда... на случай эвакуации Крыма. Угольный кризис не давал уверенности в возможности использования всех средств Одесского порта. Небывалые морозы сковали льдом широкую полосу моря, еще более затрудняя эвакуацию.

А фронт все катился к морю. 23 января ген. Шиллинг отдал директиву, в силу которой войскам под общим начальством ген. Бредова надлежало, минуя Одессу, отходить на Бессарабию (переправы у Маяков и Тирасполя). Отряд ген. Стесселя в составе офицерских организаций и государственной стражи должен был прикрывать непосредственно эвакуацию Одессы; английское морское командование дало гарантию, что части эти будут вывезены в последний момент на их военных судах, под прикрытием судовой артиллерии.

Началась вновь тяжелая драма Одессы, в третий раз испытывавшей бедствие эвакуации.

25 января в город ворвались большевики, и отступавшие к карантинному молу отряды подверглись пулеметному огню. Английский флот был пассивен. Только часть людей, собравшихся на молу, попала на английские суда, другая, перейдя в наступление, прорвалась через город, направляясь к Днестру, третья погибла.

На пристанях происходили душу раздирающие сцены.

Вывезены были морем свыше 3 тыс. раненых и больных, технические части, немало семейств офицеров и гражданских служащих, штаб и управление области. Много еще людей, имевших моральное право на эвакуацию, не нашли места на судах. Разлучались семьи, гибло последнее добро их и нарастало чувство жестокого, иногда слепого озлобления.

Только 25-го на выручку застрявших в Одессе судов прибыли из Севастополя вспомогательный крейсер «Цесаревич Георгий» и миноносец «Жаркий».

Войска ген. Бредова, подойдя к Днестру, были встречены румынскими пулеметами. Такая же участь постигла беженцев-женщин и детей. Бредов свернул на север, вдоль Днестра и, отбивая удары большевиков, пробился на соединение с поляками.

В сел. Солодковцах¹⁵ между делегатами главного польского командования и ген. Бредовым заключен был договор, в силу которого войска его и находящиеся при них семейства принимались на территорию, занятую польскими войсками, до возвращения их «на территорию, занятую армией ген. Деникина». Оружие, военное имущество и обозы польское командование «принимало на хранение», впредь до оставления частями ген. Бредова польских пределов.

Там их ждали разоружение, концентрационные лагеря с колючей проволокой, скорбные дни и национальное унижение.

Глава XXXVII. События в Крыму. Орловщина. Флот. Претенденты на власть. Письмо барона Врангеля. Телеграмма ген. Кутепова

К концу декабря корпус ген. Слащева отошел за перешейки, где в течение ближайших месяцев с большим успехом отражал наступление большевиков, охраняя Крым — последнее убежище белых армий Юга.

Приняв участие в нашей борьбе еще со времен второго Кубанского похода, ген. Слащев выдвинулся впервые в качестве начальника дивизии, пройдя с удачными боями от Акманайской позиции (Крым) до нижнего Днепра и от Днепра до Вапнярки. Вероятно, по натуре своей он был лучше, чем его сделали — безвременье, успех и грубая лесть крымских животолюбцев. Это был еще совсем молодой генерал, человек позы, не глубокий, с большим честолюбием и густым налетом авантюризма. Но за всем тем он обладал несомненными военными способностями, порывом, инициативой и решимостью. И корпус повиновался ему и дрался хорошо.

В Крымских перешейках было очень мало жилья, мороз стоял жестокий (до 22 гр.), наши части, так же как и советские, были мало способны к позиционной войне. Поэтому Слащев отвел свой корпус за перешейки, занимая их только сторожевым охранением; и, сосредоточив крупные резервы, оборонял Крым, атакуя промерзшего, не имевшего возможности развернуть свои силы, дебуширующего из перешейков противника. В целом ряде боев¹⁶, разбивая советские части и преследуя их, Слащев трижды захватывал Перекоп и Чонгар, неизменно возвращаясь в исходное положение. Начавшиеся в феврале между большевиками и махновцами, вклинившимися в 14 сов. армию, военные действия еще более укрепили положение Крымского фронта. В результате все усилия советских войск проникнуть в Крым успеха не имели.

Эта тактика, соответствовавшая духу и психологии армий гражданской войны, вызывала возмущение и большие опасения в правоверных военных и даже в политических кругах Крыма и Новороссийска. Чувства эти нашли отражение и в беседе со мной делегации бывш. Особого Совещания, о которой я говорил в прошлой главе. Вместе с тем, ген. Лукомский, опасаясь за Перекоп, неоднократно телеграфировал мне о необходимости замены Слащева «лицом, которое могло бы пользоваться доверием как войск, так и населения».

Цену Слащеву я знал. Но он твердо отстаивал перешейки, увольнение его могло вызвать осложнения в его корпусе и было слишком опасным. Такого же мнения придерживался, очевидно, и барон Врангель после вступления своего на пост главнокомандующего. По крайней мере, в первый же день он телеграфировал Слащеву: «Для выполнения возложенной на меня задачи мне необходимо, чтобы фронт был непоколебим. Он — в Ваших руках, и я спокоен».

31 января в Севастополь прибыл ген. Шиллинг, вокруг имени которого накопилось много злобы и клеветы. Общественное мнение до крайности преувеличивало его вольные и невольные ошибки, возлагая на его голову всю ответственность за злосчастную одесскую эвакуацию. Одни делали это по неведению, другие — как морское начальство Севастополя — сознательно, для самооправдания.

Через день после Шиллинга в Севастополь прибыл ген. Врангель. Эти два эпизода взбаламутили окончательно жизнь Крыма, и без того насыщенную всеобщим недоволением, интригой и страхом.

Еще ранее в Симферополе произошло событие, свидетельствовавшее ярко о том развале, который охватил армейский тыл, флот, администрацию, одним словом всю жизнь Крыма: выступление капитана Орлова.

В конце декабря, по поручению Слащева, в Симферополь прибыл его приближенный, герцог С. Лейхтенбергский для «заведывания корпусным тылом и формированиями». Герцог вошел в сношения с капитаном Орловым и бывшим немецким лейтенантом Гомейером, которые и приступили к формированию добровольческих частей; первый — из элементов русских, второй — из немцев-колонистов и татар.

Слащев и штаб его весьма благоволили к отряду, сформировавшемуся Орловым, и обильно снабжали его деньгами и снаряжением; через две, три недели отряд имел состав свыше 300 человек. Как оказалось впоследствии, в Симферополе совершенно открыто говорили о предстоящем захвате власти Орловым; настолько открыто, что подпольная большевистская организация («ревком») сочла возможным вступить с ним в связь и принять участие в деле ¹⁷.

Отряд Орлова не имел никакой политической физиономии и состоял в большей части из людей, поступивших в него случайно, или из легальных дезертиров, предпочитавших тыловые формирования боевому фронту. Окружали Орлова и руководили им лица темные и беспринципные, а сам Орлов — храбрый офицер, но страдавший неврастенией и болезненным самомнением, был, по-видимому, довольно элементарен. Так, свою политическую принадлежность в разговоре с представителями «ревкома» он определял: «правее левых эс-эров и немного левее правых эс-эров.»

Все выступление от начала до конца имело характер неумной авантюры, только эта авантюра... разыгрывалась на вулкане.

20 января ген. Слащев потребовал выхода отряда Орлова на фронт. Орлов, при поддержке герцога Лейхтенбергского, уклонился от исполнения приказа под предлогом неготовности отряда. Требование было повторено в категорической форме, герцог уехал объясняться в штаб Слащева, а Орлов в ночь на 22 января произвел выступление, арестовав таврического губернатора Татищева, случайно находившихся в городе нач. штаба Новороссийской обл. ген. Чернавина, коменданта Севастопольской крепости Субботина и других лиц. В тот же день им отдан был приказ № 1 следующего содержания:

«Исполняя долг перед нашей измученной Родиной и приказы Комкора ген. Слащева о восстановлении порядка в тылу, я признал необходимым произвести аресты лиц командного состава гарнизона гор. Симферополя, систематически разлагавших тыл. Создавая армию порядка, приглашаю всех к честной объединенной работе на общую пользу. Вступая в исполнение обязанностей начальника гарнизона гор. Симферополя, предупреждаю всех, что всякое насилие над личностью, имуществом граждан, продажа спиртных напитков и факты очевидной спекуляции будут караться мною по законам военного времени.

Начальник гарнизона г. Симферополя, командир 1-го полка Добровольцев, капитан Орлов».

Приходившим к нему «делегациям» Орлов заявлял, что «молодое офицерство решило взять все в свои руки», но разъяснить это неопределенное сообщение не мог. Одновременно по городу были расклеены воззвания его к «товарищам рабочим» — одни большевистского содержания, другие «правее левого и левее правого — эс-

зровского». Однако исполнить требование большевистского «ревкома» о выпуске «политических арестованных» Орлов отказался.

Находившиеся в Симферополе запасные части и отряд Гомейера объявили «нейтралитет»; городская дума вступила в переговоры с Орловым; Слащев выслал против него из Джанкой и из Севастополя войсковые части. Не решаясь вступить с ними в бой, Орлов на третий день, выпустив арестованных им лиц, с частью своего расплывшегося отряда (человек 80—90) ограбил губернское казначейство на 10 милл. рублей и бежал в горы.

Выступление Орлова нашло отклик в Севастополе, где «назревал арест морскими офицерами Ненюкова и Бубнова, против которых (создалось) большое возбуждение на почве безвластия и отсутствия должного управления»¹⁸.

В Черноморском флоте давно уже было неблагополучно. Нигде в армии не существовало такого разлада, нигде безвременье не оставило таких глубоких следов, как в морской среде. Оставляя в стороне причины этого явления и особенности мало знакомого мне быта, я коснусь только тех нестроений, которые имели место на верхах и непосредственно относились к компетенции главнокомандующего.

Я не знал никого из морских чинов, и поэтому каждое высшее назначение по морскому ведомству ставило меня в чрезвычайное затруднение. Аттестации были отрицательны, и выбора не было. Укажу на такой факт: начальник морского управления адм. Герасимов на один из видных морских постов представил мне трех кандидатов, аттестуя их следующим образом: первый — за время революции опустился, впал в проstration; второй — демагог, ищет дешевой популярности среди молодежи; третий — с началом войны попросился на берег «по слабости сердца». Каждому новому назначению предшествовала и сопутствовала интрига, в которую вовлекалась офицерская среда.

Общее настроение передавалось и на периферию — в Каспийскую флотилию, где — хоть и в меньшем масштабе — происходили свои бури и волнения.

Флотские дела не кончались морским управлением. Тайные осведомители вовлекали в них и Омск, вызвав однажды вмешательство самого Верховного правителя; от него получена была телеграмма о недопустимости пребывания на командной должности адмирала Саблина, который в то время состоял главным командиром портов Черного моря. Саблина, совершенно эмансипировавшегося к тому времени от центра и не выполнявшего приказаний морского управления, адмирал Герасимов заменил Ненюковым, которого сам же впоследствии аттестует: «законопослушный, очень инертный и донельзя ленивый».

Большое несходство во взглядах существовало между морским управлением и севастопольским начальством. Первое ставило себе посильной задачей «всемерную помощь операциям и борьбе армий», второе — раздвигало ее вне зависимости от реальных условий до «воссоздания российского флота». Причем воссоздание начиналось не с судов, а с огромнейших штабов и тыла. В одном только севастопольском порту морской тыл отвлекал сотни офицерских чинов. Служба связи была прямо грандиозна по своему масштабу.

Расхождение существовало и в основных взглядах на идею служения нашему делу. Весьма характерная переписка имела место в самом начале воссоединения флота с армией Юга. Суд чести Новороссийского порта запрашивал суд чести Черноморского флота — не подлежат ли привлечению к ответственности офицеры из Севастополя, не поступающие на службу в Добровольческую армию. Председатель второго суда ответил, что офицеры могли бы принять участие, но поставил ряд условий экономического характера, в том числе определенные нормы содержания. На этой почве между двумя учреждениями возникло столкновение, дошедшее до меня и вызвавшее с моей стороны весьма резкую резолюцию. Адмирал Герасимов считает, что «это было одной из причин интриги против главнокомандующего, после эвакуации Новороссийска».

Борьба со всеми этими явлениями встречала пассивное сопротивление и глухой ропот.

Осенью 1919 года заменившему Саблина адм. Ненюкову дано было звание командующего флотом; его начальником штаба стал адм. Бубнов, подчинивший своему влиянию Ненюкова.

Последние события, преломляясь в нездоровой атмосфере флота, еще больше запутали его жизнь. Бубнов организовал в Севастополе морской кружок. «Сначала

задачей его было поставлено разрешение тактических и организационных вопросов флота, но вскоре кружок перешел исключительно на политику и критику начальственных распоряжений». Этот кружок, действовавший с ведома Ненюкова, принял видное участие в последующих событиях.

Со времени падения Одессы и появления в Севастополе ген. Врангеля начинается борьба за возмещение им военной и гражданской власти в Крыму. В течение ближайшей недели между Севастополем — Джанкоем — Тихорецкой идет нервная переписка и переговоры, а в самом Крыму царит необычайное возбуждение. Я приведу хронологический перечень событий этого периода, основываясь исключительно на документах.

Тотчас по приезде в Севастополь ген. Шиллинг имел свидание с адмиралами Ненюковым и Бубновым, которые заявили ему, что он дискредитирован одесской эвакуацией, и в тылу развал и единственное спасение Крыма в немедленной передаче Шиллингом всей власти барону Врангелю, приезд которого ожидается в ближайшие дни. «Об этом не нужно испрашивать разрешения главнокомандующего, — говорили они, — так как барон Врангель будет самостоятельным в Крыму»¹⁹.

1 февраля к ген. Шиллингу с тем же предложением явилось пять офицеров (преимущественно морских), назвавшихся делегацией от «группы офицеров»²⁰.

И тем и другим ген. Шиллинг, придавленный «всеми интригами и происками», ответил, что за власть не держится, охотно ее передаст и предоставляет этот вопрос на усмотрение главнокомандующего, которому обо всем донес.

Между 1 и 5 февраля происходит новая беседа ген. Шиллинга с адмиралами, встреча с ген. Лукомским²¹ и двукратное свидание с бар. Врангелем. По словам Шиллинга, в первый раз барон «соглашался принять командование, но не с разрешения главнокомандующего, дабы быть независимым». Во второй раз ген. Врангель «соглашался принять от (Шиллинга) должность по приказу главнокомандующего»²².

Ген. Слащев, до которого доходили тревожные слухи, заявил Шиллингу, что будет выполнять приказания только главнокомандующего и Шиллинга. Об этом посланный Слащевым в Севастополь для того, чтобы «выяснить непосредственно у Врангеля, в чем дело», полковник Петровский доложил последнему и ген. Лукомскому.

На телеграмму Шиллинга о сделанном ему предложении я ответил категорическим отказом заменить Шиллинга Врангелем и подчинил флот в оперативном отношении Шиллингу.

5 февраля ген. Лукомский в беседе с Шиллингом настоятельно советует ему передать власть Врангелю, но непременно с согласия главнокомандующего²³.

В тот же день — беседа ген. Лукомского с бар. Врангелем, который, по словам Лукомского, заявил, что «никогда не пойдет на такой шаг, как смещение Шиллинга» и «для спасения положения в Крыму готов принять должность главнокомандующего, если пожелает главнокомандующий»²⁴.

6 февраля ген. Шиллинг едет в Джанкой.

Капитан Орлов, спустившись с гор и пользуясь отсутствием в этом районе войск, последовательно занимает Алушту и Ялту. Оказавшийся в Ялте ген. Покровский, мобилизовав и вооружив жителей Ялты, пытался защищать город, но его импровизированный отряд, не оказав сопротивления, разбежался. Генералы Покровский и Боровский были арестованы Орловым, но затем при содействии англичан отпущены. В Алуште и в Ялте Орлов ограбил казначейства.

Ген. Шиллинг посылает против него войсковые части и военное судно («Колхиду») с десантом.

Ген. Лукомского посещает ген. Шатилов и заявляет, что «вследствие ухудшающегося положения в Крыму, барон Врангель согласен принять временное назначение для установления порядка на Крымском побережье, при условии вмешательства Шиллинга... если ген. Лукомский именем главнокомандующего ему это прикажет»²⁵. Ген. Лукомский от такой постановки вопроса отказывается, но посылает соответствующую телеграмму Шиллингу.

7 февраля (11 час.). Шиллинг, на основании телеграммы ген. Лукомского, подчинив Врангелю Севастопольскую крепость, флот и все тыловые отряды, возлагает на него «мерами, какие он признает целесообразными, успокоить офицерство, солдат и население и прекратить бунтарство кап. Орлова»²⁶.

В этот же день в Севастополе получено было по телеграфу сведение, не дошедшее до Шиллинга, о назначении мною командующим флотом, вместо Ненюкова ²⁷, бывш. нач. морского управл., адм. Герасимова. Это обстоятельство имело последствием появление у ген. Лукомского «двух адмиралов» и председателя суда чести, заявивших ему, что «с именем Герасимова связывается хозяйственная разруха флота» и что назначение его «вызовет брожение, возможны печальные недоразумения». Лукомский настаивает на назначении Саблина ²⁸.

Экипаж и десант «Колхидь» отказались действовать против Орлова и вернулись в Севастополь, привезя с собой его воззвания. Морское начальство не приняло никаких мер против мятежников и не сочло нужным уведомить об этом факте генерала Шиллинга.

В одном из своих воззваний капитан Орлов писал: «По дошедшим до нас сведениям, наш молодой вождь, ген. Врангель прибыл в Крым. Это тот, с кем мы будем и должны говорить. Это тот, кому мы все верим».

Лукомский в этот день в двух телеграммах на мое имя описывал тревожное положение Крыма: в связи с событиями в Ялте и полученными оттуда воззваниями — глухое брожение среди офицерства... Все, что будет формироваться в тылу и направляться против Орлова, будет переходить на его сторону... Если произойдет столкновение, то это поведет к развалу тыла и фронта. «Только немедленное назначение Врангеля вместо Шиллинга спасет положение... Завтра, быть может, будет поздно».

«Государственные и общественные деятели», проживающие в плененной Ялте, отправили мне телеграмму в Тихорецкую о том, что «события неминуемо поведут к гибели дела обороны Крыма, если во главе власти в Крыму не будет безотлагательно поставлен барон Врангель» ²⁹.

Между тем Врангель от «временного назначения», предложенного ему Шиллингом, отказался: «Всякое новое разделение власти в Крыму при существующем уже здесь многовластии, — телеграфировал он Шиллингу, — усложнит положение и увеличит развал тыла».

Вечером ген. Лукомский вновь убеждал Шиллинга по аппарату ³⁰ безотлагательно просить главнокомандующего о замене его — Шиллинга — Врангелем или «в случае невозможности переговорить с главноком... передать всю полноту власти (бар. Врангелю) с донесением главному».

В ночь на 8-е (23 ч. 30 м.) ген. Шиллинг, передавая мне сущность предложений ген. Лукомского, со своей стороны добавлял, что ввиду «разрухи тыла и разыгравшихся страстей среди офицерства до крупных чинов включительно», он также полагает, что передача им власти «будет более отвечать всей совокупности обстановки».

8 февраля (1 ч. 15 м.) я ответил: «Совершенно не допускаю участия генерала Врангеля. Уверен, что Вы положите предел разрухе. № 630».

Ввиду такого результата переговоров, ген. Шиллинг в 3 ч. 30 м., передавая текст своего доклада и моей резолюции ген. Лукомскому, сообщал, что считает поэтому необходимым: 1) принять решительные меры против Орлова, 2) отрешить тотчас же от должности Ненюкова и Бубнова и 3) просить ген. Лукомского предложить бар. Врангелю покинуть немедленно пределы Крыма. От последнего поручения ген. Лукомский отказался, согласившись все же передать ген. Врангелю, что «дальнейшее пребывание его в Крыму Шиллинг находит нежелательным, ибо это может помешать ему».

В 7 ч. того же дня ген. Врангель отправил в Ялту Орлову телеграмму «горячо призывая (его) во имя блага Родины подчиниться требованиям начальников» ³¹.

В этот день вышел приказ, подписанный мною еще 6-го, об исключении со службы Ненюкова и Бубнова и приказы об увольнении в отставку генералов Лукомского, Врангеля и Шатилова, на основании ходатайств, возбужденных ими 24 и 28 января.

8 февраля я отдал приказ о ликвидации крымской смуты:

«Приказываю:

1. Всем, принявшим участие в выступлении Орлова, освободить ими арестованных и немедленно явиться в Штаб 3 корпуса для направления на фронт, где они в бою с врагами докажут свое желание помочь армии и заглядят свою вину.

2. Назначить сенаторскую ревизию для всестороннего исследования управле-

ния, командования, быта и причин, вызвавших в Крыму смуту и для установления виновников ее.

3. Предать всех, вызвавших своими действиями смуту и руководивших ею, военно-окружному суду, невзирая на чин и положение»³².

Между тем, Орлов, запутавшийся окончательно, предпринимал уже в Ставке при посредничестве известного соц.-рев. Баткина некоторые шаги, с целью подготовить себе путь отступления. 10 февраля он подчинился приказу и вышел с отрядом на фронт. Слащев, вопреки приказанию Шиллинга — расформировать отряд, распределив его по частям корпуса, — сохранил его в виде отдельной части, проявляя и к ней, и к Орлову исключительное внимание. Содружество их продолжалось недолго: 3 марта Орлов самовольно снял отряд с фронта и повел его в Симферополь. Посланные вслед Слащевым части огнем рассеяли отряд. Орлов с несколькими человеками бежал в горы — на этот раз окончательно.

Крымские события порадили множество самых нелепых слухов, волнуя общественность, и отражались неблагоприятно на фронте. Непонимание происходящего было настолько велико, что первое время орловское выступление было взято под покровительство кубанской самостийной печатью и «Утром Юга», которые видели в нем «движение чисто политическое — восстание революционного офицерства против правых генералов...» Потом они были весьма смущены.

Я не соглашался сменить Шиллинга³³ не только потому, чтобы не дать удовлетворения офицерской фронде, но и по другой причине: Кавказский фронт катился к морю, назревала эвакуация. Управление и штаб ген. Шиллинга само собой упразднялись с переездом в Крым главнокомандующего.

Во всяком случае, как показало ближайшее время, положение в Крыму не было так безнадежно, как оно представлялось участникам описанных выше событий. Крым был сохранен, хотя и не улеглось поднятое там волнение.

Брожение во флоте продолжалось.

Ген. Шиллинг, сместив Ненюкова, назначил временно командующим флотом прибывшего из Константинополя адм. Саблина. Когда в Севастополь прибыл новый командующий адмирал Герасимов, Саблин отказался сдать ему должность. Прошло несколько дней, пока сношениями с Феодосией, где пребывал Шиллинг, и со Ставкой не ликвидировано было это новое выступление. Саблин перешел на пароход «Александр Михайлович», где имел местопребывание и барон Врангель. Бубнов уехал в Константинополь, но его кружок продолжал работать, не стесняясь даже посвящать адм. Герасимова в свои предположения о перевороте. Под влиянием этих обстоятельств Герасимов счел себя вынужденным посоветовать ген. Врангелю «на время уехать, так как около его имени творятся здесь в Севастополе легенды и идет пропаганда против главного командования». Барон ответил ему, что «подумает об его словах»³⁴.

В двадцатых числах февраля генерал Хольман имел разговор со мною:

— Ваше превосходительство, вы предполагаете дать какое-нибудь назначение ген. Врангелю или нет?

— Нет.

— В таком случае, может быть, лучше будет посоветовать ему уехать?

— Да, это было бы лучше.

В результате этого разговора Хольман написал письмо барону Врангелю в тоне исключительно доброжелательном:

«...Я глубоко уверен, что Ваш разрыв с генералом Деникиным явился следствием того, что Вы, как это часто бывает с искренними патриотами во время смуты, недостаточно поняли друг друга.

При таких отношениях служить вместе бывает слишком тяжело.

Мне причинило глубокую боль просить Вас оставить Крым, так как, искренне веря в Ваши лучшие намерения и преданность Родине, я все же счел правильным и полезным для настоящего положения просить Вас сделать это».

Генерал Врангель излагает этот эпизод так: английский адм. Сеймур, находившийся в Севастополе, от имени ген. Хольмана передал ему мое «требование оставить пределы России».

Врангель выехал в Константинополь, предварительно отправив мне с нарочным обличительное письмо. Все существенное из него мною приведено было дословно в соответствующих главах. Остается дополнить лишь немного:

Про меня генерал Врангель говорил:

«Вы видели, как таяло Ваше обаяние и власть выскальзывала из Ваших рук. Цепляясь за нее, в полнейшем ослеплении, Вы стали искать кругом крамолу и мятеж...

Отравленный ядом честолюбия, вкусивший власти, окруженный бесчестными льстецами, Вы уже думали не о спасении Отечества, а лишь о сохранении власти...»

Про себя барон говорил:

«Русское общество стало прозревать... Все громче и громче... назывались имена начальников, имя которых среди всеобщего падения нравов оставалось незапятнанным... Армия и общество... во мне увидели человека, способного дать то, чего жаждали все».

Наконец, про армию:

«Армия, воспитанная на произволе, грабежах и пьянстве, ведомая начальниками, примером своим развращающими войска,— такая армия не могла создать Россию».

Вероятно, такое широкое обобщение впоследствии сочтено было не отвечающим политическому моменту. Ибо со вступлением генерала Врангеля на пост главнокомандующего все старшие начальники остались на своих местах³⁵, были награждены чинами, орденами и титулами. А через год в Константинополе в официальном опровержении приписанных ему корреспондентом «Последних новостей» слов, барон заявил: «Я никогда не говорил и не мог говорить, что белое движение требует каких-то оправданий, что «наследие Деникина — разрозненные банды». Я два года провел в армии ген. Деникина, сам к этим «бандам» принадлежал, во главе этих «банд» оставался в Крыму и им обязан всем, что нами сделано».

Сначала с парохода «Александр Михайлович» в Севастополе, потом из посольского дома в Константинополе, где остановился ген. Врангель, копии памфлета распространялись сотнями и тысячами экземпляров — по Крыму, в армии, за границей. Распространялись усердно и всякими способами.

В Константинополе, например, «генералы Врангель и Шатилов,— пишет одесский журналист С. Штерн,— зная, что я еду в Париж и связан с тамошними литературными и политическими кругами, детально изложили мне историю взаимоотношений Врангеля и Деникина. Запись беседы с ген. Шатиловым у меня сохранилась, но воспроизводить ее нет смысла, так как сообщенное ген. Шатиловым совпадает с сущностью опубликованного впоследствии письма Врангеля к Деникину»³⁶.

И после моего отъезда из России письмо это печаталось и рассылалось в войсковые части. В дело агитации вовлечена была и церковь. Один из наиболее активных деятелей предполагавшегося переворота, епископ Вениамин, ставший после моего ухода протопресвитером военного и морского духовенства, рассылал в полки проповедников, которые порочили имя ушедшего главнокомандующего. Письмо это появлялось и в иностранной прессе.

Я ответил генералу Врангелю кратко³⁷:

«Милостивый государь, Петр Николаевич!

Ваше письмо пришло как раз вовремя — в наиболее тяжкий момент, когда мне приходится напрягать все духовные силы, чтобы предотвратить падение фронта. Вы должны быть вполне удовлетворены...

Если у меня и было маленькое сомнение в Вашей роли в борьбе за власть, то письмо Ваше рассеяло его окончательно. В нем нет ни слова правды. Вы это знаете. В нем приведены чудовищные обвинения, в которые Вы сами не верите. Приведены, очевидно, для той же цели, для которой множились и распространялись предыдущие рапорты-памфлеты.

Для подрыва власти и развала Вы делаете все, что можете.

Когда-то, во время тяжелой болезни, постигшей Вас, Вы говорили Юзефовичу, что Бог карает Вас за непомерное честолюбие...

Пусть Он и теперь простит Вас за сделанное Вами русскому делу зло.

А. Деникин».

Были и другие претенденты на власть.

В начале марта ген. Слащев совместно с герцогом С. Лайхтенбергским и помощником Шиллинга Брянским замыслили устранить Шиллинга. Цель — вступление во власть в Крыму Слащева, поводы — обвинение, предъявленное Брянским, кото-

рый «настаивал на том, чтобы произвести обыск (у ген. Шиллинга), и гарантировал обнаружение незаконных денег и вещей»³⁸. В последнюю минуту, однако, Брянский смутился и вышел из игры. В своем рапорте и письме на имя Шиллинга от 9 и 10 марта он объяснял свой поступок тем, что «любил (Шиллинга) как отца», но, будучи посвящен в намерения Слащева и герц. Лейхтенбергского убить Шиллинга, в случае отказа его подать в отставку³⁹, он, Брянский, «борясь с этим планом, предлагал всякие средства, включая арест (Шиллинга) и обыск в (его) доме»⁴⁰.

Как предполагал использовать власть Слащев — неизвестно; сам же он пишет по этому поводу: «Я первый ему (ген. Врангелю в Константинополе) через графа Гендрикова сообщаю: ехать дальше вам нельзя, возвращайтесь — но, по политическим соображениям, соедините наши имена, а Шатилову дайте название — ну хоть своего помощника...»

В начале марта бывшие тогда не у дел генералы Покровский и Боровский посетили ген. Кутепова и, «решившись посвятить его в свои предположения», осведомлялись, как отнесся бы Добровольческий корпус к перевороту в пользу ген. Покровского? Ген. Кутепов ответил, что ни он, ни корпус Покровскому не подчинятся.

В каких-то сложных политических комбинациях было замешано и английское дипломатическое представительство в лице ген. Киза. Мне известен его проект реорганизации власти Юга, с предоставлением главнокомандующему только военного командования. Предложение это предполагалось им поставить в ультимативной форме. По-видимому, в известной связи с такими планами находились волновавшие Новороссийск слухи о предполагаемой англичанами оккупации. «Из английских кругов, — телеграфировал мне 10 января Лукомский, — зондировали почву у Шликевича, председателя земского союза, не пойдет ли он в председатели «Русского Совета» по управлению Черноморской губ., в случае назначения сюда генерал-губернатора англичанами».

Военное английское представительство отнеслось, однако, совершенно отрицательно к такого рода вмешательству в русские дела.

Позднее, когда назревала уже эвакуация Новороссийска, ген. Киз интересовался возможностью переворота и с этой целью осведомлялся у ген. Кутепова об отношении к этому вопросу Добровольческого корпуса.

Обстановка, в которой мне приходилось работать последние месяцы, была, таким образом, необычайно сложна и тягостна.

Главной своей опорой я считал Добровольцев. С ними я начал борьбу и шел вместе по бранному пути, деля невзгоды, печали и радости первых походов. С ними кровно и неразрывно связывал я судьбу всего движения и свое дальнейшее участие в нем. Я верил, что тяжкие испытания, ниспосланные нам судьбою, потрясут мысль и совесть людей, послужат к духовному обновлению армии, к очищению белой идеи от насадившей на нее грязь.

Я верил в Добровольцев и с ними мог идти дальше по тернистой дороге к цели заветной, далекой, но не безнадежной.

28 февраля я получил телеграмму от командира Добровольческого корпуса, ген. Кутепова:

«События последних дней на фронте с достаточной ясностью указывают, что на длительность сопротивления казачьих частей рассчитывать нельзя. Но если в настоящее время борьбу временно придется прекратить, то необходимо сохранить кадры Добровольческого корпуса до того времени, когда Родине снова понадобятся надежные люди. Изложенная обстановка повелительно требует принятия немедленных и решительных мер для сохранения и спасения офицерских кадров Добровольческого корпуса и Добровольцев. Для того, чтобы в случае неудачи спасти корпус и всех бойцов за идею Добровольческой армии, пожелавших пойти с ним, от окончательного истребления и распыления, необходимо немедленное принятие следующих мер, с полной гарантией за то, что меры эти будут неуклонно проведены в жизнь в кратчайшее время. Меры эти следующие:

1. Немедленно приступить к самому интенсивному вывозу раненых и действительно больных офицеров и Добровольцев за границу.

2. Немедленный вывоз желающих семейств офицеров и Добровольцев, служивших в Добровольческой армии, в определенный срок за границу, с тем, чтобы с подходом Добровольческого корпуса к Новороссийску возможно полнее разгрузить его от беженцев.

3. Сейчас же и, во всяком случае, не позже того времени, когда Добровольческий корпус отойдет в район станции Крымской, подготовить три или четыре транспорта, сосредоточенных в Новороссийске, конвоируемых наличными четырьмя миноносцами и подводными лодками, которые должны прикрыть посадку всего Добровольческого корпуса и офицеров других армий, пожелавших присоединиться к нему. Вместимость транспортов не менее десяти тысяч человек с возможно большим запасом продовольствия и огнеприпасов.

4. Немедленная постановка в строй всех офицеров, хотя бы и категористов, которые должны быть влиты в полки Добровольческого корпуса и принять участие в обороне подступов к Новороссийску. Все офицеры, зачисленные в эти полки и не ставшие в строй, хотя бы и категористы, не подлежат эвакуации, за исключением совершенно больных и раненых, причем право на эвакуацию должно быть определено комиссией из представителей от частей Добровольческого корпуса.

5. Все учреждения Ставки и правительственные учреждения должны быть посажены на транспорты одновременно с последней грузящейся на транспорт частью Добровольческого корпуса и отнюдь не ранее.

6. Теперь же должна быть передана в исключительное ведение Добровольческого корпуса железная дорога Тимашевская — Новороссийск с узловой станцией Крымская включительно. Никто другой на этой линии распоряжаться не должен.

7. С подходом корпуса в район ст. Крымская вся власть в тылу и на фронте, порядок посадки, все плавучие средства и весь флот должны быть объединены в руках командира корпуса, от которого исключительно должен зависеть порядок посадки на транспорты и которому должны быть предоставлены диктаторские полномочия в отношении всех лиц и всякого рода военного казенного и частного имущества и всех средств, находящихся в районе Крымская — Новороссийск.

8. Дальнейшее направление посаженного на транспорты Добровольческого корпуса должно будет определиться политической обстановкой, создавшейся к тому времени, и, в случае падения Крыма или отказа от борьбы на его территории, Добровольческий корпус в том или ином виде высаживается в одном из портов или мест, предоставленных союзниками, о чем теперь же необходимо войти с ними в соглашение, выработав соответствующие и наиболее выгодные условия интернирования или же поступления корпуса на службу целую частью.

9. Докладывая о вышеизложенном Вашему Превосходительству, я в полном сознании своей ответственности за жизнь и судьбу чинов вверенного мне корпуса и в полном согласии со строевыми начальниками, опирающимися на голос всего офицерства, прошу срочного ответа для внесения в войска успокоения и для принятия тех мер, которые обеспечат сохранение от распада оставшихся борцов за Родину.

10. Все изложенное выше отнюдь не указывает на упадок духа в корпусе, и если удалось бы задержаться на одной из оборонительных линий, то определенность принятого Вами на случай неудачи решения внесет в войска необходимое успокоение и придаст им еще большую стойкость.

Кутепов».

Вот и конец.

Те настроения, которые сделали психологически возможным такое обращение Добровольцев к своему главнокомандующему, предопределили ход событий; в этот день я решил бесповоротно оставить свой пост. Я не мог этого сделать тотчас же, чтобы не вызвать осложнений на фронте, и без того переживавшем критические дни. Предполагал уйти, испив до дна горькую чашу новороссийской эвакуации, устроив армию в Крыму и закрепив крымский фронт.

Командиру корпуса я ответил:

«Генералу Кутепову. Вполне понимая Вашу тревогу и беспокойство за участь офицеров и Добровольцев, прошу помнить, что мне судьба их не менее дорога, чем Вам, и что, охотно принимая советы своих соратников, я требую при этом соблюдения правильных взаимоотношений подчиненного к начальнику. В основание текущей операции я принимаю возможную активность правого крыла Донской армии. Если придется отойти за Кубань, то в случае сохранения боеспособности казачьими частями будем удерживать фронт по Кубани, что легко, возможно и весьма важно. Если же казачий фронт рассыплется, Добровольческий корпус пойдет на Новороссийск. Во всех случаях нужен выигрыш времени. Отвечаю по пунктам:

1. Вывоз раненых и больных идет в зависимости от средств наших и даваемых союзниками. Ускоряю, сколько возможно.

2. Семейства вывозятся, задержка только от их нежелания и колебаний.

3. Транспорт подготовляется.

4. Как Вам известно — таково назначение Марковской дивизии.

5. Правительственные учреждения и Ставка поедут тогда, когда я сочту это нужным. Ставку никто не имеет оснований упрекать в этом отношении. Добровольцы должны бы верить, что главнокомандующий уйдет последним, если не погибнет ранее.

6. Железная дорога Тимашевка — Новороссийск Вам передана быть не может, так как она обслуживает и Донскую армию. Это возможно лишь при тех исключительных условиях, о которых говорил во вступлении.

7. Вся власть принадлежит главнокомандующему, который даст такие права командиру Добровольческого корпуса, которые сочтет нужными».

День 28 февраля был одним из наиболее тяжелых в моей жизни.

Ген. Кутепов, прибыв в один из ближайших дней в Ставку, выражал сожаление о своем шаге и объяснял его крайне нервной атмосферой, царившей в корпусе на почве недоверия к правительству и казачеству. «Только искреннее желание — помочь Вам расчистить тыл руководило мною при посылке телеграммы», — говорил он.

Эта беседа уже не могла повлиять на мое решение.

(Окончание следует)

Примечания автора

1. Письмо от 22 января.
2. Генерал для поручений. Раньше был адъютантом ген. Алексева, потом моим. Летом 1919 г. принял Дроздовский конный полк, во главе которого храбро и удачно дрался в Черниговском направлении, где и был тяжело ранен. Разделил со мной изгнание.
3. Штаб-офицер для поручений. После моего ухода вернулся в Дроздовскую дивизию, на должность рядового; потом доблестно водил в бой полковые команды и дважды был тяжело ранен.
4. В 1926 году служил простым рабочим на заводе в Париже, где и умер от разрыва сердца.
5. Эвакуация Новороссийска возложена была на бар. Врангеля, по его же просьбе, генералом Лукомским.
6. До падения Одессы ген. Лукомский считал наилучшим решением вопроса, «ввиду несоответствия Слащева» — перемещение ген. Шиллинга в Крым и назначение в Одессу ген. Врангеля.
7. По записке Н. И. Астрова.
8. 4 февраля ген. Лукомский доносил, что разрешил ген. Врангелю проехать в Крым «впредь до (моего) разрешения по его рапорту».
9. Телегр. моя начальникам англ. и франц. миссий 22 декабря, № 017344.
10. Телегр., № 84/109.
11. Телегр. его от 22 января, № 139.
12. Доклад ген. Шиллинга от 11 февраля 1920 г., № 0231593.
13. Большая часть войск Новороссии перешла в Крым. В непосредственном распоряжении Шиллинга были войска Киевской области и небольшая часть боеспособных галичан.
14. Письмо нач. одесск. английск. миссии генералу Шиллингу от 8 января, № 41.
15. Между Каменец-Подольском и Проскуровом.
16. Особенно 12, 17, 23 января и 11, 26, 29 февраля.
17. Я. Шафир «Орловщина». Сов. издание.
18. Из донесения ген. Лукомского от 4 февраля 1920 г.
19. Из записки ген. Шиллинга.
20. По инициативе кружка Бубнова.
21. Ген. Лукомский приехал в Севастополь по случаю смерти своей матери.
22. Из записок ген. Шиллинга.
23. Записка ген. Шиллинга и письмо Лукомского 6.3.1921 г.
24. То же письмо Лукомского.

25. Из письма ген. Лукомского.
26. Телегр., № 0231483.
27. О полной непригодности Ненюкова свидетельствовал и ген. Лукомский.
28. Телегр. вх. № 194.
29. Телеграмма получена была мною через день или два. Подписали ее: Ненарокомов, Решетовский, Неверов, Глинка, Иванов, Н. Савич, гр. Апраксин, кн. Гагарин, В. Келлер, Тесленко, Дерюжинский и друг. Эти лица, входившие в «Совещание обществ. деятелей Ялты», еще дважды потом обращались — ко мне и Шиллингу — с тем же ходатайством.
30. Ген. Шиллинг находился в Джанкое.
31. Копия этой телегр. была послана мне ген. Лукомским 10 февраля.
32. Барон Врангель отнес к себе пункт 3-й приказа.
33. Сенаторская ревизия ген. Макаренко закончила свои действия в управление ген. Врангеля. Результаты ее не были опубликованы и мне неизвестны. В день прибытия моего в Феодосию ген. Макаренко сделал мне краткий личный доклад о первой части своей работы — Одесской эвакуации. По его словам, ничего предосудительного в действиях ген. Шиллинга обнаружено не было.
34. Из записки адм. Герасимова.
35. Впоследствии были суждены и уволены генералы Сидорин и Кельчевский по политическому делу.
36. «В огне гражданской войны».
37. Передаю впервые гласности.
38. Телегр. Слащева 8 марта, № 10023.
39. Разговор, происходивший, якобы, 6 марта в Джанкое между Слащевым, Лейхтенбергским и Брянским.
40. Над Брянским назначено было следствие, законченное при ген. Врангеле. Результаты его не были опубликованы.

Отклики в США на отмену крепостного права в России

Н. Н. Болховитинов

Проблема рабства в США и крепостничества в России издавна занимала центральное место в истории обеих стран. Знаменательно в этой связи одно совпадение. В 1852 г., когда в США отдельным изданием вышла «Хижина дяди Тома» Г. Бичер-Стоу, в России появились «Записки охотника» И. С. Тургенева, до этого печатавшиеся в журнале «Современник» (1847—1851 гг.). Книга Тургенева была сразу же с восторгом встречена не только в России, но и на Западе — в Германии, Франции и Англии¹. А как к ней отнеслись в США? А. И. Герцен упоминал в письме к М. К. Рейхель от 23 сентября 1853 г., что «в Америке в *Revue* немецком переведены Тургенева рассказы охотника» и что его самого там «тоже с симпатией читают», но проверить это свидетельство пока не удалось. Более того, утверждалось, что до 1867 г. имя Тургенева в американской периодике встречалось лишь однажды — «в статье Е. [правильно Т.— Н. Б.] Робинсон «Рабство в России», напечатанной в апрельской книжке журнала «*The North American Review*» за 1856 г.²

Между тем, осенью 1854 г. по крайней мере в двух американских журналах появились отрывки из «Хоря и Калиныча», «Двух помещиков», «Бурмистера» и некоторых других рассказов Тургенева вместе с обстоятельной статьей «Фотографии русской жизни», заимствованной из «*Fraser's Magazine*» (Лондон)³. Таким образом, почти одновременно с европейскими читателями американцы получили возможность познакомиться с замечательными рассказами Тургенева. Во вступительной статье отмечалось, что в русском оригинале «Записки охотника» вышли в Москве два года назад, а в 1854 г. были опубликованы в переводе Э. Шаррьера⁴. Любопытно, что рассказы Тургенева оценивались как «Русская «Хижина дяди Тома», но без ее крови и пороха»⁵.

Не менее любопытно, что первым, кто предсказал неизбежный в будущем распад федерального Союза, оказался русский литератор и путешественник Иван Головин, посетивший США в 1855—1856 гг. и издавший в Нью-Йорке книгу своих впечатлений в виде писем различным лицам — Виктору Гюго, Алексису де Токвиллю, Адаму Гуровскому и др. В письме к популярному в то время американскому литератору Ф. Б. Гудричу Головин высказал убеждение, что судьба предназначила Соединенным Штатам не завоевание Кубы или Мексики, как это обычно считалось, а распад (*disunion*). «Союз не просуществует и восьми лет,— писал Головин в 1856 г.,— всякий компромисс невозможен, и нарыв должен прорваться. Но даже это несчастье, возможно, принесет большее добро. Южные штаты, предоставленные самим себе, поймут невозможность идти вперед в промышленности и торговле

Болховитинов Николай Николаевич — академик, руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН.

вместе с рабством, тогда как сейчас они невосприимчивы к учению своих северных братьев»⁶.

Можно только позавидовать точности предсказания малоизвестного в США русского. Ровно через шесть лет произошел раскол Союза и началась Гражданская война.

Не меньший интерес представляет также проведенное Головиным сравнение американского рабства с русским крепостничеством. Обращая внимание на сходство этих двух систем принудительного труда, русский радикал, который ненавидел крепостничество, стремился доказать, что оно было даже хуже американского рабства. «Крепостной становился солдатом, а негр — нет. Это должно было бы считаться преимуществом первого, но это не так: я никогда не видел, чтобы крепостной был бы рад стать рекрутом». (Аргументация Головина, вообще говоря, довольно уязвима. Его утверждение скорее может быть истолковано в пользу крепостного, поскольку служба в армии оказывалась тяжелее, чем доля крепостного крестьянина).

Или другой пример: «Русские крестьяне часто восстают против своих хозяев, и нередко их убивают. Подобное совершенно неслыхано на плантациях». Поскольку Головин, конечно, не был защитником рабства в Америке, как иностранец, он был несколько снисходителен к «особому институту». Впрочем, это ему не помогло. После того, как его «впечатления» появились на страницах нью-йоркской «Tribune», раздраженные защитники рабства обиделись уже самим фактом сравнения «русского рабства» с американским⁷.

Надо полагать, однако, что реакция другой части американского общества на замечания Головина оказалась совсем иной. Во всяком случае в романе Н. Г. Чернышевского «Что делать?» Д. С. Лопухов-Бюмонт, рассказывая о своей жизни в Соединенных Штатах, сообщал: «Я написал несколько статей в «Tribune» о влиянии крепостного права на все общественное устройство России. Это был недурной новый аргумент аболиционистам против невольничества в южных штатах, и я сделался гражданином Массачусетса...»⁸.

Какие же статьи о России и крепостном праве печатались в этой газете? В августе-декабре 1858 г. на ее страницах систематически помещались обширные и занимательные путевые очерки американского литератора Б. Тейлора, путешествовавшего по европейской части России. В отдельных случаях Тейлор затрагивал вопрос о крепостном праве и уже в первой статье подчеркивал, что Россия очень нуждается в «классе предприимчивых земледельцев»⁹.

В целом, однако, очерки американского путешественника касались главным образом внешней стороны русской жизни: Тейлор подробно описывал Москву, Петербург, Пулково, Николаевскую железную дорогу, посещение Царского Села, Павловска, поездку в балтийские провинции и его статьи явно нельзя отнести к тем, которые упоминались Чернышевским в романе «Что делать?», что, конечно, не умаляет их значения в истории русско-американских культурных связей. Показательно, что статьи Тейлора были с интересом встречены многочисленными читателями «Tribune» и уже в 1859 г. опубликованы в США отдельным изданием¹⁰.

Кроме серии статей Тейлора, «Tribune» систематически печатала на своих страницах в конце 1850-х годов и другие заметки о России и крепостном праве, которые имели по преимуществу информационный и фактологический характер, заимствовались из различных, в том числе и русских изданий. Особый интерес представляла редакционная статья, посвященная сравнительному анализу крепостничества в России и рабства в Соединенных Штатах. В статье, в частности, говорилось, что подавляющее большинство американских рабовладельцев (309863 человека) владело менее чем 20 рабами. В России помещики владели обычно гораздо большим числом крепостных. Кроме того, в России имелся класс особо крупных собственников (1447 человек), каждый из которых имел 2000 и более крепостных (в целом они владели более 6 567 066 душами). Один только граф Шереметев имел более 300 тыс. крепостных¹¹.

Но если говорить о наиболее вероятном варианте, то Чернышевский читал, или во всяком случае знал о двух статьях «Об освобождении крестьян в России», опубликованных в «Tribune» 17 января 1859 г. и принадлежавших перу К. Маркса¹².

У нас теперь не любят ссылаться на К. Маркса и Ф. Энгельса. Между тем, во многих случаях из работы сохраняют значение исторического источника. Маркс

и Энгельс были современниками событий, они печатали свои статьи в газете, имевшей огромный тираж и оказывавшей серьезное влияние на общественность Соединенных Штатов. Они не во всем были правы, но это уже другой вопрос. Что же касается статей о крепостном праве, то эти статьи принадлежали к числу лучших материалов, напечатанных в «Тribune» по этому вопросу.

Именно Марксу принадлежит подробный анализ основ, на которых предполагалось произвести освобождение крепостных крестьян в соответствии с докладом Главного комитета по крестьянскому делу от 13 ноября 1858 года. И именно Маркс отметил многие положительные моменты царской реформы, в соответствии с которой «земля действительно должна принадлежать крестьянам, которые становятся ее держателями» и «получают право полностью выкупать свои усадьбы и чьи повинности, хотя и установленные в очень большом размере, однако же должны быть твердо определены законом... Даже дворовые, то есть домашние слуги помещичьего дома, должны получать жалованье и, если желают, могут выкупиться на свободу»¹³.

Весьма обстоятельно Маркс проанализировал данные переписи 1857 г. Общее число крепостных в России (не считая государственных крестьян) составляло 23 750 тыс. «Около 13 000 000 крепостных принадлежат помещикам, владеющим менее чем 1000 крепостных каждый, в то время как остальные 10 750 000 крепостных принадлежат собственникам, имеющим более 1000 душ каждый». Число таких собственников не превышало 4015. Но Маркс не был бы Марксом, если бы не исходил в первую очередь из интересов будущей революции. Именно с такой меркой он подходил и к вопросу об освобождении крестьян в России, заканчивая свою статью в «Тribune» словами:

«Император, разрываясь между государственной необходимостью и практической целесообразностью, между страхом перед дворянством и страхом перед разъяренными крестьянами, наверное будет колебаться; и крепостные, возбужденные до крайности большими ожиданиями и считающие, что царь на их стороне, но что дворяне связывают ему руки, теперь неизбежно начнут восстание. А если это произойдет, то настанет русский 1793 год; господство террора этих полуазиатских крепостных будет невиданным в истории, но оно явится вторым поворотным пунктом в истории России, и в конце концов на место мнимой цивилизации, введенной Петром Великим, поставит подлинную и всеобщую цивилизацию»¹⁴.

Мечтая о победоносной революции и «терроре этих полуазиатских крепостных», Маркс сравнивал революционную ситуацию, сложившуюся накануне 1860-х годов в России и США: «По моему мнению, величайшие события в мире в настоящее время — это, с одной стороны, американское движение рабов, начавшееся со смерти Брауна, и, с другой стороны, — движение рабов в России»¹⁵.

Пророчеству Маркса в отношении русского 1793 г. не суждено было осуществиться и вскоре Маркс утратил интерес к событиям в России. Во всяком случае на страницах «Тribune» уже не появлялись его статьи о положении в России даже тогда, когда весной 1861 г. во всем мире живо обсуждалась отмена крепостного права в России. Все внимание Маркса переключилось на Соединенные Штаты, где на протяжении четырех лет полыхала кровавая Гражданская война.

Информация о положении в России и ходе подготовки отмены крепостного права поступала в США не только из газетных статей, но и по дипломатическим каналам. Регулярно информировал вашингтонское правительство о предстоящей реформе американский консул в Москве Ф. С. Клакстон, приступивший к работе в апреле 1857 года¹⁶. Уже в январе 1858 г. он обратил внимание на существенные различия во мнениях относительно отмены крепостного права: меньшинство полагает, что для страны это будет благом и дворянские состояния не будут затронуты; в то же время большинство опасается, что результатом будет замешательство и анархия, что крестьянство следует предварительно «обучить и подготовить к изменению в их политическом и социальном положении»¹⁷.

По справедливому замечанию Клакстона, эмансипация затрагивала интересы всех классов русского общества¹⁸. Однако, движущей силой в борьбе за реформы, по его мнению, стала либеральная партия, отражавшая интересы «торгового класса», образованных людей и т. д. «Дворяне и собственники, которые выступают против этой меры, шумно выражают свое осуждение, в то время как торговый класс и литераторы — защитники крестьянства, которых можно назвать либеральной

партий следуют английскому и американскому обычаю выступать на общественных обедах, но эти «реформаторские обеды» по распоряжению императора приостановлены и главный начальник полиции предупредил наиболее видных либералов, что подобный способ выражения их патриотизма неприемлем». Показательно, что американский консул проводил прямую аналогию между «ходом событий» в России и развитием ситуации во Франции в 1848 году ¹⁹.

Начав свою миссию в Москве с внимательного ознакомления с состоянием общественно-политической жизни русского общества, Клакстон с начала 1860-х годов почти полностью переключился на выполнение обычных консульских функций. В результате отмена крепостного права в России осталась незатронутой в его донесениях, которые приобрели формальный характер. К счастью, его старший коллега в России американский посланник в Санкт-Петербурге Дж. Эплтон оказался на высоте и посвятил реформе целую серию подробных и интересных донесений. В результате еще до официальной публикации манифеста Александра II от 19 февраля (ст. ст.) 1861 г. в США уже начали поступать сообщения о предстоящем событии.

В донесении от 4/16 февраля 1861 г. Эплтон, извещая госсекретаря о предстоящей публикации царского манифеста, сообщал: «Эмансипация изменит положение одной трети населения империи и затронет благосостояние и доходы почти каждого русского дворянина. Возможно, это станет также началом перемены во всей структуре власти. Вы можете представить поэтому, что в это время, когда так много предстоит сделать дома, Россия не стремится к новым затруднениям за рубежом и употребит все свое влияние, чтобы сохранить мир в Европе» ²⁰.

8 марта на страницах «The New York Times» было опубликовано письмо из Санкт-Петербурга от 10 февраля (ст. ст.), в котором указывалось, что приближается время, когда освобождение крепостных станет фактом. Манифест будет опубликован 3 марта в годовщину вступления на трон Александра II, «царствование которого навсегда будет отмечено этим актом социальной справедливости» ²¹. Некоторое время спустя в той же газете появилось сообщение о выступлении Александра II и князя Гагарина на заседании в Государственном совете. Значительным большинством совет одобрил решение об освобождении крепостных, писала газета, и царский манифест был направлен в типографию ²².

Весьма обстоятельно освобождение крестьян Эплтон прокомментировал в специальном донесении в Вашингтон в начале марта 1861 года. Посланник отмечал, что в своей нынешней форме крепостное право существует в России около трехсот лет. Крепостные (около 22 мл.) составляют примерно треть населения, другую треть составляют государственные крестьяне. Что касается позиции помещиков, то крупные землевладельцы, как правило, занимали более или менее нейтральную позицию. «Реальную оппозицию» составляли мелкие землевладельцы, для которых освобождение крепостных является «вопросом пропитания».

Расширяя свободу находившихся внизу, писал посланник, государство, по мнению дворян, должно одновременно подумать и о расширении «свободы» верхних классов». Отсюда требование конституции. «Возможно — сообщал Эплтон, — что в дальнейшем конституция будет предоставлена и император может пожелать разделить свою ответственность. В этом состоит веление времени».

В результате реформы, считал Эплтон, положение крепостных приблизится к положению государственных крестьян, «но пройдет еще много времени, прежде чем русский крестьянин будет пользоваться свободой и независимостью американского фермера» ²³. Посланник вряд ли думал, что и на пороге третьего тысячелетия русский крестьянин может только мечтать о том, что в 1860-е годы для американского фермера уже стало реальностью.

Наконец, после того, как 5(17) марта царский манифест и подробные «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», утвержденные Александром II 19 февраля (3 марта), были опубликованы, американский посланник вновь обратился к детальному анализу крестьянского вопроса в России. «В стране, где воля одного человека является законом и где нет ни конституции, ни парламента, нет свободы ни для кого», — писал Эплтон, начатые реформы приобретают огромное значение. «Таким образом, император декларировал свободу двадцати трех миллионов человек (22,5 млн. человек в европейской части страны и 0,5 млн. человек на Кавказе и в Сибири), или примерно одной трети всего населения своей

империи. Это начало одного из величайших и самых благотворных изменений в этом столетии»²⁴.

Эпплтон приводил и данные о классовом составе населения России. Всего 111 896 человек владельца 10 717 738 крепостными мужского пола. Это означало, что на каждого владельца в среднем приходилось примерно 96 крепостных. Далее Эпплтон сообщал о 1457 владельцах, которые имели 3 265 842 крепостных, то есть в среднем по 2242 человека. Посланник отмечал, что распределение владельцев и крепостных напоминало соотношение между плантаторами и рабами в США. Между тем, дело обстояло несколько иначе. Число рабовладельцев в США (385 тыс.) в 3,4 раза превышало число владельцев крепостных в России. Только 0,5% американских плантаторов имели 100 и более рабов, тогда как в России каждый помещик в среднем имел 96 крепостных крестьян! Для организации даже небольшой плантации в США требовалось не менее 20 рабов и поэтому подавляющее большинство американских рабовладельцев (89%) даже не могли считаться плантаторами. Тем не менее, учитывая высокую стоимость раба (около 1 тыс. дол.), все они были крайне заинтересованы в сохранении своей «живой собственности».

Позднее, пересылая в Вашингтон дополнительные материалы об освобождении крепостных, Эпплтон справедливо указывал, что при старой системе, без конституции, парламента, без надлежащего суда и при сосредоточении абсолютной власти в руках одного человека, «Россия едва ли могла далее сохранить свое место в Европе среди цивилизованных стран». Теперь же, по мнению посланника, сделан первый шаг для улучшения положения в стране и последовательного завершения реформы²⁵.

Официальные документы об освобождении крепостных в России стали известны в США лишь в первой половине апреля 1861 г. то есть почти одновременно с началом Гражданской войны. 3 апреля 1861 г. «The New York Times» поместила редакционную статью «Эмансипация в России», в которой был дан общий анализ причин и значения проведенной реформы. «Давно было очевидным,— писала газета,— что освобождение стало неизбежным... Правительство в действительности движимо не столько филантропией, сколько политической экономией. Если к этому мы добавим, что страстное желание свободы на протяжении длительного времени получило распространение среди крестьянства, становится очевидным, что по существу выбор заключается между уничтожением крепостного права и революцией, которая до основания потрясет структуру общества».

Редакции «The New York Times» нельзя отказать в правильном понимании существа дела. Отсталый крепостной строй явно изжил себя и отмена крепостного права стала экономически необходимой. (Наоборот, в США плантационное рабство продолжало приносить плантаторам огромную выгоду и поэтому для его отмены потребовалась жестокая Гражданская война)²⁶. Россия, действительно, стояла перед выбором: революция или реформа. Правительство разумно склонилось в пользу реформы. «The New York Times» писала 3 апреля 1861 г., что «социальная революция» в России превратила «двадцать миллионов крепостных в свободных людей». Крепостничество в России лежало в основе «всей административной системы». Уничтожить его, по мнению газеты, означало «вступить в новую социальную систему».

В статье, опубликованной в начале апреля в журнале «The Living Age» (Бостон) выражалась уверенность, что освобождение крепостных станет «первым шагом в нововведениях, которые глубоко затронут Восточную Европу... Религия, политика, обычаи и мораль России — все должно после уничтожения крепостничества пройти через последующую трансформацию, и как глубоко и широко эта трансформация затронет остальной мир, никто из людей, живущих сейчас, не может никак представить»²⁷.

Лишь 9 апреля газеты сообщили о получении текста манифеста Александра II от 19 февраля (3 марта) 1861 г. 10 апреля «The New York Times» поместила текст этого документа из «Journal de Saint Pétersbourg» от 7 марта. В целом же информация о крестьянской реформе в американской печати оказалась достаточно скромной. Основное внимание газет было приковано к событиям внутри США и, в первую очередь, к сессии южных штатов и началу Гражданской войны.

Одной из немногих, действительно серьезных аналитических работ об освобождении крепостных в России, была обширная статья во влиятельном бостонском

журнале «Atlantic Monthly» за июль 1861 года²⁸. Излагая в сравнительном плане историю крепостничества в России и рабства в США, журнал приходил к выводу, что «разница между рабом и крепостным почти столь же велика, как между крепостным и свободным гражданином»²⁹. Главной причиной освобождения крепостных автор статьи считал необходимость создания современной армии. События 1855 г. показали, что Россия не может угнаться за передовыми странами Западной Европы.

«Российский самодержец стремился создать страну свободных людей на месте страны крепостных», в первую очередь потому, что свободные люди становятся «лучшими подданными и лучшими солдатами». Желая иметь «лучших солдат», по сравнению с теми, которые служили его отцу, Александр II и поспешил с осуществлением своих проектов эмансипации. «Свобода индивидуумов могла бы стать средством поставки солдат, которые оказались бы равными фанатикам, которые сопровождали Суворова, или патриотам, которые следовали Кутузову, или мстителям, которые следовали за Александром I в Париж».

Проведя весьма обстоятельный анализ содержания манифеста 19 февраля (3 марта) 1861 г. и других постановлений правительства, автор статьи отмечал, что он не нашел ничего, что бы свидетельствовало о том, что царь стремился предоставить народу политическую свободу. Между тем, для войны нужны не только люди, «но и деньги, притом в большом количестве». Прочным же основанием богатства может стать только промышленность. «Россия — это страна, которая обладает скорее избытком средств к богатству, чем богатством как таковым». Александр II понял, что если каждый человек получит что-то для себя, он добавит что-то и для всей империи. «Многие должны стать богатыми для того, чтобы один, глава всех, мог стать сильным».

Особое внимание в статье обращалось на наличие в России серьезной оппозиции правительству Александра II. Примерно половина дворянства выступала против планов правительства. «В России имеются сецессионисты, и на протяжении следующих двух лет они постараются сделать много, чтобы предотвратить завершение работы, начатой Александром II». Но главную опасность для успешного проведения реформ внутри России автор видел в возможности «вмешательства в дела других стран». Нельзя проводить реформы в России и «одновременно сокрушать реформаторов в других местах». Выражая надежду на успешное завершение реформ в России, автор одновременно отмечал, что делает это не без боязни и страха³⁰.

Своеобразной итоговой оценкой прогресса, достигнутого Россией, явилась статья «обозревателя ветерана» в газете «The New York Times» в декабре 1861 года. В самом начале статьи автор напоминал замечание лондонского «Quarterly Review» о том, что «в мире существуют только две великие развивающиеся страны: Соединенные Штаты и Россия». Поскольку большая часть территории России находится в Азии, сравнивать прогресс России надо не с Европой, а с Азией. В этом случае прогресс Англии по сравнению с европейскими стандартами будет явно уступать прогрессу России. «Взгляните на огромное улучшение в обществе, поощрение искусств и наук, постепенное освобождение крепостных и быстрый прогресс в подготовке народа к свободным институтам», — призывал автор статьи и приходил далее к выводу, что Россия развивается «в параллельном направлении с Американской республикой» и, что «придет время, когда флоты США и России будут диктовать свои условия во всей Азии»³¹.

Примечания

1. ТУРГЕНЕВ И. С. Полное собрание сочинений и писем. В 30-ти т. Т. 3. М. 1978, с. 420-433.
2. МИЛОСЛАВСКАЯ С. К. И. С. Тургенев в оценке своих американских современников. В кн. Литература США. М. 1973, с. 11.
3. The Eclectic Magazine of Foreign Literature, Science and Art. Vol. 33 (Oct. 1854), p. 231--244; Graham's American Monthly Magazine of Literature and Art. Vol. 45 (Nov. 1854), p. 451-461.
4. Mémoires d'un seigneur russe. P. 1854.
5. The Eclectic Magazine. Oct. 1854, p. 232.
6. GOLOVIN I. Stars and Stripes, or American Impressions. N. Y. 1856, p. 274—275.
7. Ibid., p. 97, 99, 101.

8. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ Н. Г. Полн. собр. соч. В 16-ти томах. Т. 11. М. 1939—1953, с. 325.
9. The New York Daily Tribune. 24.VIII.1858, p. 3.
10. TAYLOR V. Travels in Greece and Russia, with an Excursion to Crete. N. Y. 1859.
11. The New York Daily Tribune, 11.XI.1858, p. 4.
12. The New York Daily Tribune. 17.I.1859, p. 5; МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 12, с. 692—701. Вопрос об отмене крепостного права в России рассматривался еще в одной статье Маркса, а также в обзоре Энгельса «Европа в 1858 году». Их не следует включать, как это делает И. А. Попов, в эту группу: «Tribune» публиковала их без какого-либо заголовка. The New York Daily Tribune. 19.X, 29.XII.1858; МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 12, с. 605—608; 671—675. Ср. ПОПОВ И. А. Из американской жизни Дмитрия Сергеевича Лопухова.— Иностранная литература, 1981, № 2, с. 255—256.
13. МАРКС К. и ЭНГЕЛЬС Ф. Соч. Т. 12, с. 695—696.
14. Там же, с. 701.
15. Там же, т. 30, с. 4.
16. Ф. Клакстон — Л. Кассу. 2 октября 1857 г. National Archives and Record Service /NARS/, Record Group (RG) 59. Despatches from the United States Consuls in Moscow (CD Moscow). Vol. 1 (г. 1).
17. Клакстон — Кассу. 1 января 1858 г. // Ibid.
18. Клакстон — Кассу. 1 октября 1858 г., 12 февраля 1859 г. и др. // Ibid.
19. Клакстон — Кассу. 12 февраля 1859 г. Ibid.
20. NARS. RG 59. Despatches from the United States Ministers to Russia (DD. Russia). Vol. 18 (г. 18), № 13.
21. The New York Times, 8.III.1861, p. 5.
22. Emancipation of Russian Serfs.— The New York Times. 26.III.1861, p. 5.
23. Эплтон — госсекретарю. 22 февраля/6 марта 1861 г. № 14. NARS. RG 59. DD. Russia. Vol. 18 (г. 18).
24. Эплтон — госсекретарю, 8(20) марта 1861 г. № 15. NARS. RG 59. DD. Russia. Vol. 18 (г. 18). В качестве приложения к донесению № 15 Эплтон переслал в Вашингтон французский текст манифеста Александра II.
25. Эплтон — Стюарду, 22 мая/6 июня 1861 г. № 18 // NARS. RG 59. DD. Russia. Vol. 18 (г. 18); Foreign Relations of the United States, 1861, p. 285. (В опубликованном варианте цитируемая часть донесения опущена).
26. Подробнее см. История США. Т. 1 (1607—1877). М. 1983, с. 229—234; WOODMAN H. D. The Profitability of Slavery: A Historical Perennial.— Journal of Southern History. Vol. 29 (Aug. 1963); Did Slavery Pay? Boston. 1971; FOGEL R. W. and ENGERMAN S. L. Time on the Cross. Boston. 1974.
27. Emancipation of Serfs in Russia — The Living Age. Vol. 69, № 874 (6.IV.1861), p. 49—60 (from The Saturday Review, 23.II.1861).
28. Emancipation in Russia.— Atlantic Monthly. Vol. 8 (July 1861). Автором статьи скорее всего был профессор истории Мичиганского университета Э. Д. Уайт, который в 1854—1855 гг. служил секретарем американского посольства в Санкт-Петербурге. Перу Уайта принадлежала и другая обстоятельная статья о развитии и падении крепостнической системы в России, опубликованная в том же журнале в ноябре 1862 г. См. /WHITE A. D./ The Development and Overthrow of the Russian Serf System.— Atlantic Monthly. Vol. 10. (November 1862).
29. Atlantic Monthly. Vol. 8. (July 1861), p. 41.
30. Ibid., 53—55.
31. The War from a Remote Point of View. United States and Russia — Their Relations and Progress with Regard to the Future.— The New York Times, 3.XII.1961, p. 2.

СССР и Япония после второй мировой войны

М. Дж. Уимет

Безоговорочная капитуляция Японии в конце второй мировой войны создала некоторый вакуум в Азии, лишившейся одной из сильных держав. Хотя многочисленные соглашения, заключенные союзниками по Антигитлеровской коалиции во время войны, предусматривали такую ситуацию, в конечном счете они оказались в этом отношении неэффективными. Разногласия среди союзников, которые в основном отодвигались в сторону во время войны, вспыхнули теперь с новой силой. Эти конфликты разжигались идеологическими расхождениями, новой геополитической реальностью и, отчасти, взаимным непониманием. В то время как США утверждали свое превосходство в Японии в ходе ее оккупации, советско-японские отношения приняли иную форму. Хотя СССР значительно затмевал в Азии Японию, постепенно росшее партнерство ее с США поднимало ее ставки в этом соперничестве.

В период оккупации и годы, последовавшие сразу за ней, Япония оказалась одним из центров идеологических схваток в холодной войне. Став объектом борьбы за влияние между США и СССР, она сумела использовать это свое положение, чтобы заручиться обширной экономической и политической поддержкой Запада. Данное обстоятельство сильно повлияло на советско-японские отношения. Несмотря на предпринятую в 1956 г. кратковременную попытку нормализовать связи двух стран, напряжение между ними сохранялось. В основе отношений послевоенных Японии и СССР лежали также и разногласия, порожденные холодной войной, а улучшиться они могли только после возобновления дружественных отношений между США и СССР.

Практически члены Антигитлеровской коалиции не говорили об оккупации Японии почти до самого окончания войны. Первые попытки И. В. Сталина обратиться к обсуждению этого вопроса с США имели место лишь в мае 1945 г., во время встречи в Москве со специальным помощником президента Г. Л. Гопкинсом. Гопкинс проинформировал президента Г. С. Трумэна о желании Сталина, чтобы СССР имел свою долю при оккупационном разделе Японии после

Уимет Мэтью — докторант университета Вашингтона, г. Сиэтл (США).

ее поражения, и что Сталин ожидает известий от союзников о разграничении предполагаемых зон оккупации. Трумэн, однако, решительно возражал против советского участия в оккупации. Сталин упорствовал: русский народ «придет в ярость», если СССР не будет участвовать в оккупации после тех жертв, которые можно было ожидать от грядущей войны СССР с Японией. Ответ Трумэна был прямым отказом от «того же вида раздельного правления, которое обстоятельства и необходимость военного положения вынудили нас иметь в Германии»¹.

Первое значительное соглашение союзников, касающееся оккупации Японии, осуществилось фактически лишь накануне японского поражения: во время Потсдамской конференции ее участники провозгласили, что «власть императора и японского правительства по управлению страной будет подчинена Верховному командующему Союзных держав, который примет такие меры, какие считает подходящими, чтобы привести в исполнение условия капитуляции». Затем одобрение союзниками назначения генерала Д. Макартура главнокомандующим оккупационными войсками в Японии закрепило ведущую роль США в этой оккупации. Москва не возражала, хотя и требовала права вето при выборе главнокомандующего. Однако в Вашингтоне рассчитывали на быстрое одобрение кандидатуры Макартура. Думается, что советские руководители полностью не представляли себе, какое влияние на Японию они теряли при этой акции, а осознали утрату лишь позднее.

Утвердившись в должности, Макартур оставил мало места для дебатов. Он решительно утвердил доминирующую роль США в Японии, выпустив в конце августа 1945 г. два официальных заявления: Генеральный приказ № 1 и «Первоначальная политика США в Японии после капитуляции». Первый явился приказом императора, с согласия Макартура, по японским войскам, с разработкой процедуры капитуляции. Японским вооруженным силам на юге Тихого океана, Филиппинах и основных островах Японии предписывалось сдаться американскому Генштабу. Советские же войска должны были принять капитуляцию японцев в Маньчжурии и Корее (севернее 38-й параллели), на Сахалине и большинстве Курильских островов (но не на всех, то есть вопрос о Южных Курилах как бы подвешивался).

По настоянию Сталина приказ был исправлен таким образом, что советская сторона принимала капитуляцию на всех Курилах. Однако Макартур категорически отверг идентичное пожелание Сталина относительно Северного Хоккайдо. Москва приняла возражение Макартура с неудовольствием и опять попыталась сослаться на миф об «общественном мнении русского народа» в официальном ответе: «Этот последний пункт [оккупация Японии] особенно важен для общественного мнения русского народа. Как известно, в 1919—1921 гг. японцы заняли весь советский Дальний Восток. Русская общественность будет глубоко оскорблена, если русские войска не будут иметь соответственно оккупационного пространства в любой части Японии»². Помня, как нелегко было добиться вывода японских войск из советской Сибири в 1921 г., Вашингтон, исходя из этой мысли, сопротивлялся устремлениям Москвы касательно Северного Хоккайдо. В результате СССР не обрел никакой территории на основных японских островах, где он мог бы укрепить свое влияние. Вообще без прямой конфронтации с США этого нельзя было добиться.

Второе американское заявление еще более сокрушило надежды Москвы. Идеи «Первоначальной политики США в Японии после капитуляции» выражали дальнейшие намерения Вашингтона. Япония определялась как состоящая из «островов Хонсю, Хоккайдо, Кюсю, Сикоку и тех мелких отдаленных островов, какие определяются согласно Каирской декларации». Утверждая примат американского влияния в Японии, заявление свидетельствовало также о стремлении поддержать в Японии развитие либеральной капиталистической демократии американского типа. Это явилось двойным ударом по СССР: не только ограничивалось его влияние, но еще и нация, которая должна будет появиться на обломках императорской Японии, окажется полной противоположностью тому, на что наде-

ялись в Москве. Для советского руководства, по-прежнему опасавшегося капиталистического окружения, такая новость стала горькой пилюлей.

Своей декларацией о намерениях Вашингтон открыто вносил идеологический элемент в американо-советскую борьбу за влияние на послевоенный мир. Вместе со спорами о судьбах Германии, Австрии, Ирана, Греции и стран Восточной Европы борьба за Японию стала важной частью нарождавшейся холодной войны. Правда, в самые первые, еще «горячие» дни после победы союзников ничего самоочевидного здесь не выявилось. Даже после многочисленных протестов СССР против оккупационной политики США их лидеры пребывали в неуверенности относительно круга советских намерений на Дальнем Востоке.

Одни предупреждали, что в Москве работали над установлением на Дальнем Востоке политически приемлемого (то есть прокоммунистического) режима вроде того, который возник в Восточной Европе. Среди прочих так думали видные сотрудники посольства США в Москве Дж. Ф. Кеннан и Дж. П. Дэвис. Другие, в их числе американский посол в СССР У. А. Гарриман, хотели выждать и посмотреть, как конкретно станет действовать Москва на Дальнем Востоке, прежде чем высказать окончательное суждение. Заключенный Сталиным и Чан Кайши советско-китайский Договор о дружбе и союзе от 14 августа 1945 г. и обещание Сталина не оказывать помощи китайским коммунистам трактовались Гарриманом как способность Москвы подняться выше идеологии при проведении внешней политики. Только в 1947—1948 гг. полностью стало очевидным, что СССР превратил Маньчжурию в оплот китайских коммунистов.

Пока США укрепляли контроль над оккупированной Японией, советские дипломаты искали возможности ограничения американского влияния через создание межсоюзнических комитетов по надзору. Москва призывала к созданию «Союзного совета для Японии», чтобы четыре ведущие союзные державы могли наблюдать, как осуществляется оккупационная политика. Американские чиновники стремились тогда избегать прямого конфликта и пытались увести обсуждение советского предложения в сторону. Государственный секретарь США Дж. Ф. Бирнс проигнорировал это предложение до такой степени, что даже не доложил о нем Трумэну. Отвечая в сентябре 1945 г. на вопросы представителей прессы о Союзном совете, Трумэн заявил, что не видел официального требования относительно его создания. Одностороннее соглашение было оглашено заместителем госсекретаря Д. Г. Ачесоном: в то время как США вовсе не хотят кого-либо «исключать», заверял он, союзники тем не менее считают Макартура главнокомандующим оккупационными войсками; следовательно, они должны принимать именно его окончательное суждение по всем проблемам, связанным с оккупацией. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов ответил, что после завершения войны чья-то единая власть для Японии не подходит; предпочтительнее было бы создать влиятельную инициативную группу в форме Союзного контрольного совета. Но Бирнс не уступил, и соответствующие переговоры временно прервались, бросив заметную тень на будущее сотрудничество союзников³.

Ситуация еще более ухудшилась после перепалки между Макартуром и советским представителем в Японии генералом К. Н. Деревянко. Последний посетил в октябре Макартура и потребовал, чтобы советские войска (до 30 тыс. человек), которые участвуют в союзнической оккупации, были независимы от власти Макартура. Главнокомандующий так пересказал этот эпизод в автобиографии: «Я категорически отказался. Генерал Деревянко начал говорить почти в оскорбительном тоне и угрожал, что Советский Союз примет меры, чтобы я был уволен с поста главнокомандующего. Он зашел настолько далеко, что сказал, что русские войска выступят, одобряя я это или нет. Я заявил ему, что, если хоть один русский солдат вступит в Японию без моего разрешения, я сразу же брошу в тюрьму всю русскую миссию, в том числе и его. Он слушал и смотрел на меня, как будто не веря своим ушам, и затем довольно вежливо сказал: «Боже мой, я верю, что Вы сделали бы это». Он повернулся и вышел, и больше ничего по этому поводу я не слышал»⁴.

Но усилия успокоить СССР так, чтобы не заключать соглашения о Союзном совете, провалились. Самой большой уступкой США в то время считалось предложение Бирнса и Гарримана о создании Военного консультативного совета, который будет помогать Макартуру в осуществлении им оккупационной политики. Однако, как и у Дальневосточной комиссии (создана по решению союзнических министров иностранных дел в Москве, декабрь 1945 г.), его рекомендации не являются обязательными для главнокомандующего союзными войсками. В таком виде это утешить советских руководителей никак не могло. Наконец Сталин предпринял шаги, чтобы пробить возникший тупик, и провел сравнение между неудачами советской линии в Японии и слабой позицией Запада в вопросе о работе союзных консультативных советов на территории Восточной Европы, освобожденной советскими войсками. В его сравнении ощущалась скрытая угроза, что Румыния, Болгария и Венгрия окажутся заложниками СССР в зависимости от исхода переговоров относительно Японии.

Именно на декабрьской конференции министров иностранных дел в Москве тупик был преодолен достигнутым там соглашением. В нем говорилось о создании «Союзного совета для Японии» и была учреждена Дальневосточная комиссия (официально функционировала с 6 ноября), чтобы предоставить этим органам более значительную роль в определении политики оккупированной Японии. Власть Макартура при этом не пострадала, хотя Союзный совет мог теперь с большей эффективностью оспаривать ее. Данное соглашение явилось частичной победой как для США, так и для СССР. Москва могла теперь играть большую роль в обеспечении того, чтобы Японию не превратили в недружелюбного соседа на Дальнем Востоке. В свою очередь США заручились заверениями, полученными в Москве, что Япония действительно должна стать демократическим государством. Тем не менее, соглашение утверждало ведущую роль именно США как исполнителя «политики превращения побежденной Японии в демилитаризованную, демократическую, дружественную и, в конечном счете, самостоятельную нацию»⁵.

Бирнс уехал из Москвы, гордясь тем, что удалось как-то избежать углубления росшего разрыва между союзниками. Казалось, что московское соглашение до некоторой степени сгладило расхождения США и СССР из-за Японии. Но Трумэн не разделял энтузиазма Бирнса. Возмущенный тем, что госсекретарь не получил его одобрения до выработки окончательного текста соглашения, президент придерживался мнения, что достигнутое соглашение давало слишком много уступок Москве.

Макартур сначала приветствовал соглашение и выразил готовность сотрудничать с новыми органами. Хотя он посетил только первое заседание «Союзного совета для Японии», через заместителя он постоянно информировал Совет о своих мероприятиях и даже подсказывал темы для обсуждения. Затем деятельность советской стороны в Совете настроила Макартура против нее. В американских кругах Деревянко заслужил тогда репутацию человека, который портит любое дело, а его попытки повлиять на новый японский режим через малочисленную, но громко заявляющую о себе Коммунистическую партию Японии (КПЯ) усилили это впечатление о нем. Разногласия холодной войны тоже способствовали частичным неудачам Дальневосточной комиссии. Макартур в свою очередь ухудшил неблагоприятную ситуацию, заявив, что эта комиссия была чем-то таким, «что скорее следовало ставить на место, а не сотрудничать с ней»⁶.

В конце 1940-х годов японская политика США претерпела дальнейшие изменения. От более или менее примиренческой позиции Бирнса она сдвинулась к жесткой оппозиции советскому влиянию, которой придерживался Трумэн. Протоколы Дальневосточной комиссии свидетельствуют о том уже применительно к 1946 году. Комиссия была занята важной работой, связанной с демилитаризацией и демократизацией Японии. 3 апреля 1946 г. было принято решение о наказании японских военных преступников, 2 июля — о новой конституции страны, 18 июля — о реституции награбленной собственности, 6 декабря — об организации японских профсоюзов, и мн. др. Что касается конституции, то, несмотря на

возражения советской стороны, не удовлетворенной предложенным проектом, он прошел в октябре 1946 года. В 1949 г. США наложили вето на попытку СССР добиться пересмотра новой конституции, что в немалой степени было предопределено советской поддержкой китайской революции.

США поддерживали развитие японской промышленности. До 1950 г. это развитие сдерживалось, чтобы не поощрить возрождения японского реваншизма. Еще 14 августа 1947 г. Дальневосточная комиссия приняла решение о сокращении военно-промышленного потенциала Японии. Но когда Вашингтон, после начала войны в Корее, оказался очень обеспокоен коммунистической агрессией, США изменили свой курс. Создания сильной, либеральной и капиталистической Японии теперь, напротив, добивались, чтобы она стала краеугольным камнем антикоммунизма на Дальнем Востоке, для чего США были готовы не только позволить Японии восстановить свою индустриальную мощь, но и увеличить ее внутриаполитические и внешнеполитические права ⁷.

Вашингтон претендовал теперь на Японию как на своего союзника. Это очень тревожило советских руководителей. Но новая линия США вызвала значительную оппозицию даже у других западных держав. И Вашингтон дал указание Макартуру уклоняться от участия в работе Дальневосточной комиссии. К середине 1950 г. она прекратила регулярные заседания, так как они были блокированы разногласиями между Москвой и Вашингтоном. В июне 1950 г. советский представитель покинул комиссию, как раз перед северокорейским вторжением в Южную Корею. Г. Фейс полагает, что страх перед союзом США и Японии дополнительно способствовал советской поддержке Ким Ир Сена. Через территории, находящиеся под контролем коммунистов (Китай, Северная Корея), и сотрудничая с КПЯ, Москва хотела постепенно подорвать влияние США в Японии. Такой сценарий соответствовал долгосрочным советским целям.

Окончательным шагом к японской независимости стало составление проекта мирного договора с Японией. Китайской Народной Республике (КНР) Вашингтон отказал в праве участвовать в договорном процессе. Победа Мао Цзэдуна над Чан Кайши осталась непризнанной и в США, и в Японии. Но последней Вашингтон разрешил определять для себя условия мира с СССР. В 1951 г. на Сан-Францисской конференции Японией и 48 другими государствами был подписан сепаратный мирный договор. Народный Китай, Северная Корея, Народная Монголия и Северный Вьетнам не были приглашены на конференцию, а Индия и Бирма отказались участвовать в ней.

С самого начала советская делегация выступала против ряда поставленных вопросов, а более всего протестовала против намерения Японии стать союзником США и требовала, чтобы Япония после получения независимости оставалась нейтральной. Советские представители возражали также против отсутствия представителей КНР на конференции, ибо подлинный мир на Дальнем Востоке невозможен без участия Пекина. Хотя мирный договор обуславливал отделение Пескадорских о-вов и Тайваня от Японии, эти острова не возвращались под контроль Пекина. Равным образом, Южный Сахалин и Курилы тоже официально не передавались СССР. Москва настаивала на том, чтобы спустя три месяца союзные вооруженные силы были выведены из Японии. Но тщетно. В результате Москва, вместе с Варшавой и Прагой, отказалась присоединиться к подписанию мирного договора. Зато буквально через несколько часов был подписан американо-японский Пакт безопасности, предоставивший США право размещать в Японии или вблизи нее свои вооруженные силы.

28 апреля 1952 г. Япония официально обрела независимость, союзническая оккупация основных японских островов закончилась. СССР же оставался формально в состоянии войны с Японией. Это неестественное положение сохранялось и далее ⁸.

После смерти Сталина в 1953 г. и в СССР, и во всем мире произошел ряд важных перемен. Изменилась и международная ситуация в Азии. Женевская конференция покончила в июле 1954 г. с войной Франции против новых Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. Бандунгская конференция 29 стран Азии и Африки в апреле

1955 г. высказалась против колониализма, за смягчение холодной войны и реализацию пяти принципов мирного сосуществования. Облегчилась разрядка в отношениях западного и восточного блоков. И Москва в 1954 г. проявила инициативу в деле установления новых отношений с Токио. 12 сентября министр иностранных дел Молотов заявил о готовности к нормализации этих отношений. Требованием Москвы было ответное выражение такой готовности со стороны Токио. 11 октября последовала совместная китайско-советская Декларация, призывавшая к мирному сосуществованию с Японией на основе равенства и взаимодействия. Но японский премьер-министр С. Иосида, возглавлявший правительство с 1952 г. до декабря 1954 г., активно противодействовал улучшению отношений с СССР и КНР. Его администрация сумела извлечь значительные политические и экономические выгоды для Японии в той ситуации и опасалась, что при возможном смягчении конфликта эти выгоды утратятся.

Новый премьер И. Хатояма заявил, что его главная внешнеполитическая цель — нормализация отношений с СССР и КНР. 29 января 1955 г. Москва декларировала готовность установить дипломатические отношения с Японией, а 3 июня в Лондоне начались переговоры советских и японских представителей. Посланник Москвы Я. А. Малик настаивал на японском нейтралитете, в то время как посланник Токио призывал восстановить японское правление на Курилах и Южном Сахалине. Через два месяца Москва отказалась от требований о нейтралитете Японии и предложила вернуть Японии два южнокурильских о-ва: Хабомаи и Шикотан. Токио ответил требованием получить еще два южнокурильских острова — Итуруп и Кунашир — и провести в будущем переговоры о статусе Южного Сахалина. Переговоры зашли в тупик. После этого Москва в декабре 1955 г. наложила вето на вступление Японии в ООН, предложив одобрить таковой шаг лишь по заключении советско-японского мирного договора⁹.

15 мая 1956 г. в Москве удалось подписать конвенцию о рыболовстве и соглашение о сотрудничестве при спасении людей на море. Однако рыболовная конвенция не могла войти в силу до того, как будет принято решение по территориальным переговорам. То было серьезной угрозой японской стороне, так как ее рыбоперерабатывающая промышленность существенно зависела от ежегодного улова рыбы в советских водах. Возникла идея заключить промежуточное соглашение, отложив решение о территориях на более позднее время. Эта «формула Аденауэра» была применена несколько раньше, при нормализации советско-западногерманских отношений. Но правительство Хатоямы было связано национальным обязательством отвергнуть любое соглашение, которое не касается судьбы северных территорий (так называют в Японии южнокурильские о-ва). К лету 1956 г. новый полномочный представитель Японии на переговорах, министр иностранных дел М. Сигемицу отказался от японских притязаний на Сахалин, но остался непоколебим в вопросе о северных территориях. И переговоры опять приостановились.

Какую же роль играли США в ходе данных переговоров? Согласно традиционной интерпретации, принятой советскими историками, США пытались помешать советско-японскому сближению. Первоначально это действительно имело место. На заседании Совета национальной безопасности США 7 апреля 1955 г. государственный секретарь Дж. Ф. Даллес говорил, что полная поддержка японских территориальных притязаний к СССР может подорвать американские права на южнояпонские о-ва Рюкю. В мае та же обеспокоенность заставила Даллеса публично заявить, что разрядка в отношениях между Японией и коммунистическими странами может оказаться препятствием при прохождении законопроекта о помощи Японии в конгрессе США¹⁰.

А к июню Вашингтон опять склонился в сторону поддержки японской позиции. Японские участники переговоров с СССР регулярно встречались с американскими представителями, чтобы, если понадобится, быстро отреагировать на любые соответствующие события в Вашингтоне и при необходимости попросить совета. Одна достопамятная консультация такого рода произошла 19 августа 1956

г., после того как на двусторонних переговорах стороны вновь разошлись по территориальному вопросу. Встреча между Даллесом и Сигемицу произошла в резиденции американского посла в Лондоне. Сигемицу спросил, полагает ли Даллес, что последнее советское предложение о возврате Японии о-вов Хабомай и Шикотан будет противоречить Сан-Францисскому мирному договору. Даллес заявил, что признание Японией суверенитета СССР над Курилами определяет более выгодные условия, чем те, которые предоставлены Японией США на японских о-вах Рюкю. Так что, продолжал Даллес, США будут вправе, в соответствии со ст. 26 мирного договора, потребовать своего вечного суверенитета над Рюкю ¹¹.

В имеющихся отчетах о той встрече утверждается, что Даллес стремился оказать давление на японцев, чтобы они не договаривались только о двух островах при заключении мирного договора с СССР. Советские же историки утверждали, что США пытались добиться полного срыва переговоров, заставив Японию оставаться непреклонной в споре о всех северных территориях. Резюме самого Даллеса о той встрече на его последующей пресс-конференции вызвало возражения в японской прессе. Некоторые специалисты полагали, что «так как в Токио еще продолжался процесс формирования собственной позиции, то заявление Даллеса стало еще одним дестабилизирующим элементом, вносящим сумятицу в и без того запутанные обстоятельства» ¹². Однако ясно, что главной целью Даллеса было упрочение позиции Японии в ее намерении вести переговоры с Москвой. Хотя изначально правительство Хатоямы стремилось овладеть всеми четырьмя южнокурильскими островами, активность советских участников переговоров заставила японцев занять далее не столь твердую позицию. Итак, Даллес подчеркнул, что Токио может заявить Москве: если Японию заставят отказаться от Курил, она вынуждена будет отдать и Рюкю. В отчете о заявлении Даллеса далее говорилось: «В своем вводном слове государственный секретарь отметил, что он не обязательно имел в виду, будто США станут фактически настаивать на своем полном суверенитете над Рюкю, а скорее имел в виду, что США вправе это сделать... Государственный секретарь предположил, что Япония могла бы известить СССР о той жесткой линии, какую приняли бы США: если СССР получит все Курилы, то США могут навсегда остаться на Окинаве, и никакое японское правительство не сможет их выжить оттуда». Вскоре чиновники Госдепартамента осознали, что попытка Даллеса помочь японцам вызвала путаницу и уязвила Токио. И в письме к Даллесу его помощник по делам Дальнего Востока порекомендовал, чтобы США отступили от прежней позиции по ст. 26 мирного договора и ссылались далее на интересы не Японии, США и СССР, а всех наций. В свете реакции японцев, кажется, было бы целесообразным избежать ясности «при изложении наших прав» согласно ст. 26 и просто подчеркнуть, что отказавшаяся от суверенитета над северными территориями Япония не имеет права определять судьбу вопроса, который интересует Сообщество наций, а не только Японию и Советский Союз. Такая формулировка позволит США сохранить все свои права, какими бы они ни были, и отказаться признать советский суверенитет, «даже если Япония захочет в конечном счете иметь такую цель». Думая, что СССР не уступит Кунашир и Итуруп, предполагалось найти формулировку, которая позволит Японии по крайней мере избежать отказа от ее претензий на северные территории ¹³.

Тогда Вашингтон не предвидел вероятности того, что Москва когда-либо отступит от своих притязаний на Южные Курилы. Полагая, что вопрос о суверенитете на Курилах следует оставить на международное рассмотрение, Вашингтон все же отверг настояние Токио созвать конференцию по этому вопросу. Госдепартамент, как и раньше, продолжал опасаться, что «на очень представительной конференции могут быть подняты и другие вопросы, например — о статусе Тайваня, что не кажется целесообразным». Так между США и Японией возникла некоторая напряженность. Но она исчезла еще до того, как Токио подписал декларацию совместно с Москвой.

7 сентября 1956 г. японский посол в Вашингтоне позвонил Даллесу. Среди

прочих проблем они обсудили и ход переговоров с Москвой. Даллес постарался разъяснить все недоразумения, которые возникли после его консультации 19 августа с Сигемицу, и заверял, что США хотели лишь помочь Японии, но не имели намерения создавать ей какие-либо трудности. Японский же посол заявил, что «хотя изначально и существовало некоторое недопонимание, но японская пресса постепенно пришла к пониманию намерений госсекретаря». Затем он отметил, что официальные заявления, опубликованные в США относительно о-ов Рюкю, «соответствуют тому факту, что США не имеют к Японии никаких территориальных претензий». Наконец, посол одобрил то обстоятельство, что в переговорах с Москвой применяется «формула Аденауэра». При этом можно будет избежать признания советского суверенитета над всеми Курилами, «оставив это дело для будущего урегулирования».

После устранения недоразумений между Токио и Вашингтоном правительство Японии заявило о своей готовности принять «формулу Аденауэра» для промежуточного соглашения с Москвой. И 19 октября 1956 г. в Москве представители двух стран подписали совместную декларацию о нормализации их отношений. Ее одобрили затем соответствующие законодательные органы, и 12 декабря произошел протокольный обмен ратификационными грамотами. Декларация вступила в силу ¹⁴.

Она начиналась с официального заявления об окончании состояния войны между СССР и Японией. Были восстановлены дипломатические отношения. Все оставшиеся после войны спорными вопросы, за исключением территориальной проблемы, были решены. Японские военнопленные репатриированы из Сибири. Репарационные платежи взаимно отвергнуты. Вступила в действие майская конвенция о рыбном промысле. Гарантировался статус наибольшего благоприятствования обеим сторонам при торговле. СССР признал ст. 5 Сан-Францисского мирного договора, согласно которой Японии предоставлялось право коллективной самозащиты в соответствии со ст. 51 Устава ООН. Тем самым утверждалась легальная основа американо-японского договора безопасности. Декларация призывала продолжить переговоры для заключения всестороннего мирного договора с Японией. Что касается территориального спора, то Москва пообещала вернуть Японии Шикотан и Хабомаи вслед за заключением мирного договора.

18 декабря 1956 г. с согласия СССР Японию приняли в состав ООН. С японской точки зрения главное значение договора 1956 г. состояло в том, что он не закреплял советский суверенитет над всеми Южными Курилами. Вряд ли японцы думали, что статус-кво в этом районе сохранится еще не менее 40 лет. А ближайšie шаги Токио имели двойственный характер. 25 апреля 1957 г. японское правительство заявило о допустимости для Японии владеть атомным оружием в рамках «права на самооборону». Зато 29 июня последовало создание общества «Япония — СССР», а 6 декабря 1957 г. в Токио были подписаны советско-японский торговый договор и соглашения о товарообороте и платежах. Наконец, восстановление дипломатических отношений с СССР, ставшее возможным только после частичного изменения Н. С. Хрущевым советской внешнеполитической линии, и вслед за тем с Польшей, Чехословакией, Болгарией и Румынией прорвало изоляцию Японии от стран советского блока и открыло путь для развития с ними более широких связей.

Примечания

1. FEIS H. Contest Over Japan. N. Y. 1967, p. 13-14; TRUMAN H.S. Memoirs. Vol. 1. Garden City. 1955, p. 442—443.
2. FEIS H. Op. cit., p. 15—16, 19—22.
3. Ibid., p. 43, 46, 64.
4. MACARTHUR D. Reminiscences. N. Y. 1964, p. 285.
5. FEIS H. Op. cit., p.110.
6. Ibid., p. 124, 131—134.

7. GADDIS J.L. *Strategies of Containment*. Oxford. 1982, p. 60.
8. US Department of State: *Foreign Relations of the United States (FRUS)*, 1949. Vol. 7, p. 861; GADDIS J.L. *Op. cit.*, p. 78, 148.
9. Правда, 12.IX. 1954; HELLMANN D.C. *Japanese Foreign Policy and Domestic Politics: The Peace Agreement with the Soviet Union*. Berkeley. 1969, p. 34, 35.
10. История советской внешней политики. Т. 2. М. 1973, с. 269; FRUS, 1955—1957: Japan. Vol. 23, pt. 1. Washington. 1991, p. 43; Асахи, 23. V. 1955 (на япон. яз.).
11. FRUS. Vol. 23, pt. 1, p. 202. Ст. 26 Сан-Францисского договора гласила: «Если Япония заключит мирное соглашение или соглашение касательно военных претензий с любым государством, предоставляя этому государству большие преимущества, нежели те, которые обеспечиваются по данному договору, то такие же преимущества должны быть распространены и на стороны, участвующие в данном договоре» (*Ibid.* Vol. 6, p. 1131).
12. HELLMANN D. C. *Op. cit.*, p. 38.
13. FRUS, 1955—1957. Vol. 23, pt. 1, p. 203, 216—219.
14. *Ibid.*, p. 220, 229.

Татищевское известие о борьбе за Берестье в 1182 году

А. В. Горovenко

Бурные события 1182 г. вокруг Берестья не отразились в сохранившихся летописных сводах и были бы известны исключительно по польским источникам, если бы не существовало альтернативной версии у В. Н. Татищева. Согласно его «Истории Российской», городом в то время владел минский князь Владимир. Против него выступил дрогичинский князь Василько, использовавший войска «ляхов и мазовшан», возглавляемые братом его жены. Борьба за Берестье шла с переменным успехом, но после того как в нее вмешался тесть Василько Дрогичинского, минский князь был окончательно изгнан из города. «А Василько не име чим ляхом заплатити... вваде тестеви городы своя по себе, иже дети не имел. И тако сольщен бысть Василько тестем своим; но Роман Василька и с тестем выгнал»¹.

Татищевский рассказ подкупает изобилием деталей, однако из пяти персонажей лишь один идентифицирован с абсолютной точностью. Это владими́ро-волинский князь (с 1170 г.) Роман Мстиславич. С остальными дело обстоит значительно сложнее.

Некоторые историки (О. М. Рапов, Н. И. Щавелева) называют минского князя Владимиром Володаревичем², хотя отчество у него появляется только во второй редакции «Истории Российской», а откуда оно взялось, выявляется при внимательном изучении первой редакции. Из ее «росписи алфавитической» видно, что Татищев отождествил Владимира минского с одним из князей, упомянутых в его своде при описании полоцкой усобицы 1158 года. Сопоставление этого татищевского текста с соответствующим местом Ипатьевской летописи показывает, что Татищев в данном случае использовал какой-то неисправный ее список. Во всех известных списках, включая Ермолаевский, при описании событий 1158 г. трижды упоминается минский князь Володарь Глебович; у Татищева в одном из этих трех упоминаний вместо верного «к Володареви» стоит «к Володимерови». Татищев не сразу понял, что это дефект использованного им источника, и под его пером появился новый князь. Впоследствии он заметил свою ошибку: во второй редакции при описании событий 1158 г. на месте мифического Владимира появился, как и следовало, Володарь³.

Но тогда Татищев оказался перед необходимостью отыскать в княжеской генеалогии новое место для действовавшего в 1182 г. минского князя Владимира, раз уж он оказался не тождествен правившему в 1158 г. минскому князю. Предположив, что первый был сыном второго, Татищев попросту приписал к имени Владимира отчество «Володаревич». Прием не слишком корректный, но в данном случае, как это ни парадоксально, в нем проявилась добросовестность историка:

Горovenко Андрей Витальевич — учитель, Тамбов.

если бы Владимир минский был его вымыслом, он просто переименовал бы его в Володаря. Летописи такого князя не знают. В «Хронике Ливонии» утверждается, что августинец Майнард начал свою проповедь с разрешения полоцкого князя Владимира; событие это условно датируют 1184 годом⁴. Тожество Владимира полоцкого с татищевским персонажем все-таки не исключено. Впрочем, наличие какого-то источника с упоминанием Владимира минского еще не доказывает его историчности.

Н. М. Карамзин полагал, что татищевское известие о Берестье «смешано с явной ложью»; главным его аргументом был тот факт, что этот город «принадлежал не минским, а волынским князьям»⁵. Следовало бы сделать оговорку: до 1170 и после 1182 года. На протяжении 12 лет судьба Берестья неизвестна. Есть прецедент: вскоре после смерти главы рода волынских князей Мстислава Изяславича (19 августа 1170 г.), вызвавшей раздробление его волости, галицкий князь Ярослав захватил Бужск. Об этом происшествии известно лишь благодаря случайности⁶.

Дрогичинского князя Василько летописи также не знают. Рапов считает его сыном бужского князя Ярополка Изяславича⁷; Щавелева добавляет к этому, что Ярополк «держал Берестейскую землю с 1154 по 1170 год»⁸. Неясно, на чем основано это утверждение. Ярополк умер в 1168 году⁹. Судя по тому, что Бужск, прежде чем выйти из состава родовой волости, достался племяннику Ярополка (Святославу Мстиславичу), Ярополк не имел детей. Татищев же мог считать дрогичинского князя сыном другого Ярополка и вовсе не был уверен в том, какую ветвь генеалогического древа Рюриковичей представляет этот князь. В первой редакции отчество отсутствует, а во второй «сын Ярополков» написано вместе зачеркнутого «Глебов»¹⁰.

Сходная ситуация с братом жены Василько и его тестем. В первой редакции они оставались безымянными. Во второй брат жены Василько назван князем мазовецким¹¹, что Татищев легко мог вывести из упоминания «ляхов и мазовшан» в его войске; ниже тесть Василько назван Лешком, однако имя приписано к тексту позже¹². В то же время на полях против упоминания тестя Василько сделана запись: «Лешек мазовецкий», из чего ясно, что Татищев запутался: очевидно, из доступных ему польских хроник XVI в. он узнал о существовании в описываемое время мазовецкого князя Лешка, однако не мог окончательно решить для себя, кем он приходился дрогичинскому князю — братом жены или тестем.

В рочнике Краковского капитула под 1182 г. записано: «Князь Казимир победил русских. Сын Казимира Болеслав умер»¹³. отождествление малопольского князя Казимира II с тестем Василько дрогичинского напрашивается. Могут возразить, что существование дочери Казимира II и ее брак с дрогичинским князем не подтверждаются польскими источниками. Однако и не вызывающее сомнений наличие другой дочери Казимира II, в 1179 г. выданной за одного из сыновей черниговского князя¹⁴, этими источниками тоже не подтверждается. Что касается брата жены дрогичинского князя, то в нем логично видеть не родного ее брата (Болеслава Казимировича), а двоюродного — Лешка Болеславича (ок. 1165—1186 гг.), княжившего в Мазовии и Куявии.

Есть мнение, что татищевское известие о событиях 1182 г. «не согласуется со сведениями современных событию памятников, и в связи с этим не может быть использовано в качестве источника по рассматриваемому вопросу»¹⁵. Если бы автор написал, что данное известие в принципе не может быть использовано из-за неясности его происхождения, возразить было бы сложно. Однако он рассуждает в другой плоскости. Между тем татищевский рассказ не противоречит лаконичной записи древнейшего польского рочника. Очевидно, А. Б. Головки имел в виду такой памятник, как хроника магистра Винцентия (1160—1223 гг.; краковский епископ в 1207—1218 гг.). Здесь содержится недатированный рассказ о походе Казимира II на Берестье, где он посадил некоего русского князя — «первородного сына своей сестры», разбив у стен этого города войско его противников — Всеволода Белзского и каких-то «князей владимирских» с их многочисленными союзниками. Польский ставленник вскоре умер в завоеванном городе от яда. «Провинцию убитого Казимир, рассчитывая на повиновение, отдает брату его, князю Владимирии и Роману», — сообщает Винцентий¹⁶.

На первый взгляд, перед нами действительно свидетельство современника,

опровергающее татищевскую версию. Однако есть основания думать, что Винцентий работал над своей хроникой уже на склоне дней, уединившись в Енджеевском монастыре после отречения от сана, т. е. в 1218—1223 годах¹⁷. Таким образом, от событий 1182 г. до занесения сведений о них в хронику Винцентия прошло по меньшей мере 36 лет, и хронист едва ли мог описать их вполне точно. В рассказе о событиях вокруг Берестья не осталось решительно ни одной детали, которая не была бы подвергнута сомнению кем-либо из исследователей. В частности, среди известных по Ипатьевской летописи сыновей сестры Казимира и волынского князя Мстислава Изяславича ни один не может быть идентифицирован как безымянный претендент на Берестье.

Некоторые польские историки предлагали на эту роль Святослава Мстиславича; Головка, упомянув об этом, также вставляет имя Святослава в свой пересказ версии Винцентия¹⁸. Но избавиться таким путем от темных мест и противоречий не удается. Так же и когда Ян Длугош (XV в.), перерабатывая тот же сюжет в своей «Истории Польши», назвал загадочного князя Мстиславом¹⁹, ясности от этого не прибавилось²⁰.

В начале 1168 г. Роман Мстиславич был послан отцом, занимавшим в то время киевский стол, княжить в Новгород. Отсюда следует, что он был старшим среди братьев. Через два с половиной года, получив известие о смерти отца (14 августа 1170 г.), Роман переместился из Новгорода на Волынь. Рассказав об этом, летописец мимоходом упомянул о смерти в Берестье его младшего брата Владимира (собственно говоря, во всех списках Ипатьевской летописи, включая Ермолаевский, на месте имени читается только «-мир»²¹, но так оканчивается лишь одно княжеское имя). В соответствующем месте татищевского свода явно использована летопись группы Ипатьевской: разница сводится к тому, что после сообщения о смерти Мстислава Изяславича перечислены его дети — Роман, Святослав и Ярополк (последний в Ипатьевской летописи вообще не упоминается), а умерший в Берестье брат Романа назван Святославом. Составляя первую редакцию «Истории Российской», Татищев почему-то не заметил, что «покойник не умер»: на следующей странице его труда, в полном соответствии с текстом Ипатьевской летописи, Святослав передает свой город Червен во временное владение галицкому княжичу Владимиру Ярославичу, рассорившемуся со своим отцом²². Работа над второй редакцией, Татищев обнаружил противоречие и внес в имена «поправку», которая только усугубила путаницу: вместо Святослава, оставленного умирать в Берестье, теперь договаривался с Владимиром Ярославичем мифический Ярополк²³.

Элемент мистики возникает, когда используют одновременно сообщение Ипатьевской летописи о передаче Святославом Червена и сообщение татищевского свода о его смерти в Берестье. Первое из них Рапов датировал по Н. Г. Березкову, доказавшему, что обозначение года в Ипатьевской летописи в данном случае тремя единицами выше мартовского, так что 6681 г. соответствует здесь 1170/71 январскому году²⁴. Второе же, вырванное из контекста, датировано таким образом, как если бы это был обычный мартовский год. В результате события поменялись местами и оказались разведенными на два года, Святослав получил возможность княжить во Владимире в период пребывания Романа в Новгороде²⁵.

Ясно, что Святослав должен был иметь какое-то более значительное владение, чем Червен; это мог быть Белз, который впоследствии составлял единую волость с Червеном, и владел ею Всеволод Мстиславич²⁶. Щевелева утверждает, что Всеволод был князем белзским с 1170 г.²⁷, хотя он впервые упоминается в Ипатьевской летописи только под 1188 г.²⁸ (сообщение Винцентия о его участии в борьбе за Берестье оспаривается). Но нет нужды «подыскивать» волости для всех четырех Мстиславичей сразу после смерти их отца, когда самому старшему, Роману, было не более 20 лет²⁹. Перед нами пример деда Мстиславичей по матери — Болеслава Кривоустого (умер в 1138 г.), разделившего Польшу между четырьмя старшими сыновьями. Пятый, малолетний Казимир, никаких владений по завещанию отца не получил и долго находился в полной зависимости от старших братьев; только в 1173 г. ему удалось занять стол в Сандомире. Можно предположить, что Всеволод Мстиславич получил Белз и Червен лишь после смерти бездетного брата Святослава (между 1170 и 1185 гг.). В «Слове о полку Игореве» после обращения к Роману ни Святослав, ни Всеволод не названы; автор переходит сразу к двоюродным братьям Романа. Трудно сомневаться в том, что Святослав к 1185 г. умер; Всеволод же,

вероятно, был еще слишком молод; если он родился около 1170 г., то автору «Слова» не было смысла обращаться к безвестному юному князю.

Чтобы хоть как-то примирить данные Ипатьевской летописи с хроникой Винцентия, допустим, что сразу после смерти Мстислава Изяславича Роман сел княжить во Владимире, Всеволод — в Белзе, Владимир — в Берестье, а Святослав — в Червене; допустим, что после смерти Владимира в том же году Святослав получил к Червену Берестье, куда и перенес свой стол, уступив на малое время незначительный Червен Владимиру Ярославичу; допустим, что через 12 лет Роман и Всеволод вдруг ополчились на Святослава и прогнали его из Берестья, что он вернул этот город с помощью Казимира, но вскоре умер от яда, а братья поделили его владения: Роману досталось Берестье, а Всеволоду Червен.

Но если события развивались именно так, то Святослава следует считать самым младшим из Мстиславичей, потому и получившим после смерти отца самое незначительное владение. Между тем Винцентий утверждает, что Казимири помогал «первородному сыну своей сестры, по ошибке отвергнутому братьями, из-за того, что мать по причинам скрытой ненависти наклеветала, будто он [ей] не сын, а был подложен, [когда] не было надежды на потомство»³⁰. Чуть ниже Винцентий сообщает, что горожане Берестья сочли «незаконнорожденного» недостойным главенствовать над другими князьями. Отсюда следует, что Роман и Всеволод долгое время признавали княжившего в Берестье брата старшим. Но в таком случае место его было не в Берестье, а во Владимире!

Таким образом выясняется, что Винцентий, этот современник событий, совершенно не знает иерархии княжеских столов Западной Волыни и сообщает сведения, не укладывающиеся в хронологию, восстанавливаемую по русским летописям и польским рочникам. Он не только не может назвать по именам всех сыновей родной сестры своего князя, но даже не уверен в том, сколько их вообще было; характерно упоминание неких «князей владимирских», там, где речь может идти об одном только Романи.

Здесь встает проблема жанровой принадлежности хроники Винцентия. Крайняя тенденциозность ее автора привела к тому, что многие исследователи отказывались считать его книгу произведением историографии и видели в ней только школьный учебник. Во всяком случае вполне очевидно, что Винцентий писал не хронологический отчет для будущих поколений, а героико-патетическое произведение о великих деяниях поляков и их князей. Отношение его к фактам хорошо видно на примере тех сведений, которые он дает о Романи. Объясняя решение Романа помочь Казимировичам в 1195 г., Винцентий пишет: «Ибо Роман помнил, сколько благодеяний сделал ему Казимир, у которого он почти с колыбели воспитывался, да и на княжество, которым он правил, его посадил Казимир»³¹. Однако младенчество Романа (род. около 1150 г.) приходится на отрочество Казимира (род. незадолго до 1138 г.), поэтому Роман не мог у него воспитываться. Под «княжеством», на которое Романа будто бы посадил Казимир, явно подразумевается Берестье, тогда как оно было такой же «отчиной» для Романа, как и Владимир; даже если Казимир и в самом деле добровольно уступил Берестье его законному владельцу, то увидеть в этом великое благодеяние очень сложно.

Здесь уместно вспомнить татищевскую версию, согласно которой Роман попросту выгнал из Берестья польского ставленника вместе с его тестем. Подлинных обстоятельств борьбы за Берестье в 1182 г. из-за состояния источников выяснить пока нельзя. Зато Ипатьевская летопись подробно рассказывает о событиях 1188 г., когда Роман пытался овладеть Галичем, потеряв в ходе этой авантюры и принадлежавший ему Владимир. «Романови же не был в Ляхох помочи», — замечает летописец³². Ясно, что в помощи отказал Роману именно Казимир, поскольку ниже сообщается, что Роман получил ее от другого своего дяди — Мешко, враждовавшего с младшим братом Казимиром из-за Кракова.

Винцентий был таким же современником событий, как и неизвестный по имени летописец киевского князя Рюрика Ростиславича, труд которого вошел в состав Ипатьевской летописи. Однако польского хрониста не интересуют частности. Его задача — прославить в веках своего князя. И Винцентий сообщает о новом благодеянии, будто бы оказанном Роману: «Щедрый Казимир дает этому за заслуги также Галицкое королевство»³³.

Сообщаемые Винцентием детали ненадежны; а при рассмотрении общей схемы

его рассказа о событиях вокруг Берестья обнаруживается совпадение ряда ее ключевых моментов с татищевской версией: 1) русский князь, претендующий на Берестье, вынужден прибегнуть к помощи своего польского родственника; 2) польский князь одерживает вверх в разгоревшейся борьбе и сажает своего ставленника в Берестье; 3) победа оказывается бесплодной, ибо город вскоре переходит под власть Романа. Последнее обстоятельство представляет особый интерес, поскольку ни в одной из доступных Татищеву польских хроник XVI в. об этом не сообщается³⁴. Эта деталь выпала уже в великопольской хронике конца XIII в., т. е. на ранней стадии формирования польской средневековой историографической традиции. Таким образом, этот факт является общим только для двух независимых источников: хроники Винцентия и неизвестной летописи, использованной Татищевым.

В первой редакции «Истории Российской» утверждается, что фрагмент о борьбе за Берестье взят «из летописца Еропкина»³⁵. Однако доверять этому сообщению не приходится: во второй редакции вместо Еропкина почему-то назван уже другой сотрудник Татищева — Хрущов³⁶. Подобная подмена наблюдается еще в двух случаях³⁷. Из пяти ссылок на Еропкина в примечаниях к первой редакции перешли во вторую только две³⁸, в том числе и та, где высказывается предположение о полоцком происхождении его летописца. В то же время во второй редакции появились два примечания, в которых манускрипт Еропкина признается будто бы лишь вариантом Степенной книги³⁹. В серьезном и обстоятельном комментарии Щавелевой к изданным ею фрагментам хроники Винцентия принято существующее в литературе представление о «Полоцкой летописи» Татищева; к сожалению, оно не имеет под собой надежной опоры. Поэтому сообщение о борьбе за Берестье приходится все же отнести к числу апокрифов.

Примечания

1. ТАТИЩЕВ В. Н. История Российская, Т. 4. М.-Л. 1964, с. 298.
2. РАПОВ О. М. Княжеские владения на Руси в X — первой половине XIII в. М. 1977, с. 61; ЩАВЕЛЕВА Н. И. Польские латиноязычные средневековые источники. М. 1990, с. 129.
3. Ср.: Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М. 1962, стб. 493—496 (см. также различия по Ермолаевскому списку: там же, Приложение, с. 38); ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. 4, с. 252—253; там же. Т. 3. М.-Л. 1963, с. 62—64. Восстановливаемый, таким образом, ход мыслей Татищева доказывается сопоставлением примечаний № 334 к первой редакции (там же. Т. 4, с. 443) и № 475 к второй редакции (там же, т. 3, с. 244).
4. ГЕНРИХ ЛАТВИЙСКИЙ. Хроника Ливонии. М.-Л. 1838, с. 59 и 248.
5. КАРАМЗИН Н. М. История государства Российского. Т.2—3. М. 1991, с. 551, примеч. 87.
6. ПСРЛ. Т. 2, стб. 564. Сын Ярослава Галицкого обещает Святославу Мстиславичу: «Аже ти сяду в Галичи, то Бужьск твои возвьорочю».
7. РАПОВ О. М. Ук. соч., с. 178.
8. ЩАВЕЛЕВА Н. И. Ук. соч., с. 129.
9. 7 марта 6678 года (ПСРЛ. Т. 2, стб. 539). В данном случае обозначение года двумя единицами выше мартовского (БЕРЕЖКОВ Н. Г. Хронология русского летописания. М. 1963, с. 180, п. а); таким образом, дата соответствует 7 марта 1168 январского года.
10. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. 4, с. 127; ср. варианты к тексту: там же, с. 285.
11. Там же. Т. 4, с. 127.
12. Там же. Т. 4, с. 128; ср. варианты к тексту: там же, с. 284.
13. ЩАВЕЛЕВА Н. И. Ук. соч., с. 148.
14. ПСРЛ. Т. 2, стб. 612.
15. ГОЛОВКО А. Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X — первой трети XIII в. Киев. 1988, с. 83—84.
16. ЩАВЕЛЕВА Н. И. Ук. соч., с. 106.
17. Там же, с. 79.
18. ГОЛОВКО А. Б. Ук. соч., с. 83—84.
19. DLUGOSZ. Opera omnia. Т. 11. Cracoviae. 1873, p. 112—113.
20. Версию Длугоша без существенных изменений воспроизводят польские хронисты XVI в.; их известия в первой половине XVII в. использовал составитель Густынской летописи, впервые отождествивший загадочного претендента с галицким княжичем Олегом и приурочивший события к 1188 году. Версию Густынской летописи использовал Рапов; он не

- только не выявляет ее происхождения, но и дает ложную ссылку на ранний источник — Ипатьевскую летопись: ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 564, 657. Подлинный источник другой: ПСРЛ. Т. 2. СПб. 1843, с. 321. Таким образом, путаница, возникшая на страницах средневековых хроник, не изжита поныне.
21. ПСРЛ. Т. 2. стб. 562. Разночтения по Ермолаевскому списку см. там же, Приложение, с. 44.
 22. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. 4, с. 280; ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 564.
 23. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. 3, с. 97. Не его ли, кстати, Татищев считал отцом Василько дрогичинского.
 24. БЕРЕЖКОВ Н. Г. Ук. соч., с. 188, пункт «з».
 25. РАПОВ О. М. Ук. соч., с. 176—177.
 26. Старший сын его наследовал Белз, а младший — Червен (ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 721).
 27. ЩАВЕЛЕВА Н. И. Ук. соч., с. 129.
 28. ПСРЛ. Т. 2. М. 1962, стб. 660, под 6696 мартовским годом.
 29. При описании событий зимы 1149/50 гг. польский князь Болеслав IV назван уже сватом Изяслава Мстиславича (ПСРЛ. Т. 2, стб. 384). Следовательно, Роман родился около 1150 г., что хорошо сочетается с известием о его княжении в Новгороде с 1168 года.
 30. ЩЕВЕЛЕВА Н. И. Ук. соч., с. 105.
 31. Там же, с. 109.
 32. ПСРЛ. Т. 2, стб. 661.
 33. ЩАВЕЛЕВА Н. И. Ук. соч., с. 106.
 34. Татищевский обзор их известий о событиях 1182 г. см.: ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. 4, с. 451—452 (примеч. 382). Мною просмотрены соответствующие тексты хроник М. Кромера, М. Стрыйковского и М. Бельского.
 35. ТАТИЩЕВ В. Н. Ук. соч. Т. 4, с. 451, примеч. 382.
 36. Там же. Т. 3, с. 251, примеч. 530.
 37. Примечания к известиям под 1203 г. (т. 4, с. 457, примеч. 429; ср. т. 3, с. 257, примеч. 569) и под 1218 г. (т. 4, примеч. 589; ср. т. 4, с. 462, примеч. 457).
 38. Примечания к известиям под 1203 г. (т. 3, с. 589; ср. т. 4, с. 461, примеч. 450) и под 1217 г. (т. 3, с. 261, примеч. 597; ср. т. 4, с. 462, примеч. 457).
 39. Там же. Т. 3, с. 249, примеч. 512; с. 250, примеч. 520.

Новые факты о родителях и детстве Г. К. Жукова

А. И. Ульянов

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков не обойден вниманием исследователей ¹. Правда, их увлекает в основном военная биография и годы опалы полководца. Все еще слабо освещен московский (1908—1915 гг.) период его жизни; поистине «белым пятном» остаются детские годы. К сожалению, почти все современники Жукова, которые могли бы рассказать об этом, умерли. До последнего времени основным источником сведений о детстве маршала оставалась его книга воспоминаний ². Между тем эти сведения нуждаются в уточнении. О необходимости нового, «научно выверенного издания» книги уже писал А. М. Самсонов ³, но с тех пор положение не изменилось.

Тем временем в литературе бытуют две даты рождения Жукова по новому стилю — 1 и 2 декабря 1896 г.; сведения о его родителях крайне скупы, бедность семьи Жуковых воспринимается как непреложный факт. Неизвестна судьба многих людей, с которыми он встречался в детстве и юности.

В мемуарах Жуков не указал дату своего рождения по новому стилю, однако известно, что он отмечал его в кругу семьи 2 декабря ⁴. Согласно метрической книге Николаевской церкви села Угодский Завод Малоарсланецкого уезда Калужской губ., будущий полководец родился 19 ноября 1896 г. в дер. Стрелковке, в семье крестьян Константина Артемьевича и Устиньи Артемьевны Жуковых ⁵. 20 ноября младенца крестили. Восприемниками были: крестьянин Угодского Завода К. И. Сорокин и «крестьянская девица» д. Стрелковки Т. И. Петина. Таинство крещения совершили: священник В. Всесвятский и дьякон Ф. Троицкий ⁶. Таким образом, Жуков родился 1 декабря 1896 г. (по новому стилю для XIX в. добавляется 12 дней); назвала его мать по имени святого, считавшегося у крестьян покровителем скотоводства и земледелия.

Та же метрическая книга позволяет установить дату рождения сестры полководца, Марии — 20 марта 1894 года ⁷ и младшего брата, Алексея. В мемуарах Жуков указал, что брат «прожил меньше года», но это не так. Алексей Жуков родился 11 марта 1899 и умер 18 августа 1900 г. «по слабости от рождения» ⁸. Его могила не сохранилась. М. Жукова умерла в 1958 г. и похоронена в Москве, на Новодевичьем кладбище. Ныне покойная А. М. Пилихина рассказала автору семейное предание о сыне Устиньи Артемьевны, Егоре, который трагически погиб в раннем детстве.

Маршал не знал, когда повенчались его родители, и лишь указал, что, когда они поженились, матери было 35, а отцу 50 лет. «У обоих это был второй брак. После первого брака оба рано овдовели» ⁹. Судя по метрическим записям, 27 сентября 1892 г. священник Всесвятский венчал их ¹⁰, вторым браком, причем жениху был

Ульянов Александр Иванович — главный хранитель Государственного музея маршала Г. К. Жукова.

41 год, невесте 26. Брак пришелся на время уборки урожая, обычно же в Угодском крае свадьбы устраивали зимой.

Не подтверждается дата рождения Устиньи Артемьевны, проставленная на надгробии — 14 ноября 1860 года. Родовая фамилия Пилихины появилась в местной документации не ранее 1890-х годов, а Устинья была, очевидно, первым ребенком в семье Артемия Меркулова и Олимпиады Петровой (фамилии — по именам отцов) и родилась 28 сентября 1863 года ¹¹.

Ее брат Михаил разбогател и стал владельцем скорняжной мастерской в Москве. Они поддерживали родственные связи, их дети дружили ¹². Георгий унаследовал от своей матери родовые черты Пилихиных: физическую силу, целеустремленность, властность, крутой нрав.

Неграмотная Устинья Артемьевна не отличалась религиозностью. Односельчане-старожилы, с которыми мне довелось беседовать в 1986—1990 гг. запомнили Устинью «бедовой», «разухабистой», «громогласной». По их отзывам, главой семьи Жуковых была властная Устинья. С 1913 г., после ее тяжелой болезни, в документах местной общины появляются отдельные записи на Константина и Устинью Жуковых. Документы советского времени свидетельствуют о раздельном учете их скота ¹³. Но нет определенных сведений о том, что Жуковы развелись. После эвакуации в 1941 г. Устинья Артемьевна в Стрелковку больше не возвращалась. Умерла она 9 апреля 1944 г. и похоронена на Новодевичьем кладбище.

По мемуарам Жукова трудно восстановить образ его отца. Загадочно выглядит происхождение Константина, взятого вдовой то ли «из приюта», то ли из «сиротского дома». Между тем в 40-х годах XIX в. ни одного из названных детских учреждений в Угодскозаводской волости не было. Зато в документах постоянно упоминается Московский воспитательный дом, откуда брали на воспитание детей местные крестьянки. Существование записки позволяет предполагать, что бабка Георгия была грамотной. Различные документы дату рождения Константина указывают по-разному в промежутке от 1841 до 1851 года. Сын, устанавливая памятник на могиле отца, умершего в 1921 г. (кладбище в с. Жукове, Угодский Завод), написал на нем: «...на 77-м году жизни».

Анна Жукова, давшая приемному сыну свою фамилию, умерла рано. Восьмилетний Константин пошел «в люди», овладел сапожным ремеслом и нашел работу в Москве. Возможно, одной из причин его ухода послужила волостная кампания 1850-х годов по записи лично свободных питомцев Московского воспитательного дома в государственные крестьяне. Книга приговоров сельских сходов, на которые, как правило, являлись все домохозяева общины позволяет проследить, как часто К. Жуков уезжал на заработки в Москву. Неграмотный Константин в случае присутствия на сходе оставлял свою подпись, сделанную за него грамотным крестьянином. Из документов видно, что К. Жуков не был в Стрелковке с января 1896 по январь 1898 года ¹⁴. Вероятно, Георгий родился, когда отец находился в Москве. Поездки в столицу закончились весной 1906 г., когда его оттуда выслали, якобы «за участие в демонстрациях» ¹⁵. Однако среди политических поднадзорных Малоарославского уезда К. Жуков не числится.

Зато подтверждается документально свидетельство маршала об уважении, которым пользовался отец в деревне. В 1898—1913 гг. Константин Артемьевич избирался уполномоченным на волостные сходы и уполномоченным «для хождения по общественным делам»; в 1903 г. его избрали на должность полицейского десятого ¹⁶. Случалось, ему приходилось наказывать и своего сына за хулиганство, но тот воспоинал его с благодарностью: «Я очень любил отца и он меня баловал» ¹⁷. Надолго запомнились ему трактирные посиделки с отцом, на которых Егорка слушал рассказы взрослых о жизни в больших городах. Серьезным пороком К. Жукова было пристрастие к спиртному, столь характерное у сапожников. Пьянство приводило к ссорам в семье и неприязни со стороны Пилихиных. По воспоминаниям старожилов, Константин Артемьевич был подвижен, худошав; несмотря на его средний рост, Устинья казалась выше, потому что держалась «удивительно прямо». Любил детей, причем не только своих; религиозностью не отличался и почти не бывал в церкви.

Бедность Жуковых стала хрестоматийной, и сам маршал подчеркивал в автобиографии: «Отец — рабочий, сапожник», «мать — крестьянка-беднячка». В мемуарах описаны деревенские кулаки, жившие в больших домах, владевшие множеством скота

и учившие своих детей в лучших школах¹⁸. Бедняки, разумеется, работали на них за хлеб, корм и семена. Однако напрасно было бы искать описание тяжелой батрацкой доли Жуковых. Никаких «лучших школ», кроме земских и церковно-приходских, в которые принимали всех детей без различия, в округе не было. Никто в Стрелковке (Стрелковщине) не владел большим количеством скота, чем три коровы и три лошади, да и в этом случае такое изобилие объяснялось большим составом семей¹⁹. В деревне отходников не получило широкого распространения батрачество.

Сомнения разрешаются благодаря сведениям в раскладных приговорах общинных сходов. В январе 1896 г. К. Жуков уплатил налог в размере 17 руб. 3 копейки. Налог дифференцировался в зависимости от доходов крестьян. Зная, как распределялся он по домохозяевам Стрелковки, Жукова придется поместить в группу середняков. Почти за половиной домохозяев числилась недоимка, но Константин Артемьевич долгов не имел. Он даже не получил, собираясь в Москву, положенного ему ярового хлеба. Позже он числится в раскладных приговорах и только в 1899 г. обязуется уплатить 36 руб. 48 копеек. Кстати, сапожное дело считалось в Стрелковке одним из наиболее доходных промыслов²⁰.

Только в 1900 г., лишившись побочных заработков, К. Жуков попал в число нуждающихся и получил из общественного магазина максимальную отпускную норму овса. В том же году умирает его сын Алексей. От ветхости обвалилась крыша дома, простоявшего больше полувека. В январе 1901 г. за Жуковым впервые числится недоимка — 13 руб. 11 копеек. Именно это тяжелое для семьи время, усугубленное неурожаем 1902 г., врезалось в память маленького Егора. Родители собирались даже продать корову, но этого не произошло. Вскоре Жуков купил руб и к зиме семья вселилась в новый дом. В феврале 1903 г. он заплатил 60 руб. и почти целиком погасил недоимку²¹. Это превосходит возможности обычно крестьянской взаимопомощи; вероятно, на выручку своей сестре пришел М. Пилихин.

Обследования имущественного положения Жуковых в 1916 и 1919 гг. показали, что у них была лошадь, корова, теленок, две овцы. Конечно, они не были богатыми людьми, и в 1916 г. Устинья Артемьевна пыталась получить материальную помощь, но их положение следует признать средним по деревне: в Стрелковке жили люди, не имевшие не только скота, но и земли²². Достаток семьи Жуковых в разные годы зависел от побочных заработков, физического состояния Константина и внешних обстоятельств. Несмотря на трудности, Жуковы сумели сохранить свой дом с хозяйственными постройками, земельный надел, скот, инвентарь. Дети неграмотных родителей окончили три класса школы. Семья Жуковых может считаться типичной для Центра России середняцкой семьей.

Известно, что на вопрос отца, кем бы он хотел стать, Егор ответил: «...Хочу в типографию»²³. В конце XIX — начале XX в. Угодский Завод стал культурным центром волости. В начале XX в. здесь появились почтово-телеграфное отделение, добровольная пожарная дружина, были созданы театр, хор, бесплатная библиотека, устраивались школьные новогодние елки. В 1907 г. открылась единственная в округе больница, создателем которой, Н. В. Всесвятский, был отмечен почетным дипломом Всероссийской гигиенической выставки. Культурный расцвет села, охвативший и окрестные селения, в том числе Стрелковку, стал возможен благодаря деятельности подвижников-интеллигентов, вышедших из священнических семей: братьев Всесвятских, Ремизовых, П. Н. Любимовой. Судьба свела Егора Жукова с некоторыми из них. Школа в Величково была построена и содержалась князем Н. С. Голицыным²⁴. Не будь ее, Егор Жуков мог на всю жизнь остаться неграмотным. К сожалению, здание некогда образцовой школы не сохранилось: в декабре 1941 г. его сожгли немецкие оккупанты. Большое влияние оказал на будущего маршала первый учитель, Сергей Николаевич Ремизов, который, по воспоминаниям Жукова, привил ему страсть к книгам.

Память подвела полководца, когда он вспоминал брата учителя: «Николая Николаевича, врача»²⁶. Брата звали Никифор Николаевич. Он никогда не был врачом, а в 1905 г. стал священником. В действительности человеком, спасшим в 1918 г. Жукова от смерти в тифу, был Николай Васильевич Всесвятский — единственный врач волости.

Ни семья, ни среда, в которой воспитывался Егор Жуков, не способствовали приближению его к религии, и неуместны предпринимаемые сегодня попытки изобразить эти обстоятельства иначе.

Представляет интерес судьба людей, с которыми в детстве общался Жуков. Не дожили до 1917 г. священники В. П. Всесвятский и Н. З. Ремизов (отец С. Н. Ремизова и законоучитель Величковской школы). Новые священники, Н. Н. Ремизов и Ф. С. Троицкий, пали жертвами коммунистического террора. В 1919 г., борясь с эпидемией тифа, погиб врач и общественный деятель Н. В. Всесвятский. С. Н. Ремизов на склоне лет (умер в 1926 г.) увлекся религией, стал собирать детей в заброшенной часовне и подолгу беседовал с ними на духовно-нравственные темы. Его могила, наряду с другими, была уничтожена в 30-х годах, когда ломали Никольскую церковь. Сын старосты, Николай Жуков, чьи высказывания об английских машинах и политическое вольнодумство произвели впечатление на пятнадцатилетнего Егора ²⁷, был репрессирован в 1937 году. Суровое время разметало друзей детства полководца. Невьяснена судьба «Леши Колотырного» (А. Жукова) — вероятно, он пропал без вести в годы первой мировой войны.

Примечания

1. Книги последних лет: ЯКОВЛЕВ Н. Жуков. М. 1992; Маршал Жуков: Каким мы его помним. М. 1988; 1989; Маршал Жуков: Полководец и человек. Т. 1-2. М. 1988; ТЛАС М. Маршал Г. К. Жуков — полководец, стратег. М. 1991; МЕРЦАЛОВ А. Н., МЕРЦАЛОВА Л. А. Г. К. Жуков: Новое прочтение или старый миф. М. 1994; КАРПОВ В. В. Маршал Жуков. Кн. 1. М. 1992; СВЕТЛИШИН Н. А. Крутые ступени судьбы. Хабаровск. 1992; ОКороков В. 100 дней маршала Победы под Москвой. Тверь. 1991; КАМЕНЕЦКИЙ Ю., ШЕДРИН Э., АКИШИН А. Георгий Жуков. М. 1991; и др.
2. ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 1-3. М. 1991 (и др. издания).
3. САМСОНОВ А. М. Кто же прав в споре о мемуарах полководца? — Вопросы истории, 1989, № 5.
4. Отечественные архивы, 1995, № 2.
5. Этой же даты придерживаются Яковлев, Светлишин, Тлас, а также авторы статей в сб. «Маршал Жуков: полководец и человек» и в Советской исторической энциклопедии (т. 5).
6. Государственный архив Калужской области (ГАКО), ф. ф-33, оп. 4, д. 458, л. 645об.—646.
7. Там же, д. 455, л. 165—166об.
8. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 13; ГАКО, ф. ф-33, оп. 4, д. 464, л. 298об.—299; д. 467, л. 673об.—674.
9. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч., Т. 1, с. 12.
10. ГАКО, ф. ф-33, оп. 4, д. 450, л. 472об.—473. Версия о том, что брак не был освящен церковью (Огонек, 1986, № 48, с. 6), не имеет оснований.
11. ГАКО, ф. ф-273, оп. 1, д. 230, л. 852об.—853; ф. ф-33, оп. 4, д. 434, л. 528об.—529.
12. ПИЛИХИН М. М. Мой брат Георгий Жуков. В кн.: Маршал Жуков: полководец и человек. Т. 1. М. 1988.
13. ГАКО, ф. ф-452, оп. 1, д. 378, л. 29, 35, 36, 38 и т. д.; ф. фр.-653, оп. 2, д. 14, л. 53.
14. Там же, ф. ф-86, оп. 3, д. 479, л. 99; ф. ф-452, оп. 2, д. 270, л. 8—58.
15. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 12.
16. ГАКО, ф. ф-452, оп. 1, д. 378, л. 12; д. 342, л. 23; оп. 2, д. 270, л. 75, 79.
17. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 18.
18. Там же, с. 13; Военно-исторический журнал, 1990, № 5, с. 21.
19. ГАКО, ф. ф-653, оп. 2, д. 8, л. 38.
20. Там же, ф. ф-452, оп. 2, д. 270, л. 8, 9, 17, 106; оп. 1, д. 295, л. 117.
21. Там же, д. 317, л. 23, 33, 87.
22. Там же, ф. фр.-653, оп. 1, д. 65, л. 78; оп. 2, д. 14, л. 53; ф. ф-452, оп. 1, д. 409, л. 81-82.
23. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 20.
24. ГАКО, ф. ф-33, оп. 2, д. 1509. л. 269.
25. БУЧИН А. А. 170.000 километров с Г. К. Жуковым. М. 1994, с. 30.
26. ЖУКОВ Г. К. Ук. соч. Т. 1, с. 59—60.

Бородинское поле в октябре 1941 года

Г. М. Романова

В октябре 1941 г. над Бородинским полем пронесся «Тайфун» (так гитлеровцы именовали операцию по взятию Москвы), оставив после себя израненную землю: здесь на каждом шагу воронки, окопы, траншеи, противотанковые рвы. Посреди хлебных полей и цветущих лугов возвышаются мощные железобетонные доты Можайской линии обороны — свидетели ожесточенных танковых боев и гибели многих солдат и командиров 5-й армии генерал-майора Д. Д. Лелюшенко, 32-й стрелковой дивизии полковника В. И. Полосухина.

Историческое поле сражения 1812 г. занимало в самом центре Западного фронта площадь в 48 кв. км — крохотный участок на Московском стратегическом плацдарме. Как и в 1812 г., в 1941 г. через Бородинское поле проходили кратчайшие оперативные направления на Москву: магистраль Минск — Москва (существует с 1935 г.) и Можайское шоссе (бывш. Новая Смоленская дорога 1812 года).

Поле входило в состав 36-го Можайского укрепленного района, имевшего по фронту участок протяженностью в 80 км: он прикрывал направление Гжатск — Можайск и представлял собой систему инженерно-оборонительных комплексов, предназначенных для противотанковой и противопехотной защиты войск.

Строительство укреплений велось преимущественно гражданским населением. Единственной профессиональной воинской частью являлся здесь 467-й отдельный саперный батальон. Его первоочередной задачей было минирование мостов и установка дотов. На поле работали бетономешалки и растворомешалки. Прямо тут и шло производство дотов, их разметка и установка.

Только вдоль реки Колочи в так называемых батальонных районах обороны Горки — Бородино — Шеварино — Фомкино (БРО № 10, 11, 12) слаженной работой саперов и метростроителей, прибывших сюда под начальством М. Б. Рейхлина, был эскарпирован берег Колочи, вырыто 6 км противотанковых рвов, 17 км противопехотных заграждений (установлено 2 тыс. мин и заграждения из колючей проволоки), возведено 29 дотов и дзотов, устроено 30 минных галерей под мостами¹. В результате Можайское шоссе превратилось для противника в участок танконедоступный, то есть крайне затрудненный для возможного прохождения войск. Как известно, направлением танковой атаки фашистских войск стало Минское шоссе.

Инженерно-саперные работы проходили в условиях бомбежки. По просьбе директора Бородинского музея С. И. Кожухова солдаты вместе с сотрудниками музея подготовили к эвакуации музейные ценности, упаковали их и погрузили на полуторку, выделенную распоряжением командира саперного батальона. Экспонаты были вывезены в самом преддверии боев в Москву, погружены на железнодорожные платформы, а затем эвакуированы в Алма-Ату².

7 октября 1941 г. укрепрайон был преобразован в боевой участок под командованием полковника С. И. Богданова. Прибывающие эшелонами на ст. Можайск, Дорохово, Шаликово части 32-й дивизии шли на позиции в Бородино. Доты, дзоты, пулеметные колпаки и т. д. были задействованы орудийными расчетами и пулеметчиками. Большая же часть орудий стала на открытых позициях (так как готовность работ на Можайской линии к началу боев, в том числе и по дотам, составила 50%).

Возле батареи Раевского, вдоль ручья Огника, отрыли окопы для своих противотанковых орудий бойцы лейтенанта М. Самойлова 121-го противотанково-артиллерийского полка. В Псаревском лесу готовили к бою гаубицы бойцы полка майора В. К. Чевгуса; наблюдательные пункты гаубичных батарей были выдвинуты в район видимости — на берег Колочи, к Бородинскому музею ³.

Повсеместно окапывалась пехота: красноармейцы орудовали лопатами, делали себе окопы, траншеи, строили блиндажи и землянки. Ответственный участок вдоль Минской магистрали стал рубежом курсантов Военно-политического училища им. В. И. Ленина, артиллеристов 509-го и 367-го артиллерийских полков. Передний край обороны — участок 17-го стрелкового полка дивизии Полосухина.

В ночь с 12 на 13 октября в Можайск прибыло командование 5-й армии. Командующим войск в Бородино был назначен командир 1-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Лелюшенко, который был отозван из-под Мценска. 15 октября он был ранен на поле боя, и войска 5-й армии перешли под командование генерал-майора артиллерии Л. А. Говорова. Штаб 32-й дивизии располагался в районе Новой Деревни. На берегу Москва-реки в Красновидове с 8 по 12 октября находился штаб Западного фронта. Здесь Г. К. Жуков вступил в командование фронтом ⁴.

В расположении войск находились дивизионы реактивной артиллерии 11-го и 13-го гвардейских минометных полков.

Устройство войск на позициях происходило в острейшей ситуации, когда 9 октября 40-й танковый корпус генерала Штумме из 4-й танковой группы генерала Хёпнера захватил Гжатск, и его танковый удар был обращен уже на Можайск ⁵. В состав танкового корпуса входила лучшая кадровая дивизия вермахта — дивизия СС «Рейх» с полками «Германия» и «Фюрер».

Из приказов своего командования войска СС знали о том, какая военная и политическая миссия на них возложена: форсированным маршем пройти от рубежей Бородина до стен Кремля. Ими была пройдена вся Европа. Они знали, что пригласительные билеты на их парад 7 ноября 1941 г. на Красной площади уже отпечатаны.

Если к этому добавить, что южнее корпуса Штумме — в направлении на Верею — двигалась 7-я пехотная дивизия, а севернее, по Гжатскому тракту, — части 9-го армейского корпуса, сомнений в немедленном — 15 октября — взятии Можайска и последующем броске на Москву быть не могло.

Позади 32-й дивизии с несколькими армейскими частями других войск на пути к Москве не было. Эта дивизия была растянута на фронте в 40 км и приняла бой с открытыми флангами. Но вопреки логике, всем мыслимым расчетам, этот план гитлеровского командования не был осуществлен. Случилось невероятное ⁶.

Кем конкретно был организован отпор врагу на историческом поле Бородина? Кто выдержал бронетанковый удар немцев на центральном участке — становом хребте Западного фронта? Кто сдержал наседавшего врага на отрезке Гжатск — Бородино с 9 по 12 октября? Эти вопросы впервые были поставлены М. Г. Брагиным в статье «Бородино 1941 года», в номере «Правды» от 7 сентября 1942 г. — в день 130-летия Бородинского сражения.

Автор статьи впервые сообщил имена новых героев Бородина — кавалеров ордена Ленина красноармейца-артиллериста Ф. Чихмана и комбата капитана В. Щербакова, трижды раненного, но отразившего своим батальоном атаки 7-го танкового полка у Шевардинского редута, командира гаубичного полка, героя Хасана майора В. К. Чевгуса и его артиллеристов. Узнали мы и о героических арьергардных боях танкистов 18-й и 19-й танковых бригад А. С. Дружинина и С. А. Калиховича. Это благодаря их стойкости наши войска успели занять позиции на историческом бородинском рубеже.

Артиллеристы и пехота 5-й армии, говорилось в статье, зажатые в кольцо, своим сопротивлением на пять суток сковали врага на Бородинском поле. В эти критические считанные октябрьские дни к Москве подошли стратегические формирования, которые окончательно блокировали танковые группировки врага и укротили «Тайфун». Искусством Полосухина и Говорова части 5-й армии были выведены из окружения и передислоцированы на новые рубежи обороны.

Примечания

1. Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) РФ, ф. 326, оп. 5070, д. 34, л. 182—184.
2. ВЕЙСМАН М. Б. Эти дни забыть нельзя. 1971 г. Рукопись.— Фонды Государственного Бородинского музея (ГБМ), нвф-2077. (В 1941 г. Вейсман был командиром 3-й роты 467-го отдельного саперного батальона).
3. Акт опроса ветерана 32-й стрелковой дивизии Губарева И. Ф., бывшего командира взвода 4-й батареи 2-го дивизиона 154-го гаубичного полка. 12 октября 1988 г. Научный архив ГБМ, № 15-6.
4. ЕФИМОВ Я. И. 32-я стрелковая дивизия. Рукопись.— Фонды ГБМ, нвф-956; ЦАМО, ф. 29 гв. сд, оп. 1, д. 6, л. 83; ф. 32 сд, оп. 5212, д. 5, л. 15—17; ЖУКОВ Г. К. Воспоминания и размышления. М. 1971, с. 319—320, 326.
5. ЦАМО, ф. МЗО, оп. 11158, д. 87, л. 67—68; WEIDINGER O. SS-Division «Reich». Bd. 2. Osnabrück. 1967, S. 124.
6. БРАГИН М. Бородинское направление.— Москва, 1971, № 12, с. 28; см. об этом: е г о ж е. Москва — Берлин. В кн.: Очерки о Великой Отечественной войне. М. 1975, с. 71—72.

Юнона

И. В. Максимова

Юнона была одной из наиболее почитаемых богинь в древнем Риме. Более двух тысячелетий отделяют нас от расцвета ее культа. Между тем память об этом божестве жива по сей день. Взять хотя бы июнь. Как сообщает Овидий («Фасты», 6, 1 сл.), этот месяц был посвящен Юноне, так как само название его происходит от ее имени. Возникновение ее культа уходит корнями в глубочайшую древность. Первоначально Юнона мыслилась как богиня света (женская параллель верховного бога Юпитера). Ее имя Juno (Jovino) есть женский род от слов «отец Иов» — Jovis pater (Juppiter) ¹. Юнона, как и Юпитер, могла даже испускать молнии и называлась Фульгура, то есть Молниемечущая. Она заботилась об урожае, посылала дождь, даровала победу и успехи.

Культ Юпитера отправлялся жрецом, который именовался Фламин Диалис, а культом Юноны ведала его супруга Фламиника. В жертву Юпитеру приносились белые быки, Юноне — белые коровы. Юпитеру были посвящены дни всех ид (середина месяца), Юноне — дни всех календ (начало месяца). В Риме существовало множество празднеств в честь Юпитера, но не было ни одного общегосударственного праздника в честь Юноны, ибо имелись неразрывная генетическая связь внутри этой божественной пары и первоначально совместное их почитание.

Культ Юноны был распространен по всей древней Италии. В Ланувии поклонялись Юноне Спасительнице, в Фалериях — воинственной Юноне Копьеносной, которая изображалась в козьей шкуре на боевой колеснице со щитом и копьем, в Пизауруме и Тускулануме чтили Юнону Световую, в Лауренции — Юнону Календарию, открывающую каждый новый месяц. Оскско-сабельские племена отправляли культ Юноны Хранящей от грабежей. По мере завоевания римлянами Италии образ Юноны обогащался, впитывая черты локально почитаемых богинь.

Образы римской Юноны и этрусской Уни взаимопроникали. Их сходство начинается с близости имен. Юнона входила в триаду Юпитер — Юнона — Минерва, чей храм находился на Капитолийском холме. Уни тоже занимала свое место среди трех верховных этрусских богов Тиниа — Уни — Менрва. Капитолийская Юнона носила эпитет Regina (Царица) и считалась покровительницей царской власти, равно как и Уни. Перечисленные черты в образе Юноны есть результат влияния образа Уни ².

В Риме существовало несколько храмов Юноны. Помимо храма капитолийской триады в 344 г. до н. э. на Капитолии был освящен храм Юноны Монеты (Советчицы). В его дворе находилось здание, где чеканились монеты. Впоследствии и само здание, и деньги получили название «монеты» от эпитета Юноны. В этом же храме содержались посвященные ей гуси, те самые, которые согласно преданию спасли Рим. В 390 г. до н. э. галлы после победы над римлянами при р. Аллии пошли на Рим, взяли его и сожгли. В руках римлян остался только

Максимова Ирина Валентиновна — кандидат исторических наук, старший преподаватель Московского государственного лингвистического университета.

укрепленный Капитолий. Однажды ночью галлы подкрались по пологому подъему скалы вплотную к римским позициям. Им оставалось лишь перебить спавших римских воинов, но тут загоготали гуси. Проснулся один из воинов и разбудил остальных. Завязалось сражение, в результате которого галлов выбили с Капитолия.

Храм Юноны Световой находился на холме Эсквилин и был построен на месте древней роши, которая тоже была посвящена этой богине. Сюда римские женщины вносили деньги за новорожденных. Ежегодно 1 марта там справлялся матронами (замужними женщинами) праздник Матроналий, во время которого богине приносили букеты цветов. Здесь Юнона предстает как покровительница уз законного брака, а наложницам запрещалось даже прикасаться к ее алтарю.

Мифологическое объяснение Матроналий передает нам Овидий. Когда римляне похитили сабинянок во время праздника и взяли их в жены, между римлянами и оскорбленными родственниками сабинянок разгорелась долгая война. За это время многие сабинянки успели полюбить своих похитителей и обзавестись детьми. Предстояло решить сражение. Собравшись в храме Юноны, сабинянки договорились положить конец междоусобице. Распустив волосы и взяв на руки детей, они побежали по полю меж противостоявшими друг другу мужьями и первыми родичами, изготовившимися к битве. Это произвело впечатление на враждующие стороны, и те помирились.

Храм Юноны Царицы был освящен в 179 г. до н. э. на римском холме Авентин. Культ Царицы перенесли в Рим из этрусского г. Вейи. Полководец Камилл, выбрав из войска юношей, одел их в белые одежды и получил им перенести статую Царицы в Рим, а сам, войдя в храм и воздев руки по обычаю этрусских жрецов, спросил: «Хочешь ли ты идти в Рим?» Присутствовавшие потом уверяли, что статуя кивнула головой в знак согласия.

Родовым считался культ Юноны Сестринской у римского рода Горациев³. О его происхождении известно следующее. Чтобы избежать войны в споре Рима и Альба Лонги за политическое господство, решили устроить поединок трех римских близнецов Горациев и трех альбалонгских близнецов Куриациев. В состязании погибли два Горация, а все Куриации были ранены, но военное счастье оказалось на их стороне. Тут оставшийся в живых Публий Гораций, обратившись в бегство, затем повернулся лицом к преследователям, находившимся на разных расстояниях от него, и поодиночке расправился с каждым. Ликованию римлян не было предела.

Когда Публий Гораций с триумфом возвратился в Рим, неся трофеи, у Капенских ворот его встретила сестра, которая была обручена с одним из Куриациев. Увидев на плечах брата плащ жениха, который она выткала, девушка предалась скорби. Публий, сочтя такую печаль преступлением, заколол сестру. Лишь заслуга перед Римом и слезы старика-отца, потерявшего двух сыновей и дочь, спасли Публия от народного гнева за убийство сестры. Ему предписали очистительные обряды, а всему роду Горациев было вменено в обязанность отправлять культ Юноны Сестринской.

Постепенно в культе Юноны все ярче проступали черты ее покровительства женщинам, счастливому браку, деторождению. Римляне считали, что каждый мужчина имеет своего гения (духа-покровителя), а каждая женщина — свою юнону. Общее руководство женщиной взяла на себя Юнона Ковелла, которая идентифицировалась с луной. Юнона Девичья покровительствовала девушкам, Юнона Матроналис — замужним женщинам. Юнона Брачная заботилась о браке в целом. Юнона Путеводительница вводила невесту в дом жениха. Юнона Мазьева помогала при смазывании маслом дверного косяка, что являлось составной частью брачной церемонии. Юнона Опоясывающая отвечала за пояс невесты, который предстоит развязать жениху на брачном ложе. Юнона Текучая кормила младенца в утробе матери. Юнона Костевая укрепляла его кости. Юнона Световая помогала по время родов и выводила младенца на свет. Очищением женщин после родов занималась Юнона Очистительная⁴.

Последний эпитет был связан с ежегодными культовыми очищениями и праздником Луперкалии (в честь Луперка — одно из прозвищ бога Фавна, покровителя стад) 15 февраля, во время которого жрецы-луперки, опоясанные шкурами принесенных в жертву козлов и бегавшие вокруг Палатинского холма, хлестали попадавшихся им по дороге женщин ремнями из козьей шкуры. Они назывались ремнями Юноны, причем женщины с радостью подставляли себя под удары, что должно было способствовать счастливому браку и плодovitости. Козьи ремни и изображения Юноны в козьей шкуре указывают на связь богини с козой как на пережиток тотемизма. Отсюда и эпитет Юноны Козьей.

Под данным именем богиня призывалась во время праздника Ноны Козьей, справлявшегося 7 июля. В нем наравне с матронами принимали участие рабыни, совместно принося жертвы под фиговым деревом. О возникновении этого праздника известно следующее. Латиняне,

осадив Рим, потребовали, чтобы к ним в лагерь пришли городские матроны. Туда послали рабынь в одеждах матрон, чтобы так спасти честь их хозяек. Когда латиняне уснули, рабыни подали римлянам сигнал факелом с фигового дерева. Латиняны разбили, а в честь самоотверженных служанок учредили праздник.

После II Пунической войны (218—201 гг. до н. э.) началась идентификация богов римского и греческого пантеонов. Тогда Юнону отождествили с сестрой и женой греческого верховного бога Зевса Герой. Юнона приобрела ее родственные связи и даже некоторые черты характера. Отныне она считалась старшей дочерью Сатурна (тождествен греческому Кроносу) и древнеримской богини плодородия Опы (тождественна греческой Рее), женой Юпитера, сестрой бога водной стихии Нептуна (греческого Посейдона) и бога подземного мира Дита (греческого Плутона), матерью бога огня Вулкана (греческого Гефеста). В греческих мифах, пересаженных на италийскую почву, она мстительно преследует возлюбленных своего неверного супруга Юпитера и его внебрачных детей, в том числе Геркулеса. Наконец, в «Священной истории», переведенной на латынь Квинтом Эннием (239—169 гг. до н. э.), в «Энеиде» Вергилия (70—19 гг. до н. э.), в «Фастах» и «Метаморфозах» Овидия (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.) образы Геры и Юноны уже слились воедино. Сохранились атрибуты Геры — покрывало, диадема, скипетр, жертвенная чаша и плод граната (как символ плодородия).

Новую попытку переосмысления образа Юноны предприняли антиквары и философы. Образованных римлян не устраивали примитивные народные представления о богах, и они старались истолковывать сущность божеств с рационалистической точки зрения. Писатель и ученый-энциклопедист Марк Теренций Варрон (116—27 гг. до н. э.) отождествлял Юнону с Землей, из которой вообще все происходит⁵. Государственный деятель и оратор Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.) в трактате «О природе богов», излагая взгляды стоиков, писал, что Юнона — это воздух между морем и небом, имя же ее образовано от слова *juvare* (помогать), так как она всем помогает.

На окраинах Римской империи образ Юноны слился с местными женскими божествами Земли, плодородия и времен года. После всех метаморфоз, к нашим дням одно осталось неизменным: если мы заглянем в календарь, то всегда найдем там июнь, напоминающий об этой богине.

Примечания

1. PRELLER L. *Römische Mythologie*. Bd. I. Brl. 1881, S. 271; WISSOWA G. *Religion und Kultus der Römer*. München. 1912, S. 113—114.
2. ТИМОФЕЕВА Н. К. Религиозно-мифологическая картина мира этрусков. Новосибирск. 1980, с. 71.
3. ШТАЕРМАН Е. М. Социальные основы религии древнего Рима. М. 1987, с. 44.
4. Этот эпитет имел много вариантов: Фебруа, Фебрутис, Фебрулис, Фебруалис. Февраль был очистительным месяцем.
5. Сочинения Варрона почти не сохранились, а о его взглядах мы узнаем из трудов других античных или христианских авторов, цитировавших его произведения.

«Первая монография»

В смысле издания крупных исследований отечественная историческая наука переживает не лучшие времена. Тем более впечатляет двухлетнее существование целой, приобретшей достаточно широкую известность монографической серии, издаваемой Ассоциацией исследователей российского общества (АИРО-XX). В 1993—1994 гг. — под редакцией Г. А. Бордюгова — вышло 10 книг¹. Тираж стандартный — 1000 экз., объем — от 9 до 14 печатных листов.

На первый взгляд, может показаться, что мы имеем дело с очередной попыткой издания лучших кандидатских диссертаций. Но это справедливо лишь отчасти: среди авторов встречаются и уже известные историки. В этой серии планируется издание наиболее интересных работ, тематика которых способна привлечь внимание спонсоров. В этом убеждает параллельный с указанной серией выпуск АИРО-XX других книг и сборников документов. В большинстве книг есть послесловия, написанные известными исследователями.

Современная отечественная историография советской истории все еще развивается по инерции заполнения «белых пятен». К книгам же данной серии вполне можно предъявить более серьезные критерии. Как правило, они свободны от политизированности, отличаются новизной тематики, фундаментальностью источниковой базы, независимостью авторских выводов. Это прежде всего объективные исследования, а вовсе не «обличительная» или «охранительная» литература, столь характерная для современной отечественной псевдоисторической публицистики.

Традиционную для отечественной историографии тематику в этой серии представляют разве что работы С. А. Экштута. Э. Вишнеvски и С. В. Цакунова. Но книга первого дает столь обширную картину

умонастроений в России первой четверти XIX в., что значение движения декабристов предстает в новом свете. Работа Вишнеvски (Польша) также ничуть не проигрывает на фоне фундаментальных исследований по истории русского либерализма. Огорчает, правда, что автор, внимательно относящийся к работам предшественников, не заметил книги германского исследователя, занятого анализом «империализма» отечественных либералов². Что касается подхода Цакунова к нэповской проблематике, то надо признать, что он мощно теснит своих предшественников — прежде всего за счет общетеоретического уровня и методологии исследования.

Наиболее откровенно нацелены на заполнение «белых пятен» книги А. И. Ушакова, Ю. В. Соколова и Д. Л. Бабиченко (не случайно Ушаков опубликовал в приложении к своим очеркам отдельные документы, а Бабиченко даже выпустил целый сборник документов). Работа Ушакова впервые показывает, как складывалось целое историографическое направление изучения гражданской войны и убеждает, что без литературы «побежденных» объективное осмысление данного феномена невозможно. Соколов представил живо написанный очерк о жизни, деятельности и мировоззрении А. А. Брусилова, чьим именем не раз пользовались с своих интересах большевики. Бабиченко показывает, что, несмотря на бдительность сталинских цензоров, литература «соцреализма» постоянно выбивалась из под идеологического контроля (что, впрочем, было только на руку идеократии).

Наиболее оригинальны по тематике книги Л. С. Гатаговой и Д. А. Аманжоловой. В первой из них, вопреки кажущейся узости темы, по существу сделана успешная попытка раскрыть те противоречивые основы, которые определили эволюцию об-

щеимперского курса по отношению к нерусским народам, сочетавшего просветительский патернализм и бюрократический космополитизм. Данное исследование показывает, насколько плодотворно изучать проблему «империя и этносы» через анализ государственной политики в области образования. Книга Аманжоловой впервые дает целостную картину казахского движения Алаш в годы гражданской войны.

Источниковая база всех работ серии впечатляет. Вместе с тем, нельзя не заметить, что вводятся в научный оборот преимущественно документы Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории, Центра хранения современной документации, Государственного архива Российской Федерации. Исключение составляет работа Аманжоловой — уникальная по привлечению материалов не только центральных, но и местных архивов. Именно источниковая база предопределила направленность большинства исследований — это по преимуществу «политическая история». Только в книге Е. Ю. Зубковой сделана попытка прорваться в ментальность послевоенного двадцатилетия с помощью так называемой устной истории.

При всей естественной неравноценности рассматриваемых работ и небесспорности выводов рассматриваемые книги никак нельзя назвать «ученическими». Авторы вполне независимы в интерпретации исторического материала, причем никого из них нельзя упрекнуть в «историографическом нигилизме». Книги «академичны» в лучшем смысле этого слова. Экштут убеждает, что процесс неуклонной либерализации России был исторически предопределен; придать ему характер периодически обостряющего противоречия власти и ответственности могло разве что тупоумие бюрократии, провоцирующее раздражение субъэлит. Из монографии Гатовой видно, что этносы могут естественно вписаться в имперский организм; главной силой, способной взорвать этот процесс также является централистское усердие чиновников. Вишнеvски показывает, что российские либералы ощущали себя вполне подготовленными к власти (разумеется при условии эволюционного развития страны), а главным «революционером» выступало самодержавие, не желающее прислушаться к их предостережениям.

Половина книг рецензируемой серии посвящена проблемам гражданской войны и первого десятилетия советской власти. Они существенно углубляют представление об этом важнейшем этапе российской истории. Из книги Аманжоловой видно, что казахскими националистами в годы гражданской войны двигал вовсе не пресловутый «сепаратизм», а инстинкт выживания этноса в эпоху кризиса империи. Соколов показывает Брусилова таким, каким он был, хотя здесь не обошлось без обычной для биографических работ идеализации «героя». Ушаков впервые смог дать целостную картину до-

статочно противоречивых исторических взглядов российской эмиграции, показать поистине подвижнический труд виднейших ее представителей по сборанию материалов о гражданской войне. Из книги А. Ю. Ватлина становится ясным, что главным «врагом» Коминтерна, предопределившим его бесславную кончину, стал сталинский централизм.

Особого внимания заслуживает книга Цакунова. Перестройка породила волну легковесной идеализации нэпа. Отнюдь не увлекаясь полемикой, автор, тем не менее не оставляет камня на камне от построенной любителями умозрительных «альтернатив» и показывает, что нэп был обречен с самого начала, поскольку коммунизм и рынок в послереволюционной России были генетически несовместимы. Бабиченко, как и Цакунову, удалось «подловить» власть в момент выработки решений. Разумеется, не стоит преувеличивать значение «борьбы на литературном фронте» в идеологической кухне позднего сталинизма. Власть лишь походя одергивала писателей, даже не снисходя до репрессий, а предпочитая использовать в своих интересах раздоры в их собственной среде.

С книгой Бабиченко хронологически (в значительной степени тематически) смыкается монография Зубковой, попытавшейся показать воздействие «обратной связи» на коррекцию правительственного курса, главным образом в период хрущевской «оттепели». Чтобы оценить новаторство автора, достаточно сказать, что вся прежняя историография исходила из абсолютизации «диктатора сверху» — будь то в форме прославления «руководящей роли КПСС» или в рамках «доктрины тоталитаризма».

Можно утверждать, что серия «Первая монография» состоялась. Однако если иметь в виду создание исторических исследований качественно нового конкретно-исследовательского и методологического уровня, то придется признать, что в этом направлении сделаны лишь первые шаги.

К сожалению, круг авторов серии ограничен москвичами. Почти полностью отсутствуют работы по «социальной» и «локальной» истории. Мировой опыт показывает, что без исследований такого рода движение исторической мысли уже невозможно. Впрочем планируемые к выпуску новые «первые монографии» способны частично восполнить отмеченные недостатки.

В. П. БУЛДАКОВ

Примечания

1. АМАНЖОЛОВА Д. А. Казахский автономизм и Россия. История движения Алаш. М. 1944; БАБИЧЕНКО Д. Л. Писатели и цензоры. Советская литература 1940-х годов под политическим контролем ЦК. М. 1994; ВАТЛИН А. Ю. Коминтерн: первые десять лет. М. 1993; ВИШНЕВСКИ Э.

Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М. 1994; ГАТАГОВА Л. С. Правительственная политика и народное образование на Кавказе в XIX в. М. 1993; ЗУБКОВА Е. Ю. Общество и реформы. 1945—1964. М. 1993; СОКОЛОВ Ю. В. Красная звезда или крест? (Жизнь и судьба генерала Брусилова). М. 1994; УШАКОВ А. И. История гражданской войны

в литературе русского зарубежья. Опыт изучения. М. 1993; ЦАКУНОВ С. В. В лабиринте доктрины. Из опыта разработки экономического курса страны в 1920-е годы. М. 1994; ЭКШТУТ С. А. В поиске исторической альтернативы. Александр I. Его сподвижники. Декабристы. М. 1994. 2. Liszkowski A. Zwischen Liberalismus und Imperialismus. Stuttgart. 1974.

Kultur im Stalinismus: Sowjetische Kultur und Kunst der 1930er bis 1950er Jahre. Bremen. Editio Temmen. 1994. 267 S.

Культура эпохи сталинизма: советская культура и искусство периода 1930—1950-х годов

Эта прекрасно изданная, хорошо проиллюстрированная книга содержит материалы международной конференции, проходившей 25—27 ноября 1993 г. в университете г. Касселя и посвященной культурным и социально-историческим предпосылкам сталинизма, формам и последствиям его в сфере культуры. Ее участниками были ученые, искусствоведы, литераторы и художники из России, Франции, США и Германии. Авторы сборника, единодушные в том, что осмысление этих проблем весьма актуально, и не только для России, стремятся совместными усилиями выяснить масштабы и формы воздействия тоталитарного государства и партийной диктатуры на культурную жизнь и художественное творчество, раскрыть трагические страницы истории советской культуры, искусства, литературы и науки, беспрецедентного по своим масштабам нравственного и интеллектуального опустошения и физического истребления собственной интеллигенции.

Е. Мирская показала, что сталинский режим добивался от деятелей науки и культуры создания положительного образа власти и всей жизни в стране, укрепления солидарности общества с властью, а также развития научных знаний, необходимых для наращивания военной силы государства (с. 46). Уже в конце 20-х годов зародилась идея борьбы с «подрывными элементами», «врагами народа». Сталин видел в интеллигентах врагов, он разжигал недоверие и подозрительность масс к ним и считал их основным препятствием на пути укрепления своей диктатуры (с. 49). Жертвами террора и преследований стали видные философы, историки и публицисты. Автор приходит к обоснованному выводу, что в итоге этого общественные науки были полностью разрушены, подчинены политическим интересам власти, превращены в инструмент культа личности (с. 56).

В статье Ю. Н. Афанасьева подчеркивается, что истоки сталинизма надо искать в большевизме. Российские корни ленинизма и сталинизма едины. Автор обнаруживает истоки революционного мыш-

ления В. И. Ленина в творчестве Н. Г. Чернышевского, от которого он воспринял тезис о «миссии новых людей», профессиональных революционеров, а также и непримиримость к либерализму. Чернышевский оказал огромное влияние на ленинское понимание роли революционного насилия как главного средства воплощения в жизнь социалистической идеи. Имя Чернышевского, подчеркивает Афанасьев, должно стоять на первом месте при рассмотрении вопроса о русских корнях ленинизма (с. 22). Впрочем, эта точка зрения не нова. Она присутствовала уже в книге эмигранта-меньшевика Н. Валентинова «Ранние годы Ленина» (м. 1993). Афанасьев фактически развивает его концепцию, пытаясь дополнить ее критикой взглядов Ленина.

При Сталине, пишет автор, еще более расширялась «русификация» марксизма-ленинизма, еще сильнее укрепились специфически российские его черты благодаря влиянию национальных, имперских и ксенофобских тенденций (с. 24). По Ленину, только монолитная партия, спаянная железной дисциплиной, граничащей с военной, может внедрить социалистическое сознание в рабочий класс. Иррационализм, насилие, тоталитаризм — специфические черты российской коллективной психологии — всё это только подтверждает глубокую связь большевизма (ленинизма, сталинизма) с национальной почвой. Это нашло выражение в грандиозном социальном эксперименте, масштабы и последствия которого в полном объеме еще предстоит измерить и оценить (с. 27—29).

Интересный аспект изучения сталинизма затронут в статье Г. Бордюгова.

В ней речь идет о концепции национал-большевизма, т. е. о синтезе традиционного русского национализма и ленинизма-сталинизма, об отходе большевизма от социализма интернационального и переходе к социализму национальному. Перейдя на позиции национал-большевизма, Сталин, пишет Бордюгов, первым среди большевистских лидеров попытался реанимировать национальные традиции и ценности, утвердить преемственность между ста-

рой и новой Россией (с. 38). Был осужден «нигилистический» подход к дореволюционно русской истории. К 1938 г. изучение русского языка стало обязательным на всей территории СССР, и, за весьма немногими исключениями, письменность нерусских языков была переведена на кириллицу. При Сталине традиционные герои русской истории, от Александра Невского до царских генералов XIX в., стали объектами благоговейного почитания и подражания. В исторической и художественной литературе особенно большое внимание отдавалось прославлению эпохи Петра Великого. Образ сильной личности был использован Сталиным для формирования собственного культа (с. 31).

Впервые вопрос о возвращении к национальным традициям, отмечается в статье, был поставлен в 1925 г., когда Сталин провозгласил идею построения социализма в одной стране. После Октябрьской революции в России восторжествовали (хотя и внешне) идеи интернационализма и классовой борьбы. Но сторонники реванша, по мнению Бордюгова, не признавали победу этой исторической тенденции и связали свои надежды на быстрое возрождение сильной России сначала с русской интеллигенцией, позднее с Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. и, наконец, с развалом СССР в 1991 г. (с. 29). Репрессии конца 20-х — начала 30-х гг. и позднее — 1937—1938 гг. означали прежде всего торжество идей национального большевизма над интернациональным коммунизмом. Во время Великой Отечественной войны советское общество и Красная Армия были переориентированы на национальные ценности, что было бы немислимо в период гражданской войны (с. 30). После 1941 г. переориентация на национал-большевистскую идеологию окончательно завершается (с. 34). В зарубежной литературе концепция национал-большевизма достаточно известна и описана подробно¹.

Во второй раздел включены статьи, посвященные изобразительному искусству, литературе, кино, театру, фотоискусству и архитектуре как официальным слепкам сталинского режима и отражению политических директив и догм в художественном творчестве.

Немецкие историки Д. Байрау и Р. Лоренц рассматривают конкретные факты, относящиеся к контролю ЦК ВКП(б) над литературой, прямому идеологическому воздействию партии. Они прослеживают историю отношений политического руководства страны с писателями, внедрение в практику литераторов «метода социалистического реализма». Лоренц на примере кампаний против формализма и преследования в 30-е годы таких знаменитых писателей, как Б. Пильняк, Е. Замятин, А. Платонов, М. Булгаков, О. Мандельштам, И. Бабель рассматривает процесс поляризации в среде писателей — на «просоветских» и «антисоветских». Из 2 тысяч репрессированных писателей и поэтов 1500 исчезли навсегда в лагерях и тюрьмах (с.

81), одновременно исчезли и их личные архивы. Созданный в 1934 г. Союз писателей не только не встал на защиту своих членов, но наоборот сам участвовал в их преследовании.

Немецкий исследователь Х. Гюнтер считает, что основой существования тоталитарной системы является борьба с «абсолютным врагом», которая призвана стимулировать тотальное недоверие друг к другу, подозрительность и доноительство. Высшей добродетелью является «бдительность», готовность «разоблачить врага», — в семье, на производстве и даже в высших партийных инстанциях (с. 89—90). Властям было очень удобно списывать катастрофические неудачи в ходе «строительства социализма» на буржуазных специалистов, «замаскировавшихся кулаков» или «империалистических агентов». При этом, замечает Гюнтер, тоталитарное общество не может обойтись и без образа героя.

Между образами «врага» и «героя» существует тесная связь (с. 91). Героический миф призван способствовать решению очередных задач и мобилизации общественных сил. Как подчеркивает автор, тоталитарным культурам присущ пангероический характер (с. 92). Все происходившее в стране распадалось на выдающиеся победы и успехи героев, с одной стороны, и на злостные интриги и гнусные поступки внешних и внутренних врагов, с другой. Причем именно «внутренний враг» считался особенно опасным. Искусство было направлено на укрепление культа личности главного героя — Сталина. Гюнтер справедливо указывает на деградацию советского изобразительного искусства в сталинское время. Жестокому партийному контролю, как об этом пишет Д. Гойови, подверглось и музыкальное искусство. От композиторов требовалось сочинять «общедоступную» музыку — бодрую, строевую, приспосабливаемую «социалистическим оптимизмом». Гонениям подвергались американский джаз, аргентинское танго, цыганские романсы и цыганская музыка, (с. 125). Современные тенденции в развитии музыкального творчества осуждались как «формалистические» и «антинародные». Гойови отмечает, что творчество и судьба того или иного композитора в значительной степени зависела от «музыкальных вкусов» и пристрастий самого Сталина.

В третьем разделе книги рассматриваются проблемы: «Сталинизм в современной отечественной исторической литературе», «Искусство как военная добыча: об идеологической функции «трофейного искусства»», «Жив ли еще сталинизм?»

М. Е. ЕРИН

Примечания

1. См. ЛАКЕР У. Черная сотня. М. 1994, с. 104—149. Об истоках национал-большевизма писал Агурский М. (Минувшее. М. 1991, с. 140—165).

Автор этой книги — израильский историк. Она посвящена предьстории фабрикации печально известной подделки конца XIX в. — «Протоколам сионистских мудрецов», ее бытованию и влиянию на общественность России как в дореволюционное, так и в советское время. Цель Дудакова — выступить в противовес литературе антисемитского толка. Есть у него и другая задача — способствовать реабилитации русской исторической литературы по еврейскому вопросу. Сюжет книги — одна из наиболее важных и острых проблем иудаики. Дудаков исходит из того, что «аспекты историко-литературного происхождения на русской почве «Протоколов сионистских мудрецов» абсолютно не изучены» (с. 7). Вопрос о генезисе этого документа, считает автор, «решался эклектично и антиисторично» (с. 8).

Автор подчеркивает русское происхождение «Протоколов сионских мудрецов». Но при этом надо учитывать, что сами юдофобские идеи носились в воздухе и фигурировали в сочинениях ряда европейских литераторов и публицистов. В 1803 г. в Германии вышла брошюра Граттенауэра «Опять еврею», в которой содержался призыв к их физическому уничтожению. «Очистить» Германию от «паразитов-евреев», превратить их в евнухов, а евреек разместить по публичным домам — такова основная мысль брошюры Гунд-Градовского «Еврейское зеркало» (1869 г.). В 1869 г. выходит книга Р. Вагнера «Размышления о еврействе в музыке», в которой ставилась задача «окончательного решения» еврейского вопроса. Несколько позднее Р. Мейер заявлял, что евреи захватили финансовую власть в Германии, подчинили себе канцлера Бисмарка, министров, членов парламента и т. п. Вскоре появляется книга В. Марра (кстати, введшего термин «антисемитизм») под выразительным названием «Победа еврейства над германизмом». Известны юдофобские книги Е. Дюринга, с частности. «Еврейский вопрос» (1881 г.). В 1886 г. Э. Дрюмон опубликовал памфлет «Еврейская Франция» с эпиграфом: «Может быть из нашей среды восстанет мститель». Многочисленные антисемитские выступления были связаны с делом Дрейфуса. Конечно подобные примеры известны автору. Он, в частности, пишет о книге Ф. Миллингена (В. Осман-Бей) «Завоевание мира евреями», вышедшей в Базеле в 1873 г. (переведена на русский в 1874 г.).

Таким образом, идеология «Протоколов» имеет вполне «интернациональный» характер и «произведение» подобного типа могло появиться практически почти в любой европейской стране. Но их появление именно в России обладало наибольшей степенью вероятности. Здесь речь идет преимущественно об особенностях русского «варианта» с его мистико-мессианской окраской. Пожалуй, можно согласиться с утверждением автора, что европейс-

кие страны не могли быть родиной мистико-мессианского антисемитизма. Но вряд ли можно согласиться с Дудаковым в том, что многие еврейские страны мгновенно заразились «бациллами» повсеместного «окончательного решения» еврейского вопроса. Как раз подобная идея зародилась прежде всего в Германии, о чем свидетельствуют, например, письма Вагнера его жене Козиме.

Дудаков значительно расширил документальную и литературную базу исследования проблемы, в основном за счет антисемитской беллетристики. Встает вопрос: разве в русской литературе нечего было противопоставить этой мутной юдофобской волне? Нельзя сказать, что автор полностью ушел от этого вопроса. Еврейские образы присутствуют в произведениях А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова. Выступил в защиту еврейства в период массовых погромов, связанных с убийством Александра II, М. Е. Салтыков-Щедрин. Еврейские образы присутствуют в произведениях В. Короленко и М. Горького, известны их публицистические выступления в защиту еврейства. Кроме того, на сознание масс оказывали воздействие и юдофильские или вполне лояльные произведения менее крупных писателей, о которых пишет и Дудаков, — В. Нарезного («Российский Жилблаз»), А. Вельмана («Странник»). К сожалению, он не упоминает о Н. Лескове, Д. Мордовцеве и некоторых других.

Большое общественное значение имели выступления в защиту евреев хирурга Н. Пирогова, философа Вл. Соловьева, критика В. Стасова, министра народного просвещения графа И. Толстого, публицистика А. Субботина и многих других. Говоря о воздействии «Протоколов сионистских мудрецов» на умы и поведение масс, нужно указывать не только проводников этого воздействия, но и противников юдофобской идеологии. О противодействии последней автор пишет достаточно недвусмысленно.

Автор уделяет большое внимание содержанию «Протоколов». Впервые в специальной литературе он подвергает строгому и глубокому анализу книгу С. Нилуса «Великое в малом» и «Протоколы сионистских мудрецов» — в совокупности. Как приложение опубликована краткая справка о «Протоколах», их структуре и содержании, политической предьстории их создания, изготовлении и первоначальном распространении, разоблачении тайны их происхождения, массовом распространении «Протоколов» в фашистской Германии и в наши дни.

Особый интерес представляет глава «Советский вариант антисемитизма». Здесь Дудаков подвергает резкой, детальной критике «творчество» виднейших представителей антисемитизма в России, пропагандистов «Протоколов сионистских мудрецов» и их продолжателей и «укрепителей» —

В. Пикуля и И. Шафаревича. Критический разбор «космогонического» (термин Дудакова) размаха «научно-литературно-публицистической» деятельности последнего, его печально знаменитой «Русофобии» весьма убедителен. Справедлив и вывод о том, что именно эта книга замыкает литературную историю «Протоколов сионистских мудрецов» и подводит к итогу: «за столетнее развитие в России антисемитской беллетристики ничего оригинального и новаторского в идеи и темы политикомессианской концепции «святой Руси» современные ревнители и патриоты внести не могут» (с. 223).

Рецензируемый труд не лишен и некоторых других недостатков, помимо упомянутых выше. На-

лицо определенная увлеченность автора второстепенными сюжетами, думается, что он не совсем прав в оценке взглядов Н. П. Вагнера. Два слова о коллективном протесте русских писателей, направленном в защиту журналистов Чацкого и Горвица, ошельмованных в журнале «Иллюстрация». Дудаков утверждает, что число подписавших этот протест равнялось 55, но в печати эта акция получила название «Протест 140». Имеются некоторые неточности в описаниях произведений, использованных автором. Однако эти замечания не колеблют высокой оценки книги.

А. Е. ЧЕРНЯК

А. П. БОГДАНОВ. *Летописец и историк конца XVII века. Очерки исторической мысли «переходного времени».* М. 1994. 147 с.

Изданная Государственной публичной исторической библиотекой монография доктора исторических наук А. П. Богданова (Институт российской истории РАН) является продолжением опубликованной им серии книг, публикаций источников и статей, в которых он на обширном архивном материале старается определить культурное и политическое содержание так называемого «переходного периода» между Московской Русью и Новой Россией, обычно связанной в нашем сознании с эпохой Петра I.

В помещенном вместо предисловия разделе «Тайна „переходного времени“» Богданов указывает, что само это понятие возникло в результате попыток исследователей: историков, филологов и искусствоведов (добавлю к ним историков науки и техники) преодолеть «глубокую пропасть между Древней и Новой Россией», между древнерусской и современной культурой, между состоянием всех сторон жизни страны до и после петровского царствования.

Достаточно убедительно в книге показано, что идея «распада связи времен» в результате преобразований Петра возникла и закрепилась во всем спектре исторических и историко-культурных исследований в связи с убеждением, что именно государство являлось движущей силой прогресса России. Соответственно складывалась и источниковая база исследований, когда реальные достижения предпетровского времени оставались в тени, а мероприятия «Отца Отечества» — согласно с его собственной волей — рассматривались как новаторские и прогрессивные.

Специалистам оставалось следовать по этому концептуально и источниковедчески очерченному руслу. Не привлекли должного внимания даже суждения таких выдающихся ученых, как С. М. Соловьев, Н. С. Тихонравов или А. Н. Пыпин, пытавшихся убедить коллег, что новый период

русской истории начался ранее петровских преобразований, по меньшей мере — с царствования его старшего брата Федора Алексеевича (1676—1682 гг.), которое отнюдь не случайно замалчивалось и всячески принижалось¹.

Богданов счел своевременным констатировать, что под прикрытием термина «переходное время», ученые последних десятилетий, фактически ликвидировали представление о «темной и непросвещенной», косной и патриархальной допетровской Руси. Факты о развитии науки и литературы, искусства и литературы, искусства и архитектуры, государственном и военном строительстве «предпетровского времени» трудами многих современных ученых, и в том числе самого Богданова, выглядят уже не как попытки неких «предшественников», но как широкая волна преобразований, развернувшаяся задолго до начала государственной деятельности Петра в ответ на осознанные потребности развития общества и государства, выступившего на мировой арене в качестве великой державы.

В области филологии афористически выраженное Н. К. Гудзием убеждение, что «лишь литература XVIII в. служит непосредственным органическим преддверием к русской литературе XIX в.», можно считать надежно опровергнутым. Но если история русской литературы с древности до новейшего времени представляется ныне как единый процесс, то в области исторической книжности еще процветает мнение, будто отечественная историография до Петра представляла собой только «накопление исторических знаний», превращение которых в науку произошло в результате реформ начала XVIII в., при «решительном разрыве с традицией русской исторической мысли» (А. М. Сахаров).

Объекты очерков Богданова выбраны с расчетом на наглядное опровержение этого предубеждения. Первый из них повествует о наиболее консервативном представителе древнейшего жанра

летописания: постриженике из новгородских дворян Исидоре Сназине, работавшем в крупнейших летописных скрипториях 1670—1680-х годов при новгородском Софийском доме и московском Чудовом монастыре — резиденции патриарха Иоакима. Второй рассказывает об историческом творчестве просветителя и борца за право каждого человека «рассуджати себе» Сильвестра Медведева, «государственного преступника», сумевшего «попрать» монополию власти на истину.

Исследование основано не только на тщательном архивном поиске (связанном со сложной кодологической работой) всех прямых и косвенных данных о героях книги. Не менее важно, что творчество летописца и историка представлено в контексте всей историографии их времени: огромной массы летописных сводов, летописей и летописцев, повременных записей, ранней мемуаристики, историко-публицистических произведений и первых монографий, лишь часть из которых ныне издана (в том числе автором рецензируемой книги ²).

Постоянно присутствующий на ее страницах историографический литературный и исторический фон позволяет автору доказательно раскрыть своеобразие позиций, убеждений и методов одного из последних классических летописцев и одного из первых русских исследователей предпетровского времени.

Читателя, вероятно, позабавит, что главное произведение Сназина — это т. наз. Мазуринский летописец, опубликованный в 31 томе Полного собрания русских летописей (ПСРЛ) без имени автора, указанного прямо в тексте (хотя работа Богданова по атрибуции ему этого и иных памятников довольно сложна). Но старания Сназина восстановить, вопреки охватившим все летописание новым веяниям, традиции древних книжников (как он их понимал), его отрицание критики источника и полный отказ от оценки сравнительной достоверности летописных сообщений — אותו не смешны.

Попытка остановить развитие историографии и даже обратить его вспять ведет на страницах летописи к истинно драматическим конфликтам. Строго датируя и располагая события по «летам», Сназин, принципиально отказавшись себе в праве оценивать письменное сообщение, вынужден приводить противоречивые и повторяющиеся, в том числе явно ошибочные сведения, вроде повторного правления вещего Олега после княжения Игоря Рюриковича или похода последнего на греков после Владимира Святого.

Но ирония истории оказалась развернутой и далее: строя свою концепцию исконной древности славянского государства и протягивая его непрерывную линию до современного ему Российского православного царства, Сназин вынужден был пользоваться новыми трудами своих коллег-историографов и волей-неволей отражать в повествовании присущие новому времени приемы, вплоть до ссылок на источники и реконструкции событий.

Вообще группы связанных между собой составителей, редакторов и переписчиков летописей и сказаний второй половины XVII в., отчетливо проглядывающие в исследовании за спиной его героя — Сназина, весьма фрагментарно или лаконично отраженные в опубликованных работах, настолько интересны и важны для понимания развития отечественной историографии, что следует ожидать от автора обобщающий труд по летописанию «переходного времени».

Это относится и к процессу перехода от летописания к исследованию, продемонстрированному в книге на примере Сильвестра Медведева, хотя любопытные аналогии проводятся с ярким творчеством митрополита Игнатия Римского-Корсакова, стольника Андрея Лызлова и др. Основное внимание Богданов уделяет анализу наиболее известного и спорного произведения Медведева — «Созерцания краткого» событий в «гражданстве» за последние месяцы царствования Федора Алексеевича, во время Московского восстания 1682 г. и его разставшегося на годы «утишения».

Остальная биография и творчество Сильвестра рассмотрены вкратце, видимо, в расчете на знакомство читателя с посвященными им специальными работами ³. Оправдание такому предпочтению doubly. Прежде всего, Богданов с обычной тщательностью исследовал источники Медведева, установил их происхождение из текущих архивов Разрядного и Стрелецкого приказов и выявил два фальсифицированных во время восстания и регентства документа: о соборном избрании Петра царем и царевны Софьи — правительницей. Эти результаты тем более важны, что значительная часть приведенных в «Созерцании» актов, предоставленных Медведеву, как установлено Богдановым, Ф. Л. Шакловитым, не сохранилась в подлинниках, которые последним были изъятые.

Мастерство, с которым Сильвестр, исследуя причины возникновения, развития и подавления восстания при обосновании своей концепции наилучшей политической организации Российского государства, включил в схему событий два политически важных для своего времени документа, было настолько велико, что обмануло даже крупнейших историков. Вероятность подобных ошибок значительно понижается при рассмотрении сочинений ряда подобных Медведеву авторов, как первых исследователей, использующих целую систему продуманных приемов (включая научно-справочный аппарат) для разработки и обоснования своих позиций. Проникновение в их творческую лабораторию имеет значение не только для изучения особенностей становления исторической науки в России еще до петровских преобразований, на чем настаивает автор, но и при анализе целого ряда уникальных сведений поздних сочинений о Древней Руси (вспомним хотя бы дискуссию о летописных источниках В. Н. Татищева).

То, что Медведев, желая прославить царевну

Софью, невольно способствовал укреплению легенды о ее «заговоре» со стрельцами, выглядит поучительной мезью музы Клио своему служителю, который поддавшись политическому пристрастию нарушил самим сформулированное требование к историку писать истину, невзирая на желания сильных мира сего. Но творчество Сильвестра, раскрытое в монографии, содержит и более трагической пророчество.

Мыслитель, который вслед за царем Федором Алексеевичем утверждал, что без правдивой истории общество напоминает обеспамятвшего безумца, писавший «иным иное в ведение — иным иное в страх и во осмотрительство», за право на собственное мнение прошел пытки более жестокие, чем ждали подозреваемых в подготовке царевубийства, был «удостоен» главоотсечения на Лобном месте, где уж полтора десятка лет никого не казнили после Степана Разина, и погребен «в убогом доме со странными в яме», чтобы и могилы его не осталось.

Такое начало исторической науки в России может повергнуть в уныние, но способно вызвать и законную гордость в начинающих историках, вопреки упорно навязываемым им примерам низкопо-

клонства и заискивания перед властями предрешающими. Через три столетия после Сназина и Медведева автору удалось нарисовать убедительные портреты сильных, ярких личностей, пытавшихся понять историю и судьбу своего Отечества.

Р. А. СИМОНОВ

Примечания

1. БОГДАНОВ А. П. Федор Алексеевич.— Вопросы истории (ВИ), 1994, № 7; его же. Царь Федор Алексеевич 1676—1682. М. 1944.
2. См., например: Памятники общественно-политической мысли в России конца XVII в. М. 1983; Андрей ЛЫЗЛОВ. Скифская история. М. 1990; Россия при царевне Софье и Петре I. Записки русских людей. М. 1990; Игнатий РИМСКИЙ-КОРСАКОВ. Генеалогия. М. 1994.
3. См.: БОГДАНОВ А. П. Сильвестр Медведев.— ВИ. 1988; его же. Перо и крест. Русские писатели под церковным судом. М. 1990. Гл. 1.

А. Ю. ДВОРНИЧЕНКО. *Русские земли Великого княжества Литовского. Очерки истории общины, сословий, государственности (до начала XVI в.)*. СПб. Изд-во Санкт-Петербургского университета. 1993. 240 с.

Социально-политическая история Великого княжества Литовского не была в российской историографии советского периода сколько-нибудь глубоко разработанной. В последние годы интерес к ней заметно возрос в связи с развитием белорусской и литовской национальных школ историков.

Рецензируемая работа написана А. Ю. Дворниченко, уже опубликовавшим ряд статей по данной тематике. Ему принадлежат оригинальные наблюдения концептуального значения по ряду вопросов. Можно присоединиться к некоторым его выводам: заключениям о слабости государственного аппарата и сохранении общинных традиций в праве и судопроизводстве изучаемого времени (с. 75); о поддержке Свидригайло во время гражданской войны 1430-х годов русскими городами Великого княжества Литовского (с. 202—204); а также о постепенном изменении характера конфликтов в городских общинах: от борьбы между «вечевыми партиями» к столкновениям «между сословиями, пусть еще недавно зародившимися, но уже имеющими свои интересы» (с. 200).

Однако немалые сомнения вызывает авторский метод исследования. В монографии источниковедческий анализ подменен цитацией источников с беглым их комментированием. Автор при-

водит выдержки из Евреиновской летописи и летописи Красинского, в которых сказано, что после переворота Сигизмунда Кейстутевича в 1432 г. великого князя литовского Свидригайло поддерживали «и князи русские и бояре и вся земля» (кстати, у Дворниченко цитаты приведены неточно). Далее делается вывод: «под землей подразумеваются прежде всего жители городов — горожане-местичи» (с. 41). Но этимологи понятия «земля» в XV—XVI вв. совсем не так проста и однозначна, так же как неадекватным может быть повсеместное отождествление автором категорий «полочане», «псковяне», «смоляне» со «всей городской общиной». Кроме того Евреиновская летопись — поздняя, известна в списке XVII в., а летопись Красинского вообще не поддается точной датировке из-за ее утраты¹. В то же время в соответствующих местах летописей, считающихся более ранними (Никифоровская, Супрасльская, Слуцкая)², употребляется слова «русская сила», «русские рати», «вои», а вот слова «земли» не обнаруживаются³. Таким образом, важный вывод Дворниченко оказывается недостаточно обоснованным.

На с. 210 оспаривается тезис А. Е. Преснякова о том, что причиной «анемичности» борьбы в пе-

риод свидригайловых войн была незатронутостью «широких общественных слоев». Дворниченко видит основу этой «анемичности» в сохранении «землями-аннексами», ведшими борьбу, «не только облика, но и сути древнерусских городов-государств», что вело к разрозненности в действиях и взаимной вражде. Но более широкое знакомство с источниками заставляет оставить всякое представление об «анемичности». Акты канцелярии Тевтонского ордена и немецкие хроники, собранные в фундаментальном издании прошлого века «*Scriptores rerum prussicarum*», польские хроники Яна Длугоша и М. Стрыйковского в совокупности с летописным материалом создают впечатляющую картину грандиозной по масштабам и на редкость кровавой войны, шедшей в Великом княжестве Литовском на протяжении четырех лет (1432—1436 гг.) и втянувшей в себя целый ряд соседствующих держав, а фактически половину Восточной Европы.

Достаточно привести то место из Никифоровской летописи, где говорится о событиях конца 1432—1433 г., и относящихся к числу второстепенных битв и походов периода гражданской войны, и станет ясно, что не может быть и речи о «вялости» и «анемичности» борьбы, шедшей тогда в Великом княжестве Литовском.

На с. 77—120 Дворниченко дает беглый обзор социально-политической истории русских земель и княжений в составе этого государства. Конкретного материала приводится мало. Автор едва прослеживает переход княжений из одних рук в другие. При этом он порою либо просто опускает важнейшие события, либо характеризует их какой-то одной расплывчатой фразой. Полностью опущены полоцкие события 1307 г., вызвавшие целую полемику в литературе: происходили ли они в действительности (соответствующие известия имеются в белорусском летописании и хронике Стрыйковского), а если — да, то что именно имело место — военный захват Полоцка литовским князем Витенем или добровольное вхождение города в формирующееся Литовское государство на федеративных правах. Весьма важный в русле заявленной тематики эпизод с захватом Свидригайло Витебска и убийством великокняжеского наместника Федора Весны удостоился единственного предложения: «затем на какое-то время в Витебске «засел» Свидригайло» (с. 110).

Историографическими обзорами полностью вытеснено со страниц книги источниковедение. Некоторые очерки, например, завершающая работу глава «От городов-государств к сословно-аристократической монархии», на четыре пятых состоят из перечисления мнений, высказанных в литературе и их чисто умозрительной критики.

Центральное место в монографии занимает очерк «Верховная собственность», «феодализм» и «служба» в Западной Руси XIII—XIV вв.. На первых страницах приводится обзор литературы,

в которой оценивается характер собственности на землю в Великом княжестве Литовском до XVI века. Автор объединяет в нем всех исследователей, которые по его мнению, в той или иной мере поддерживали концепцию «верховной феодальной собственности» на землю, и противопоставляет им тех, кто пытался по-иному осмыслить этот вопрос. Дворниченко утверждает, что «верховного феодализма в западнорусских землях в изучаемый период не существовало», а в качестве доказательства рассказывает о дискуссии польских историков по вопросу о характере феодализма в Польше и Великом княжестве Литовском. Свой рассказ Дворниченко заключает словами: «Как видим, какую бы черту «феодализма» мы ни взяли, ее существование в Литовско-Русском государстве можно подвергнуть сомнению... Вот почему мы пока предпочитаем пользоваться менее обязывающим понятием — «крупное частное землевладение»» (с. 161). Подобная аргументация, построенная на противопоставлении одной историографической традиции другой, вряд ли выглядит убедительной в полемике, идущей по содержательным, а не общетеоретическим вопросам.

Конкретизируя свое понимание «крупной частной собственности» на землю в Великом княжестве Литовском, автор вновь обращается не к источникам, а к литературе. Переходя к фактической стороне этого вопроса, он, в частности, пишет, что основой «материального благосостояния управляющих» были кормления и приводит два примера раздачи кормлений на рубеже XV—XVI веков. Далее говорится: «Бояре земель, входивших в Великое княжество Литовское, имели право «держания» волостей...» и примерами, относящимися к XV в., аргументируется положение: «раздача волостей — явление, характерное для всех земель Великого княжества Литовского», выросшее еще на основе долитовских отношений (здесь следует ссылка на «Лекции по русской истории» А. Е. Преснякова). Держание это «по своему характеру являлось собиранием доходов, так как само управление в действительности находилось в руках местных жителей и осуществлялось через выборных лиц... (следует ссылка на работу М. К. Любавского «Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства»). Такая постановка вопроса представляется принципиально важной. Ведь это были никакие не бенефиции или лены. Управляющие благодествовали за счет участия в достаточно еще примитивном государственном аппарате, а управляемые выносили им плату за выполнение общественно полезных функций» (с. 169).

Делая такие серьезнейшие заключения о первых этапах становления крупного частного землевладения в Великом княжестве Литовском, Дворниченко предлагает за доказательствами обратиться к Преснякову и Любавскому. Приводимые же им самим примеры играют роль иллюстративного материала и относятся не к началу, а к концу

рассматриваемого периода. Неясно, что мешает автору заглянуть в источники XIV в.— отсутствие «кормлений» и «держаний» в этом столетии, или отсутствие источников, свидетельствующих о них? Далее в книге подчеркивается, что «функционеры управления» в значительной степени обеспечивались «внеземными доходами»: получением права сбора пошлин и налогов, денежными и вещевыми пожалованиями, «держанием урядов» (с. 170—171) и следует вывод: «держания», «держания урядов» и «кормления» могли постепенно преобразовываться в земельные владения. В дальнейшем это допущение без какой-либо аргументации начинает рассматриваться как реальность.

Другим путем формирования крупной земельной собственности названо пожалование ненаселенных земель, которыми князь мог свободно распоряжаться. Дворниченко утверждает, что в XIII—XV вв. значение такого рода земель возросло: «с одной стороны шло усиление самой княжеской власти, с другой — увеличивалось количество обработанных, но запустевших земель. Князья в XIV—XV вв. начинают за службу раздавать эти земли» (с. 172). Но как могло возрасти значение этих земель, если они запустели? И почему их количество возрастает?

Согласно резюме, торной дорогой формирования крупного частного землевладения была передача великокняжеской властью служебного населения частным владельцам. Служебные отношения, утверждает автор, охватывали всех жителей Великого княжества Литовского и «буквально пронизывали общественную и экономическую жизнь государства» (с. 173—177). По его мнению, «эта служба, служебные отношения отнюдь не были феодальными... Основной причиной столь широкого развития служебной системы... были внешние условия, а предпосылкой — «общинное прошлое», унаследованное от Киевской Руси. Литовско-Русскому

государству надлежало выстоять в неравной борьбе за несколько фронтов. Естественно, что это потребовало переработки всей общественной жизни на военный лад, что привело, в свою очередь, к разрастанию до государственных масштабов военно-служилой системы... Однако на новой ступени та же военная опасность в качестве основной причины и западное влияние в качестве предпосылки приводят к появлению крупного иммунизированного землевладения, которое разрушило прежние структуры» (с. 180). Таким образом и здесь некая логическая схема доминирует над анализом конкретного материала.

Аналогичен подход автора и к рассмотрению содержания и роли иммунитета в Великом княжестве Литовском, хотя этот вопрос, по его мнению, «ждет еще своего исследователя» (с. 186).

Метод Дворниченко выглядит следующим образом: приводится определенная теоретическая схема, затем по каждой ее части дается солидный историографический обзор, в котором автор указывает на «правильные» и «неправильные», с его точки зрения, концепции, и в заключение излагает свое понимание вопроса. Источникам здесь если и есть место, то только в виде иллюстраций, редких примеров, призванных подкрепить авторскую позицию. Вряд ли труд, во многом построенный согласно этой схеме, может внести что-либо новое в изучение социально-политической истории литовской Руси.

Д. М. ВОЛОДИХИН

Примечания

1. ПСРЛ. Т. 35, с. 10—11, 14—15.
2. Там же. с. 4—7.
3. Там же, с. 34—35, 57—58, 76—77.

Europäische Mentalitätsgeschichte: Hauptthemen in Einzeldarstellungen. Stuttgart. Alfred Kröner Verlag. 1993. 663 S.

Европейская история менталитета

Понятие менталитета уже прочно вошло в научную терминологию западной историографии. Этот термин, ведет свое происхождение от латинского слова — *mens, mentis*, то есть ум, мышление, рассудок, образ мыслей и т. д. Словарь дает более девяти его значений. Уже в самой этой многозначности заложена возможность широкого толкования и употребления этого термина. Французские историки, принадлежащие к школе «Анналов», склонны рассматривать менталитет как центральный узел, своеобразный стержень исторического процесса. В разных странах ученые

вкладывали в него близкое, но отнюдь не одинаковое значение.

Вводная глава — «К теории и практике истории менталитета» — написана редактором книги зальцбургским профессором Петером Динцельбахером, видным немецким специалистом в области истории религии и народной средневековой культуры.

Авторы рецензируемого коллективного труда (их более 30) рассмотрели основополагающие компоненты менталитета в следующих разделах: индивидуум-семья-общество; сексуальность-любовь;

религиозность; тело и душа; болезни; радость, счастье и страдание; работа и праздник; возрастные особенности; умирание и смерть; страхи и надежды; общение; чужое и собственное; власть; право; природа и окружающий мир; пространство; время и история. Все эти компоненты рассматриваются специалистами отдельно для античности, средневековья и нового времени.

Оговорившись, что «менталитет как историческую категорию проще описать, чем определить», Динцельбахер предлагает следующую дефиницию: «Исторический менталитет — совокупность способностей и содержания мышления и восприятия, характерная для определенного коллектива в определенное время. Менталитет проявляется в действиях» (с. XXI). Автор поясняет, что история менталитета — это больше чем история духа, идеи, больше чем идеология и история религии, больше чем история эмоций и представлений, больше чем история культуры и быта. Ссылаясь на работы Н. Элиаса и Г.-В. Гётца¹, Динцельбахер утверждает, что менталитет является более обобщающим понятием чем даже «история процесса цивилизации» или же «история представлений». Он также подчеркивает, что «совокупность» в его дефиниции, — это не «противоречивая система», хотя и включает в себя диалектические компоненты, развитие которых ведет к изменению менталитета. Под «коллективом» же автор понимает как население целого континента, так и отдельные народы, прослойки, сословия, общества, секты, производственные объединения и т. д., вплоть до отдельного человека.

Динцельбахер утверждает, что источниками для изучения менталитета может быть все, созданное человеком и сохранившее дух, духовную сущность своего творца. Он подчеркивает связь менталитета с «психоисторией человечества». История менталитета, в его понимании, есть центральный аспект всемирной истории, призванной изучать все проявления человеческого духа.

Каждый очерк, вошедший в книгу, снабжен подробной библиографией, в сумме своей дающей представление об изучении менталитета в разных странах и в разные периоды. Авторы очерков — преимущественно из Германии, но также и из Франции, Австрии, США. Все это делает книгу пособием для историков, изучающих духовную историю общества на разных этапах его развития.

Анализ зарубежной историографии свидетельствует, что дефиниция менталитета, задача определения содержания, заключенного в этом термине, продолжает сохранять актуальность. Менталитет ни в коем случае не приравнивается к идеологии и вообще к теоретическим формам общественного сознания. Вместе с тем менталитет не рассматривается и как чисто психологическое явление. Менталитет в определениях ряда зарубежных исследователей выступает как совокупность своеобразных установок сознания, как неяс-

ные, невербализованные (т. е. не выраженные в словах-понятиях) его структуры. Менталитет включает в себя основные (по терминологии этих авторов — «базовые») представления о человеке, его месте в обществе, его представлениях о природе и Боге как творце всего сущего. При этом — и это-то и есть самое существенное! — все эти представления не подвергнуты логической систематизации, не «пропущены» через логическое осмысление. Они связаны не столько с сознанием, сколько с подсознанием, но не пассивным, а реально регулирующим жизнь и поведение человека.

Авторы считают, что менталитет — это определенная манера понимания и истолкования мира, но не его познания, которое предполагает создание системы логических категорий и понятий — это и есть мышление. Менталитет же предполагает истолкование и понимание скрытой сути мира, создание его модели на основе совокупности «неотрефлексируемых» впечатлений, представлений, образов, эмоциональных и ценностных ориентаций, коллективной психологии, имеющей дело с образом мышления коллектива.

Одним из первых менталитет определил Г. Бутль в 1952 году. Он писал: «Менталитет — это совокупность идей и интеллектуальных установок, присущих индивиду и соединенных друг с другом логическими связями или же отношениями веры... Наш менталитет находится между нами и миром как призма. Она, пользуясь выражением Канта, является априорной формой нашего познания»². Обращает на себя внимание стремление этого автора связать понятие менталитета прежде всего с верой, а не с познанием и определить место менталитета между миром и воспринимающим его субъектом. Ссылка на Канта должна, очевидно, подчеркнуть априорность менталитета, как выражения изначальных, доопытных принципов восприятия мира.

В популярном французском словаре философских терминов говорится, что менталитет — это «склад мышления, комплекс мнений или предрассудков, которые создают базу и управляют мышлением индивида или группы»³. В данном определении подчеркнута активная роль менталитета. В некоторых определениях менталитета объединяются верования и психика, мораль и склад мышления⁴.

В отечественной исторической науке пока еще нет разбора этого понятия, хотя информация о нем появилась уже давно. Еще в 1973 г. А. Я. Гуревич обратил внимание на то, что французские исследователи «этим емким и непереводаемым однозначно на русский язык словом... обозначают то «умонастроение», то «умственные способности», то «психологию» и «склад ума», а может быть, и весь тот комплекс представлений о мире, при посредстве которых человеческое сознание в каждую данную эпоху перерабатывает в упорядоченную «картину мира» хаотичный и разнородный поток восприятий

и впечатлений; в таком случае французское слово *mentalité* по смыслу приближается к русскому «мировидение»⁵.

Думается, однако, что нельзя ставить знак равенства между этими понятиями. Прежде всего, «мировидение», по сути своей, пассивно, созерцательно, менталитет же, наоборот, активен, деятелен. Гораздо ближе к французскому термину стоит давно уже используемый в нашей литературе (как в историко-социологическом, так и в общетеоретическом плане) термин «духовный мир»⁶, под которым понимается сознательная психическая и общественная жизнь человека, взятая в совокупности и целостности проявлений деятельности разума, чувств, воли людей и их коллективного сознания, складывающегося на основе практики.

Но, конечно же, при всей своей близости духовный мир и менталитет — это отнюдь не равнозначные понятия. Духовный мир это результат, итог духовной деятельности человека, в то время как менталитет это активное начало в духовной деятельности человека, нередко определяющее его поведение и отношение к окружающему миру. Рецензируемая книга как раз и показывает, что нет необходимости подменять чем-нибудь понятие менталитета, пытаться точно перевести это слово на свой родной язык. Гораздо важнее понять,

что включает в себя этот действительно очень емкий и многозначный термин, утвердившийся в категориальном аппарате современной исторической науки.

Л. Н. ПУШКАРЕВ

Примечания

1. ELIAS N. Über den Prozess der Zivilisation. Bern. 1969; GOETZ H.-W. «Vorstellungsgeschichte». — Archiv für Kulturgeschichte. Bd. 61. 1979, S. 250—271.
2. BOUTHOU G. Les mentalités. P. 1971 (5-e ed.), p. 31—32.
3. Dictionaire de la large philosophique. P. 1986, p. 435.
4. Grand Dictionaire Enciclopedique Larousse. Vol. 10. P. 1989, p. 6834—6835.
5. ГУРЕВИЧ А. Я. Марк Блок и «Апология истории, или Ремесло историка». — В кн.: Марк Блок. Апология истории, или Ремесло историка. М. 1973, с. 196—197.
6. См., например, Духовный мир и ценностные ориентации личности. Киев. 1988; Духовный мир личности. Баку. 1982; Духовный мир современного человека. М. 1987 и др.

Л. ОГНЯНОВ. Държавно-политическата система на България 1944—1948. София. Изд-во на Българската академия на науките. 1993. 249 с.

Л. ОГНЯНОВ. Государственно-политическая система в Болгарии. 1944—1948 гг.

Эта работа посвящена проблеме, живо дебатироваемой болгарской общественностью: какова была сущность того строя, который возник после прихода к власти левых сил, опиравшихся на военную мощь СССР? Как происходила эволюция этой системы? Была ли она начальным этапом будущего тоталитаризма? Официальная болгарская историография эпохи коммунистического всевластия однозначно отвечала на эти вопросы. 9 сентября 1944 г. произошла «социалистическая революция», а первый этап «народной демократии» завершившийся в 1947—1948 гг., оценивался как период складывания «пролетарской диктатуры». В то же время появлялись и такие работы, авторы которых, в целом не выходя за рамки этой парадигмы, стремились дать сравнительно взвешенный анализ расстановки политических сил, степени влияния партий, взаимоотношений Отечественного фронта и оппозиции, подспудных стимулов правительственных акций и т. д.¹ В последние годы интерес к этой проблеме еще более возрос, поскольку появилась

возможность публикации работ разной мировоззренческой и политической ориентации, свободной дискуссии, а также открылись архивы. В новых монографиях значительное внимание уделяется политическим проблемам первого пятилетия².

Книга Огнянова основана на большом массиве документов, включающем архивы БКП, государственных органов, официальные публикации, прессу разных политических направлений и т. д. К сожалению, автор не использовал документацию архива Министерства внутренних дел, также доступного ныне исследователям. Критически использована имеющаяся по данной теме литература.

Анализ политического развития Болгарии в 1944—1948 гг. позволил Огнянову установить и убедительно доказать, что в авторитарном устройстве, установившемся после переворота 9 сентября 1944 г., содержался зародыше будущий тоталитарный режим. В государственной организации получили первенство репрессивные структуры — милиция, госбезопасность, военная

разведка, судебные органы, страна оказалась во власти террора, введена была строгая централизация, начаты ограничение и ликвидация крупной, а также средней частной собственности. С первых же дней после переворота установилось фактическое, а через два-три года и официально признанное господство («руководящая роль») компартии в Отечественном фронте, причем остальные его участники (Земледельческий союз, Социал-демократическая партия, Народный союз «Звено», Радикальная партия) постепенно отходили от собственных программных принципов, превращаясь в исполнителей воли коммунистов.

Как показано в монографии, не только ко всему послевоенному периоду, но и к первым годам после переворота 1944 г. неприменима дефиниция «народная демократия». Кстати, сама эта лингвистически и логически безграмотная категория (ибо она содержит явную тавтологию) была изобретена для того, чтобы противопоставить режимы, возникшие в Центральной и Юго-Восточной Европе в 1944—1945 гг., «буржуазной» демократии. В самом этом определении скрывался смысл, противоположный демократии.

Государственно-политическую систему, сложившуюся в Болгарии в конце второй мировой войны и непосредственно после нее, автор связывает с международными факторами, в частности, с соглашением Сталина — Черчилля (октябрь 1944 г.) о распределении сфер влияния в Восточной Европе. Следовало бы уточнить, что, согласно документам, эта полуофициальная договоренность, зафиксированная затем в переговорах министров иностранных дел Англии и СССР, еще более повысила долю советского влияния в Болгарии³.

Рассматривая отношение официальных инстанций США и Великобритании к болгарским событиям, автор показывает, что они ограничивались эпизодическими декларациями, не предназначенными для реального воздействия на политическую жизнь страны, передоверив Москве ключ к решению дел в Болгарии. Сам по себе этот вывод убедителен, но остаются не исследованными причины такого поведения. Не ясно, предопределены они были «джентльменским соглашением» двух лидеров, от присоединения к которому Рузвельт воздержался⁴, учитывая реальное соотношение сил, неосновательными надеждами на то, что советский сателлит «исправится» или какими-то другими соображениями. В дальнейшем при изучении этого аспекта важно было бы учесть опубликованную и неопубликованную англо-американскую документацию по данному вопросу, в частности переписку посла США в СССР А. Гарримана, американского представителя в Болгарии М. Барнса и других официальных лиц с госдепартаментом, о которой идет речь в исследовании, выпущенном в США⁵.

Огнянов выделил четыре этапа эволюции политической системы 1944—1948 гг., которым посвящены отдельные главы работы. Первый из них от-

крывается переворотом 9 сентября 1944 г. и завершается окончанием войны в Европе. Исследование начального этапа «народно-демократического» эксперимента особенно важно, ибо уже в это время в основном сформировался террористический режим, характеризовавшийся незаконными и псевдозаконными расправами с политическими противниками (об этом свидетельствуют 68 составов «народного суда», приговорившего к смерти 2730 и пожизненному заключению 1305 лиц, связанных с бывшим режимом, почти исключительно представителей интеллигенции), закрытой многопартийной системой (политические партии вне Отечественного фронта были запрещены), при которой решающей политической силой сразу же стала БРП(к). Этим режимом руководили из Москвы как по дипломатическим каналам и через Союзную контрольную комиссию, так и через остававшихся еще в советской столице лидеров БРП(к) Г. Димитрова и В. Коларова. В книге лишь бегло сказано о формировании «болгарского ГУЛАГа» — системы концлагерей, формировавшихся под ширмой «трудовых воспитательных обществ».

Второй этап, по мнению Огнянова, охватывает примерно год — с лета 1945 по лето 1946 года. Его главным содержанием были компромиссы для коммунистов, вынужденных еще считаться с международными реалиями, воссоздание открытой многопартийной системы, возникновение оппозиции, выборы Народного собрания и его функционирование до постановки властями вопроса о ликвидации монархии. В центре внимания автора доказательства того, что назначенные на август, а затем отложенные на ноябрь 1945 г. выборы не были демократическими и проводились с грубыми нарушениями действовавшей еще Тырновской конституции. В книге приведены заявления и письма политических деятелей, содержащие сотни примеров разгона оппозиционных собраний, угроз, недопущения оппозиции к использованию радиоканалов, ограничения ее печати и т. д. Приведены также свидетельства того, что все эти насильственные действия предпринимались по инициативе ЦК БРП(к).

Автор ставит и новый вопрос — о совместных действиях советского руководства и болгарских властей по срыву выполнения рекомендации совещания министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (Москва, декабрь 1945 г.) о пополнении правительства Болгарии представителями оппозиции. Весьма интересны, в частности, данные о соответствующих указаниях Сталина, о миссии А. Я. Вышинского в Софию и пр.

Обострение политической борьбы со второй половины 1946 до конца лета 1947 г. — главное содержание третьего этапа. Здесь рассматривается комплекс вопросов, связанных с проведением референдума о ликвидации монархии, выборами Великого Народного собрания (ВНС), обсуждением и принятием им новой конституции. Огнянов счита-

ет, что сам заголовок закона о референдуме, включавший формулу «ликвидация монархии», уже как бы предreshал его итог, что выборы ВНС происходили в обстановке еще большего насилия, нежели предыдущая избирательная кампания. Образованное после выборов правительство Димитрова, констатируется в книге, было по существу коммунистическим, хотя и действовало от имени Отечественного фронта.

Содержащиеся в работе данные и их анализ позволяют по-новому взглянуть на личность самого Димитрова, которую до недавнего времени канонизировала не только коммунистическая и околокommунистическая, но даже и либеральная историография. Речь идет не только о культе его личности, который успешно сочетался с культом Сталина (впрочем, вопрос о прославлении Димитрова только поставлен, автор не проследил, когда, при каких конкретных обстоятельствах он возник и как развивался), но и о бесцеремонном, если не сказать хулиганском, поведении Димитрова в ВНС в отношении оппозиции, его оскорбительных репликах и ругательствах, которые встречали восторженное одобрение коммунистического большинства депутатов.

В центре внимания Огнянова — расправа с лидером оппозиции Н. Петковым и другими оппозиционными депутатами, судебный фарс, смертный приговор и повешение этого политического деятеля, санкционированное Димитровым, несмотря даже на то, что некоторые его сподвижники склонялись к целесообразности сохранения жизни Петкову. Приведены в книге документы, свидетельствующие о негодовании Димитрова в связи с тем, что у Петкова не смогли выбить признания в государственной измене. Правда, лишь одним штрихом отмечается «помощь» советских «специалистов» болгарским спецслужбам. Этот немаловажный вопрос требует дальнейшего анализа, как и в целом деятельность советских представителей в болгарском госаппарате.

Четвертый этап революции болгарской политической системы на пути к всесторонней тоталитаризации, в схеме Огнянова, — это переход к советской модели. Его хронологические рамки сентябрь 1947 — декабрь 1948 года. Он открывается совещанием ряда компартий в Шклярской Порембе (Польша), на котором болгарские представители полностью восприняли сталинское требование об интенсификации «революционного процесса». Руководство НРБ всемерно поддержало антигославскую кампанию 1948 г., стало еще более рьяно выражать верность СССР и Сталину. Поднялась новая волна репрессий, в частности в армии, распространившаяся на этот раз на коммунистических функционеров. Была объявлена национализация крупной и средней частной собственности. Этап

завершился V съездом компартии (декабрь 1948 г.), на котором Димитров с подачи Сталина провозгласил народную демократию одной из форм диктатуры пролетариата.

Творческое исследование Огнянова, дающее четкое представление о том, как в Болгарии произошел переход от авторитарного к тоталитарному режиму, не свободно, однако, от существенных пробелов, часть из которых уже была отмечена. Кроме того не рассмотрены в нем и такие важные вопросы, как депортация в СССР болгарских государственных деятелей старого режима после переворота 9 сентября 1944 г., введение в 1946 г. принудительного труда в виде бесплатных отработок рабочих, студентов, школьников на стройках. Ряд моментов требует дальнейшего анализа. Так до конца остались не выясненными причины отсрочки парламентских выборов 1945 года.

Книга Огнянова свидетельствует о том, что болгарская историческая наука приступила к объективному, взвешенному и документированному исследованию проблем становления и развития тоталитарного режима в стране.

Г. И. ЧЕРНЯВСКИЙ

Примечания

1. ИСУСОВ М. Политическите партии в България 1944—1948. София. 1978; ОСТОИЧ П. Българската работническа социалдемократическа партия — 9 септември 1944 г.— 11 август 1948 г. София. 1980; ДИМИТРОВ И. България на Балканите и в Европа. София, 1983 и др.
2. ИСУСОВ М. Последната година на Трайчо Костов. София, 1990; его же. Сталин и България. София. 1991; СТОЯНОВА П., ИЛИЕВ Е. Политически опасни лица. София. 1991; ЦВЕТКОВ Ж. Съд над опозиционните лидери. София. 1991; МЕШКОВА П., ШАРЛАНОВ Д. Българската гилотина: Тайните механизми на народния съд. София. 1994 и др.
3. См. ПОТРАШКОВ С. В. Проблемы Болгарии и других балканских стран на советско-английских переговорах в Москве в октябре 1944 г.— Болгарский ежегодник. Т. 1. Харьков. 1994.
4. Анализ сдержанного отношения американского президента к политике сфер влияния в Европе на заключительном этапе второй мировой войны дан в работе: SCHLESINGER A. M., Jr. The Cycles of American History. Boston. 1986, p. 176—181.
5. См. например: DAVIS Z. E. The Cold War Begins: Soviet-American Conflict over Eastern Europe. Princeton. 1976, p. 311; SCHLESINGER A. M. Jr. Op. cit., p. 196.

Расширять исследования по истории отечественного источниковедения

На научных и читательских конференциях и в современной исторической периодике неоднократно говорилось, что мало еще внимания уделяется истории отечественного источниковедения. Программа университетского курса «вообще не предусматривает освещения даже основных этапов развития источниковедческой науки»¹. В связи с этим хотелось бы обратить внимание на некоторые источниковедческие вопросы «восточной политики» России.

Представители «казенного» востоковедения (Н. П. Остроумов. Исламоведение. Кн. 1—5. Ташкент. 1910—1916; П. Цветков. Исламизм. Тт. 1—4. Ашхабад. 1912—1913 и др.), а тем более востоковеды академического направления, как Н. А. Медников, создавший в результате пятнадцатилетнего труда четырехтомный труд «Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам» (Тт. 1—4. СПб. 1897—1903), предпринимали и специальные источниковедческие исследования, содержащие ценные наблюдения, составившие, по признанию зарубежных авторов, целую эпоху в мировой арабистике. То же можно сказать о трудах отечественных индианистов, тюркологов, иранистов².

Специально посвященные проблемам источниковедения труды Р. М. Магомедова, А. Р. Шихсаидова, В. Г. Гаджиева, Х. Х. Рамазанова, Ф. В. Тотоева, Х.-М. А. Сабанчиева, Р. У. Туганова и других современных ученых побуждают пристальнее взглянуть как на весь корпус источников по истории народов Кавказа, так и на методы работы с ними с учетом их своеобразия и факторов, как способствующих, так и мешающих разработке документального наследия.

В числе этих источников весьма заметное место занимают мемуары. К сожалению, этого рода

источники лишь упоминаются (в числе исторических сказаний и повестей, написанных по живым следам событий, политических трактатов, памфлетов, поучений, автобиографий, церковной полемической литературы, житий святых, описаний путешествий и т. д.). Специальному же разбору мемуары как вид источников не подвергнуты.

Воздавая должное П. Г. Буткову, его разбору документов древности, нельзя забывать, что он прославил себя не только как автор хлесткого труда «Оборона летописи русской, Нестеровой, от навета скептиков» (СПб. 1840), где первым в сущности подошел к вопросу о времени появления редакций Повести временных лет, ее подлинности и т. д., но и как издатель «Материалов для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 г.» (СПб. 1869). Н. Ф. Дубровин известен не только как автор крупных публикаций «Пугачев и его сообщники» (Тт. 1—3. СПб. 1884) и «Истории Крымской войны и обороны Севастополя» (Тт. 1—3. СПб. 1900), но и как создатель документального издания «История войны и владычества русских на Кавказе» (Тт. 1—4. СПб. 1871—1888).

С. Л. Авалиани приобрел известность благодаря трехтомному капитальному труду «Крестьянский вопрос в Закавказье», изданному в 1912—1914 гг. (переиздан в Тбилиси в 1986 году). Этому ученому было присуще тяготение к выявлению и анализу новых архивных источников. В Тбилиси же увидели свет четвертый (в 1920 г.), и пятый — дополнительный (в 1986 г.) тома «Крестьянского вопроса» (последний лежал в семейном архиве с 1917 года). Им был подготовлен обзор «Земские соборы. Литературная история земских соборов» (Изд. 2 испр. и доп. Одесса. 1916). «Работы Авалиани отличались углубленной критикой источников (официальных документов) и статистического ма-

териала»³. Его научное наследие еще не стало, по свидетельству знатока документальных изданий о народах Кавказа объектом серьезного изучения и не оценено «как источник сведений и как историографический источник».

С Петербургским университетом связана и деятельность другого знатока документальных материалов — С. Какабадзе, опубликовавшего памятники права, податные реестры и т. п.⁴.

Оставили свой след в исследовании истории Кавказа И. А. Ажавашвили, Н. А. Марр, А. С. Ханишвили и др. Заслуживает памяти С. Г. Шаумян, наблюдательный и тонкий исследователь документального материала. Сохраняют интерес и искания В. Я. Брюсова⁵.

Еще Авалиани указывал, что богатые материалы по истории Кавказа содержатся в рукописных и документальных фондах Кавказской археографической комиссии, губернских и областных архивных комиссий, а также в провинциальной периодике. Источниковедам еще многое предстоит сделать для того, чтобы выявить всю массу отрывочных, противоречивых источников, отягченных разными общественными взглядами, проникнутых местными традициями, религиозными верованиями, спецификой хозяйственного уклада и образа жизни многочисленных народностей.

Применительно к Северному Кавказу следовало бы использовать и сочинения местных авторов, например, «Записки о Черкессии» Хан Гирея (1836 г.), которые являются не только ценнейшим источником, но и как признано исследователями, большим вкладом «в развитие кавказоведения» — началом адыгейской историографии⁶. Следует упомянуть и написанную в 1843 г., но в целостном виде изданную значительно позже «Историю Адыгейского народа, составленную по преданиям кабардинцем Шора Бокмурзин Ногмовым, благодаря А. Берже» (Тифлис. 1961), а также труд В. Н. Кудашева «Исторические сведения о кабардинском народе» (Киев. 1913).

Все они представляют интерес в плане источниковедения истории Кавказа, как и «Записки черкеса» Каламбия (Адыль-Гирея Кешева), с удивительным проникновением писавшем еще в 60 годах XIX в. о значении «изустных песен» на Кавказе. По мнению этого автора, песни эти являются наиболее полным и верным выражением «отличительных свойств народного характера», и «рядом с изустными преданиями» должны быть «единственным достоверным источником при исследовании прошлой жизни всякого народа, не имевшего никогда письменности». Подобные песни приобретают, по мнению Каламбия, важную роль в качестве «исторического документа даже в таких странах, где письменные памятники сохранились с древнейших времен»⁷.

В. П. Крикунов, Грозный

Примечания

1. КОРНИКОВ А. А. Историографические аспекты курса источниковедения истории СССР.— Вопросы истории, № 7, 1986, с. 97.
2. ПРОНШТЕЙН А. П. Источниковедение в России. Эпоха феодализма. Ростов н/Д. 1989; е г о ж е. Источниковедение в России. Эпоха капитализма. М. 1991.
3. См. Очерки исторической науки в СССР. Т. III. М. 1963, с. 706.
4. КАКАБАДЗЕ С. Исторические документы. Т. IV. Тбилиси. 1913.
5. БРЮСОВ В. Я. Летопись исторических судеб армянского народа. М. 1918.
6. История народов Северного Кавказа. Конец XIII в.— 1917 г. М. 1988, с. 245.
7. КАЛАМБИЙ. Записки черкеса. Нальчик. 1988, с. 222.

Земства Самарской губернии и выборы в Учредительное собрание

Россия до 1917 г. не знала свободных выборов, поэтому одной из главных задач Февральской революции стала разработка закона об избирательных правах граждан. При этом не последнее место отводилось земскому самоуправлению, призванному Временным правительством взять основную тяжесть работы по проведению выборов в Учредительное собрание на себя. Отчасти это объяснялось популярностью земств в народе, совпадающей с относительной лояльностью правительства, отчасти — тем, что земства имели богатый опыт работы будучи чуть ли не единственными представительными органами в царской России. Кроме того, земства, проходившие

период реорганизации и создания волостных структур, имели готовые разработки избирательного закона, который с некоторыми поправками и был принят за основу избирательной политики правительства. При этом определялась обязательная очередность создания выборных структур: сначала проведение выборов в волостные земства, затем — в Учредительное собрание. Наконец, земства, по замыслам Временного правительства, должны были составить основу властных структур на местах в переходный период. Большинство комиссаров Временного правительства были председателями соответствующих земских управ.

Закон о волостном земстве был опубликован

в мае 1917 г., о чем было сообщено телеграммой кн. Львова самарскому губернскому комиссару. Рекомендовалось провести выборы по возможности быстрее, подчеркивалось, что выборы в Учредительное собрание в крестьянской России «всецело зависят от выборов в волостное земство». В июне на местах стали образовываться комиссии по выборам волостных земских гласных. Одновременно началась работа по составлению списков, по которым затем проводились выборы в Учредительное собрание. Предельный срок составления списков был ограничен 10 июля (при этом созыв Учредительного собрания намечался в то время на 30 сентября). Правительство настоятельно призывало «все земские управы губернии провести выборы в кратчайшие сроки, желательно в один день по всей губернии»¹.

Работа по подготовке выборов в Учредительное собрание была возложена на председателей земских управ. Для этого по приказу Особого Присутствия по выборам в Учредительное собрание на местах создавались окружные комиссии под председательством руководителей соответствующих земских управ. В Самарской губ. было распространено свыше 15 тыс. экз. Закона о выборах в Учредительное собрание².

В Самарскую окружную комиссию были избраны М. П. Благодатный (председатель), А. Ф. Валяев с заместителями В. Е. Губарьковым и Н. С. Лавровым. Все они были представителями губернской земской управы, причем Благодатный — председателем.

Подготовка к выборам шла крайне медленно, а общая политическая чехарда лишала ее какой-либо ритмичности. Даже напечатать Положение о выборах было проблемой, так как типографии «печатали все что угодно: партийные газеты, лубочную литературу, частные заказы», но не указы Временного правительства. В результате рассылка экземпляров закона была закончена только к 20-му числу октября, то есть меньше чем за месяц до самих выборов³.

В октябре Самарская окружная по делам о выборах в Учредительное собрание комиссия объявила о начале регистрации кандидатских списков, согласно ст. 45 Положения о выборах. Партии активно включились в предвыборную борьбу. Совет крестьянских депутатов постановил, что в список кандидатов не могут быть включены не члены партии социалистов-революционеров. Большевики, окрыленные победой на выборах в городскую думу, рассчитывали победить и на выборах в Учредительное собрание, хотя всего за три дня до переворота (22 октября) большевик А. А. Масленников отметил, что «массы начали охладевать к нашей партии, и приходится выступать, хотя надеяться на победу окончательно не следует»⁴.

Отсрочка выборов в Учредительное собрание объективно играла на руку большевикам. Ленин понимал, что провести выборы в воюющей стране,

пораженной экономическим и политическим кризисом, не имевшей прецедентов всеобщего избирательного права и даже списков избирателей, — дело «архитрудное». Критикуя Временное правительство за оттягивание сроков созыва Учредительного собрания, большевики зарабатывали себе очки на случай захвата власти. Если бы выборы состоялись до 25 октября, осуществить захват власти Ленину было бы намного сложнее. В день большевистского переворота новая власть подчеркивала, что созывает Учредительное собрание. Постановление об этом было утверждено 27 октября. Сроком выборов было подтверждено 12 ноября⁵.

28 октября в избирательные комиссии были разосланы телеграммы за подписью Ленина с приказом продолжать работу по организации выборов и провести их в указанный Временным правительством срок. В тот же день самарская «Приволжская правда» (орган большевиков) писала: «Ближайшей задачей новой власти должно быть содействие местным самоуправлениям, а не нелепой басне о том, что как только власть перейдет к Советам, большевики начнут «выступать», «громить», «захватывать» и т. д. и т. п.». Однако чем ближе становилось 12 ноября, тем сильнее была решимость большевиков не признавать итогов выборов в случае своего поражения. В день выборов В. В. Куйбышев опубликовал в «Приволжской правде» статью «Советская власть и Учредительное собрание»: «Государственная власть, отнятая в бою у буржуазии, сегодня должна быть отнята еще раз мирным путем. Мы убеждены в победе на выборах, но ... товарищи рабочие, солдаты и крестьяне, идя к избирательным урнам, ни на минуту не должны забывать, что правые законы зиждутся на организованной силе того класса, который станет у власти. Учредительное собрание не должно быть господином над вами. Наоборот, Учредительное собрание должно быть послушным исполнителем вашей классовой воли».

В Самаре на выборах было представлено 16 списков, среди которых были большевики (№ 2), кадеты (№ 6), эсеры и Крестьянский союз (№ 3), мусульмане (№ 13), украинцы (№ 10), немцы (№ 16) и др. Победил на выборах список № 3. Эсеры получили 12 мест из 17, определенных Временным правительством для избирательных округов Самарской губернии. В Учредительное собрание вошли будущие члены Комитета членов Учредительного собрания (КОМУЧа). Три мандата получили большевики, два места получили мусульмане. В Самаре большевики одержали победу — 26 633 голоса против 16 773 голосов за эсеров, но по уездам везде проиграли.

Разгон Учредительного собрания стал неизбежен. Земские самоуправления пытались противостоять насилию большевиков, откровенно игнорировавших мнение всей России⁶, выразившееся в результатах выборов, и повсеместно внедрявших советы вместо земств и дум. Прошедшие в Самарс-

кой губернии в ноябре-декабре 1917 г. волостные и уездные земские собрания, подведя итог выборам в Учредительное собрание, в своих резолюциях единогласно принимали решение в его поддержку, отмечая факты все более грубого насилия, которым сопровождали большевики укрепление своих позиций накануне созыва обреченного уже Учредительного собрания.

М. Н. Матвеев, (Самара)

Примечания

1. Государственный архив Самарской области (ГАСО), ф. 5, оп. 9, д. 1129, л. 104—105; д. 1110, л. 112; Центральный государственный исторический архив, ф. 1291, оп. 51, д. 68, л. 15.
2. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1134, л. 3.
3. Земское дело, СПб., 1918, № 1, с. 4; ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1134, л. 15.
4. ГАСО, ф. 5, оп. 9, д. 1105, л. 6; Приволжская правда, Самара, 1917, № 145.
5. Протоколы заседаний ВЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов 2-го созыва. М. 1918, с. 6.
6. Государственный архив Российской Федерации, ф. 6815, оп. 1, д. 1, л. 1; ф. 1781, оп. 1, д. 8, л. 52.

Contents

The Political Archives of the XXth Century. Materials of the February — March 1937 Plenary Meeting of the CC CPSU (b). Articles: V. S. Izmozik. The Perilustration in the First Years of the Soviet State. M. V. Shkarovskij. The Russian Orthodox Church in 1943—1957. Historical Profiles: Ju. N. Rozaliev. Mustafa Kemal Atatürk. Reminiscences: V. K. Ikov. The Fall of the Leaves. History and Fates: A. I. Denikin. The Essays of the Troubled Time in Russia. Communications: N. N. Bolkhovitinov. The Reaction of the USA to the Abolition of the Serfdom in Russia. M. J. Quimet. The USSR and Japan after the Second World War. Scientific Notes: A. V. Gorovenko. The Tatischev Record of the Struggle for Berest'e in 1182. A. I. Uljanov. The New Facts about the Parents and Childhood of G. K. Zhukov. People. Facts. Events. G. M. Romanova. The Field of Borodino in October, 1941. I. V. Maksimova. Junona. Historiography: **Reviews on Books:** «The First Monograph». M. E. Erin. The Culture in the Epoch of Stalinism: Soviet Culture and Art in the 1930s—1950s Years; S. Ju. Dudakov. The History of a Myth: The Essays of Russian Literature in the XIX—XXth Centuries. A. P. Bogdanov. Chronicler and Historian at the End of the XVIIth Century. The Essays of Historical Thinking of «the Transition Period». A. Ju. Dvornichenko. The Russian Lands of the Great Lithuanian Principality. The Essays of History of Community, Estates, Statehood (to the Beginning of the XVIth Century). The European History of Mentality. Letters to the Editor.

**Учредители: Трудовой коллектив редакции журнала «Вопросы истории»
Российская Академия наук**

Главный редактор А. А. ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

Н. Н. Болховитинов, П. В. Волобуев, А. С. Гроссман, В. П. Данилов, В. А. Дьяков, И. Д. Ковальченко, В. И. Кузицин, Б. В. Левшин, А. П. Новосельцев, Р. Г. Пихоя, О. А. Ржешевский, И. В. Созин (заместитель главного редактора), К. И. Седов, А. Я. Шевеленко, В. В. Шелохаев, В. Л. Янин

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция не имеет возможности вступать в переписку

«Вопросы истории» № 8, 1995

Адрес редакции: 103781, ГСП, Москва К-6, М. Путинковский пер. 1/2. Телефон: 209—96—21

Технический редактор Е. П. Лебедева

Сдано в набор 03.07.95. Подписано в печать 21.08.95. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 15,4. Уч.-изд. 18,17. Тираж 10000. Заказ № 882. Индекс 70145.

ТОО «Редакция журнала «Вопросы истории»

Полиграфическая фирма «Красный пролетарий». 103473, Москва, Краснопролетарская, 16.

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**